

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ДЕЯНИЯ ФРАНКОВ И ПРОЧИХ ИЕРУСАЛИМЦЕВ»

Перевод на русский язык и комментарий

Учебно-методическое пособие

Новосибирск
2010

УДК 94(4) "375/1492" (075)
ББК ТЗ (0) 42я 73-1
Д 399

«Деяния франков и прочих иерусалимцев». Перевод на русский язык и комментарий: учеб.-метод. пособие / Т. Г. Мякин, Г. Г. Пиков, В. Л. Портных. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 251 с. (Тр. гуманит. фак. НГУ. Сер. VI: Учебно-методические пособия).

В данном коллективном издании впервые опубликован перевод на русский язык хроники «Деяния франков и прочих иерусалимцев» – одной из важнейших хроник первого крестового похода. Текст хроники снабжен комментариями. Кроме того, здесь опубликованы учебные материалы по истории взаимоотношений Европы и ислама в средние века.

Рецензент
канд. ист. наук С. В. Санников

© Новосибирский государственный
университет, 2010
© Т. Г. Мякин, Г. Г. Пиков,
В. Л. Портных, 2010

Содержание

Предисловие.....	6
Часть I. Материалы к лекциям (Г. Г. Пиков)	7
Средневековая Европа и ислам (учебная лекция).....	9
Образ ислама и арабов в средневековом европейском сознании (материалы к спецкурсу)	32
Программа спецкурса.....	32
Лекционный материал.....	37
Часть II. Материалы к семинарским занятиям	95
Хроника «Деяния франков и прочих иерусалимцев» как исторический источник (В. Л. Портных).....	95
Историографический обзор	101
Хроника «Деяния франков», ее авторство и датировка.....	110
Трудности перевода	116
«Деяния франков» и Петр Тудебод.....	119
«Деяния франков» и идея священной войны	124
Библиография (В. Л. Портных)	143
«ДЕЯНИЯ ФРАНКОВ И ПРОЧИХ ИЕРУСАЛИМЦЕВ». Перевод на русский язык (Т. Г. Мякин, В. Л. Портных) и комментариев (В. Л. Портных)	148
Книга первая	148
Книга вторая	156
Книга третья.....	160
Книга четвертая	164
Книга пятая	167
Книга шестая.....	169
Книга седьмая	173
Книга восьмая	176
Книга девятая.....	179
Книга десятая.....	192
Религиозное обоснование идеи крестового похода в хронике «Деяния франков» (Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum) (Г. Г. Пиков, В. Л. Портных).....	208
Византия и идея крестового похода (В. Л. Портных)	227
План работы семинара «Средневековая Европа и ислам» (Г. Г. Пиков)	245

Предисловие

Данное пособие посвящено одной из самых актуальных в научном, историко-культурном и даже политическом планах теме – взаимоотношениям и взаимным представлениям двух крупнейших средневековых цивилизаций – латинской Европы и мусульманского Востока. Хотя по этой тематике уже существует достаточно обширная научная литература и в нашей стране, и за рубежом, в учебном плане она получила лишь частичное отражение. К тому же многие научные издания труднодоступны для студентов, а сама тема сложна даже для профессиональных исследователей. Все это вызвало необходимость издания учебно-справочного пособия.

В пособии рассматриваются важные и сложные методологические проблемы, либо слабо затрагиваемые в исследовательской литературе, либо до сих пор не решенные однозначно. В этом плане как по содержанию, так и по методологии учебное издание имеет оригинальный авторский подход.

На примере темы, слабо освещенной в литературе и трудно поддающейся исторической реконструкции, студенты получают возможность ознакомиться со спецификой методов исторических и историко-культурных исследований и особенностями их методологии.

Пособие соответствует программам курсов «История средних веков» и «История средневековой культуры», но может быть использовано и при изучении курсов «История Западной цивилизации», «Философия истории», «Методология истории» на отделениях истории и востоковедения НГУ, а также в других вузах, где читаются аналогичные и близкие по содержанию курсы (в частности, НГПУ).

Аналогичных изданий в нашей стране еще не выходило, хотя отдельные темы рассматривались в разных учебных пособиях. Данное пособие принципиально отличается тем, что опирается на широкий фактический материал по истории взаимоотношений средневековой Европы и ислама и те наработки, которые сделаны в исторической, историко-культурной и исламоведческой литературе.

Часть I. Материалы к лекциям

В последние десятилетия проблема «образ чужого в культуре» привлекает внимание многих специалистов неслучайно. Складывается так называемый «единый мир», в рамках которого прежнее представление об иерархии народов и культур просто не работает. А из этого очевидного и простого факта вытекает масса наисложнейших проблем, связанных со взаимоотношениями тех или иных народов, культур, религий в прошлом. Их решение является важной задачей, ибо без осознания и осмысления прошлого трудно понять настоящее. Это банальное соображение, к сожалению, для каждого поколения нередко становится откровением. Еще известный французский историк прошлого века Алексис де Токвиль писал, что единственным уроком истории является то, что люди не извлекают из нее уроков.

Стремление и умение «войти» в «чужую» духовную жизнь имеет особое значение и для развития собственной культуры. Существует традиционно сложившееся представление, что до конца средневековья «фундаментальная противоположность “своего” и “чужого” имела формы устойчивого противопоставления». Но противопоставление не обязательно означает осуждение иной культуры. Подтверждение этому находим в истории средневековой Европы. Мнение европейцев о других народах в последние столетия достаточно хорошо известно, предлагаемый же здесь средневековый материал, вероятно, не столь широко известен.

Понятно, что история – это «спор без конца», но потомки не должны быть судьями (хотя, чего греха таить, именно в этом качестве чаще всего и выступают), они должны быть скорее правопреемниками людей прошедших поколений. История, по словам нашего известного отечественного историка Арона Яковлевича Гуревича, должна быть диалогом современного человека с теми, которых уже нет, которые уже «далече». Поэтому, прежде, чем выносить суждение по той или иной проблеме, начало и конец которой теряются в тумане времени, стоит выслушать мнение современников далеких событий.

Встреча двух цивилизаций, кроме того, при осмыслении неожиданного появления «чужих» всегда порождает необходимость связать их со своей собственной историей, найти им «нишу» в освященной традициями и религией цепочке значимых событий. В средние века только так можно было понять феномен иной культуры, попытаться предвидеть возможные последствия этой встречи.

Наконец, стоит обратить внимание и на тот любопытный факт, что мировосприятие тесно связано с мировоззрением. Как бы тоже банально ни звучало подобное утверждение, но поражает в первую очередь именно

эволюция мировоззренческой основы этногеографических представлений христианского мира в средние века.

Почему именно в Средние века? Прежде всего, потому, что мнение европейцев о других народах в последние столетия достаточно хорошо известно, и в немалой степени через литературные произведения. Предлагаемый же здесь средневековый материал, вероятно, не столь известен. Это неудивительно, ведь от того времени до нас дошли довольно скудные и отрывочные сведения. Они к тому же еще не прошли окончательно через фильтры официальной науки и потому на них почти не обращали внимания писатели и поэты, эти, с позволения сказать, популяризаторы, проводники научных идей в массы. Но главное, думается, в ином – в том, что средневековые люди задавали те же вопросы, которые задаем и мы, а это значит, что мы можем (и должны!) воспользоваться их мнениями и суждениями.

Средневековая Европа и ислам (учебная лекция)

Нельзя вдвинуть действительность в столь простые категории. Например, мы Французы, мы – Римляне по языку, Греки по цивилизации, Евреи по религии. Факт происхождения, самый важный вначале, постепенно теряет свое значение, по мере того как великие исторические факты, именуемые греческим владычеством, римским владычеством, германским владычеством, христианством, исламом, возрождением, философией и революцией, по мере того как эти события, подобно мельничным жерновам, перетирают первобытные разновидности человеческой семьи, заставляя их слиться в более или менее однородные массы.

Э. Ренан

Обзор сделан на основе достаточно обширной литературы по этой тематике, среди которой студентам следует обратить внимание на следующие работы:

Батунский М. А. Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4.

Грецкий С. Историко-философский процесс средневековья // Памир. 1990. № 5. С. 179–192.

Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории. 600–1258. М., 1986.

Журавский А. В. Христианство и ислам. М.: Наука, 1990.

Крачковский И. Ю. Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937.

Леви-Провансаль Э. Арабская культура в Испании. Общий обзор. М., 1967.

Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М.: Наука, 1976.

Уотт У. М., Какия П. Мусульманская Испания. М., 1976.

Southern R. W. Western Views of Islam in the Middle Ages. Harvard, 1962.

В современной литературе под исламо-христианским диалогом подразумевают весь комплекс отношений, который складывался между двумя религиями в течение почти 14 веков их сосуществования. Отношения эти развивались в четырех основных направлениях: военно-политическом, экономическом, религиозном и культурном.

Вторжение арабов в Европу

Арабские завоевания в целом начались в 633 г. вторжением в Ирак, т. е. в южные районы Сасанидского Ирана. В 634 г. арабы вторгаются в южные пределы Византии. Война с христианским государством началась после длительных колебаний. Еще Мухаммед долго надеялся на возможный союз с «людьми Писания», т. е. с иудеями и христианами. Но для этого последние должны были принять его в качестве носителя последней истины, что в принципе было неприемлемо ни для той, ни для другой религии, ибо автоматически приводило к исчезновению данных конфессий. Преемник Мухаммеда халиф Абу Бекр, приступивший к широкомасштабным экспедициям, не мог не начать войны с Византийской империей, одним из крупнейших препятствий для арабов на пути расширения их территории. К тому же во время войны с Ираном такого могущественного врага нельзя было оставлять у себя в тылу.

К середине VIII в. арабы подчинили себе территорию Сасанидской империи, которая пала еще в 651 г., районы Средней Азии (Мавераннахр – «То, что за рекой», т. е. за Аму-Дарьей), Закавказья, долину Инда (Синд). В 751 г. состоялась знаменитая битва между мусульманскими и китайскими войсками при Таласе, победу в которой обе стороны, естественно, приписывали себе. Арабская экспансия на востоке остановилась. Но она продолжалась на западе. К 698 г. арабы подошли к Гибралтару.

Из собственно европейских территорий арабами были захвачены Испания, Сицилия и Италия.

Испания. Мусульманское вторжение в Испанию началось в начале VIII в. В июле 710 г. небольшой мусульманский отряд в 400 всадников высадился на юге Пиренейского п-ова. Это была разведка боем. Арабы воочию убедились в богатстве и слабости Испании, находившейся под властью вестготов. В следующем 711 г. началось собственно завоевание Испании. Отряды в 7 и 5 тыс. чел. появились на юге. Вестготы стремительно откатывались на север. Последний вестготский король Родерик (знаменитый Родриго из испанского фольклора) погиб в бою. К 715 г. основные испанские города были захвачены. Полуостров был превращен в провинцию Арабского халифата. Правда, ее наместник подчинялся не Дамаску, а североафриканскому наместнику в Кайруане (Тунис).

В середине VIII в. произошла смена династии в арабском халифате. Династия Омейядов (661–750) оказалась низложенной, и к власти пришли

Аббасиды. В 750 г. один омейядский эмир бежал в Испанию, где вскоре и произвел государственный переворот, придя к власти под именем Абд ар-Рахмана I (756 г.). Так был создан Кордовский эмират. В его состав входила не вся территория Испании. К 750 г. был потерян Нарбон (юг Галлии), в 801 г. освободилась Барселона, свободны от арабского господства остались северные пустынные районы. Фактически у арабов в подчинении были лишь Сарагоса, Толедо, Мерида и другие города.

Необходимо сказать о том, что собой представляла так называемая «мусульманская Испания». Может сложиться впечатление, что Испания в результате ее покорения арабами стала арабской и мусульманской страной. На самом деле это было не так. Во-первых, в ходе арабских завоеваний шло несколько неоднозначных процессов. Это, прежде всего, арабизация, т. е. переселение на завоеванные территории арабских племен. Однако стопроцентной арабизации подверглась лишь Аравия. В остальных районах халифата арабы составляли лишь тот или иной процент населения. Исламизация – тоже непростой процесс. Ислам никогда никому насильно не навязывался, хотя бы в силу политических причин. Еще Мухаммед, подчиняя своему влиянию Аравию, ограничивался «выбрасыванием идиолов» и не требовал сразу ни от одного из аравийских племен беспрекословного принятия новой религии. Если учесть, что в состав халифата впоследствии попало огромное количество самых разнообразных территорий со своей подчас очень специфической экономикой и культурой, то насильственная исламизация была бы самым эффективным средством самоуничтожения для нового государства. То же самое можно сказать о так называемой мусульманской или арабской культуре, которая таковой была только по названию, а на деле представляла собой гигантский синтез разных культур с преобладанием того или иного местного элемента (иранский, сирийский, коптский и т. п.).

Во-вторых, следует учитывать, что Испания была типичным феодальным государством, основой которого является аграрная экономика, не нуждающаяся в централизованном государстве, связанном с господством той или иной культуры или религии. В любом феодальном государстве существуют самостоятельные культуры и нередко разные религии. Так, например, во франкском государстве арианство вестготов и бургундов уживалось с римским христианством франков и галло-римлян. В раннее средневековье также шел процесс медленного синтеза разных культур. Связующими факторами в христианском мире были христианство и латынь. В Испании, где сильны римский языческий, иберийский и вестготский элементы, такими факторами являлись ислам и арабский язык. По крайней мере, в первые века господства арабов.

Практически сразу после появления арабов в Испании начинается Реконкиста. В широком смысле это сопротивление продвижению арабов,

которое по мере становления феодального общества и обострения земельной проблемы примет более организованные формы «отвоевания» у арабов земель испанскими, а порой и прочими европейскими феодалами. Шла она с трудом. Даже попытка Карла Великого покорить Испанию оказалась безуспешной. Господство арабов на полуострове все более и более укреплялось. Наивысшего могущества оно достигло при Абд ар-Рахмане II (912–961), которому была подчинена практически вся Испания. Его власть признавали и малые христианские государства, которые пользовались достаточно широкой автономией.

Однако к 1031 г. эмират распался почти на 30 мелких княжеств. Это способствовало усилению контрнаступления христиан. В 1085 г. под их натиском пала древняя столица Испании Толедо. Полностью освободить Испанию в этом столетии европейцам не удалось. На помощь испанским арабам пришли войска мусульманской берберской империи Альморавидов на северо-западе Африки. Экспедиционный корпус берберов в союзе с испанскими арабами нанес поражение христианам в битве при Залакке в 1086 г.

Альморавиды правили с 1090 по 1145 г. Их сменили Альмохады, находившиеся у власти до 1223 г. Однако в результате династийных распрей они были вынуждены вывести свои войска из Испании.

Начался решающий этап Реконксты. В 1236 г. была освобождена Кордова, в 1248 г. – Севилья. Под властью арабов оставалась лишь Гранада, где правила маленькая, но упрямая династия Насридов. Именно Гранада стала подлинным центром арабской культуры, известным памятником которой является Альгамбра. Только в 1492 г., в год плавания Христофора Колумба в Америку, эта территория была включена в состав объединенного королевства Арагона и Кастилии. Так закончилось пребывание арабов в Испании. Значительные массы арабского населения вместе с евреями впоследствии насильственно были выселены из Испании.

Сицилия и Италия. Впервые арабы совершили набег на Сицилию в 692 г., в результате чего были разграблены Сиракузы. Систематические же нападения стали возможны только после того, как они построили флот не хуже византийского.

Завоевание острова связано с событиями IX в. В 800 г. к власти в Тунисе пришла династия Аглабидов. В 827 г. арабы прибыли в Сицилию, чтобы помочь одной из враждующих феодальных группировок. Через некоторое время, в 831 г., пал город Палермо, около 843 г. – Мессина. Сиракузы держались до 878 г. Весь остров подчинился арабам лишь к 902 г.

На протяжении всего IX в. арабы периодически вторгались и в Италию. Особенно удачными были их походы в Северную Италию, где враждовали между собой ломбардские князья. В 837 г. арабы осадили Неаполь. В 846 и

849 г. угрожали Риму. Даже папа Иоанн VIII (872– 882) около двух лет должен был платить им дань.

Есть предположение, что арабы совершали набеги через Альпы на континентальную Европу. В источниках упоминаются нападения неких «сарацин». Но слово это многозначное, о чем будет сказано далее, поэтому трудно понять, кто имеется в данном случае в виду – собственно арабы или другие «не вошедшие в завет» люди. Это могли быть даже какие-либо европейские феодальные отряды.

В конечном счете арабы были изгнаны из Италии объединенными усилиями местных феодалов и византийцев. На Сицилии же они упрочили свои позиции. В 909 г. Фатимиды изгнали Аглабидов из Туниса и Сицилия превратилась в фатимидскую провинцию. Их наместник, однако, был почти независим. Кроме того, Фатимидов больше интересовал Восток, чем Европа. В 969 г. они покорили Египет.

На Сицилии во время пребывания арабов мусульманская культура пустила глубокие корни. Остров стал воротами для торговли с Востоком.

В первой половине XI в. происходит активизация в Средиземноморье норманнов. Несколько сот норманнов во главе с Робером Гюискарсом вторглись на остров и основали Норманское княжество. В 1060 г. брат Робера Рожер взял Мессину. К 1091 г. весь остров подчинился норманнам. Однако сложившуюся здесь культуру они не трогали, за что и получили прозвище «крещенных султанов Сицилии».

В итоге пределом распространения мусульман в Европе стала Центральная Франция, где в битве при Пуатье в 732 г. они были остановлены майордомом франкского Меровингского королевства Карлом Мартеллом (Молотом).

Однако возникает закономерный вопрос, почему арабы не захватили всей Европы? Во-первых, мусульманская экспансия уже явно выдохлась. В состав халифата вошли огромные территории от Гималаев до Атлантики, удержать которые под своей властью было уже непросто. Во-вторых, вряд ли можно говорить, что Европа того времени с ее в целом достаточно примитивной аграрной экономикой представляла большой интерес для развитого в экономическом и культурном планах мусульманского Востока. Периодически арабы еще вторгались в Византию. В 669 и 716–717 гг. они держали в жесткой осаде Константинополь.

Поначалу появление арабов в Испании и Сицилии расценивалось представителями европейского общества как бедствие, сравнимое с обычными варварскими нашествиями. Так, Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англосаксов» говорит о страшном наказании, постигшем Галлию в лице сарацин, которых вскоре постигло возмездие за их порочность (имеется в виду, очевидно, знаменитая битва при Пуатье). Слово «сарацины» пришло от греков. Так они называли арабов.

«Королевские анналы» повествуют о восстании саксов и нашествии сарацин в Септиманию как о двух тяжелых испытаниях, выпавших на долю христиан в 793 г.

Отвоеванием у арабов Толедо (1085 г.) и Сицилии (1091 г.) было положено начало тому процессу, который В. В. Бартольд определил как «культурное общение» двух цивилизаций.

Существовали ли между двумя мирами дипломатические отношения?

На появление мусульман Европа ответила замедленной реакцией. Причины этого следует искать в самой цивилизации, экономической основой которой была аграрная экономика, поэтому Европа находилась вдали от более развитых цивилизаций. В экономическом плане для арабов Европа не представляла интереса, в связи с чем некоторое время две цивилизации сосуществовали параллельно. Только крестовые походы свидетельствовали об их интенсивных контактах, хотя и специфических.

Существовали ли между этими мирами дипломатические отношения? Ответить на этот вопрос не так просто.

Существует средневековая легенда о дипломатических отношениях между двумя великими правителями средневековой Евразии – Карлом Великим и Харуном ар-Рашидом. Поскольку большая часть информации о политических и дипломатических контактах дошла до нас в виде разного рода рассказов и легенд, ее свидетельство до сих пор представляется многим исследователям важным и решающим. К числу ее активных сторонников относится и А. Ладинский, автор прекрасной книги о Карле Великом.

Однако эта легенда оспаривалась еще в 30-х гг. XIX в. На ее несостоятельность указал В. В. Бартольд в работах «Карл Великий и Харун ар-Рашид», «К вопросу о франко-мусульманских отношениях» и др., обратив внимание на ряд важнейших нюансов:

– в легенде ничего не сообщается об обмене грамотами, что в те времена было обязательно для обеих цивилизаций;

– в текстах говорится лишь о возвращении посольства франков с Востока, а не о его отправке;

– об обмене посольствами совершенно молчат арабы;

– легенда ничего не сообщает о халифате. Это принципиально невозможно. Любой купец, дипломат или просто случайно попавший на Восток европеец обязательно собирал информацию об экономике, политической жизни, культуре, быте, вплоть до стратегической.

Как установил В. В. Бартольд, эта легенда не могла появиться в IX в. Он датировал ее XI в., поскольку главная ее тема – разрешение латинским паломникам посещать Гроб Господень. Право Карла на покровительство святых мест признал сам халиф.

Но дело не только в том, что эта легенда является своего рода «фальшивкой», главная задача которой – «обосновать» право на паломничество в Иерусалим и не более. Ислам в Европе рассматривался как ересь, территория мусульманских стран воспринималась как царство Антихриста. С Антихристом же никаких договоров и отношений быть не могло. Сатана не заблуждается, а сознательно извращает Истину. Разумеется, многие проблемы, возникавшие на практике, разрешались, велись какие-то переговоры, но формально это не фиксировалось.

Какой характер носили межконфессиональные отношения?

Взаимоотношения мусульман и христиан, создавших крупнейшие религиозные системы и церковные организации, обычно рассматривались как враждебные. И в средние века они тоже были непростыми. Ситуация в Испании действительно складывалась сложная, напоминающая о том, что происходило в христианских областях внутри исламского мира. Согласно учению Корана христиане находились «под покровительством» при условии уплаты дани. Они имели своих епископов, священников, церкви, монастыри, многие христиане находились на высоких постах кордовских эмиров, входили в религиозно-правовую категорию ахл аз-зимма («покровительствуемые») – так называемые зиммии. Впервые этот термин встречается в посланиях Мохаммеда к арабским племенам (629–630) и в девятой суре Корана («Покаяние», 8,10). И все же «люди Писания» (ахл ал-Китаб) считались «нарушителями закона»: «О, обладатели писания! Почему вы облакаете истину ложью и скрываете истину, в то время как вы знаете!» (Коран, 3 «Семейство Имрана» - 71/64). На практике это приводило к тому, что христиане получили предписание носить отличительную одежду или знаки, им запрещалось строить новые храмы, проводить крестные ходы, громко бить в била, помещать свои религиозные символы там, где их могут видеть мусульмане, хулить Аллаха и пророка и т. п. Эти запреты впервые появились в центре халифата. При Язиде II (720–724) состоялось первое суровое гонение на христиан: уничтожались кресты, свиньи, сурово взимались подати. С конца VIII в. существовали повседневные ограничения.

В Испании мавры долгое время были веротерпимы. Правительству не нравилось, что христиане переходили в ислам и переставали платить налоги в казну. Автор латинской хроники, написанной в Кордове в 754 г., Исидор Беджский сожалеет о несчастьях Испании и владычество мавров считает владычеством варваров, но ненавидит их не как представителей другой религии, а как людей другого племени. Действительно, «маврами» чаще всего были берберские племена Северной Африки.

О веротерпимости мавров свидетельствует и то, что евреи, преследуемые в Европе, спасались в Испании. Между тем Карл Великий, войдя в Сарагоссу, приказал разрушить синагоги и мечети. Известен такой анекдот,

рассказанный Р. Дози. Кордовский ученый (факих) при встрече с христианином пожелал ему: «Да сохранит вам Господь долгую жизнь». Когда мусульмане, услышав это, возмутились, он их весьма остроумно успокоил: «Когда я говорю христианину: да сохранит вам Бог долгую жизнь, я желаю, чтобы Господь продлил ему жизнь, и этим дал ему возможность как можно дольше платить подушную подать».

Примерно в середине X века в г. Компостела был обнаружен древнеримский саркофаг, о котором ходила легенда, будто бы в нем находятся мощи святого Иакова из Палестины. Так возник культ святого Иакова Компостельского (Сант-Яго де Компостела), в основе которого, возможно, лежало измененное галисийское или иберийское поверье о Небесных Близнецах (Иаков считался близнецом Иисуса). Именно сюда в 951 г. прибыл первый французский паломник – епископ с огромной свитой. Впоследствии эта святыня стала объектом особой заботы Клунийских монахов и к ней была проложена «дорога пилигримов» (или *camino frances* – «французская дорога»), по которой уходили в Реконкисту европейские рыцари. В 997 г. Аль-Мансур (Альманзор) разграбил этот город, но гробницу он все же не тронул.

Однако постепенно ограничительные меры были предприняты и в Испании. Мусульманские правители присвоили себе право созывать соборы, назначать епископов. Если какие-либо епископы не хотели принимать участие в соборах, их заменяли евреями и мусульманами. Известны случаи, когда сан епископа продавался с публичных торгов и попадал к еретикам, неверующим или сластолюбцам, устраивавшим оргии. Однажды произошел такой случай. Многие христиане в Малаге прятались от поголовной подати. Гостегезис (епископ диоцеза) обещал мусульманским чиновникам составить их список и во время ежегодной поездки по диоцезу стал просить прихожан сообщать имена свои и родственников, дабы записать в поминание и молиться о каждом. Так попались многие христиане.

Разрушались многие соборы. В частности, в Испании действовало правило, по которому крест и полумесяц не должны были «видеть» друг друга. Так, в Кордове сохранился только собор святого Винсента. Со временем сюда переселилось множество сирийских арабов, мечети оказались недостаточно вместительны, поэтому было решено обратить собор в мечеть. Это, однако, не удалось сделать, но половина собора перешла к сирийским арабам.

В 784 г. Абдерам I захотел купить вторую половину. В результате длительных торгов христиане отдали ее за 100 тыс. динаров, но получили разрешение восстановить разрушенные церкви.

К IX в. многие мусульманские правители Испании предпочитали следовать завету халифа Омара: «Мы должны поедать христиан, и наши

потомки должны поедать их потомков до тех пор, пока будет существовать исламизм».

Испанские христиане оказались в изоляции от остального христианского мира и лишены связи с источниками латинской учености. Поездки с континента в Испанию и из Испании были эпизодическими. Это доказывают следующие примеры. В 858 г. два монаха из монастыря Сен-Жермен де Прэ Изнар и Одилар по поручению Карла Лысого были посланы за останками святого Винсента Сарагосского, для того чтобы отвезти их в Париж. В пути они узнали, что эти останки исчезли (их успели перехватить и вывезти в Беневенто какие-то более ловкие итальянцы). В Барселонской церкви они услышали о гонениях в Кордове, отправились туда и получили мощи других мучеников. Это были останки трех юношей, казненных в 852 г. за оскорбительные антиисламские выкрики в мечети. Во время пребывания в Кордове монахи собрали некоторые сведения об исламе и о положении христиан при мусульманском правлении. Франкский император Карл Лысый проявил большой интерес к их работе и отправил их во второй раз в Испанию за сбором информации.

Показателен и такой пример. Один известный испанский ученый отправился в 848 г. в Наварру и привез оттуда книги, которых не было в Кордове, но которые имелись в каждом монастыре Европы («О граде Божьем» Аврелия Августина, сочинения Вергилия, Горация, Ювенала).

Роль торговли в христианско-мусульманских отношениях

Торговые контакты в Средиземноморье были всегда очень активны. «Левантская» торговля, т. е. торговля с Ближним Востоком, имела принципиальное значение для Европы. Халифат был отлаженной экономической структурой с развитыми торговыми связями. В его состав входили экономически развитые районы. Европейцы всегда стремились поддерживать экономические связи с Востоком. В рамках средневековой аграрной цивилизации, основанной на локальной экономике, потребность во внешней торговле стала снижаться. Это обстоятельство явилось камнем преткновения для известной теории Анри Пиренна («тезис Пиренна»). Бельгийский историк, задумавшись о причинах складывания средневековой цивилизации, пришел к выводу, что вторжения «варваров» принципиального значения не имели и экономическая и общественная жизнь Западной Европы после падения Западной Римской империи все еще протекала в ритмах античного мира. Лишь арабские завоевания изменили направление хозяйства Средиземноморья. Военные корабли арабов нарушили торговое судоходство по Средиземному морю. В результате Западная Европа замкнулась в себе и на первое место в экономической и политической сфере внезапно выдвинулись Северная Галлия и Германия. Именно с этого времени начала формироваться западноевропейская феодальная цивилизация. На первое

место выходит уже земля, а не торговля. «Поэтому совершенно справедливо сказать, что Карл Великий был бы немислим без Мухаммада» (Э. Ренан).

Эта теория не была поддержана специалистами, которые привели ряд резонных контраргументов. Генезис феодализма объяснялся не только спадом торгового судоходства. С экономической точки зрения роль Средиземноморья в V–VI вв. была не столь велика, чтобы поддерживать преемственность античной цивилизации. Упадок средиземноморской торговли прослеживается уже с III в. Но для ближневосточной торговли упадка не было. Кроме того, мало изученной оставалась экономическая политика арабов. Устранение арабами Сасанидского иранского государства к середине VII в. и существование близких по вере соседей (Византия) привели к емкому внутреннему рынку. Западная Европа была далеко расположена от этого торгового перекрестка, да и как торговый контрагент мало интересовала халифат.

Тем не менее, именно арабы часто были инициаторами торговли с Европой. К 800 г. их флот преобладал в Средиземноморье. Однако характер европейско-мусульманской торговли часто менялся.

Большую роль в этом играли итальянцы. Амальфи, Венеция проложили пути и в Тунис, Египет, Сирию. Затем Пиза и Генуя вытеснили Амальфи, ибо занимали более выгодное положение на торговых путях. Активны были и магрибинские евреи. На какое-то время арабы ушли на второй план.

Но к 1000 г. положение меняется. Растет шиитская Фатимидская династия (с 909 г.). В 969 г. Фатимиды завоевали Египет и вскоре основали Каир. Молодое государство оказалось отделено от остального Востока стеной суннитских государств. Стремясь пробиться на восточные рынки, Фатимиды нуждались в корабельном лесе, готовых судах, железе. Они начинают зазывать итальянских купцов в Египет. Таким образом, некоторое время Европа находилась в положении колонии, поскольку из нее выкачивались сырье и вывозились рабы, особенно в больших количествах из славянских земель (Slave - Slav = славянин), но взамен Европа получала потребительские товары.

Однако к XI в. славяне приняли христианство и этот источник рабской силы иссяк. Изменилось положение и в Персидском заливе, где восстали карматы и захватили Бахрейн, там стало опасно плавать. Товары с Дальнего Востока и из Южной Азии шли в Йемен, а оттуда легко поступали в Египет. Центральная Азия оказалась перекрыта тюрками и караваны сворачивали в Египет и Триполи. Потребность в «услугах» Европы резко сократилась.

Тем не менее, торговля с арабами имела большое значение для всей Европы. Арабы разрабатывали полезные ископаемые в Испании: высоко ценились железо, медь, киноварь (ради ртути), золото, серебро, свинец, олово, драгоценные и полудрагоценные камни. Многие из этого вывозилось в халифат. Изобилие сельскохозяйственных продуктов и полезных ископаемых

использовалось испанскими арабами для развития так называемой «изысканной» жизни. Развивались различные ремесла, которые производили предметы роскоши на внутренний рынок и вывоз: тонкие ткани, льняные изделия, шелка, меха.

«Мусульманская культура» и ее влияние на средневековую культуру христианской Западной Европы

В ходе арабских завоеваний на новых территориях шли три процесса: исламизация, арабизация и складывание мусульманской культуры. Исламизация и арабизация на всех территориях, кроме Аравии, никогда не достигала 100 %. Не исключение и европейские земли.

Что такое «мусульманская культура»? Так же как и так называемая христианская культура, это культура синкретическая. В ней большую роль играют местные культуры. Слово «мусульманская» говорит лишь о том, что роль «арматуры» ее играет ислам. Как европейская культура «стоит на двух ногах» (латинский язык и христианство), так и мусульманская базируется на исламе как форме культуры и арабском языке как механизме консервации и трансляции культуры.

В послевоенный период в европейских странах широкое распространение получила «покаянная» литература, представители которой настаивают на том, что вклад мусульманской культуры в становление и развитие европейской цивилизации был недооценен. Р. Генон писал: «Исламское влияние было в средние века столь значительным, что ни один из ярых противников Востока не смог бы отрицать его силу».

Но была ли вообще в отношениях между двумя великими цивилизациями ситуация учителя и ученика? Нет, можно говорить о их взаимовлиянии, обмене достижениями и опытом.

Приведем примеры заимствования и в то же время творческого осмысления арабского наследия.

Кораблестроение. Арабы использовали опыт Индийского океана, где был широко распространен треугольный парус, названный впоследствии "латинским". Именно арабы первые использовали его на Средиземном море. До того здесь использовались в основном карраки с квадратным парусом, которые двигались лишь по ветру. Европейские корабельщики заимствовали треугольный парус, сочетали его с квадратным и в итоге создали трансокеанское судно. Наибольший прогресс был достигнут в 1440–1490 гг. благодаря испанским и португальским корабельщикам. Позднее увеличивалось число мачт, парусов, стали использовать смешанную оснастку (квадратный парус для фок-мачты (передней), а треугольный для грот-мачты (второй) и бизань (задней)).

Компас. Подробности его изобретения неясны. Главным являлось не изобретение принципа, а создание механизма! В Европе первое

свидетельство о компасе относится к 1100 г. н. э.: его видели у каких-то иностранцев (возможно, арабов). Показывал сосуд с плавающим брусом и Роджер Бэкон. Упоминается готовый компас в 1187 и 1206 гг. В арабской литературе информация относится к 1220 г.

В 1302 г. итальянский купец из Амальфи Флавио Джойа, усовершенствовав, создал, наконец, этот механизм. Он насадил стрелку на иглу, приспособил циферблат с делениями.

Именно европейцы создали современный вариант карты, в итоге получив идею глобуса. Морские карты (портоланы) создали генуэзцы на основе мусульманских карт и книг. От арабов были получены и более точные географические сведения о разных районах мира. Кроме того, была добавлена информация о тех областях, которые хорошо знали сами европейцы – о европейских странах и Америке.

Сицилийский король Рожер II (1130–1154) и его сын Вильгельм I (1154–1166) располагали точными сведениями об Индии, Китае и северной части Африки. Под их покровительством ал-Идриси из Кордовы (1100–1166) создал полное описание известного мусульманам мира, опираясь на труды предшественников, расспросы путешественников и собственные впечатления от путешествий по Азии и Европе до Англии. Он создал серию из 70 карт (10 по каждому из 7 «климатов»), добавил сопроводительное описание. Европейцы впервые соединили всю информацию о море и суше и создали глобус.

В *сельском хозяйстве* арабы добились больших успехов. Даже в Испании, где было мало осадков (кроме севера) и без орошения большинство видов земледелия были невозможны, они много делали для его развития. Система орошения существовала и раньше, при римлянах и вестготах. Арабы расширили и усовершенствовали его на основе ближневосточного опыта по распределению и сбережению воды, что отразилось в испанской лексике, заимствованной из арабского языка, и использовании водяных колес, которые были сходны с марокканскими и ближневосточными. Развитие ирригации привело к широкому распространению влаголюбивых культур: сахарный тростник, рис, апельсины, лимоны, баклажаны, артишоки, хлопок.

Под влиянием арабов усовершенствовались и многие европейские ремесла. В гончарном деле стало осуществляться изготовление изразцов. Но в Европе все же предпочтение отдавалось железу. Во второй половине IX в. в Кордове был открыт секрет производства хрусталя. Мусульманская Испания славилась своей чеканкой и была конкурентом Византии (особенно по золоту, серебру, ювелирным изделиям). Культивировалась резьба по слоновой кости и дереву.

Красивая жизнь. Уже в 854 г. кордовский христианин Алвар сетовал на то, что молодые христиане изъясняются на арабском лучше, чем на латыни, читают арабские стихи и сказки, изучают сочинения мусульманских

философов и богословов, совершенно пренебрегая латинскими комментариями к Священному Писанию.

«Красивая жизнь», культивировавшаяся арабами в Испании, а также их значительно более высокая образованность (через посредство мосарабов – христиан, живших на территории Пиренейского полуострова) привлекли к себе внимание большей части европейского общества. К страху перед могущественным соперником примешивалось любопытство к его образу жизни и знаниям. Исламский мир стал входить в сферу культурных интересов европейцев. В поисках знаний в Арабский халифат потянулись многие молодые люди. Так, например, Герберт из Ориака, который впоследствии стал Папой Сильвестром II, занимался в Каталонии изучением астрономии и математики.

Огромную роль в распространении восточного влияния Медины и Багдада сыграл музыкант и певец Зирийаб (Кордова, с 822 г. до смерти в 857 г.). В молодости он пел и играл в Багдаде перед Харун ар-Рашидом (786–809). Омейяды сманили его в Кордову. Зирийаб поднял уровень инструментального и вокального исполнения, стал законодателем вкусов. Ему даже приписывают определение последовательности подачи кушаний на пирах: супы – первые мясные блюда – птица с пряностями – сдобное печенье. Это переняли европейцы. Он ввел в рацион восточные специи и сахар (до этого подавался лишь мед), привез много кулинарных рецептов. По его инициативе стали использовать стеклянные изделия вместо золотых и серебряных кубков.

Под влиянием мусульманской культуры европейцы усовершенствовали музыкальные инструменты. Особенно популярны были песни под аккомпанемент лютни, флейты и т. д. Для ритма использовались барабан, тамбурин.

Известны в Европе были многие арабские сочинения по теории музыки, некоторые основаны на произведениях греческих авторов, другие – оригинальны. Несколько арабских музыкальных сочинений переведены на латинский и древнееврейский языки.

Севиля славилась производством музыкальных инструментов. Арабские слова, связанные с музыкой, сохранились в испанском языке: гитара – кытар, литавры – ат-табал.

В Европе была распространена полифония. После развития феодального города и городской экономики появилась потребность в новой музыке. Европейские менестрели распространяли музыкальную практику арабов, их манеру пения и игры.

Книги были важной составляющей «красивой жизни». Бумагу арабы заимствовали из Китая: в середине VIII в. несколько китайских пленников ремесленников купили свободу за секрет ее изготовления. Она оказалась дешевле египетского папируса. Около 800 г. в Багдаде была построена первая

бумажная мельница. Через Сирию и Северную Африку секрет производства бумаги проник в Испанию. В XII в. французские паломники из Компостелы принесли с собой несколько листов как диковинку. Но Рожер II Сицилийский использовал бумагу еще в 1090 г. В Италии и Германии бумажные мельницы появились лишь в XIV в.

Стиль «красивой жизни» был распространен в основном в городах. Хроника Фра Салимбене описывает такую жизнь в Пизе на арабский манер: «Бродя с нашими корзинами в поисках подаяния, мы случайно зашли в один двор.

Над нашими головами был густой свод из виноградных лоз. Зелень была такой приятной на ощупь, а тень давала сладостный отдых. Там были леопарды и много диковинных заморских зверей... И еще были там юноши и девы в расцвете молодости, богато одетые и непринужденные в обхождении, у них в руках были скрипки, виолы, цитры и другие инструменты, на которых они играли разные мелодии, красиво жестикулируя. Никто не шевелился, не говорил – все в молчании слушали. А песня была столь необычна и восхитительна и словами, и многоголосьем, и манерой исполнения, что наполняла сердце радостью. С нами никто не заговаривал, мы тоже не произносили ни слова, а музыка голосов и инструментов все продолжалась, пока мы стояли там, и мы пробыли там долгое время и не знали как уйти. Я не ведаю – одному богу известно, откуда снизошло это чудное видение, ибо никогда раньше я не видывал ничего подобного, да и потом не доводилось».

В испанском языке сохранилась лексика, связанная с городским управлением, контролем над торговлей (алькальд, альменда), названиями мер, весов, чиновников. Муниципальная практика основывалась на принципах Ближнего Востока.

В области науки и философии тоже заметно использование арабского опыта и наследия. Арабы завоевали Ирак, Сирию и Египет, там культивировались греческие науки и философия. Последователи Александрийской школы перебрались в Сирию, а оттуда около 900 г. в Багдад, где активно участвовали в философских спорах с мусульманами. В Гундишапуре существовала христианская несторианская школа, прославившаяся преподаванием медицины. Отсюда вышел придворный медик Харуна ар-Рашида и другие лейб-медики. Существовала она более 100 лет. Ал-Мамун (813–833) организовал специальное учреждение Байт ал-хикма (Дом мудрости), из которого в IX–X вв. шел обильный поток переводов, в том числе с сирийского языка. Согласно легенде, с греческого языка переводил несторианин из Хиры Хунайн ибн Исхак (809–873). Он был эрудитом, особенно интересовавшимся медициной. Собирал рукописи в Византии, был придворным врачом ал-Мутаваккила (847–861), преподавал медицину в Багдаде и руководил целой группой переводчиков. В качестве

первых греческих сочинений для перевода были избраны сочинения по астрономии и математике. Широко была распространена вера в астрологию. Большую известность получил ал-Хваризми (европ. – Алгорисмус, отсюда «алгоритм»). Он сделал для ал-Мамуна «Синд-Хинд» (свод нескольких индийских астрономических таблиц), составил описание мира на основе «Географии» Птолемея.

Происхождение так называемых арабских цифр туманно. Арабы называли их индийскими, но нигде не делали ссылок на индийские сочинения, сами же продолжали греческую шестиричную систему. Индийская система распространилась лишь в арифметике.

Философия. Заимствования здесь носили подспудный, восполняющий характер. Европа интегрировала и перерабатывала, прежде всего, те элементы арабской и арабизированной античной мысли, которых не доставало ее собственной культурной традиции. Установки на понимание чужой религии и культуры в целом как самостоятельной и самоценной долго не существовало.

Этим недостающим знанием, особенно в XII–XIII вв., было философское знание. В самой средневековой мусульманской культуре эллинизирующая философия (фалсафа) была явлением в значительной мере маргинальным, скорее интеллектуально влиятельным, чем культурно репрезентативным¹. Для большинства мусульман философы были «чужаками», поскольку занимались чужеземной наукой. В представлении же образованного европейца мусульмане считались нацией по преимуществу философской. Для Абеяра «сарацин» был синонимом «философа». Он мечтал обосноваться в какой-нибудь мусульманской стране. Фома Аквинский свою «Сумму против язычников» выстраивает фактически целиком на доводах разума, не прибегая к авторитету Священного Писания.

Переводы трудов арабских философов пользовались в Европе большой популярностью. Иоанн Испанский перевел труды Ибн Сины (Авиценны) по логике, метафизике, физике и психологии. Кроме того, вскоре был переведен его «Канон врачебной науки», который вместе с «Основами» АбуБакра ар-Рази и доставшимися от арабов трудами Галена оказал значительное влияние на развитие всей медицины в Европе. Доминик Гундисальви в XII в. совместно с Иоанном Испанским и иудеем Соломоном перевели труды ал-Газали. Европа знала мусульманского теолога ал-Газали преимущественно как автора «Макасид ал-фаласифа» («Стремления философов»), предварительной работы, которую он (изложив в ней аристотелизирующую систему Ибн Сины) предпослал другому своему труду – «Тахафут ал-фаласифа» («Самоопровержение философов»), призванному

¹ Грюнебаум Г. Э. фон. Основные черты арабо-мусульманской культуры. М., 1981. С. 126.

продемонстрировать несостоятельность и внутреннюю противоречивость взглядов философов. Однако именно сочинение «Стремления философов» было в Европе одним из популярнейших учебников аристотелизма, а его автор – принципиальный идейный оппонент арабских философов – представлялся европейцам верным последователем Аристотеля.

Доминик Гундисальви совместно с Иоанном Испанским и иудеем Соломоном перевели труды ал-Газали и Ибн Гебиरोля (Авицеброна). Герард Кремонский познакомил европейцев с трактатом ал-Кинди «Об уме» и, возможно, с одноименным сочинением ал-Фараби.

В Испании начало систематическим переводам с арабского в первой половине XII в. положил архиепископ Толедо Раймунд. В Толедо работали такие выдающиеся переводчики, как Доминик Гундисальви, Ибн Дауд (обращенный в христианство иудей), Герард Кремонский, Альфред Английский, Иоанн Испанский, которого идентифицируют то с Иоанном Толедским, то с Иоанном Севильским.

Активная переводческая работа велась во многих других городах Пиренейского полуострова. Со второй половины XII в. подключилась Сицилия, где сформировалась палермская корпорация переводчиков. В Палермо из Толедо перебрался Михаил Скот, известный не только как переводчик трудов Аристотеля, комментариев к ним Аверроэса, сочинений Авиценны, но и как официальный астролог при дворе Фридриха II, исламофильские настроения которого он поддерживал. Со временем вокруг имени переводчика и астролога возникло много легенд, наделявших его магической силой². Может быть, это и дало Данте основание поместить его как прорицателя, который «большим в волшебных плутнях почитался докой», в четвертый ров восьмого круга ада (см. Ад, XX, 116–117).

У мусульманских авторов латинский Запад заимствовал, прежде всего, элементы неоплатонизированного аристотелизма³. В трудах ал-Фараби, Ибн Сины, ал-Газали внимание европейцев привлекали теория эманации, учение об иерархии космических умов и активном уме. Самостоятельные философские работы европейских переводчиков в XII в. дают наглядное представление о том, как происходил процесс заимствования Западом арабо-мусульманской и еврейской философской проблематики. В этой связи следует упомянуть трактат Доминика Гундисальви «De processione mundi» («О становлении мира»), в котором автор, опираясь на труды Ибн Сины и

² *Yomn U. M.* Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. С. 86.

³ Латинские переводы Платона и Аристотеля делались не с греческих оригиналов, а с арабских переводов, к ним добавлялись комментарии Аверроэса, Авиценны и др. Схоластика традиционно делилась на мусульманскую, иудейскую и христианскую. Мусульманская часто была истоком остальных.

Ибн Гебирия, попытался предствить христианскую интерпретацию проблемы творения, а также трактат «De anima» («О душе»), резюмирующий психологические сочинения Ибн Сины.

В XII в. знакомство европейцев с проблематикой неоплатонического аристотелизма расширилось также благодаря переведенной с арабского Герардом Кремонским «Книге о причинах» («Liber de causis»). Арабская версия этой компиляции, включавшей ряд выдержек из «Начал теологии» Прокла, была составлена, по всей видимости, в X в. в Багдаде. В Европе ее автором долгое время считался Аристотель, отсюда широко распространенное в средние века другое название трактата – «Книга Аристотеля о чистом благе» («Liber Aristotelis de expositione bonitatis purae»). Популярной среди европейцев была и другая арабская неоплатоническая компиляция – «Теология Аристотеля», представлявшая собой переложение ряда текстов из «Эннеад» Плотина.

Арабо-мусульманской культуре средневековая Европа обязана знакомством со многими произведениями и самого Аристотеля. До XII в. единственными его сочинениями, известными латинскому Западу, были «Категории» и «Герменевтика» в переводе Боэция, которые вместе с комментариями Боэция и «Введением» Порфирия составляли так называемую старую логику (Logica vetus).

К середине XII в. только в Толедо с арабского были переведены «Вторая аналитика» с комментариями Фемистия, «Физика», «О небе», «О возникновении и уничтожении», I–III книги «Метеорологии». Практически параллельно в Европе работы Аристотеля переводились и непосредственно с греческого.

Существовала одна особенность этой переводческой деятельности, которая сказывалась и в общекультурном плане. В переводе участвовало, как правило, два или три специалиста. В халифате переводчик, не знавший хорошо арабского, но искушенный в греческом и сирийском, призывал на помощь ученого, который владел арабским языком и разбирался в философии. Европейский ученый привлекал на помощь араба или еврея, которые слово в слово переводили текст с арабского на кастильский или другой разговорный язык, а затем этот текст записывался на латинском и редактировался. Таким образом, труды античных авторов возвращались в Европу через два, а то и три языка. Естественно, что такие переводы были часто несовершенны.

Во многом благодаря освоению европейцами арабо-мусульманской учености в XII в. произошло сближение теологии с физикой и метафизикой. Неслучайно первые оригинальные труды по метафизике были сделаны переводчиками. Перу Доминика Гундисальви принадлежит трактат «De divisione philosophiae» («О разделении в философии») – своего рода

введение в философию, в котором он впервые к дисциплинам квадривиума добавляет физику, метафизику, психологию, политику и экономику.

Значительную работу по интеграции христианских, античных и арабских источников проделала шартрская школа, основанная в 990 г. ученым епископом Фульбером. В XII в. она стала центром своеобразного «французского возрождения». К этой школе принадлежал и известный схоласт Аделард Батский, путешествовавший по Сицилии, Северной Африке, Сирии, изучивший арабский язык. Он перевел ряд работ по геометрии Евклида и астрономии ал-Хваризми, а также трактат Джабира ибн Хайяна по алхимии.

Одним из наиболее значительных последствий проникновения философии Авиценны в Европу стало появление авиценнизированного августинианства. Начало этому течению в XII в. положили работы, стремящиеся синтезировать неоплатонические идеи учения Ибн Сины с предшествующими христианскими доктринами платонической ориентации – Августина, псевдо-Дионисия Ареопагита, Халкидия, Боэция, Иоанна Скота Эриугены. В XIII в. эту линию продолжили Вильгельм Овернский, францисканские ученые Парижского университета Жан де ля Рошель, Александр Гальский, Бонавентура, английские францисканцы Роберт Гроссетест и Джон Пекем. В начале XIII в. аристотелизм проник в Парижский и Оксфордский университеты. В Париже он несколько раз подвергался запретам. Однако уже во второй половине XIII в. благодаря Альберту Великому и Фоме Аквинскому аристотелизм прочно утвердился в католической теологии. И в XIV в. церковь уже обязывала кандидатов на степень магистра искусств знать труды Аристотеля, которые столетием раньше запрещала.

В XII–XIII вв. активность мусульманской цивилизации в направлении европейского латинско-христианского «мира» усиливается. Латинский (парижский) аверроизм, возникший под влиянием арабского мыслителя Ибн Рошда (Аверроэса), станет свидетельством «сабельного» удара по европейской культуре и оживления рационализма. Известность Ибн Рошду принесли его комментарии к Стагириту. «Толковником наших дней» называет мусульманского философа Данте в «Божественной комедии» (Ад, IV, 144).

Латинский аверроизм взял у Ибн Рошда три положения: учение о вечности мира, отвергавшее, по сути, акт божественного творения; теорию активного интеллекта, которая отрицала сотворенность и бессмертие индивидуальной души; трактовку соотношения веры и знания.

Аверроистские идеи, как не менее произвольные, чем «религиозные», в интерпретации рационалистически мыслящих парижских схоластов стали «зашкаливанием», впадением в другую крайность даже по сравнению с мусульманским вариантом.

В итоге окончательно формируется проблема двойственности истины. По мнению Сигера Брабантского, истины религии и философии противоречат друг другу. Иоанн Солсберийский утверждал, что у них разные объекты: познание природы и человеческое «спасение». Фома Аквинский признает наличие двух истин, но доказывает, что, тем не менее, существует их иерархия, что истины веры могут быть сверхразумны, но не противоразумны. Роджер Бэкон ставит задачу нового сочетания этих истин: глубина истины дана пророкам⁴ в откровении лишь символически и только философия способна и должна полностью раскрыть эту истину.

Аверроизм, разгромленный в Париже, был возрожден в XIV в. Жаном Жанденом и Пьетро д'Абана в Падуанском и Болонском университетах. Его традиции прослеживаются в XV в. у Пико делла Мирандолы, а в XVI в. – у Дж. Бруно и П. Помпонаци.

Если до XII в. единственным господствующим направлением в европейской схоластике было августинианство, то в XIII в. сложились уже четыре основные теологические школы, стиль философствования которых во многом определялся характером ориентации на греко-арабское философское наследие:

- августинианство францисканцев, продолжившее традиции авиценнизированного августинианства XII в. и достигшее своего расцвета в трудах Бонавентуры;
- аристотелизм доминиканцев, наиболее выдающимся представителем которого был Фома Аквинский;
- аверроизм, нашедший наиболее яркое выражение в учении Сигера Брабантского;
- оксфордская школа (Роджер Бэкон и его последователи), которая, сосредоточив главное внимание на естественнонаучных трудах античных и арабских ученых, впервые противопоставила экспериментальный метод в философии схоластическому.

Литература. Испанский ориенталист Мигель Асин Паласиос исследовал вопрос о мусульманском влиянии на Данте («Мусульманская эсхатология и “Божественная комедия”», 1919 г.) и выяснил, что многие символы и выражения взяты последним у мусульманских эзотериков (Мухиддин абн-Араби). Итальянский писатель Луиджи Валли доказал, что подобное встречается не только у Данте. Многие его современники и соотечественники были членами тайной организации «Fidei d'Amore», одним из ее

⁴ Симптоматичен акцент на Танахе!

руководителей которой Данте и являлся. Характер этой организации не совсем понятен, но, видимо, таких было немало⁵.

В мавританской Испании в итоге происходило смешение культур. На северо-западе больше были распространены группы христиан (с вестготских времен они были самостоятельны), соответственно и преимущественно христианская культура, а влияние мусульманской культуры было незначительным. В большей части Испании сложилась более однородная испано-арабская культура, которая постепенно распространялась на северо-запад. Арабский язык был общим, хотя в быту использовался романский диалект с арабской лексикой. Широким было увлечение арабской поэзией. Распространению испано-арабской культуры способствовала Реконкиста: некоторые христианские правители переселяли в северные освобожденные районы мосарабов (в марках). Однако многие мусульмане оставались жить при христианах, например, Толедо – типичный мусульманский город, отвоеванный в 1085 г., впоследствии играл важную роль в распространении мусульманской культуры.

Таким образом, Европа испытывала двойное влияние – со стороны Византии и арабов. Вклад арабов в западноевропейскую цивилизацию сводился, как правило, к некоторому улучшению материальной базы, приданию жизни утонченности и изысканности. Большинство европейских народов не осознавали арабский или мусульманский характер перенимаемых новшеств. «Красивая жизнь» и ее литература стимулировали в какой-то мере и поэтические гения романских народов. Однако арабские надписи на тканях часто воспринимались просто как геометрический орнамент. На картине Джотто «Воскрешение Лазаря» куфические письмена видны даже на повязке на плече Иисуса. Фламандские и итальянские живописцы XIV–XV вв. рисовали арабские ковры под ногами христианских святых и Девы Марии, не придавая значения их «мусульманскому» происхождению.

Как писал А. В. Журавский, «сегодня мы уже довольно отчетливо осознаем ту роль, которую сыграли народы Ближнего Востока, их культуры и духовный опыт в становлении и развитии европейской цивилизации. Ближний Восток был для Европы своего рода источником, из которого она черпала недостающие ей культурные элементы, и в то же время постоянным «раздражителем», ставившим перед европейской мыслью новые, неведомые проблемы, вынуждавшим напряженно искать на них ответы. Начиная с периода Высокого Средневековья эта роль ближневосточного интеллектуально-духовного партнера-оппонента принадлежала

⁵ Более подробно см.: *Габриэли Ф.* Данте и ислам // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 203–208; 89. *Шахиди М.* Абу Али Ибн Сина – обитатель Лимба // Дантовские чтения 1985. М., 1985. С. 151–174.

преимущественно арабо-мусульманской культуре. История двух цивилизаций средиземноморского ареала в полной мере может быть понята лишь в контексте их взаимодействия, в ходе которого между ними, с одной стороны, складывается и осознается определенная духовная общность, а с другой – выявляются некоторые принципиально отличные социокультурные ориентиры».

Ключевые слова: халифат, арабизация, исламизация, мусульманская культура, Реконкиста, дихотомия «Восток – Запад», сарацины, Беда Достопочтенный, Иоанн Дамаскин, Коран, Библия, исламская проблема в средние века.

Контрольные вопросы

1. Когда и почему началось арабское вторжение в Европу?
2. Что такое Реконкиста?
3. Существовали ли между двумя мирами дипломатические отношения?
4. Какой характер носили межконфессиональные отношения?
5. Какова роль торговли в христианско-мусульманских отношениях?
6. Что такое «мусульманская культура» и какое влияние она оказывала на средневековую культуру христианской Западной Европы?

Список литературы

- Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951. Т. 1, 2.
- Армур Р.* Ислам и христианство. Непростая история. М., 2002.
- Бартольд В. В.* Ислам. Арабский халифат // Сочинения в 9 т. М., 1966. Т. 6.
- Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Там же. М., 1969. Т. 9.
- Батунский М. А.* Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4.
- Бицилли П. М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого света // Метаморфозы Европы. М., 1993.
- Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Испании. М., 1977.
- Габриэли Ф.* Данте и ислам // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.
- Грецкий С.* Историко-философский процесс средневековья // Памир. 1990. № 5. С. 179–192.

- Григорьева Т. П.* Еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература, 1976. № 7.
- Грюнебаум Г.-Э., фон.* Классический ислам. Очерк истории. 600–1258. М., 1986.
- Грюнебаум Г.-Э. фон* «Рисала фи-л-'ишик» Ибн Сины и куртуазная любовь // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.
- Дитмар А. Б.* От Птолемея до Колумба. М., 1989
- Дози Р.* История мусульманства в Испании. СПб., 1906.
- Журавский А. В.* Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М., 1990.
- Заборов М. А.* История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.
- Завадская Е. В.* Восток на Западе. М., 1970.
- Игнатенко А. А.* В поисках счастья. М.: Мысль, 1989.
- Кастри А. де.* Ислам и христианство в эпоху завоеваний и владычества арабов. Пг., 1915.
- Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937.
- Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. Общий обзор. М., 1967.
- Луис Б.* Ислам и Запад. М., 2003.
- Лучицкая С. И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
- Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1973.
- Ольденбург С. Ф.* «Связи Запада с Востоком старинные...» // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982.
- Очерки истории арабской культуры V–XV вв.* М., 1982.
- Петров А. М.* Восток и Запад: экономические контакты как отражение разнометповости развития // Азия и Африка сегодня. 1982. № 12.
- Пиков Г. Г.* Библия и представления европейцев VIII–XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 52–63.
- Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988
- Рашковский Е. Б.* «Восток – Запад» как проблема истории культуры // Народы Азии и Африки. 1986. № 3.
- Ренан Э.* Исторические и религиозные этюды. Магомет и происхождение исмаилизма. СПб., 1901.
- Сагадеев А. В.* «Наследие ислама»: история и современность. Предисловие к кн. У. М. Уотта «Влияние ислама на средневековую Европу». М., 1976.
- Старкова К. Б.* Арабский язык и литература в оценке еврейских средневековых писателей // Проблемы арабской культуры. М., 1987.
- Тойнби А. Дж.* Мир и Запад // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

- Уотт У. М., Какиа П.* Мусульманская Испания. М., 1976.
- Уотт У. М.* Влияние ислама на средневековую Европу. М.: Наука, 1976.
- Фрилинг Р.* Христианство и ислам. Духовные борения человечества на пути к самосознанию. М., 1997.
- Хилленбранд К.* Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб., 2008.
- Христиане и мусульмане: Проблемы диалога.* Хрестоматия. Сост. А. В. Журавский. М., 2000.
- Чалоян В. К.* Восток – Запад. М., 1979.
- Шаймухамбетова Г. Б.* Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция. М., 1979.
- Шахиди М.* Абу Али Ибн Сина – обитатель Лимба // Дантовские чтения 1985. М., 1985.
- Шидфар Б. Я.* Арабская проза и средневековая испанская литература // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.
- Ayoub M.* Muslim Views of Christianity: Some Modern Examples // Islamochristiana. Roma, 1984. Vol. 10.
- Bouamrane.* Conditions d'un dialogue islamo-chrétien // Recherches d'Islamologie. Louvain, 1977.
- Daniel N.* Islam and the West, the Making of an Image. Edinborough, 1980.
- Daniel N.* Islam. Europe and Empire. Edinborough, 1966.
- Hitti Ph. E.* Islam and the West. A Historical Cultural Survey. L., 1962.
- Islam et Chrétiens du Midi (XII–XIV s.).* Toulouse, 1983.
- Kritzcek J.* Peter the Venerable and Islam. Princeton, 1964.
- Montgomery W. Watt.* The influence of Islam on medieval Europe. Edinburgh University Press. 1972. (Islamic Surveys, 9).
- Raisanen H.* The Portrait of Jesus in Qur'an. Reflections of a Biblical Scholar // Muslim World, 1980. Vol. LXX. № 2.
- Southern R. W.* Western Views of Islam in the Middle Ages. Harvard, 1962.
- The Cultural Context of Medieval Learning // Proceedings of International Colloquium on Philosophy, Science and Theology in the Middle Ages.* Sept. 1973. Boston, 1975.
- Tyerman C.* God' War. A New History of the Crusades. L., 2007.

Образ ислама и арабов в средневековом европейском сознании (материалы к спецкурсу)

Программа спецкурса

1. Возникновение и эволюция дихотомии «Восток – Запад».

Современная медиевистика и постановка проблемы изучения истории народов, контактировавших с Европой на границах христианского мира. Э. Ренан об исламе. Причины начала всестороннего изучения указанной проблемы в послевоенный период: общественно-политические и научные. Работы Нормана Даниэля, Рене Генона, Уильяма Монтгомери, Р. Сауферна и выявление различных аспектов проблемы – исторического, научного, теологического.

Ислам и христианство: духовно-исторический контекст взаимодействия. Ближний Восток и европейское Средиземноморье в эпоху античности. Межконтинентальный характер Троянской и греко-персидских войн. Концепция Геродота. Зарождение негативного образа «азиата». Реакция христианского сознания на появление ислама. Складывание образа «неверного» (мусульманина). Ислам – «вызов». Этическое противопоставление христианства исламу. Крестовые походы и их роль в нарастании антимусульманских настроений в Европе. Падение Византии в XV веке и новая волна антимусульманства. Утверждение в европейском сознании образа мусульманина как варвара и кровожадного насильника, роль в этом книгопечатания. Колониальная экспансия и появление высокомерия по отношению к исламу, мусульманам и мусульманской культуре. Специфика первых специальных исторических трудов об исламе: прикладной характер истории мусульманских территорий в связи с историей Европы, отсутствие интереса к прошлому населения мусульманских стран, недооценка уровня развития мусульманского общества, его культуры и т. д.

Особенности ислама как религиозно-культурного синтеза, способствовавшие складыванию искаженного образа мусульманства в средневековом европейском сознании, менталитет и культурные истоки, специфика общественно-политического развития. Различия в развитии обществ Запада и Востока в средние века: аграрная Европа и городская цивилизация ислама, темпы культурной эволюции, различия в интеллектуальном наследии и его использовании. Герберт и Авиценна как два наиболее ярких представителя христианской и мусульманской культур.

Христианство и ислам в позднее Средневековье.

Основные элементы христианского представления об исламе: 1) ислам – сознательное искажение истины, 2) ислам – религия насилия, 3) ислам – религия потворства порокам, 4) Мухаммед – Антихрист.

Периодизация исламской проблемы. «Век невежества» (VIII–XI вв.). Библия как ключ к решению «тайны» сарацин.

2. Мусульмане в Европе.

Арабы в Испании. Мусульманское вторжение в Испанию в начале VIII в. Превращение полуострова в провинцию Арабского халифата. Переворот Абд ар-Рахмана I (756 г.) и создание Кордовского эмирата. Взаимоотношения мусульман с христианами в Испании. Апогей Реконксты в XI в. Освобождение Толедо (1085 г.). Вмешательство Альморавидов и Альмохадов. Ход Реконксты в XII–XV вв. Освобождение Гранады (1492 г.).

Арабы в Италии и Сицилии. Разграбление Сиракуз (692 г.). Междоусобицы в Сицилии и призвание на остров тунисских Аглабидов. Оккупация Сицилии. Вторжение арабов в Италию. Папство и арабы (дань, посредничество). Вероятность арабских вторжений в заальпийские области. Арабы в Италии и Византия. Сицилийские султаны и Фатимидский Египет. Основание норманнского княжества Робером Гюискарром. Норманны и сицилийско-арабская культура.

Попытка арабов захватить Галлию. Битва при Пуатье (732 г.). Легенда о дипломатических отношениях между Карлом Великим и Гаруном ар-Рашидом. Решение этой проблемы В. В. Бартольдом.

Арабы и Византия. Захват южных провинций Византийской империи арабами. Попытки (669 и 717 гг.) захвата Константинополя.

Мотивы мусульманской экспансии. Джихад.

Реакция европейцев на появление мусульман. Сосуществование мусульманских и христианских владений в Испании. Синкретическая культура в Сицилии («крещеные султаны Сицилии»). Паломничества в мусульманские земли. Путешествие двух монахов из Сен-Жермен де Прэ в 858 г. в Испанию за мощами св. Винсента Сарагосского. «Французская дорога» в Сантьяго де Компостела.

3. Представления об арабах и Аравии в античности.

Экспедиции египтян в страну благовоний Пунт. Проблема локализации Пунта. Морская экспедиция при царице Хатшепсут. Характер взаимоотношений египтян и аравитян.

Упоминания об арабах в Библии. Взаимоотношения израильтян и мадианитян.

Морская экспедиция царя Соломона в страну золота Офир и посещение Соломона царицей Савской. Проблема локализации Офир.

Экспедиция Скилака из Карианды в Индийский океан. Свидетельства греческих и латинских авторов об Аравии. Геродот. Экспедиция Неарха в Индийский океан. Поход Элия Галла в Счастливую Аравию. «Перипл Эритрейского моря». Византийские авторы IV–V вв. об арабах: Аммиан Марцеллин, Руфин, Сократ, Созомен, Филосторг, Евагрий Схоластик.

4. Беда Достопочтенный об арабах и исламе.

Специфика отношения к мусульманам в континентальной Европе в период раннего средневековья.

Биография Беда. Основные сочинения. Характеристика «Церковной истории народа англоv». Идея превосходства христианства над остальными религиями как главная идея сочинений Беда Достопочтенного. Периодизация от «Рождества Христова». Представление о близости предела мира. Симптомы приближения «субботы» (трактаты «О шести возрастах мира», «О неделе»). Разгром арабов в битве при Пуатье (732 г.) как один из таких симптомов.

Решение Бедой проблемы происхождения сарацин с помощью Библии (Бытие 16, 1-6). Сходство и различие рассказа об Измаиле в Библии и Коране. Равнодушное и абстрактное восприятие появления мусульман североевропейскими авторами.

5. Христианская апокалиптическая мысль и ислам (VIII–IX вв.)

Арабы в Испании. Карл Великий и Испания. Взаимоотношения мусульман и христиан. Отношение к христианам как к «Людям Писания» (ахл ал-Китаб) и «покровительствуемым» (ахл аз-зимма). Введение повседневных запретов и начало гонений на христиан. Воздействие мусульманской культуры на христианское население Испании. Контакты мусульманской Испании и остальной Европы. Путешествие монахов из Сен Жермен де Прэ (858 г.) в Кордову и поездка кордовского епископа в Наварру (848 г.).

Всплеск антиисламских выступлений в Испании в середине IX в. Евлогий и Павел Альварес. Павел о будущей судьбе сарацин (пример перехода от поисков упоминаний о прошлом арабов в Священном Писании к изучению мнения библейских авторов о их месте в картине настоящего и будущего христианского мира).

6. Западноевропейские авторы VIII–XI вв. об исламе.

Информация о положении христиан в Испании и каролингская традиция. Сарацины и диспут об Антихристе и конце мира. Пасхасий Радбертус о сарацинах (комментарий на Мф. 24,14).

Представления европейских авторов об исламе перед крестовыми походами. Ральф Глабер о Мухаммеде. Увеличение объема знаний о

мусульманах после первого крестового похода. Складывание негативного и упрощенного представления о мусульманах. Отсутствие достоверной информации в сочинениях Эмбриха Майенского, Вальтера Компьенского и Гвиберта Ножанского. Источники сведений об исламе: европейский фольклор, византийская традиция, исламские предания, фантазия. Гвиберт Ножанский о Мухаммеде. Образы ислама и мусульман в «Песни о Роланде».

7. Иоанн Дамаскин об исламе. Восточно-христианская интерпретация мусульманского вероучения.

Биография. Основные сочинения. Иоанн Дамаскин – последний из великих отцов церкви на Востоке и первый схоласт. «Источник знания» и три составных его части. Информация о различных христианских ересь. Представление И. Дамаскина об идеях «исмаилитов» как последней и важнейшей христианской ереси. Использование Иоанном Библии для привязки мусульман к христианской истории. Иоанн Дамаскин о Мухаммеде, Коране и Христе. Опровержение И. Дамаскиным утверждения мусульман, что о Мухаммеде существовали пророчества в самой Библии. Иоанн Дамаскин о культе Каабы. «Спор сарацина и христианина».

8. Западноевропейские авторы XII века об исламе.

Вильям Мальмсберийский. «Диалоги» Петра Альфонси. Псевдо-Турпин. Оттон Фрейзингенский. Роджэр из Ховдена. Иоахим Флорский об исламе.

Петр Достопочтенный об исламе. Начало изучения ислама в Европе. Толедская группа переводчиков. Биография Петра Достопочтенного. Перевод Корана: цели, особенности, судьба. Петр о будущем взаимоотношений христианства и ислама и необходимости изучения ислама.

9. Отношение европейцев к исламу в первой половине XIII века.

Запад и ислам в период V крестового похода. Борьба за Дамиетту. Деятельность легата Пелагия. Легенда о пресвитере Иоанне. Происхождение и эволюция легенды, ее воздействие на менталитет европейских христиан. Возрождение надежд на антимусульманский союз с восточными христианами.

Г. Рубрук и диспут при дворе Великого Хана. Организация францисканских миссий к монголам. Миссия Плано Карпини. Г. Рубрук и его миссия. Организация и ход диспута, его участники. Роль Г. Рубрука. Обсуждавшиеся проблемы. Итоги диспута и их воздействие на отношение европейских христиан к исламу.

10. *Естественнонаучное направление в западноевропейской схоластике и ислам. Р. Бэкон об исламе.*

Воздействие мусульманской философии на общественную мысль латинского Запада. Фома Аквинский и ислам.

Источники информации Р. Бэкона об исламе. Представление Р. Бэкона о месте христианства в мире. Классификация различных форм неверия. Взаимоотношения христианства и ислама и их перспектива.

11. *Идея миссионерской деятельности среди мусульман и ее интерпретаторы (Франциск Ассизский, Раймонд Луллий).*

Биография Франциска Ассизского. Франциск на Востоке. Отношение к крестовым походам. Ислам в интерпретации Франциска. Рамон де Пеньяфорте. Раймонд Луллий. Жизнь и деятельность. План подготовки миссионерских кадров и отношение Луллия к исламу.

12. *Европейские путешественники второй половины XIII – начала XIV вв. об исламе и мусульманах.*

Гийом Триполийский. Бурхардт. Рикольдо да Монтекроче. Симон Семеонис. Решения Вьенского собора. Джон Мандевиль. Легенда о трех великих обманщиках.

13. *Проблема ислама во второй половине XIV века. Джон Виклеф об исламе.*

Реформационное учение Д. Виклефа. Источники информации Д. Виклефа об исламе. Сходство и отличие христианства и ислама. «Внутренний» и «внешний» ислам. Воздействие идей Д. Виклефа на общественное мнение.

14. *Проблема ислама накануне Реформации. Николай Кузанский об исламе.*

Иоанн из Сеговии и Николай Кузанский: новое направление в решении «проблемы ислама». Сочинение Кузанца «О мире веры». Соотношение ислама и прочих религий. Ислам и христианство. Проблема Троицы. Отношение к Христу. Проблема распятия. Рай и ад. Николай Кузанский о Коране.

Лекционный материал

Интересно было бы написать историю понятий, которые христианские народы составляли себе о Магомете.

Э. Ренан

Дихотомия Восток – Запад

Современные европейско-арабские отношения сложны и неоднозначны и на них, безусловно, повлияли представления средневековых европейцев об арабах и исламе и сложившиеся еще в античности представления о жителях Востока в целом. Диалог ислама и христианства – одна из страниц и форм широкого процесса культурно-исторического взаимодействия Востока и Запада. Актуальность той и другой проблемы очевидна и в научном, и в идеологическом, и в политическом планах, особенно в последнее время, когда, можно сказать, от их решения во многом зависит ближайшее будущее человечества.

Дихотомия Восток – Запад создана историей. До наших дней дошло две крайности⁶ в решении этой проблемы: либо говорится не только о близости, но даже и культурной идентичности Востока и Запада, либо утверждается их абсолютная противоположность.

Развитие европейской цивилизации шло всегда под определяющим воздействием дихотомии Восток – Запад. Если индивидуальное сознание определяет свое место в мире в соответствии с принципом «Я и ОН», то массовое сознание противопоставляет МЫ и ОНИ.

Это противопоставление Востока и Запада играло ключевую роль еще в древнейший период. Как считал Вл. Соловьев, «через всю жизнь человечества проходит великий спор Востока и Запада. Еще Геродот относит его начало к временам полуисторическим: первые проявления всемирной борьбы между Европой и Азией он указывает в событиях баснословных – в похищении финикийцами женщин из Аргоса и в похищении Елены из Лакодемона сыном троянского Приама. От такой древности этот спор достиг до наших дней, и доселе он глубоко разделяет человечество и мешает его правильной жизни».

Еще во времена Гомера сложились сами понятия «Европа» и «Азия», являющиеся фактически переводом семито-хамитских корней «Эреб» (Запад) и «Асу» (Восток)⁷ и в процессе своего развития претерпевшие немалую

⁶ Григорьева Т. П. Еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 1976. № 7. С. 244.

⁷ Возможно, эти термины были заимствованы греками у финикийцев: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 36.

эволюцию. Эта эволюция шла по двум основным направлениям: формирование географического смысла понятий «Восток» и «Запад» и выработка принципиального отношения Запада к Востоку. Оба находились в зависимости от общего исторического развития западных государств. Первоначальное противопоставление Востока и Запада выросло, прежде всего, из несоответствия экономического и культурного развития греческих городов-государств их политическому положению в Древнем мире, находившемся под угрозой Персидской державы.

В сочинениях ранних греческих авторов уже получили оформление понятия «Азия» и «Европа». Представители милетской школы обозначали этими словами части материка, разделенные Средиземным и Черным морями. Европа упоминается уже в гомеровском гимне, где так названа часть Греции к северу от Пелопоннеса.

Формирование греческой географической науки связано с непосредственным влиянием восточных народов, так как начало эта наука получила в Малой Азии, и в трудах первых греческих авторов преобладали представления об устройстве мира и вселенной, заимствованные из Вавилона и Египта⁸.

К тому времени, когда авторы милетской школы и пифагорейцы начали заниматься первыми научными обобщениями, им была уже известна немалая часть суши. В период «великой колонизации» греческие мореходы открыли все средиземноморские берега Южной и Юго-Западной Европы и северное побережье Африки. В северо-восточном направлении греки основали колонии на всем побережье Черного моря, выходили в Азовское море. В III в. до н. э. они составили первую карту Черного моря. Страну, расположенную к северо-востоку от него, греки называли Скифией. Геродоту было известно Каспийское море, за которым живут массагеты.

В I тыс. до н. э. греческая колонизация распространилась во всех направлениях, что способствовало развитию географических представлений и их обобщению. Это выразилось в попытке деления Земли на две части света. В дальнейшем греческая география в своем непрерывном развитии способствовала росту противопоставления цивилизации греческого народа (Европа) варварскому деспотизму (Азия). В эллинистическую эпоху эти настроения притупились благодаря активному культурному взаимодействию Запада и Востока.

Известную часть Северной Африки (Ливию) некоторые греки считали полуостровом Азии, другие предполагали наличие трех континентов. Полибий представлял себе Европу как часть света, располагающуюся к северу от Азии и Африки.

⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 36–37.

В понятие «Восток» греки включали все территории, которые лежали к востоку за пределами эллинского мира (Запада). Прежде всего, они ассоциировали Восток с Персией, которая как бы впитала в себя более древние цивилизации, являвшейся долгое время главным противником греков. Это получало оформление в теориях противопоставления деспотизма персидской державы и свободных эллинских городов-государств. В трудах Геродота Персидская война представляется как героическая «защита политической свободы, которая была специфическим открытием Греции»⁹. В отсутствие этой свободы заключалось варварство персов, по этой линии шло разделение западных и восточных народов. Причиной негативного отношения к Востоку можно считать страх греков перед Персидской державой. Межконтинентальный характер Троянской и греко-персидских войн подчеркивался Гомером в его поэмах «Илиада» и «Одиссея», Эсхилом в «Персах». От греко-персидских войн сохранялось ощущение как страха маленькой Европы перед огромным непредсказуемым Востоком, так и возможности его сокрушения. О взаимоотношениях Азии и Европы как своеобразной «войне миров», по сути, говорит в своих сочинениях и «отец истории» Геродот.

Походы Александра Македонского имели еще большее значение для дальнейшей эволюции понятий «Восток» и «Запад». Во время походов расширялись знания об Индии, Бактрии, Каспийском море и Приаралье. Сам Александр проводил политику сближения с местным восточным населением и распространения греческой культуры и цивилизации на Востоке. Благодаря созданию эллинистических государств возникли новые представления о цивилизованном мире, стирались внешние различия между Западом и Востоком, подвергавшимся греческому влиянию. Сбор и накопление сведений продолжались и в эпоху эллинистических государств (Патрокл, Мегасфен, Демодан)¹⁰.

Тем не менее, представление о цивилизации на Востоке связывалось только с распространением греческой культуры. Сами греки не читали варварскую литературу, исторические и географические материалы. Материалы Манефона и Бероса не внесли изменений в греческие представления об историческом развитии Азии. «Было, конечно, модным восхвалять “восточную мудрость”, но лишь в тех случаях, когда она как будто совпадала с “мудростью греческой”»¹¹.

⁹ Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953. С. 124.

¹⁰ Магидович В. И. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. Т. 1. С. 92

¹¹ Томсон Дж. О. Указ. соч. С. 185.

Таким образом, греки были фактическими родоначальниками представления о Западе как носителе прогресса и цивилизации и Востоке как отсталом мире, способном быть только в «учениках» у Запада.

В римское время главными факторами, способствовавшими расширению географического кругозора, продолжали оставаться военные походы и торговые связи¹². Римлянам была известна уже почти вся Европа до Балтийского моря и Карпат. Купцы сообщали о Днепре, Волге и Каспии, но эти сведения были нечеткими¹³. В Азии объем географических знаний римлян мало отличался от греческих, так как в сферу их политических интересов непосредственно входил только Ближний Восток. Римляне торговали с Индией, но, хотя знания об этой стране и прилегающих островах в отношении географии увеличились, в литературе преобладали фантастические вымыслы. В греко-римских источниках имеются сведения о Китае, откуда римляне получали шелк. Китай помещали на крайнем северо-востоке обитаемой земли¹⁴. В этот период наиболее важные работы по страноведению были написаны Страбоном, Плинием Старшим и Птолемеем, «География» которого считается вершиной античной географической науки¹⁵. В ней есть сведения о внутренних районах Африки, Китае и Малайском полуострове¹⁶, т. е. границы географических представлений ко II в н. э. существенно раздвинулись.

Под Азией римляне понимали часть света, расположенную к востоку от Европы и Африки, и Африку многие не отделяли от Европы¹⁷. Фактические сведения о народах, населяющих восточные области, оставались преимущественно на уровне предшествующего периода.

Труд Страбона дает представление о взглядах на Восток и Запад той эпохи. Под Востоком понимается все, что лежит к востоку от Италии (включая европейскую Грецию)¹⁸. Европа же (т. е. Италия в географическом смысле) – это часть света, которой суждено занять первое место в мире по уровню развития цивилизации¹⁹. Понятие о противоположности Востока и Европы находит развитие и у других римских авторов.

Представление о культурном противостоянии Восток – Запад менялось и от изменения географического смысла понятий «Европа» и «Азия».

¹² Дитмар А. Б. От Птолея до Колумба. М., 1989. С. 40.

¹³ Магидович В. И. Магидович И. П. Указ. соч. С. 119.

¹⁴ Там же. С. 120.

¹⁵ Бартольд В. В. Указ. соч. Л., 1925. С. 44.

¹⁶ Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 46.

¹⁷ Бартольд В. В. Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Конрад Н. И. Востоковедение // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. Стб. 722.

¹⁹ Бартольд В. В. Указ. соч. С. 47.

В зависимости от политики средиземноморских государств в понятие «Запад» включались различные территории Европы и части Азии и Африки. Например, если в эллинистическую эпоху к западному, т. е. «цивилизованному», миру относили и азиатские страны (эллинистические государства), то к периоду упадка Римской империи понятие «Запад» распространялось только на Италию, а под «Востоком» понималась не только Азия, но и восточные области Европы (включая Грецию).

В эпоху Римской империи уже окончательно оформилось отношение к восточному миру как неразвитому, что отразилось в восточной политике императоров. В римское время понятия «Восток» и «Запад» использовались в целях обоснования римского господства над огромной азиатской территорией.

Сначала отношение к Востоку мыслилось лишь в политическом смысле как противопоставление свободы и деспотии. Впоследствии оно переросло в культурологическую оппозицию – противопоставление греческой образованности восточному невежеству. Эти категории были распространены на всю восточную культуру, воспринимавшуюся неразвитой по сравнению с греко-римской. В последний же период Римской империи оно приобрело еще и религиозный характер. Уже в эпоху античности, следовательно, можно говорить о зарождении в европейском сознании негативного образа «азиата».

Сказалось здесь и развитие западного мира. Средиземноморскую античную цивилизацию можно будет назвать «широтной» и ее развитие уподобить своеобразным движениям маятника: из Греции – на запад, из Рима – опять на восток. В средние века начнет складываться своего рода «меридиональная» цивилизация, когда Средиземноморье, сократившее до предела свои связи с востоком, начнет ориентироваться на северных «варваров».

Со времени упадка Западной Римской империи до XI–XIII вв. не происходило дальнейшего расширения географического кругозора, поскольку христианские авторы в плане географии ограничивались библейскими сведениями. С XIII в. начался новый этап в накоплении фактов, который предварил эпоху географических открытий. В сочетании с ростом экономического и технического могущества западных государств географические открытия XV–XVI вв. позволили европейскому миру перейти к открытой экспансии в отношении Востока. Последняя является основным содержанием взаимоотношений Востока и Запада до настоящего времени.²⁰ За этот период позиция Запада в отношении Востока претерпела существенные изменения: от явно патерналистских (доказывающих необходимость понимания Западной Европы как культуры, намного

²⁰ Тойнби А. Дж. Мир и Запад // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

превосходящей восточный мир, который, следовательно, должен подчиниться ей в культурном и экономическом отношении) до позиций, признающих неразрывность исторического развития обоих миров²¹ или превосходство восточной культуры, являвшейся источником культурного развития Европы²².

На появление ислама христианское сознание реагировало в том же ключе. Страх перед регулярными военными и идеологическими «наступлениями» с востока обусловил соответствующее отношение и к арабам. В итоге образ «азиата» преобразуется в образ «неверного».

В истории взаимодействия Востока и Запада исламо-христианским отношениям принадлежит особая роль. И христианам, и мусульманам всегда было присуще сознание определенной духовной общности, восходящей к единому источнику ближневосточной авраамической традиции, и в то же время существенной инаковости их культурно-религиозного опыта.

Таким образом, средневековая Европа по необходимости была вынуждена изучать Восток в лице его мусульманской части – арабов. Естественно, это изучение проводилось на донаучном уровне и преследовало цель доказать правильность христианского образа жизни.

Сарацины были известны европейцам еще до того, как они стали мусульманами. В Европу это слово перешло от греков, которые называли так аравийских арабов. Сведения европейцев об арабах первоначально были весьма скудны. Географический трактат IV в. «Полное описание вселенной и народов» ограничивается следующим сообщением: «Бок о бок с ними (персами. – П. Г.) живет племя сарацин, полагающее свое жизненное благополучие в грабежах».

Именно с распространением ислама и созданием Арабского халифата возникло религиозно-идеологическое противостояние Запада и Ближнего Востока. Однако процесс культурного общения между этими регионами никогда не прерывался полностью.

Это было связано как с огромной близостью двух метарегиональных культур, так и с тем, что обе они сформулировали, по сути, взаимоисключающие парадигмы развития всего тогдашнего человечества, основанные на понятии «мировая религия». Отношение средневекового христианства к исламу определяли две основные установки: с одной стороны, необходимость учиться у него как у более сильного и знающего, с другой – бороться с ним как с чуждой и враждебной верой.

²¹ *Ольденбург С. Ф.* «Связи Запада с Востоком старинные...» // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 6.

²² *Бицилли П. М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого света // *Метаморфозы Европы.* М., 1993.

Идея историзма и поступательного развития человечества впервые, в религиозной форме, осмысливается христианством. Именно первые раннехристианские общины, раскинутые по всей Римской империи и за ее пределами, ощущали свое единство как члены «вселенской церкви». Практически у всех средневековых христианских мыслителей, от Августина до Фомы Аквинского, есть представление о том, что развитие человечества должно привести к царству Христову, которое воспримет в себя весь мир, ибо христианская культура единственно правильная («...прав наш король, а нехристи не правы») («Песнь о Роланде»). В средние века в Европе на базе христианства возникло культурное единство романо-германских народов, и в то же время христианство послужило идеологическим основанием европоцентризму, проявлявшемуся тогда в форме христианоцентризма. Стремительная территориальная экспансия исламского мира лишила Европу половины средиземноморского ареала и поставила под вопрос существование христианской конфессии. Неудивительно поэтому, что военно-политическая конфронтация между двумя цивилизациями вплоть до XX в. получала преимущественно религиозно-идеологическое обоснование и осмысливалась как война за веру против «неверных». Дополнительную эмоциональность в отношении европейцев к исламу вносила их «ревность о Святой земле» как колыбели христианства, следовательно, по праву принадлежащей христианам. В своей знаменитой речи на Клермонском соборе (26.11.1095) папа Урбан II, призывая рыцарей отвоевать «наши земли» у «персидского племени турок», «служащего дьявольским силам», сулил им не только материальные выгоды от похода («земля же та, как гласит Писание, течет млеком и медом»), но и стать на «стезю святого гроба», т. е. на путь, которым паломники шли в Иерусалим. Заслуга борьбы с «неверными» приравнивалась к совершению паломничества.

Для христианства ислам был и серьезным культурно-теологическим вызовом. Возникнув под духовным влиянием иудейско-христианской традиции, он основательно ее переосмыслил и нарушил стройность представлений средневековых христиан о божественном плане истории. По сути, появление исламской альтернативы поставило под сомнение перспективы развития христианского мира, было для них своеобразным религиозно-историческим вызовом. В чем общий исторический смысл мусульманства и какова его роль в божественном домостроительстве — таков был главный смысл христианского вопрошения об исламе.

Выдвинутое Мухаммедом в мединский период его жизни утверждение об извращении иудеями и христианами Писания носило оборонительный характер и позволило исламу устоять перед влиянием этих гораздо более древних религий, но оно, однако, ставило под вопрос непогрешимость всего христианского вероучения. Понятно, что отношение христиан к исламу всегда было предельно эмоциональным и непримиримым, ислам требовал

ответа и постоянного внимания к себе. Чтобы успешно бороться с верой могучего и опасного соперника, ее надо было изучать.

Необходимо было найти религиозное понимание ислама и его основателя. Для христианства вся цепь пророчеств и откровений есть постепенная подготовка к кульминации мировой истории – «Боговоплощению». Мухаммад же, выступив шестью веками позже этого события, заявил о себе как о завершителе пророческого цикла, которому ниспослана вся полнота божественного откровения, и, более того, отверг некоторые фундаментальные догматы христианства. С точки зрения христиан, Мухаммад не мог быть подлинным пророком, а его вероучение не могло быть истинным. Поэтому в Мухаммаде христиане видели в лучшем случае ересиарха или лжепророка, иногда он предстал как колдун, антихрист или даже сатана. Ислам же представлялся новой формой ереси (иногда иудейской, иногда христианской) или разновидностью язычества.

Именно в эпоху средневековья, в период наиболее интенсивных культурных заимствований, в христианском сознании вырабатывались основные стереотипы ислама, которые во многом предопределили характер традиционного отношения церкви к мусульманам: «Жители современной Европы унаследовали от своих средневековых предков широкий и устойчивый комплекс идей об исламе, который лишь постепенно видоизменялся по мере того, как менялись общественные условия в самой Европе и складывались ее принципиально новые отношения с мусульманскими странами и культурой»²³.

Соответствующий имидж ислама складывался не только в силу слабого знания европейцами этой религии. В средневековых представлениях об исламе можно выделить три элемента: мифологический, теологический и рациональный²⁴. Средневековая литература по исламу создавалась преимущественно богословами, которые опирались на самые различные источники, однако информация в большинстве случаев отбиралась предвзято, факты сознательно искажались. В средневековом решении «проблемы ислама» преобладали религиозно-идеологические мотивы. В основном западноевропейские представления об исламе сложились в XII–XIV вв. Однако формировались они во многом уже на базе существовавшей восточнохристианской интерпретации мусульманского вероучения.

И все же отношение к арабам на протяжении всех средних веков не было однозначным. Можно говорить о специфике отношения к мусульманам в континентальной Европе в различные периоды.

²³ Daniel N. Islam. Europe and Empire. Edinburgh, 1966. P. XII.

²⁴ Батунский М. А. Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 107.

Зарождение традиций. Представления об арабах и исламе в «период невежества» (VIII–XI вв.) Библия как «ключ» к тайне сарацин

С возникновением и распространением ислама в сознании христиан начало складываться представление об этой религии²⁵. Появление ислама требовало ответа на ряд сложных вопросов: признак ли это конца света или некая стадия в развитии христианства и в чем суть этой ереси? Необходимо было найти религиозное обоснование возникновению нового вероучения.

В создании литературы об исламе средневековые авторы опирались на различные источники: апологетические сочинения восточных христиан; византийские источники; свидетельства самих мусульман и переводы мусульманских авторов; народные легенды, рассказы рыцарей и пилигримов. Одним из инструментов познания мира в средневековом христианском мире была Библия. В то время почти исключительно она помогала объяснить происхождение и предпосылки современных событий, в частности, давала возможность найти следы древнейших упоминаний сарацин в ветхозаветной истории и установить их родство с известными народами и религиями. Она же давала ответ и на вопрос о дальнейшей судьбе мусульман, их месте в предстоящем конце всего сущего. Роль ее в данном случае заключалась в обнаружении следов упоминаний сарацин в ветхозаветной истории и привязке их к «священной истории», т. е. установлению их связи с европейской цивилизацией. Исследование Библии помогало разрешить и такой вопрос: почему именно ислам стал первым серьезным противником западного мировоззрения и оказал такое воздействие на него.

Период раннего средневековья (VIII–XI вв.), по меткому замечанию, одного английского исследователя (Southern R. W.), можно назвать «*Веком невежества*».

Чтобы понять значение этого выражения и специфику отношения европейцев к арабам в указанный период, необходимо обратить внимание на восприятие европейцами истории в целом в период господства христианства.

Прежде всего, надо отметить, что к VIII в. меняется значение термина «*исторические народы*». Если в античную эпоху так именовались народы, сыгравшие особую роль в развитии цивилизации (греки, римляне), то теперь

²⁵ По мнению У. М. Уотта, западная мысль входила в мусульманскую культуру тремя волнами. Первые две – освоение средневековым исламом античного наследия (IX–X вв. – эпоха переводов с греческого и расцвета фалсафа – мусульманской эллинизирующей философии и XI–XII вв. – эпоха ал-Газали, связанная с освоением греческих интеллектуальных моделей каламом – мусульманской спекулятивной теологией). Третья волна – влияние Европы на ислам в XIX–XX вв. (см.: *Watt W. M. Islamic Philosophy and Theology // Islamic Surveys I. Edinburgh, 1962. P. 181–182*).

под ними понимались уже не только и не столько жители Римской империи, сколько бывшие «варвары». Широкое применение в историографии этого периода получают схема *Евсевия – Иеронима* и идеи *Аврелия Августина*: «профанная» история понимается как часть истории священной, как ее продолжение и завершение.

Периодизация по четырем монархиям, разработанная Евсевием и Иеронимом, основывалась на библейской книге *Даниила*, освоенной христианской традицией. Если сам Даниил, писавший во время успешной борьбы евреев против монархии Селевкидов, считал четвертым из последовательных насильнических и угнетательских царств эллинистическое государство, то Иероним в своем комментарии последней земной монархией именуется Римскую империю.

Перед Аврелием Августином, жившим в период агонии Рима, встала серьезная проблема. Надо было каким-то образом объяснить падение этого четвертого царства, ведь вслед за ним сразу же должно было наступить пятое «вечное» Божье царство. Его буквально засыпали письмами, в которых требовали разъяснения вопросов, связанных с приближением конца мира.

Но церковь не могла принять прежнюю актуальную эсхатологию, ибо это мешало бы складыванию организации. Поэтому было только два выхода: признать, что Рим никогда не был сокрушен, или поставить на его место другую монархию. Так, уже первое падение Рима в 410 г. породило целый ряд проблем. Прежде всего, это проблема *периодизации «профанной» истории*.

Кроме того, земная власть в соответствии с христианским верованием была результатом грехопадения. Если ей приписать «конечный» характер, то произойдет подмена религиозной эсхатологии политической. Поэтому-то Августин и заметил, что «те, кто обещают земным царствам вечность, не руководимы истиной». Но обойтись без теории четырех монархий христианская церковь тоже не могла.

Она возникла в Персии примерно в первой половине II в. до н. э., незадолго до написания кн. Даниила, но именно в его формулировке и через его комментатора Иеронима (IV в. н. э.) эта периодизация стала, по словам немецкого историка Ц. Трибера, *«краеугольным камнем исторического мировоззрения на протяжении всего средневековья»*. Она тесно связана с представлением о прямолинейном прогрессивном движении человечества. По апокалиптическому видению Даниила, гибель четвертой монархии последует за появлением Мессии, а перед пятой произойдет воскресение мертвых. Все известные европейцам народы имеют свое строго определенное место в этом процессе, вплоть до загадочных серов.

Неудивительно поэтому, что ближайшей своей задачей после появления арабов у «стен» европейской цивилизации латинские авторы ставили привязку мусульман к священной истории.

В начале VIII в. появляются первые упоминания о сарацинах в трудах европейских авторов.

На складывание образа ислама в средневековом европейском сознании оказала свое влияние и *литература, созданная в Сирии*. Сирийцы, несмотря на длительное господство иноземцев, сохранили свой язык и культуру от чрезмерного влияния греко-римской культуры и явились передаточным звеном между греческой цивилизацией и арабским миром. Сирийцы всегда были известны своим свободомыслием, у них существовало множество богословских школ и ересей, что не нравилось Константинополю. Экспансия мусульман в Сирии не встретила особого сопротивления со стороны местного населения. Мусульмане не заставляли принимать ислам, сохранили местную административную систему и в качестве официального языка греческий, старались использовать христиан у себя на службе в качестве советников, наставников, учителей, художников, поэтов и т. п.).

Византийская христианская церковь первой из христианских сообществ столкнулась с исламом, поскольку он зародился недалеко от нее и позднее захватил многие православные районы (Палестину, Египет, Сирию, Малую Азию). До начала VIII в. византийская литература практически не содержала никаких сведений об учении ислама, который встретился сначала с монофизитскими и несторианскими общинами, составлявшими большинство христианского населения в Аравии, Египте, Сирии и Месопотамии. Однако войны с арабами повлияли на то, что каждая из сторон основывалась на своей религии и истолковывала действия другой как обусловленные религией. Коран призывал к священной войне против «тех, кто приписывает Богу неких сотоварищей», т. е. христиан, верующих в Троицу, а византийцы, вслед за Иоанном Дамаскиным, называли ислам «предвестником Антихриста». Для борьбы с иноверием появился ряд богословских произведений в форме «бесед».

Восточно-христианская интерпретация мусульманского вероучения связана с именем *Иоанна Дамаскина*. Святой Иоанн Дамаскин был одним из первых христианских авторов, чье имя обычно возглавляло всякий список христианской антимусульманской литературы.

Он родился в столице Сирии Дамаске, в христианской семье, около 675 (680?) г. Согласно церковной традиции, Иоанн принадлежал к богатой семье Сергия Мансура, чиновника византийского финансового управления в Дамаске, участвовавшего в переговорах с арабами о капитуляции города в 635 г., и был его внуком. Он получил прекрасное образование – его учителем был Косьма Сицилийский, купленный на рынке в качестве учителя. Преподавая «не только по книгам сарацин, но и по книгам греков», он научил юного Иоанна риторике, физике, математике, музыке, астрономии, теологии, познакомил с Кораном и хадисами. Он знал арабский язык и, возможно, был знаком с Кораном. В немалой степени благодаря своему образованию Иоанн

смог после смерти отца занять высокий государственный пост при дворе. Но неожиданно он принял решение оставить государственную службу и принять сан священника. Возможно, это было связано с его неприятием иконоборческой политики византийского императора Льва III Исавра. В 734 г. он был рукоположен и с тех пор активно боролся против иконоборчества, манихейства, несторианства и других ересей. Он удалился в монастырь св. Саввы в Палестине и стал одним из наиболее известных богословов, автором многочисленных трудов по православному богословию, первого систематического Изложения Православной Веры и одним из самых одаренных гимнографов восточного христианства. Приблизительная дата смерти – 50-е годы VIII в. (по другим данным, умер около 780 г. в возрасте 104 лет).

Иоанн Дамаскин – последний из великих отцов церкви на Востоке и первый схоласт – был автором целого ряда сочинений²⁶, из которых для данной темы особое значение имеет «Спор сарацина и христианина»²⁷ и «Источник знания» (734 г.).

Последнее состоит из трех частей:

- «Диалектика» – здесь дается изложение философии Аристотеля (считалась в Византии «школой мысли»), она имеет вводный и методологический характер;

- «О ересьях» – включает в себя 103 наименования различных еретических, по мнению Дамаскина, учений. Почти все ереси – католические, описаны на основании греческих ересеологов. Под номером 101 значится «ересь исмаилитов».

- «Точное изложение православной веры» – первый в своем роде опыт систематического изложения церковного учения.

По словам самого Дамаскина, цель сочинения – не сказать что-то новое, но аккумулировать то, что «святые и мудрые люди думали в различные времена». Глава 101 второй части «Источника знания» является систематическим объяснением ислама христианским автором.

Полемика Дамаскина с исламом носила преимущественно теологический, а не политический характер, что объяснялось, прежде всего, тем, что при омейядских халифах еще не было массовых конверсий, а сирийские

²⁶ «Три слова против порицающих иконы» (730 г.), где понимает иконоборчество как христологическую ересь; «Священные параллели» (цитаты из Священного Писания на моральные темы); несколько полемических произведений, направленных против монофизитов, манихеев и несториан; «Спор между сарацином и христианином»; «Церковные песнопения»; «Осьмигласник» (цикл служб на 8 последовательных недель).

²⁷ В последнее время ряд исследователей подвергает сомнению его авторство (см.: *Ioannis Damasceni. Disputatio Saraceni et Christiani* // Sahas D. J. John Damascus on Islam. Leiden, 1972).

христиане не видели для себя духовной опасности в исламе, относясь к нему как к вере полуварварского народа.

Раздел, посвященный «ереси исмаилитов», занимает особое место и рассказывает о происхождении, о ее пророке и Священном Писании, ее доктринах и обрядах.

«Существует еще и религия измаилян, которая имеет силу и в наши дни, сбивая с пути народ и предвозвещающая приход антихриста. Она берет свое начало от Измаила, рожденного Авраамом от Агари, поэтому они называются агарянами или измаилянами. Их также называют сарацинами – от слов “лишенные Саррой”, ибо сказала Агарь ангелу: Сарра изгнала меня ни с чем.

Они были идолослужителями и поклонялись утренней звезде и Афродите, которую на своем языке называли *Хабар*, что значит Великая.

Так, до времен Ираклия они открыто служили идолам; а с того времени и по наши дни утвердился среди них лжепророк, называемый *Мамедом*, который, приобретя случайные познания в Ветхом и Новом Заветах и вдобавок пообщавшись с арианским будто бы монахом, основал свою собственную *ересь*. После того, как он снискал себе расположение народа, притворяясь набожным, он распустил молву, что некое послание, пришедшее к нему с небес, было откровением Бога. Изложив в своей книге несколько смехотворных учений, он передал им ее для почитания»²⁸.

Мухаммад, согласно изложению Иоанна Дамаскина, говорит, что единый Бог есть творец всего, и что Он не рожден и никого не родил (ср. Коран 112:3); признает бессеменное рождение Иисуса от Марии, но отрицает божественную природу Христа и распятие; а также утверждает, что Бог взял Его живым на небо.

Ислам представлен здесь как «ложное суеверие», а не другая религия. Дамаскин применяет понятие «предтеча Антихриста» но по отношению к учению Мухаммеда, а не к его личности. Даются три имени мусульман: исмаилиты, агаряне и сарацины. Все они связаны с мусульманскими представлениями о себе самих. «Измаильтяне» – потому что Измаила мусульмане считают своим праотцом. Название «агаряне» происходит от имени матери Измаила – Агари. А «сарацины», по мнению Иоанна Дамаскина, произошло от слов Агари: «Сарра отпустила меня пустой» (*Sara vasuam me dimisit*).

От религии Авраама и Измаила мусульмане обратились к идолопоклонничеству. По мнению Иоанна, это произошло вследствие введения идолов и чуждой практики богослужения. Автор заметил влияние на ислам староарабских культур и признал, что Мухаммеду удалось отвратить арабов от многобожия и вернуть их в лоно монотеизма.

²⁸ Ibid.

Мухаммеда Дамаскин называет самыми бранными словами — «лжепророк», «лицемер», «лжец» и «прелюбодей». Тот «случайно» познакомился с Ветхим и Новым Заветом и затем составил собственную ересь: от иудаизма взял монотеизм; от ариан — утверждение, что Сын и Дух были сотворены Богом; от несториан — утверждение, что Христос был простым человеком. Дамаскин излагает суть ислама, заключающуюся в положении о единстве Бога. Этот пример свидетельствует о том, что Иоанн очень хорошо знал Коран.

Дамаскиным поднимается проблема подлинности пророческой миссии Мухаммеда. Иоанн выдвигает также аргументы против пророческой миссии Мухаммеда, которые позже становятся общепринятыми в христианской полемической литературе: его не предвещали предшествующие пророки, не было свидетелей, что Бог дал ему Писание, как не было никаких знамений и чудес, удостоверяющих истинность его учения: «Кто же свидетель, что Бог дал ему Писание, и кто из пророков предсказал, что восстанет такой пророк?» В соответствии с первым вопросом Дамаскин приводит пример Моисея, получившего закон «в виду всего народа». А на пророка писание снизошло, как утверждают сами мусульмане, во время сна, т. е. без каких-либо свидетельств, хотя Коран предписывает свидетельствовать различные случаи, даже самые незначительные. Отвечая на второй вопрос, Иоанн Дамаскин вновь обращается к Моисею и другим пророкам, предсказавшим приход Христа. До Иоанна мусульмане не ссылались на Ветхий и Новый Завет как свидетельство о приходе Мухаммеда. Им и в голову не приходило, что деятельность пророка должна быть предсказана заранее.

Далее Иоанн Дамаскин полемизирует с мусульманами, которые обвиняют христиан в том, что они к Богу «присоединяют другого Бога», говоря, что Христос есть сын Божий. Обвинения мусульман основываются на представлении, что Бог не может иметь сына: Не подобает Милосердному брать себе сына (Сура 19 «Мариам»:92).

Крест как символ отвергался Кораном и был презираем мусульманами, ведь иудеи распяли на нем «тень» Христа. В ответ на это обвинение Дамаскин обвиняет их в поклонении Каабе. То, что «они называют камнем, есть глава Афродиты, которой они поклоняются...». Эта информация, кстати, подтверждает синкретичность ислама: сочетание в нем элементов поклонения небу и звездам с монотеизмом.

В 101 главе Коран упоминается дважды: 1) как «некоторые измышления», «смехотворные», «нелепые» и «глупые» и 2) как совокупность «басен» с определенным названием (речь идет о сурах). Дамаскин сообщает заглавия четырех сур.

1. «О жене» — сура 4 «Женщины». Автор обвиняет мусульман в половой распущенности, имея в виду многоженство. В Коране же: «А если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на тех, что

приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех». Отмечается здесь и практика развода. В Коране говорится об обстоятельствах развода, финансовых соглашениях, правах на развод и т. д. Дамаскин обвиняет Мухаммеда в попытке обосновать свое прелюбодеяние с женой своего соратника Зайда. Пророк же исходил из коранического изречения: «Ваши жены – нива для Вас, ходите на вашу ниву, когда пожелаете, и уготовывайте для самих себя...».

2. «О верблюдице Божией» – суры с таким названием в Коране нет, но само выражение часто в легендах о Салихе, пророке Аллаха, и верблюдице, которую Аллах послал как знамение к народу самуд на севере Хиджаза. Неверующие ее закололи, за что Бог наслал на них землетрясение. В Коране эта легенда упоминается в двух сурах – 7:73-79 и 26:141-158.

3. «О трапезе» – сура 5 «Трапеза». Здесь используется сюжет о том, как Иисус просил у Господа стола. В Коране Иса просил Аллаха о трапезе с неба – 5:114-115.

4. «О бычке» («Корова»).

Дамаскин упоминает, что Мухаммед «написал много нелепых вещей, для каждой из них установил название». Это «бредни», которые можно опустить. Таким образом, Иоанн явно знал и другие суры, но отобрал именно эти, так как они показались ему более значимыми.

Далее Дамаскин упоминает о практике обрезания, несоблюдении суббот, запрете креститься. Обрезание в Коране не упоминается, но в самом исламе – это символ чистоты и омовения. Отказ от Субботы, вероятно, вызван стремлением отмежеваться от иудаизма, а запрет креститься – от христианства.

Итак, мы видим, что 101 раздел части «О ересях» является попыткой систематического объяснения ислама христианским автором, для того чтобы информировать христиан о новой ереси и предотвратить ее распространение. Полемика Иоанна Дамаскина явно носит чисто теологический характер. Именно Иоанн, по всей видимости, первым классифицировал ислам как ересь. И эта точка зрения стала доминирующей в средневековом христианстве.

Такое представление об исламе как о христианской ереси и о Мухаммаде как о лжепророке перешло от сирийцев к византийцам, а от них в Западную Европу. Но сирийская и византийская формы апологетики существенно различались: сирийская была более сдержанной и уравновешенной, сочетала в себе полемичность с более или менее корректным описанием аргументов противника (пример тому – Иоанн Дамаскин); византийская же (одним из первых ее представителей был Феофан Исповедник, ум. в 818 г.) гораздо более идеологизирована, многие сведения о мусульманах если и приводились, то в сильно искаженном виде. К сожалению, Европа знакомилась с антимусульманской апологетикой в ее византийском варианте.

Сирийская же традиция за редкими исключениями (например, популярного в христианских кругах Испании «Послания Абд ал-Масиха ибн Исхака ал-Кинди», IX или X в.) оказалась забытой и оставалась неизвестной латинским ученым вплоть до XV в.

«Проблему» сарацин на Западе решил известный средневековый историк *Беда Достопочтенный* (Bede Venerabilis, 674? – 26.05.735). Это был, по словам О. А. Добиаш-Рождественской, «первый замечательный энциклопедист заальпийского Запада». Его основные сочинения – это трактаты по истории, философии, теологии, хронологии, математике, орфографии, астрономии, музыке, грамматике и другим наукам того времени, в которых он, по словам И. П. Стрельниковой, собирал «ученость, сложившуюся до него в Европе, и предлагал ее в доступной форме своим соотечественникам».

Этот английский монах из Нортумбрийского монастыря в Ярроу всю жизнь посвятил научной работе и преподаванию. Он знал греческий и латинский языки, немного древнееврейский. У него есть трактаты по истории, хронологии, философии, теологии, орфографии, математике, астрономии, грамматике, естественным наукам. В отношении интересующей нас темы следует отметить две его работы:

- 1) «Церковная история народа англов»;
- 2) «Хроника о шести возрастах мира».

Особое значение имеет его «*Церковная история народа англов*» (*Historia ecclesiastica gentis anglorum*) в пяти книгах, которая не потеряла ценности до сих пор, будучи чуть ли не единственным источником по ранней истории Англии.

Первая работа обладает большей достоверностью и является величайшим письменным источником по истории Англии и английской церкви в период с 597 по 731 г. Основная идея этой работы – преимущества христианской религии перед другими.

«История» состоит из пяти книг и охватывает период от походов Юлия Цезаря в Британию до 731 года. Беда рассказывает о разных графствах в том порядке, в каком шло проникновение христианства в Англию. Эти части насыщены документально, в работе использованы ныне утраченные монастырские анналы и архивные источники.

Именно при жизни Беды Европа столкнулась с арабами. В «Истории» о сарацинах говорится достаточно нейтрально. «История» была уже закончена Бедой, когда произошла битва при Пуатье в 732 г. Беда возвращается к тексту и вносит соответствующие добавления. Однако и здесь о сарацинах он пишет спокойно и равнодушно.

Более обстоятелен Беда в своих библейских комментариях и некоторых трактатах. Главной идеей сочинений Беды Достопочтенного является идея превосходства христианства над остальными религиями. История для него –

это векторный процесс, у которого одинаково важны начало и конец. По мнению Беды, мир дряхл. Приближение «Субботы» Беда Достопочтенный видит в возрастании числа «христианских государств».

В трактатах «О неделе» и «О шести возрастах мира» он дает развернутое историко-философское построение, где история человечества представлена как трудовая неделя, приготавливающая к блаженству вечной субботы.

Семь возрастов мировой истории соответствуют шести возрастам человека.

№	ИСТОРИЯ	ЧЕЛОВЕК
1	от Адама до потопа	до 7 лет – детство
2	от потопа до Авраама	до 14 – юность
3	от Авраама до Давида	до 21 – молодость
4	от Давида до вавилонского пленения	до 50 – зрелость
5	от плена до Рождества	до 70 – старость
6	от Христа до конца света	до 100 – дряхлость

Логическим завершением этой идеи было принятие Бедой счета времени от Рождества Христова, предложенного римским диаконом, папским архивариусом Дионисием Петавиусом (Малым) в 525 году. Дионисий, продолжая работу Кирилла Александрийского по определению срока Пасхи в течение малого индиктиона 153–247 гг. эры Диоклетиана, вместо следующего 248 года поставил 532-1 год от Рождества Христова (или 1285 год *ab urbe condita*, от основания Рима). Рождество Христово пришлось, таким образом, на 754 год от основания Рима. Новая периодизация на континенте долго не принималась. Если в Англии одна королевская хартия помечена уже 604 годом, то первый датированный диплом Карломана относится к 742 году. Окончательно новый счет времени был принят только в 963 г. Роль Беды в его распространении очень велика: он ввел его в свои труды и сделал расчет новых пасхальных таблиц до 1064 г., т. е. на следующий после 532 г. великий индиктион.

Дорога истории представляется Бедой Достопочтенному весьма длинной, ибо Беда, подобно Аврелию Августину или Иоахиму Флорскому, ощущает себя близким к пределу времени: ведь мир стар (*Mundus senescit – мир стареет*).

Отдельно он рассматривает симптомы приближения «субботы» (трактаты «О шести возрастах мира», «О неделе»). Шестой трудовой день уже наступил. Сколько лет или веков осталось – не знает никто, но симптомы приближения субботы несомненны, среди них и разгром арабов в битве при Пуатье (732 г.), а именно остановка арабской экспансии Карлом Мартеллом.

Проблему происхождения сарацин Беда решает с помощью Библии (Бытие 16, 1–6). Если в «Церковной истории» арабы привлекаются лишь в качестве примера и вся информация о них укладывается в одно предложение, то в своих библейских комментариях он пишет об арабах более основательно и эмоционально. В частности, детально останавливается на вопросе о происхождении сарацин. Делает это Беда именно с помощью Библии.

Арабы, по его мнению, – потомки Агари, египетской жены Авраама, которая родила ему сына Исмаила. Агарь была вывезена из Египта в числе прочих даров, которыми снабдили Авраама египтяне (*Быт. 12-16*). Имя ее означает «бегство», дано оно было либо в соответствии с пророческим предсказанием, либо благодаря последующему воспоминанию о ее двукратном бегстве из дома госпожи своей (*Быт. 16-6; 21-14*). Прошло десять лет с тех пор, как Бог обещал Авраму и Саре многочисленное потомство, а у них все еще не родилось ни одного сына. Сара виноватой считала себя (*Быт. 16,1-16*), потому и предложила мужу Агарь. Она основывалась при этом на обычае эпохи: дети мужа от служанки считались законными детьми и принадлежали мужу и жене (*Быт. 30-3*). Агарь стала как бы женой второго ранга, хотя и была лишь временной наложницей (*Быт. 25-6*). Впоследствии она стала презирать Сару, ибо на Древнем Востоке, особенно у евреев, многодетность была признаком божественного благословения, составляла фамильную гордость (*Быт. 21-6; 24-60; Исх. 23-26; Втор. 7-14*), а бесплодие считалось несчастьем и бесчестьем (*Быт. 19-31; 30-1; 30-23; Лев. 20-20; Лк. 1-48 и др.*). Поэтому Агарь стала непочтительно обращаться с Сарою. Сара стала упрекать Аврама и тот, в конце концов, отдал наложницу жене. От притеснений Сары Агарь вынуждена была бежать в Египет, но в пустыне Сур (в северо-западном углу аравийского полуострова, известной ныне как пустыня Джафар), на пути между Египтом и Ассирией, ее нашел Ангел Господень и велел поклониться Саре, предсказав: *«вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Исмаил, ибо услышал Господь страдание твое; он будет между людьми как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на нем; жить будет он пред лицом всех братьев своих»* (*Быт. 16-11,12*), потомство его будет великое. Агарь вернулась и родила 86-летнему Авраму сына.

Эта идентификация проведена была не Бедой, а Евсевием в начале IV в., а может быть, и раньше. Непосредственным источником Беды были комментарии к книге «Бытие» Исидора Севильского. Но Исидор традиционно отождествлял агарян с евреями. Данное отождествление идет от ап. Павла: *«Ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве»* (*Галатам 4-25*; более подробно см.: *Галатам 4-22-26,30*).

У Авраама было два сына: Исаак от Сары и Исмаил от ее рабыни, *«но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по*

обетованию». Отсюда, по представлениям средневековых христиан, Исаак как сын свободной женщины был прообразом Христа (его потомки и составили Церковь), а Измаил и его потомки были аллегорией евреев.

Более тщательный анализ Библии позволяет установить, что сарацины также являлись потомками Измаила:

1. Измаил был в пустыне (*Быт. 21-20-21*), имел 12 сыновей, которые стали родоначальниками 12 племен аравийских (*Быт. 25-12-18; 17-20*), но ведь и арабы пришли из пустыни.

2. В Библии часто встречается имя измаильтян. В Библии измаильтянами неоднократно называются мадианитяне (напр. *Быт. 37.25-28*). Братья Иосифа видят караван именно измаильтян (*Быт. 37-25*). Измаильтяне и мадианитяне – это одно и то же (*Быт. 37-28; Судей 8-24*).

3. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (I,12; II,4) говорит, что потомки Измаила занимали свою страну от р. Евфрата до Чермного моря.

4. Измаил был диким, необузданным человеком (*«рука его на всех»*). Это давало возможность и было достаточным для средневековых авторов, чтобы провести параллели между ним и арабами, которые обладали таким же бешеным нравом.

5. Измаил был исключен из завета (*Быт. 17-20-21*), как и сарацины.

Любопытно, что мусульмане поддерживали эту интерпретацию. В их преданиях подробно рассказывается о том, что Измаил был старшим сыном Ибрахима от невольницы Хаджар. Из-за вражды и ревности своей жены Сары Ибрахим увел Хаджар и Измаила в Аравию и оставил их одних в безводной пустыне. Мальчика очень мучила жажда, мать искала колодец или оазис. На помощь пришел главный ангел Джibraил, по воле которого там, где Измаил топнул ножкой, забил священный источник Земзем. Ибрахим часто посещал своего сына, именно они вдвоем построили мекканский храм Кааба. По арабской генеалогии от Измаила произошли все североарабские племена. Традиционная его могила располагается возле Каабы.

Беда не первый отождествил арабов с измаильтянами, но именно он ввел эту идентификацию в средневековую традицию библейской экзегетики, после него это становится общим местом для латинских авторов. Тем самым Беда дал мусульманам «нишу» в священной истории, привязал их к ней.

Вместе с тем эта идентификация подняла и ряд сложных проблем.

Почему эти люди именовались сарацинами, если произошли от Агарь, а не Сары? Греческие авторы (Иоанн Дамаскин и др.) связывали это со словами Агарь *«Sarra vacuat me dimisit»* (*Сара отпустила меня пустой*). Их мнение не было известно в Европе, и латинские авторы давали другое объяснение. Исидор Севильский, например, считал, что либо сарацины ложно объявили себя происходящими от Сары (*Sarra geniti*), либо названы так из-за своего сирийского происхождения (*quasi-Syriгенаe*).

Поражает отсутствие злобы по отношению к грабителям-сарацинам. Объясняется это тем, что североевропейские авторы жили довольно далеко от сарацин. Другая причина состояла в том, что во вселенской борьбе Добра и Зла сарацины играли довольно скромную роль. Максимум, что смогли и захотели сделать северные латинские авторы – привязать их к ветхозаветной истории. С тех пор последних гораздо больше интересовало, сколько букв «р» в слове «Сарра» (Sarah), чем история, быт и религия этого народа. Для решения этих проблем они и подготовлены были лучше²⁹.

Христианская апокалиптическая мысль и ислам

Анализом библейских пророчеств с целью понять сущность ислама займются испанские авторы сер. IX в. Очень многие идеи, касающиеся ислама, в период раннего Средневековья попадали в континентальную Европу именно из Испании. Даже Беда, отождествляя сарацин с сыновьями Агари, отталкивался, как уже было сказано, от схемы Исидора Севильского.

Испания первой из европейских государств пострадала от арабского нашествия, поэтому неудивительно, что там больше размышляли о новой религии и воспринимали ее резко негативно.

Здесь сложилась специфическая ситуация. Достижения античной мысли и патристики были мало доступны, тогда как блестящая мусульманская цивилизация, синтезировавшая достижения подвластных народов, была в их полном распоряжении. Она не могла не повлиять на христианское население Испании. По свидетельствам современника Павла Альбара, *«на каждого, кто в состоянии написать письмо другу на латыни, приходится тысяча человек, которые могут изъясняться на арабском лучше, чем арабы»*. Христиан в Испании, увлекавшихся мусульманской культурой, часто называли *мосарабами (Muztarabes – арабизованные)*. Они продолжали исповедовать свою религию, не относились враждебно к завоевателям, переняли даже обычаи мусульман, касающиеся, как правило, внешнего образа жизни. Как писал один из идеологов «мученического» движения в Испании Павел Альбар, *«многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться, как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто бы умел читать латинские комментарии на Священное Писание? Кто среди них изучает евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги... даже забыли свой язык, и едва*

²⁹ Southern R. W. Western Views of Islam in the Middle Age. Cambridge, 1962.

найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы». Существовало даже мнение, что завоевание Испании арабами – это Божья кара за нечестивый образ жизни. Быстрая арабизация христианского населения Испании объясняется недостаточно глубоким проникновением христианства во все стороны жизни.

Однако чувство изоляции от внешнего мира провоцировало у некоторой части христиан реакцию протеста. На полуострове складывалось группа христиан, вставших с целью протеста против засилия ислама на путь мученичества. Во главе их были епископ Толедо *Евлогий* и мирянин *Павел Альбар*, считавшие, что господство ислама – это подготовка к окончательному появлению Антихриста, обвинявшие христиан в трусости и поддержке врагов веры и призывавшие открыто исповедовать христианство, поносить ислам, сознательно идя за это на смерть. Летом 851 г. было совершено 11 казней, это событие получило название «бунта кордовских мучеников». Эпидемия мученичества вызвала беспокойство при дворе халифов. Было вынесено несколько постановлений, по которым строго запрещалось каждому христианину являться в зал суда без вызова. Волнения в испанской церкви продолжались до конца IX в. Павел Альбар написал полемическое сочинение *«Indiculus Luminosus»*, в котором отстаивал мысль о том, что господство ислама – подготовка к окончательному приходу Антихриста. Доказательства Альбар нашел в Библии, в книге Даниила.

К IX веку в европейской латинской литературе уже мелькала мысль об окончательной гибели Римской империи. В Испании, ставшей жертвой арабской экспансии, она стала практически общим местом. Поэтому П. Альбар истолковывает кн. Даниила в соответствии с событиями, происходящими вокруг него. Слова Даниила *«четвертый зверь будет четвертое царство на земле, которое будет отличаться от всех царств и уничтожит всю землю, и задавит ее, и разнесет на куски»* (7-23) он понимает традиционно, считая, что речь идет о Римской империи. *«А десять рогов значат, что из этого царства восстанут 10 царей...»* – имеются в виду варвары, разрушившие Римскую империю; *«...и после них восстанет иной, отличный от прежних, и уничтожит трех царей»* (7-24): Альбар увидел здесь самого Мухаммеда. *«И против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и законы»* (7-25): в этой фразе автор увидел аналогию с Кораном и мусульманским календарем. Но самой интересной является его трактовка конца 25-го стиха в переводе Вульгаты: *«et tradentur in manu eius usque ad tempus, et tempora, et dimidium temporis (и они преданы будут в руку его до времени и времен и полувремени)»*. Альбар интерпретирует это место

следующим образом: ислам будет процветать 3,5 периода по 70 лет каждый, т. е. 245 лет. Писал книгу Альбар в 854 г., а начало мусульманской эры относится к 622 г. (год *хиджры*, т. е. переселения Мухаммеда в Медину), следовательно, конец совсем близок. Альбар, возможно, даже начинал мусульманскую эру с 618 г. «Подтверждала» правоту Альбара, казалось, и сама история: в 852 г. умирает эмир Кордовы Абд-ар-Рахман III и ему наследует Мухаммед I – «человек – проклятие нашего времени». Неудивительно, что многие испанские христиане легко поверили Альбару.

В это же время еп. Евлогий нашел в одном из наваррских монастырей около Памплоны жизнеописание Мухаммеда, созданное на основе византийской традиции. В нем, в частности, говорилось, что Мухаммед умер в 666 году испанской эры. Это было, разумеется, воспринято как еще одно подтверждение апокалиптической роли мусульманского пророка. Любопытно также, что жизнь Мухаммеда в этом сочинении изображается как жизнь Христа «наоборот». Если Христос, в частности, вознесся на небо, то глазам единомышленников пророка предстали не ангелы, а собаки, которые стали терзать труп. Легенда эта впоследствии стала очень популярной среди латинских авторов. Матвей Парижский (XIII в.) писал, что Магомет наелся и напился до бесчувствия, заснул на куче навоза, набежавшее стадо свиней задушило его до смерти, поэтому, мол, арабы не любят свинину.

Итак, в Испании, как в континентальной Европе, христианские авторы мало знали и понимали ислам, хотя находились практически в центре этой культуры. Первая причина этого совершенно очевидна – нежелание знать, игнорирование. Такая позиция позднее четко будет обозначена хронистом Гвибертом Ножанским: *«можно спокойно говорить ложь о том, степень ложности чего превышает самое большое воображимое зло»*. Второй причиной является плохое знакомство с мусульманской литературой, в силу чего христиане предпочитали черпать информацию из скупого и недостоверного сочинения о Мухаммеде и, конечно же, прежде всего из Библии, чем из Корана. Фанатизм стимулировал поиски доказательств своих взглядов, хотя и невежественных, а не стремление узнать и понять учение Мухаммеда. Сыграла свою роль и «Выдумка раввинов»: «Магомет, лже-пророк, был кардиналом, и с досады, что его не избрали папою, он сделался еретиком» (Генри Томас Бокль).

Несмотря на то, что взгляды, подобные взглядам Евлогия и Альбара, периодически возникали, они не получили всеобщего признания и поддержки. Каролингские современники испанских авторов не выказывали склонность следовать их линии. Например, один из ученейших людей Северной Европы Пасхасий Радбертус упоминает сарацин, чтобы продемонстрировать мягкий взгляд, по которому существование ислама за пределами христианской церкви не доказывает, что гибель мира придет так

издалека. Каролинги советовали быть осторожными. Но вдали от арабов легко было давать такие советы.

Представления европейцев о мусульманском мире в период крестовых походов

Ислам во многом способствовал формированию европейского самосознания. Само представление о Западной Европе как определенной территориальной и культурной целостности окончательно оформились у европейцев в ходе Реконквисты и Крестовых походов, т. е. возникало во многом из противопоставления себя мусульманскому миру. Об этом, в частности, свидетельствует содержание речи папы Урбана II на Клермонском соборе (1095 г.).

Мусульманский мир к этому времени значительно вошел в сферу культурных интересов европейцев. В Испании уже во второй половине X в. отдельные ученые начали изучать «арабские науки». Так, Герберт из Орийака, впоследствии ставший папой Сильвестром II, занимался в Каталонии математикой и астрономией.

Отвоеванием у арабов Толедо (1085 г.) и Сицилии (1091 г.), первыми крестовыми походами положено начало того процесса, который В. В. Бартольд определил как «культурное общение» между Западной Европой и мусульманским миром³⁰. Испания и Сицилия стали основными каналами, по которым в средневековую Европу проникали элементы арабо-мусульманской культуры. Предпочтение отдавалось прежде всего работам Аристотеля, научным трудам Гиппократа, Евклида, Птолемея, Галена, естественнонаучным и философским трактатам мусульманских ученых ал-Хваризми, ал-Баттани, ал-Фаргани, ар-Рази, ал-Кинди, ал-Фараби, Ибн Сины (Авиценны) и Ибн Рушда (Аверроэса).

Христианская полемическая литература XII века об исламе, Мухаммеде и арабах

«Период невежества» продолжался до крестовых походов. Один из ученейших людей северной части Европы, современник Альбара Пасхасий Радбертус, обсуждая в своих обширных комментариях к Евангелию от Матфея проблему «последнего дня», упоминает сарацин, но уже не для того, чтобы доказать, будто они являются воплощением Антихриста, а чтобы продемонстрировать пределы триумфального шествия Слова Божьего. Он уверен, что предсказание Матфея «И проповедовано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам, и тогда придет конец» (24-14) сбывается: проповедники пронесли «благую весть» не

³⁰ Бартольд В. В. Ислам. Арабский халифат: соч. в 9 т. М., 1966. Т. 6. С. 227–228.

только до западных островов (Британия и Ирландия), но и до сарацин, которые отвергли его.

На примере интерпретаций Беды Достопочтенного и испанских авторов видно, что раннесредневековая литература по исламу создавалась преимущественно теологами, информация отбиралась предвзято, факты сознательно или бессознательно искажались. Преобладали религиозно-идеологические мотивы, ибо надо было найти религиозное обоснование ислама и его основателя.

Мусульмане, захватившие все Южное и Восточное Средиземноморье, оградили христиан от общения с остальным миром, мусульманское окружение создало некую «мусульманскую стену». Кругозор европейцев практически до самого начала крестовых походов не менялся. Вильям Мальмсберийский (1090–1142) считал, что весь мир, кроме Европы, принадлежит мусульманам. Петр Достопочтенный (сер. XII в.) полагал, что ислам исповедует треть или даже половина народов всего мира.

Однако до XIV в. апокалиптическая роль ислама не влияла на реакцию европейцев на ислам. Единственное исключение – речь папы Иннокентия III (1160–1216) в 1213 г., адресованная всей Европе, где он категорично идентифицирует сарацин со зверем из Апокалипсиса, «число которого 666», и доказывает, что конец его близок, ибо почти 600 лет из этого числа прошли (отсчет от 622 г. или 632 г., года смерти Мухаммеда).

Первый крестовый поход, его успех вызвали чувство триумфа и презрения к мусульманам. До 1100 г. встречается только одно упоминание имени Мухаммеда в средневековой литературе вне Испании и Южной Италии – в хронике «История своего времени в пяти книгах» *Ральфа Глабера*. Хроника написана на основании письменных и устных источников и собственных наблюдений. Интересен один эпизод: аббат монастыря в Ключни Майолус был взят в плен сарацинами; он уронил Библию, и один из сарацин наступил на нее ногой, но другие возмутились и сделали ему выговор за оскорбление «пророков». Это первое свидетельство о контакте между ключнийским монастырем и исламом. Глабер добавляет, что сарацины верят, будто ветхозаветные пророчества воплотились в Мухаммеде, и выводят его происхождение от Измаила, подобно генеалогии Христа в начале Евангелия от Матфея.

Действительно, христиане считались у мусульман «людьми Писания» (*ахл ал-Китаб*), но «нарушителями закона». В Коране (*Сура 3 Семейство Имрана, 71/64*) они обвиняются в том, что исключили из священных книг упоминания о Мухаммеде и его миссии в качестве последнего пророка: «*О, обладатели Писания! Почему вы облачаете истину ложью и скрываете истину, в то время как вы знаете!*»

Представление о Пророке и природе ислама окончательно сформировалось в Европе примерно в течение первых 40 лет XII в.

Образ этот начал формироваться в момент расцвета Западной Европы, но этот расцвет шел параллельно расцвету арабского мира. Неудивительно, что как в христианстве, так и в исламе стали появляться настроения непримиримости друг к другу. XI век – переломный в отношениях между христианством и исламом. Тот факт, что мусульмане были знакомы с Евангелием, но отвергли его, теперь вменяется им в вину и служит поводом причислить сарацин к язычникам.

В XI–XII вв. в Западной Европе появились первые жизнеописания Мухаммеда, где использовалось небольшое количество фактов в основном из византийских источников, которые касались его женитьбы, припадков, его христианского окружения, планов всеобщей сексуальной свободы.

В XI–XII вв. в Европе появились первые жизнеописания Мухаммада, в частности поэмы «Vita Machometi» Эмбриха Майенского (поэма из 1142 строк) и «Otia de Machometi» Вальтера Компьенского (поэма из 1090 строк). Популярными на Западе легенды о Мухаммаде собрал также Гвиберт Ножанский в первой книге «Деяний Бога через франков».

Все эти произведения основываются на устных свидетельствах очевидцев, поэтому имеют смутное представление о времени жизни Мухаммеда и ее событиях. Мухаммед, по их мнению, был магом и колдуном, разрушившим церковь на Востоке и в Африке и закрепившим свой успех, введя свободные половые отношения. Только Гвиберт Ножанский смущен тем, что не знает письменных источников о Мухаммеде. Источниками сведений об исламе были также европейский фольклор, византийская традиция, исламские предания, фантазия.

Именно эта свобода фантазии и сформировала картину мусульманской веры: ей стали приписывать разнообразных идолов типа Люцифера, Дианы, Юпитера, Антихриста.

Библия активно использовалась для доказательства того, что ислам – это пародия на христианство. Если христиане верят в Троицу, то мусульмане поклоняются Троице извращенной, абсурдной, состоящей из Аполлона (Аполлона), Тервагана и Магомета. Если христиане почитают основателя своей религии, то мусульмане поклоняются антиподу Христа, т. е. Мухаммеду, и выполняют обряды, извращающие обряды христианские, которые для развращенного народа установил извращенный пророк. Оттон Фрейзингенский, хронист XII в., выражает эту мысль так: *«Известно, что все мусульмане почитают единого Бога и признают ветхозаветный закон и обрезания. Они не нападают ни на Христа, ни на Апостолов. В одном лишь далеки они от спасения – в отрицании Иисуса Христа как Бога или Сына Бога и в почитании соблазителя – Магомета, как великого пророка верховного Бога».*

***Начало научного изучения ислама в Европе
(Толедская школа переводчиков, первые переводы Корана)***

В первой половине XII в. образ ислама формировался не только путем домыслов, но и с привлечением научных сведений. Первым в ряду этих авторов стоит *Вильям Мальмсберийский (1090–1142)*. Наполовину нормандец, наполовину сакс, он в 1105 г. был отдан в монастырь Мальмсбери, где получил прекрасное образование. К 1125 г. написал «О деяниях английских королей», а затем «Деяния английских епископов». История в этих работах представлена как единый процесс. Мальмсберийский был первым историком, который отделил идолопоклонничество и языческие суеверия славян от монотеизма ислама и подчеркнул, что Мухаммед не Бог, а только пророк Бога.

Петр Альфонси (ум. 1140 г.) – арагонский еврей, принявший христианство в возрасте 44 лет, врач Генриха I, автор двух книг: «Диалог против иудеев» и «Учительная книга клирика». «Учительная книга» представляет собой сборник из 30 новелл, построенных на поучениях умирающего араба. В ней широко использованы притчи из арабской дидактической литературы. Альфонси был также переводчиком с арабского и, возможно, даже раньше Аделарда Батского перевел астрономические таблицы ал-Хваризми.

Полемическое сочинение против иудаизма «Диалоги» написано в виде спора иудея Моисея (имя самого Петра Альфонси до крещения) и христианина Петра. Моисей приводит достаточно убедительные доводы в пользу ислама: эта религия проста и доступна, основана на разуме, закон ее снисходителен к человеку. Довольно точно он описывает религиозную практику мусульман (уставную молитву, пост, паломничество), брачное законодательство и кораническую эсхатологию, завершая свои доводы ашаритским положением: «Сколькими грехами ни был отягощен человек, в день своей смерти уверовав в Бога и Магомета, он будет спасен в Судный день по заступничеству Пророка».

Петр опровергает Моисея, доказывая несостоятельность ислама перед христианством. Он рассказывает о возникновении ислама, истории жизни Мухаммеда и написании Корана. Сама история жизни Мухаммада и то, как создавался Коран (с помощью, как утверждает Петр, двух самаритянских иудеев и яковитского архидиакона), должны послужить доводом против этой религии. Петр опровергает утверждение Моисея о рациональной природе ислама и утверждает, что Мухаммед не совершал чудес, а именно через них удостоверяется пророческий статус. На основе цитат из Корана он выявляет противоречия в учении о священной войне против неверных, обращая внимание на то, что в Коране высказана мысль об осуждении любого насилия. Закон, следовательно, противоречит сам себе. Самый главный аргумент апеллирует уже к вере Моисея – обвинение мусульман в том, что

они не признают страданий Иисуса Христа на кресте и его божественную сущность.

После того как в первых четырех главах Петр опровергает все доводы Моисея в пользу иудаизма, последний лукаво спрашивает Петра, почему он, отвергнув религию предков, принял христианство, а не веру сарацин. Ведь с ними, по словам Моисея, Петр жил и рос, знает их язык, читал их книги. И действительно, в V главе «Сарацинский закон», целиком посвященной исламу, оба собеседника демонстрируют его прекрасное знание.

Как видим, христианская полемическая литература средних веков давала порой диаметрально противоположные образцы отношения к исламу. Если толедский архиепископ Евлогий и Павел Альбар из Кордовы (IX в.), разрабатывавшие своего рода «теологию мученичества», призывали своих единоверцев открыто исповедовать христианство перед мечетями, сознательно идя на смерть, то в лице Петра Альфонси мы имеем дело едва ли не с уникальным для средних веков глубоким знанием ислама. По точности информации об исламе его труд бесспорно выделяется среди прочих, однако он мало повлиял на формирование представлений о мусульманстве.

В целом Петр Альфонси считает ислам враждебным христианству, но в то же время религией, являющейся альтернативой христианству лишь для непосвященных.

Еще один автор *Псевдо-Турпин* написал «Историю Карла Великого». В этом произведении описывается диспут между Роландом и сарацинским великаном Ферратусом, который показывает, что автор уловил основной вопрос в спорах мусульман и христиан и признает силу натиска мусульман на «единство Бога».

Оттон Фрейзингенский в «Хронике, или истории двух царств» критикует распространенное в то время мнение о мученической смерти Тиемо, архиепископа Зальцбурга, в 1101 г. По легенде, он был убит, потому что разрушил мусульманских идолов в Каире. Но, по мнению Оттона, это невозможно, так как «мусульмане почитают единого Бога и признают ветхозаветный закон обрезания». В одном лишь они далеки от спасения – в отрицании Иисуса Христа как Бога или сына Бога.

К середине XII в. рациональные взгляды на природу ислама широко распространились в Европе и началось чисто научное его изучение, основоположником которого можно считать аббата Клунийского монастыря *Петра Достопочтенного* (1095–1156). Он полагал, что с исламом необходимо бороться не мечом, а убеждением. Рассматривая мусульман как еретиков, Петр считал возможным вернуть их в лоно церкви, если убедительно показать им, в чем они заблуждаются. В своем письме к арабам он писал: «Некто Петр, француз по национальности, христианин по вере, аббат по служению, из тех людей, которых зовут монахами, пишет арабам,

потомкам Измаила, следующим закону человека, которого называют Мухаммадом.

Может показаться странным, и, возможно, это действительно так, что я, человек столь далеко от вас находящийся, говорящий на другом языке, думающий иначе, вашим обычаям и образу жизни чуждый, пишу из глубин Запада вам – людям Востока и Юга, которых я, наверное, никогда не увижу.

Но я хотел бы прийти к вам не с оружием, как это часто делают наши христиане, а со словом, не с ненавистью, а с любовью – той любовью, которая должна существовать между теми, кто поклоняется Христу, и теми, кто отвернулся от Него, с той любовью, которая существовала между апостолами и язычниками. Так и я, один из бесчисленных слуг Христовых и наименьший среди них, я вас люблю и, любя, пишу вам и, пиша вам, призываю вас к спасению, не к тому спасению, которое минует, а к тому, которое остается, не к спасению, которое кончается вместе с этой краткой жизнью, а к спасению, которое продолжается в жизни вечной».

Петр, решив доказать несостоятельность ислама как вероучения, познакомил христиан с Кораном, переведя его на латинский язык. Перевод был сделан в Толедо, где Петр собрал вокруг себя группу ученых в которую вошли Петр Толедский (возможно, обращенный в христианство мусульманин), Петр из Пуатье, Роберт Кеттонский, Херман Далматийский и некто Мухаммад, лишь однажды упоминаемый Петром Достопочтенным³¹. Особенно важны оказались переводы, выполненные двумя учеными астрономами Робертом Кеттонским и Херманном Далматийским около 1142 г. *Роберт Кеттонский* осуществил первый полный перевод Корана на латинский язык³². Были также переведены некоторые хадисы («*Fabulae Saracenoꝝum*»), установить их арабские аналоги пока точно не удастся, поскольку переводчики опускали иснад – перечень передатчиков текста), мусульманские сказания о пророках и патриархах («*Liber generationes Mahumet*»), дидактический диалог между арабским пророком и иудеем («*Doctrina Mahumet*»), известный у мусульман как «Масаил Абдиллах ибн Салам»; два полемических трактата – «Послание мусульманина Абдаллаха

³¹ *Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton, 1964. P. 51–55.*

³² Как бы ни был несовершенен перевод Корана Роберта Кеттонского, он до середины XVII в. считался наиболее авторитетным. Переводы Корана Марка Толедского (конец XIII в.) и Иоанна из Сеговии (середина XV в.) не получили широкого распространения и не сохранились. Первый итальянский перевод Корана А. Арривабене (1547 г.), как и ранние голландские и немецкие переводы, был сделан на основе латинской версии Роберта Кеттонского. Лишь в 1649 г. консул Франции в Александрии Дю Рие осуществил первый французский перевод Корана (и то в значительной степени опираясь на клюнийский текст). Первый же английский перевод был сделан Дж. Сейлем в 1734 г.

ибн Исмаила ал-Хашими и ответ христианина Абд ал-Масиха ибн Исхака ал-Кинди» («*Epistola saraceni et Rescriptum christiani*»)

Целью изучения догматов ислама стало его опровержение. Достопочтенный составил свод мусульманского вероучения («*Summa totis haeresis Saracenoium*») и опровержение его «Против ненавистной секты или ереси сарацинов» («*Liber contra sectam sive haeresim Saracenoium*»), где пытался обратить магометан. В «*Summa*» особенно заметно отсутствие тех грубых ошибок, которые до той поры были распространены в Европе, что показывает, каким важным шагом вперед она была. Вместе с тем именно это сочинение сыграло важную роль в создании представления об исламе. В течение двух последующих веков к этому представлению был добавлен ряд деталей, но к тому моменту, когда Риколдо де Монте-Кроче (ум. 1321 г.) написал свой «Спор с сарацинами и Кораном», оно было сформулировано полностью.

Петр считал ислам христианской ересью, следуя той логике, что Мухаммед не пророк, но все же основал новую веру, поощряя тем самым зло, значит он – либо посланец, либо орудие дьявола, поэтому ислам противоположен христианству.

На базе переводов Роберта Кеттонского и Германа Далматца, переводов пяти арабских текстов и опровержений ислама Петром Достопочтенным был составлен «Толедский сборник» (или «Корпус Ключни»), ставший основным источником сведений о религии мусульман на протяжении около 500 лет. В 1543 г. «Корпус Ключни» был издан Теодором Библиандером (за исключением Послания ал-Кинди) и сопровождается вводными статьями М. Лютера и Ф. Меланхтона.

Деятельность Петра Достопочтенного не нашла особого отклика в Европе, так как ислам не воспринимался как большая опасность для ортодоксии. Ключийское аббатство было чуть ли не единственным центром изучения ислама. Лишь военная опасность, исходящая от мусульман и возросшая в конце XII века, всколыхнула с новой силой нападки на ислам. Слово «сарацин» стало нарицательным для врага, а Мухаммеда стали считать самим дьяволом.

Наиболее яростным в своих нападках на мусульман был в конце XII – начале XIII века итальянский мистик *Иоахим Флорский*. Для него конец света был близок, и главным орудием Антихриста он считал сарацин. Флорский заявил, что Антихрист уже живет в Риме и Саллах ад-Дин – его слуга, при котором усилилась мощь ислама на восточных рубежах христианства. Можно отметить и речь папы Иннокентия III в 1213 г., адресованную всей Европе, в которой он идентифицирует сарацин со зверем из Апокалипсиса.

Захват монголами Азии и воздействие этого фактора на отношение европейцев к исламу и арабам

Новый этап в эволюции представлений европейцев о религии сарацин связан с завоеваниями монголов. В XIII в. христиане заметили, что существует еще один вид «язычников» – монголы. Неверные эти – а это важно для средневекового восприятия – не были мусульманами и, казалось, не представляли опасности как в военном, так и в интеллектуальном отношении. Наоборот, Запад надеялся на большую христианскую армию, которая якобы движется с далекого Востока. Отсюда и мечта о союзе христиан и монголов, «который, зажав ислам в свое кольцо, уничтожит его или обратит в христианство и установит наконец царство истинной веры на всей земле».

После захвата монголами Азии европейцы воспряли духом. Интеллектуалами того времени было предложено несколько вариантов возможного дальнейшего развития событий. Один, первый по времени, основывался на идее возможного военного союза с монголами против мусульман.

Европа вначале довольно равнодушно отнеслась к известию о появлении татар, не видя в них отличия от других кочевников. В анналах Мельрозского монастыря за 1238 год спокойно отмечается, что *«впервые прошел слух по земле нашей, что нечестивое полчище тартарейское многие земли разорило; истинно ли это, будущее покажет»*. О том, как плохо представляли европейцы, кто такие монголы, говорит и то, что, узнав о их появлении, автор *«Хроники монастыря св. Эдмунда» Джон из Тэкстера* предположил, что это *«нечестивое»* племя пришло с неких *«островов»* и затем *«наводнило (собою) поверхность земли»*. Составители *«Анналов Тьюксберийского монастыря»* продолжили традицию Беды Достопочтенного и монголов тоже отнесли к *«сынам Измаиловым», «вышедшим из пещер (числом) до 30 миллионов и более»*.

Подобная позиция дольше сохранялась на Востоке. В Лаврентьевской летописи под 1224 годом значится: *«Приде неслыханная рать безбожнии моавитяне, рекомьи Татаръве»* (ПСРЛ. Т. 2. Спб., 1908. Стб. 740). На известном Лионском соборе 1245 г. архиепископ из Руси Петр Акерович происхождение татар попытался понять традиционно, на основе Библии, и пересказывает их историю так: *«последние из мадианитов, бежав от лица Гедеона до отдаленных частей востока, удалились в некую пустыню, которая называется Этрев. И было у них 12 вождей, главного среди которых звали Татаркан, от которого они нареклись тартарами. А от него произошел Чиркам, имевший троих сыновей. Имя перворожденного – Тессурикан, имя второго – Куртикан, имя третьего – Бататаркан. Огни, хотя были окружены высочайшими и будто бы непроходимыми горами, однако, вызванные Курцевзой, внуком Сальбатина, повелителя одного из*

городов, который называется Орнак, вышли, а именно отец и трое его сыновей с великим множеством вооруженных воинов; и убив Сальбатина, и Орнак, город его, захватив, Курцевзу, внука его, преследовали по многим провинциям. А провинции, дававшие ему убежище, они опустошали; среди них в большей части опустошена Руссия. Прошло уже 26 лет. По смерти же отца три брата между собой разделились». Общее с Лаврентьевской летописью здесь то, что и мадианитяне, и моавитяне мстили за свое бывшие поражения.

Любопытно, что появление татар в Европе было воспринято в традиционном духе как естественное и неизбежное наказание за «грехи мира», но под последними понимались уже те кризисные явления, которые связаны были не с абстрактными грехами, а с вполне конкретными негативными явлениями в общественной и хозяйственной жизни Европы XIII века.

Монголы не казались пока европейцам опасными по разным причинам. Во-первых, в предложенной в свое время Аврелием Августином классификации народов в соответствии с их отношением к христианству (1 – знают и хотят знать, 2 – не знают, но хотят знать, 3 – знают и не хотят знать, 4 – не знают и не хотят знать) эти племена явно должны занимать либо второе, либо даже первое место, ведь среди них было немало христиан. Во-вторых, монголы оказались в стороне от традиционной библейской альтернативы «люди, вошедшие в Завет – люди, не вошедшие в Завет». Под второй категорией в то время понимались «измаильтяне» или «агаряне», т. е. арабы, мусульмане. В-третьих, они располагались все-таки далеко от границ христианского мира. И, наконец, в-четвертых, они явно враждовали с арабами, и европейцы надеялись, что враг врага вполне может стать другом.

По этой-то причине первый вариант дальнейшего развития событий и был испробован в первую очередь.

Связано это было с событиями Пятого крестового похода. Задуманный еще Иннокентием III, он состоялся в 1217–1221 гг. В ходе его крестоносцы осадили крепость Дамиетту, бывшую ключом к Александрии. Папский легат Пелагий, возглавлявший поход, по сообщению арабского историка Ибн аль-Алефа, начал переговоры с Чингис-ханом, вторгшимся в Персию.

Именно в это время в Европе широко распространяется легенда о государстве пресвитера Иоанна. Усиленное муссирование слухов об этом государстве наводит на мысль, что желание военного союза христиан и монголов не казалось необычным.

Легенда о государстве «попа Ивана» (Иоанна, или Иоганна, у крестоносцев-германцев, Жана – у франков, пресвитера или протопресвитера в русской литературе XIX–XX вв.) появляется впервые примерно в середине XII в. Одним из первых об этом царе-священнике сообщает Оттон

Фрейзингенский (1145 г.). Он добавляет, что Иоанн двинулся из глубин Средней Азии на помощь христианскому Иерусалимскому королевству, но не смог переправиться через реку Тигр: *«...Мы повстречали также недавно рукоположенного в сан епископа Габульского из Сирии... Он рассказал, что несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующего христианство, хотя и несторианского толка, пошел войной на двух братьев Самиардов, царей Мидии и Персии, и завоевал их столицу Экбатану... Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви. Однако когда он достиг Тигра и за неимением корабля не смог переправиться через него, то пошел к северу, где, как он узнал, река эта зимой замерзает. Но, проведя там напрасно несколько лет, он не дождался мороза и, не достигнув из-за теплой погоды своей цели, был вынужден вернуться на родину, тем более что из-за нездорового климата он потерял много своих воинов... Кроме того, рассказывают, что он ведет свой род от древних волхвов».* Вскоре появились сообщения и в других германских хрониках. Появилось и письмо самого пресвитера византийскому императору Мануилу Комнину в переводе с арабского на латинский язык: *«Пресвитер Иоанн, всемогуществом Божиим и властью Господина нашего Иисуса Христа царь царей, повелитель повелителей, желает другу своему Мануилу, князю Константинопольскому, здравствовать и благоденствовать по милости Божией».* 27 сентября 1177 г. папа Александр III отправил из Венеции своего лейб-медика магистра Филиппа к «царю-первосвященнику Иоанну». Позднее в Западную Европу проникли и слухи о некоем «царе Давиде», будто бы сыне Иоанна. Эта легенда возродила надежды на антимусульманский союз с восточными христианами.

Однако неудачи крестовых походов в XIII в. помимо внутриевропейских причин были обусловлены и внешними факторами, в частности возросшим могуществом египетского султаната, который, по сути, занял в то время ведущее положение в арабском мире. Египетские мамлюки нанесли жестокое поражение и монгольским отрядам. Этим в значительной степени объясняется взаимная заинтересованность предводителей крестоносцев и монгольских ханов в создании антиегипетской коалиции.

Первыми активность, естественно, проявили римские папы. В середине XIII в. на восток отправилось сразу несколько миссий. Именно папа Иннокентий IV в 1245 г. направил в Каракорум к великому хану Гуюку миссию францисканца Джованни Плато Карпини. В 1249 г. в путь на восток отправилось французское посольство Андре Лонжюмо от короля Людовика IX Святого. Потерпевший в VII крестовом походе поражение французский король активно поддержал усилия папы Иннокентия и отослал к преемнику Гуюка хану Мункэ в 1253 г. доминиканско-францисканскую миссию фламандца Гийома Рубрука уже с прямым предложением

антимусульманского союза. Рубрук в мае 1254 г. прибыл в Карокорум, и здесь Великий хан решил устроить диспут, в котором приняли участие представители четырех религий. Рубрук провел его с целью, как он сам понимал, абсолютно несбыточной – убедить Гуюка принять католицизм. Гийом Рубрук говорил от лица латинян, там присутствовали несториане, буддисты и мусульмане. Рубрук объединился с несторианами. Против буддистов он надеялся привлечь в союзники мусульман, а вот против последних у христиан не было союзников. Начали диспут с обсуждения различных представлений о Боге, в чем католики, несториане и мусульмане объединились против буддистов, отстаивая монотеизм. Спор продемонстрировал диалектическое превосходство католиков, у которых был большой опыт борьбы с различными ересями. Диспут создал видимость легкой победы, но он же показал необходимость изучения языков. Выявились как враги христианства, так и его друзья. Самый важный вывод был сделан относительно мусульман и заключался в признании их близости к христианству и их потенциальном интеллектуальном союзничестве.

Но хитрый монгольский правитель потребовал невозможного, а именно подчинения Франции монголам, и попытка христианской экспансии на Восток не удалась, хотя надежда на это не погибла окончательно. Однако в целом средневековое христианство оставалось по сути своей европейским, как географически, так и ментально.

Причины же столь массивного дипломатического «наступления» Запада разнообразны. Кроме прощупывания возможности военного союза, являвшегося в их сознании скорее перспективой, чем реальностью, европейцы хотели разузнать ближайшие планы «завоевателей мира», их реальные и потенциальные силы.

Завоевание обширных районов Азии и поход в Юго-Восточную Европу (1222–1224) произвели столь сильное впечатление, что о монголах стали говорить как о величайшем бедствии человечества. По всем городам Европы служили молебны об отвращении страшной опасности.

Можно предположить, что монахи должны были выяснить также возможность проповеди христианства среди монголов.

Идея миссионерской деятельности уже достаточно широко была распространена в Европе, ее высказывали по разным причинам и с разной целью толедский архиепископ Евлогий (IX в.), аббат Ключийского монастыря Петр Достопочтенный (1095–1156), Фома Аквинский и Франциск Ассизский в XIII в. Все они основывались на словах Христа *«идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари»* (Мк. 16-15).

Во второй половине XIII в. уже монгольские ильханы Хулагуидского улуса, охватывавшего Иран, Ирак, Закавказье, стали оббивать европейские пороги. Хулагуиды вели активные дипломатические переговоры с римскими папами Климентом IV, Григорием X, Николаем III, с Генуей и королями

Англии и Франции. В 1287–1288 гг. посол ильхана Аргуна несторианский монах, уйгур по происхождению *Раббан Саума* побывал в Риме, Генуе, Франции.

Его попытка создать антиегипетский союз не удалась.

Отношения монголов с Европой принимают более спокойный характер в конце XIII в. В 1294 г. в столицу юаньского Китая Даду (монг. Ханбалык) прибыл посланец папы Бонифация VIII *Дж. Монтекорвино*. Хубилай (Шуцзу) дал ему разрешение остаться в столице и построить там церковь. В 1298 г. вышла в свет «*Книга*» венецианского купца *Марко Поло*, который долгие годы провел в Китае и сообщил об этой стране самые невероятные и фантастические сведения. С этой книги начнется новый этап в развитии интереса Европы к Востоку.

Если появление арабов в VIII в. почти вся Европа восприняла равнодушно и Беда Достопочтенный пытался понять их лишь с точки зрения эсхатологии, то теперь европейцы применили к пришельцам те методы, с помощью которых они анализировали внутривосточные конфликты. Вопрос о татарах был специально поставлен на Лионском соборе 1245 г. наряду с другими острыми политическими проблемами, такими как борьба с германским императором Фридрихом II, походы в «Святую Землю», судьба Латинской империи. Особо следует подчеркнуть и то, что анализ ведется теперь, как правило, с учетом развития экономических, а не идеологических процессов. Появление иноземцев для формирующейся городской экономики казалось большей катастрофой, чем для «деревенской» Европы VIII в. Потому Европа и старается просчитать все возможные варианты изменения внешнеполитического положения континента. К тому же принцип расчета и выгоды уже выходит на первое место в европейской системе ценностей. От рационального ведения хозяйства происходил переход к рациональной организации государства. Появлялись сложные органы управления и контроля, система налогов и государственного кредита, формировалась политика, взвешивающая все мыслимые факты и возможности, даже характеры политических деятелей, в ранг высокого искусства возводилась изворотливая дипломатия. Идет процесс перерастания средневековых народностей в нации, и уже не только и не столько на этнической, сколько на экономической основе формируется нравственно-политический принцип патриотизма. Рационализм широко проникает и в область идеологии. Еще Иоанн Скотт Эриугена (810–877), крупнейший представитель неоплатоновского движения в средние века, создатель пантеистической онтологии, выдвинул принцип свободного поиска истины с помощью разума. Идеи Беренгария Турского (1010–1088), Пьера Абеляра (1079–1142), Ибн Рошда (Аверроэса, 1126–1198) и Сигера Брабантского (1240–1284) заложили основы принципа религиозного плюрализма, первые проявления которого имелись в учениях катаров и альбигойцев, равенства религий и возможности

их независимого сосуществования. Один из первых серьезных кризисов средневекового христианства, имевший место именно в XIII веке и вызванный формированием городской культуры, внушительной интервенцией мусульманского свободомыслия, антиталямудической критикой мистиков-каббалистов, затронувших и ряд общих с христианством догматов, возродил интеллектуальные поиски «истинной философии» первых веков нашей эры.

Западноевропейская философия XIII– XV вв. и ислам

Поскольку знакомство Европы с мусульманской культурой производилось через Испанию и Сицилию, то и знакомство с греческой философией и ее арабской интерпретацией шло теми же путями. В XII–XIII вв. переводы греческих авторов всегда производились непосредственно с арабского, и лишь позднее начали переводить труды арабских философов с еврейских переводов. Первые переведенные произведения касались прикладных наук, но с сер. XII в. переводчики Толедо передали на Запад работы великих мусульманских философов: ал-Кинди, ал-Фараби, Ибн Сины и др. Особенно неожиданным и сильным было воздействие на мировоззрение европейцев Авиценны. В частности, спор вызвало его мнение о том, что Бог не может быть известен сотворенной им вещи. Этот акцент на разделении между Богом и человеком под влиянием Авиценны проник в академические круги Запада и вызвал массу откликов, в том числе *Фомы Аквинского* (1225–1274).

В отличие от Петра Достопочтенного Аквинат считал мусульман не еретиками, а скорее язычниками, а значит, в некоторых отношениях они были менее греховны, так как не «осенены благодатью» и потому, например, никогда не признавали авторитет Евангелия. В то же время их суждения ошибочны по гораздо более широкому кругу проблем. В полемике с язычниками необходимо опираться не на Писание, а на доводы разума и не обращать их в истинную веру насильно. Кроме того, человек не может быть принуждаем к тому, что есть высшее благо. Поэтому христианские правители, под властью которых находятся мусульмане, должны относиться терпимо к их образу служения Богу³³.

Представление Фомы Аквинского о Мухаммеде и его религии можно проследить по отрывку из «Суммы против язычников», где он противопоставляет мирное распространение христианства распространению ислама «огнем и мечом». Мухаммад с помощью «по-звериному диких людей, обитавших в пустыне, не знавшим вообще никакого божественного учения... силой оружия принудил других принять свой закон. Уже с их помощью он силой оружия заставил остальных принять его закон». Мухаммад соблазнил народы «обетованием плотских наслаждений, желать которых подстегивает

³³ Hourani A. Europe and the Middle East. L., 1980. P. 11.

плотское вожделение». И заповеди (praesep̄ta) он дал сообразные этому обетованию. Свидетельств истинности своего учения он тоже не привел, «кроме таких, какие легко может отыскать средний мудрец с помощью естественного разумения». У Мухаммада не было никаких сверхъестественных знамений, которые бы свидетельствовали о божественном происхождении его учения, и предсказания предшествующих пророков также не подтверждают его истинность. Мухаммад искажил «выдумками свидетельства Ветхого и Нового Заветов, пересказывая их, словно басни», и предусмотрительно «не велел своим приспешникам читать книги Ветхого и Нового Заветов, дабы не уличили его во лжи»³⁴.

Аквинат не употребляет термина «писание» относительно Корана, отказывая язычникам в каких-либо священных книгах. Отношение Фомы Аквината к культуре мусульман было дифференцированным и признание философского авторитета арабов сочеталось с убеждением в их теологической несостоятельности. В небольшом сочинении «О доводах веры. Против сарацин, греков, армян» Фома дает советы своему собрату доминиканцу, кантору церкви в Антиохии, как следует отвечать на вопросы мусульман.

Именно на примере Фомы Аквинского видно, что приблизительно с 1275 г. определилось две тенденции в научно-культурном развитии христианского мира: арабская культура уже пережила свой расцвет и клонилась к упадку, а Западная Европа встала на путь «научного исследования истины».

Естественнонаучное направление в западно-европейской схоластике и ислам. Роджер Бэкон об исламе

В XIII в. была ликвидирована философская изоляция Запада и началось широкое проникновение арабской мысли в Европу. Первое, документально засвидетельствованное столкновение западных схоластов с арабской философией произошло в 1209 г., когда Парижский церковный собор запретил читать Аристотеля на арабском языке или его переводы с арабского с комментариями.

Во многом свободомыслие того времени было связано с изучением арабских философов и их интерпретацией европейской античности.

Неудивительно появление в этих условиях и такой фигуры, как *Роджер Бэкон* (1214–1292). Этот «ученый, вызывающий удивление», казавшийся вначале «червонцем, застрявшим в навозе своего века» (*Вольтер*), но представший перед потомками «царем мысли средних веков» (*Э. Ренан*), подобно гностикам, пытался получить истинную картину мира в результате

³⁴ *Аквинский Фома*. Сумма против язычников. Книга первая. Долгопрудный, 2000.

синтеза сведений из всевозможных наук. Одним из источников науки для него является «философия древних», т. е. античная культура и мораль. Именно он, по словам М. П. Алексеева, дал *«связный географический очерк Азии на основании критического сопоставления новых данных, полученных опытным путем, и всей существующей литературы»*. Он первым из крупнейших средневековых мыслителей, по сути, сформулировал идею неизбежной будущей конвергенции христианского и языческого миров, причем на основе диалога культур, а не их борьбы. Традиционно он дает описание трех частей света – Европы, Азии и Африки и ссылается на античных авторов (Аристотеля, Плиния и др.), но основной фактический материал берет у своих современников – францисканских монахов *Иоанна де Плано Карпини* и *Гийома де Рубрука*. Однако «бесхитростные и во многом наивные рассказы» Карпини и Рубрука он анализирует очень тщательно и компоует материал так, что тот лишь подтверждает его научную концепцию. Отказываясь, по существу, от использования Библии в качестве единственного «ключа» к тайне происхождения «татар», он привлекает сведения античных и прежде всего современных авторов. На страхи Европы он, отталкиваясь от рациональных доказательств, отвечает, что *«тартарское нашествие еще не является признаком того, что грядет время пришествия Антихриста, но требуются и другие доказательства, дабы объяснить последствия»*. В своем изучении ислама он опирается не на Библию, а на собственный разум и ищет подтверждение своих идей не в Священном Писании, а в трудах арабских и античных авторов. Бэкон считал неверными цели христианства и видел неумение христиан воздействовать на умы других народов с целью донесения до них «слова правды». Цели христианской церкви неверны, так как извращены желанием господства. Значит войны бесполезны и единственный путь пропаганды христианства, по мнению Р. Бэкона, – это проповедь. Но здесь неизбежно всплывают три проблемы: незнание необходимых для этого языков; незнание видов неверия; незнание взаимных аргументов. Бэкон пытается проанализировать различные формы неверия. Сарацин он причислял к нации, образ жизни которой заключен в удовольствии и наслаждении, а татар, например, к нации силы. По его мнению, есть два способа осмысления различных вероучений: с помощью чудес и с помощью философии, но доверия к чудесным силам у Бэкона нет, значит остается философия. Среди неверных Бэкон на первое место ставит греков, а затем арабов. Ислам рассматривает как серьезного противника, но, полемизируя с мусульманами, Бэкон не разбирается особо в источниках. Он считал, что христианский и мусульманский миры движутся вперед, к общности культур, что ислам, прежде чем уйти, должен сыграть существенную роль в развитии научной мысли.

Таким образом, выход монголов на мировую арену, помимо всего прочего, настолько сильно повлиял на кругозор европейцев, что можно говорить о

влиянии и этого фактора на начало процесса складывания новой географической науки. Ее основателем будет справедливо считать Роджера Бэкона.

Оптимистический тон в отношении ислама появляется и в работах других средневековых авторов, в записках путешественников на Восток. Так, *Гийом Триполиийский* (ум. после 1271 г.), доминиканец из Акры, написал два труда: «Трактат об империи сарацинов и о лжепророке Мухаммеде» и «О Муххамеде и книге законов сарацинов». Несмотря на сильное искажение образа Муххамеда, он, однако, обнаруживает в исламе и христианстве много общего, вера мусульман близка христианской, и они не так уж далеки от спасительного пути. Гийом считал, что ислам находится на стадии разложения, что мусульмане мало разбираются в теологии и обращение их не так уж сложно. В то же время появляются признаки готовности восточных христиан к объединению с западными собратьями по вере. Складывается довольно бодрая картина огромного азиатского мира, по которой: христиане бесчисленны, несториане – простодушны, а ислам слаб и мало распространен, работа его завершена.

Идея миссионерской деятельности среди мусульман и ее интерпретаторы (Франциск Ассизский, Раймунд Луллий)

Родоначальником миссионерской деятельности среди мусульман можно считать архиепископа Кордовы Евлогия. Его тип миссии исламовед Д. Керр определил как «апокалиптический», поскольку ее главной и единственной задачей было противостоять исламу любой ценой, будь то вооруженная борьба или мученическая смерть. Последователей этой миссии практически не было.

С новой силой миссионерская деятельность развернулась в XIII в. и связана с именем основателя ордена францисканцев Франциска Азисского (1182–1226): «...он собрал орден в Порциункуле, а потом пытался отразить угрозу ислама, проповедуя маврам в Испании». По словам Бонавентуры, он был первым, кто со времен апостольских принял буквально слова «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Евангелие от Марка, XVI, 15). Собрав только семь единомышленников, Франциск уже думал отправить их с проповедью во все четыре стороны света. Совершенно новым было его понимание монастырской жизни – короткие периодические сборы после апостольской деятельности в миру. Миссионерский план Франциска был крайне прост: каждый отправлялся туда, где, как ему казалось, нужна была его помощь. Единственное условие, которое ставилось перед миссионером, – готовность принять любую участь, проповедуя слово Божие по всему миру.

В 1219 г. Франциск отправляется в Египет, к осажденной Дамiette. По легенде, его схватили сарацины и привели к султану, которому очень понравилась его кротость. Он внимательно выслушал Франциска, упрасивал

его остаться, но Франциск поставил условие, что тот перейдет в христианство вместе со своим народом, предложив в качестве доказательства истинности своей веры пройти через пылающий костер. Султан на это не согласился и отпустил его целым и невредимым. Франциск хотел положить конец крестовым походам, но не силой, а словом.

Событие это нашло отражение в «Божественной комедии» Данте (Рай, XI, 100–105):

Когда же он, томимый жаждой мук,
Перед лицом надменного султана
Христа восславил и Христовых слуг,
Но увидал, что учит слишком рано
Незрелых, и вернулся, чтоб во зле
Не чахла италийская поляна...

(Перевод М. Лозинского)

Систематическую разработку идея миссии среди мусульман получила у Рамона де Пеньяфорте (1175–1275) и Раймонда Луллия (1235–1316).

Рамон де Пеньяфорте (впоследствии третий великий магистр ордена доминиканцев) вел миссионерскую деятельность в мусульманской Испании. Он основал школу в Толедо (*Sodium arabicum*), в которой впервые миссионеров стали обучать арабскому языку. В 1222 г. он вместе с Петром Ноласком создал в Барселоне орден ноласканцев – общество мирян, основной целью которого был выкуп у мусульман и освобождение рабов-христиан.

Раймунд Луллий – главный вдохновитель движения за изучение языков, был приверженцем рациональной демонстрации христианской веры неверным, ратовал за изучение языков. Он разработал план подготовки профессиональных миссионерских кадров и создания для этой цели специальных учебных центров. Прежде чем проповедовать среди какого-либо народа, считал он, необходимо изучить и понять его веру и обычаи. В то же время свои доводы надо излагать в доступной для данного народа форме. Как и Фома Аквинский, Раймонд Луллий рассматривал философию в качестве универсального языка, на котором становится возможным общение между людьми разных вер. Во многом благодаря инициативам Раймонда Луллия в ряде университетов Европы стали создаваться кафедры арабского языка.

С падения Акры в 1291 г. вера в возможность мирового единства на базе христианской религии, однако, была значительно подорвана.

Современник Луллия доминиканец *Риколдо да Монтекроче* (ум. 1321 г.), оставив преподавательскую деятельность, отправился с миссией на Восток. Результаты своих исламских штудий и миссионерской деятельности он обобщил в сочинении «Против закона сарацин», где пишет, что надежды на союз с монголами против ислама нет. Они начали поворачиваться к исламу, как к более доступной вере. О социальных порядках сарацин он отзывался

высоко, но игнорирует мусульманских философов и нападает на их учения. Не видит автор их близости к христианству и считает несложным опровергнуть доктрину ислама.

Ирландец *Симон Симеонис*, отправившийся в Палестину, часто цитирует Коран, но не может не упомянуть Мухаммеда или мусульман без эпитета «свиньи», «звери» и т. п.

Итальянец *Джакомо из Вероны*, побывав на Востоке, поддерживает мнение ранних авторов, что закон Мухаммеда – это чудовищная пародия на христианство, а поэтому нет почвы для интеллектуального общения между представителями этих двух религий. Он пытался подвигнуть христиан на новые завоевания на Востоке, но Запад стремительно терял интерес к исламу.

«Проблема ислама» в XIV–XV вв.

(Джон Виклеф, Николай Кузанский)

С XIV в. начинается новый этап в отношении к исламу, который характеризуется относительным равнодушием к нему и своего рода культурным отчуждением европейцев от арабо-мусульманского мира. Военную его угрозу Запад смог отразить, а интеллектуальной опасности уже не было. Это отчуждение все же не привело к свертыванию связей между двумя мирами. Дипломатические контакты становились более регулярными, торговые отношения расширялись. В области естествознания, медицины, философии европейцы продолжали обращаться к арабским источникам за необходимыми знаниями. Во второй половине XV – первой половине XVI в. в Италии возобновилась даже переводческая деятельность. В Болонье и Падуе, центрах аверроизма, снова переводились медицинские трактаты Авиценны и комментарии к Аристотелю Аверроэса. К этому времени относится и первый перевод на латинский философской повести Ибн Туфайла «Хайя ибн Йакзан», осуществленный Пико делла Мирандолой.

Все же интерес к мусульманской культуре ослабевал и все больше Европа ориентировалась на античность. Переводы греческих авторов с арабского стали рассматриваться как фальсификаторские. Само слово «арабский» в данном случае приобрело уничижительный оттенок.

Однако произведения об исламе продолжали появляться. Западные авторы обратились к жизнеописанию Мухаммеда, показывая его заклятым врагом христианства. *Марко Поло* изобразил сарацин грабителями и убийцами, ненавидящими христиан.

Вероятно, плодом народной фантазии стал и трактат «*О трех обманщиках*», в котором доказывается ложность иудаизма, христианства и ислама, ибо они созданы в корыстных целях «великими обманщиками» — Моисеем, Христом и Мухаммедом. Эта идея возникла в IX в. на Ближнем Востоке, а с XIII в. распространилась и в Европе. Авторство трактата на

протяжении IX–XVII вв. приписывалось многим лицам³⁵. Автор этого трактата предлагает идею преемственности религий (иудаизм опирается на язычество, христианство – на иудаизм, ислам – на христианство и иудаизм), а религию называет порождением невежества народа и обмана мошенников, поскольку она «прежде всего нужна правителям и богачам для обуздания народа».

О масштабах распространения негативного отношения к исламу свидетельствует «Божественная комедия» Данте, в которой Мухаммед и Али помещены в девятый ров восьмого круга Ада, предназначенный для тех, «кто, разделяя, копит гнев», т. е. для виновников «раскола мира» (Ад, XXVII, 135–136; XXVIII, 22–63). Мухаммад, появившись уже после христианства, внес в мир новый раскол, Али же, при котором ислам распался на три направления, – виновник раскола в самом исламе (поэтому Данте изображает его с рассеченной головой). Исключение сделано Данте для Аверроэса и Авиценны, помещенных в лимбе – преддверии Ада для добродетельных нехристиан (Ад, IV, 143–144).

Были, однако, и исключения. Отлучения за своего рода исламофильские настроения удостоился Фридрих II. В числе обвинений, выдвинутых против него папой Григорием IX в 1239 г. указывалось, что Фридрих был приверженцем учения «о трех обманщиках».

В середине прошлого тысячелетия эсхатологические настроения, широко распространявшиеся в обществе, активно опирались на исторический и географический материал. Европейцы пытались выстроить уже картину не развития своего собственного мира, а всего человечества. Естественно, что судьбы «неверных» стали интересовать их и с этой точки зрения.

Одним из первых попытался включить арабов в систему всеобщего «спасения» Джон Уиклеф (*Виклеф*) в своих работах «О церкви», «О правдивости Священного Писания», «О евхаристии», «Диалоги» и др. Он считал, что мусульманская и христианская религия схожи между собой алчностью, гордыней, жадностью власти, похотью, проповедью насилия, предпочтением человеческого разума, а не слова Божия. Говоря о западной церкви в целом, он даже употребляет выражение «мы, Западные Магометы». Именно это, по его мнению, привело к расколу христианства, создало границу между Западом и остальным миром. Именно пороки церкви стали причиной возвышения ислама, начавшегося с ростом гордыни, жадности и т. д. Для Виклефа пороки и есть моральная и практическая ересь, которая заразила христианство пороками. Излечив эти пороки у себя, христиане смогут заняться и лечением ислама, поэтому спасение – удел не только христиан, но и ислама³⁶.

³⁵ Анонимные атеистические трактаты. М., 1969.

³⁶ Southern R. W. Op. cit. P. 79.

В середине XV в., после того как турки-османы завоевали Балканы и Константинополь, «проблема ислама» вновь завладела умами европейцев. Некоторые принципиально новые моменты в подходе к ней обнаруживаются у *Николая Кузанского* (1401–1464) и *Иоанна из Сеговии* (ок. 1400–1458).

Оба исходили из того, что война не решит спора между двумя религиями. Оба считали, что пытаться обратить мусульман в христианство бессмысленно, поэтому необходимо выявить реальные разногласия и найти то, что объединит. С этой целью и Иоанн, и Николай даже разрабатывали идею дискуссии. Иоанн дал ей название *contraferencia*. Николай хотел собрать купцов из разных городов Востока, чтобы из первых уст получить сведения об исламе, затем послать специально подготовленных людей (причем мирян, поскольку к ним турки относятся с большим доверием, чем к духовенству) в мусульманские страны, где они должны были подготовить почву для «контраференции».

В терпимости к нехристианам Николай Кузанский следовал принципу примирительного отношения к их вере. В своей работе «О мире веры» 1453 г. он пытается «отыскать способ некоего единого соглашения и так удобным и правым путем учредить в религии вечный мир». Изначально все народы произошли от одного человека, сотворенного Богом, и все религии из одной веры, а значит, существует только одна религия, но в разнообразии обрядов, происшедшем от того, что каждому народу Бог дал своего пророка и правителя. Путь к единству вер лежит через постижение истины посредством философии. Основной тезис: единство прежде всякого множества.

Полемiku о тринитарной доктрине христианства Кузанский ведет от лица иудея, отрицающего, подобно мусульманам, эту идею. По Кузанскому, отрицать Троицу – значит отрицать Божественную плодотворность и творящую силу, признать Троицу – значит отвергнуть множественность и сосуществование богов. Арабы легко согласятся с этим, тем более что они признают, что у Бога есть сущность и душа. Снимается основной пункт разногласий между исламом и христианством, ведь арабы тоже веруют в Троицу, хотя и не замечают этого, и все их отступничество от истинной веры происходит от того, что они не поняли христианской трактовки триединства Бога.

По вопросу о божественности Христа и соотношении в нем человеческого и божеского Кузанский объясняет Слово (Логос) понятием *ratio* (разумное основание). Несомненно, что разумное основание есть и у Бога, являющееся бесконечным разумным основанием; причиной и мерой всего, что только может возникнуть, и есть Бог.

Кузанский отмечает, что мусульмане признают Христа Словом и Духом Бога (по Корану: «Мессия, Иса, сын Марйам, – только посланник Аллаха и Его слово, которое Он бросил Марйам, и дух Его...»). Исповедуя близость его к Богу, мусульмане все же не считают Богом его самого. Петр, выделяя

человеческую природу Христа, доказывает, что Христос – Бог по праву наследования Сыном божественной сущности своего Отца. Человеческое в Христе не помеха божественному. Человеческая природа не переходит в божественную, однако прилепляется к ней нерасторжимо.

Еще один пункт разногласий – проблема распятия. Кузанский вкладывает в уста Петра доказательство необходимости принесения Христом себя в жертву, ради спасения человечества: «Он отдал за истину Свою жизнь в мире сем, чтобы таким путем возвестить Царство небесное, избавить мир от незнания и, вознесшись на кресте в виду всех, привлечь таким путем всех к вере».

Если бы арабы обратили внимание на то, что Иисус как Сын Бога должен был сделать, чтобы выполнить желание своего Отца, а ведь Он как воплощение Премудрости не делает ничего без смысла и цели, а значит, Бог хотел, чтобы человечество получило шанс на спасение.

Доказательство того, что иудеи распяли не тень Христа, но его самого, является идея открытия с этого момента Царства небесного для людей. Христос, будучи по своей природе смертным человеком, должен был также умереть, чтобы сложить с Себя Свою смертность, а если утверждать, что он умер не на кресте, то значит он не сошел с себя смертность и не вошел в Царство небесное, в которое не может войти ни один смертный.

Николай Кузанский опровергает утверждение Корана (неправильно понятое им), что блаженство в раю будет заключаться лишь в плотских утехах. Этого не может быть, потому что «все мирское надоедает со временем, лишь духовное – никогда». Мухаммед пообещал чего попроще. Автор отмечает, что Мухаммед признавал Священное Писание и давал понять, что райское блаженство не меньше этого телесного. Кузанский рассматривает Коран как отражение Евангелия, местами извращенное Мухаммедом в силу несовершенства человеческого разума, и пытается отделить христианские элементы в Коране от заведомо ложных нехристианских. Николай Кузанский, по-видимому, одним из первых предпринял попытку текстологического анализа Корана. В сочинении «Просеивание Корана» («Cribratio Alcoran») он ставил цель отобрать в мусульманском вероучении то, что может быть принято христианами в свете Евангелия, от того, что, по его мнению, являлось плодом несовершенного человеческого разума.

Что касается обрядов, то, по мнению автора, людям дозволяется выполнять любые обряды для сохранения мира и веры.

Взгляды Николая Кузанского оказались достаточно широко известными. Примечательно в этом плане письмо Пия II, друга Николая Кузанского, к завоевателю Константинополя Мехмеду II. В нем папа, оговорив расхождения между исламом и христианством в вопросах о божественной природе, подчеркивал в то же время единую библейскую основу двух

религий, объединяющую их веру в единого Бога, загробную жизнь и бессмертие души. Хотя это письмо было, по-видимому, продиктовано не столько стремлением к теологическому взаимопониманию, сколько политическими и дипломатическими соображениями, оно все же свидетельствует о том, что представления христиан о религиозных верованиях мусульман не были однозначными. Рядом с вымыслами уживались вполне реальные знания, наряду с враждебностью существовало сознание определенной духовной общности.

Падение Византии в XV веке вызвало новую волну антимусульманства. В 1454 г. *Иоганн Гутенберг* издал брошюру о борьбе Византии с Османской империей.

Однако особенно широко антимусульманские настроения распространились в XVI в., когда в отношении христиан к исламу произошли существенные изменения. Европейцы сознавали, что культурное первенство перешло к ним. С концом средневековья ислам уже не воспринимался европейцами как серьезный интеллектуальный соперник. *Мартин Лютер* даже издевался над средневековыми представлениями об исламе, представляя их образчиком обычных «папских суеверий и предрассудков». Более того, отвергая идею крестовых походов, он считал, что к туркам необходимо относиться терпимо, поскольку видел в них справедливое наказание Божие за грехи христиан. Однако стоило туркам-османам в 1529 г. подойти к Вене, как тон его резко изменился. Он издал трактат «О войне с турками», в котором ожили традиционные средневековые стереотипы: Коран – учебник насилия, ислам – религия насилия, которая служит антихристу; турки – убийцы, мусульмане лишены разума, поэтому бессмысленно пытаться обратить их в истинную веру, им можно противостоять лишь силой меча.

Тот же Лютер, однако, одним из первых дал и принципиально новый образец подхода к исламу, использовав его негативный образ в полемике с католицизмом: «Папа и ислам суть два заклятых врага Христа и Святой Церкви, но если ислам – только тело антихриста, то папа – его глава». Ислам становится, таким образом, синонимом понятия «греха» внутри христианской церкви. В этом смысле для Лютера сама католическая церковь стала «исламом». Отныне христианские мыслители часто обращаются к исламу не столько ради полемики с ним самим, сколько используя его образ как средство в теологических и философских спорах между собой. Так, обвинять друг друга в «ислаимизме» было модно среди протестантских и католических теологов XVI в. Первые видели в исламе, а следовательно, и в католицизме «дела без веры», вторые поминали ислам в своей антипротестантской апологетике как «веру без дел». В качестве примера можно назвать книгу английского католика *Уильяма Рейнолдса* «Кальвино-туркицизм», в которой автор сравнивает доктрину Кальвина с мусульманским вероучением, и работу его соотечественника, представителя англиканской церкви *М. Сатклиффа*

«О Турко-папизме», обличительный пафос которой направлен против католицизма.

К этому времени в европейском сознании окончательно утверждается образ мусульманина как варвара и кровожадного насильника. Большую роль в этом сыграло книгопечатание.

Колониальная экспансия добавила высокомерие по отношению к исламу, мусульманам и мусульманской культуре.

Когда стали появляться первые специальные исторические труды об исламе, они оказались очень специфичны. История мусульманских территорий рассматривалась лишь в связи с историей Европы, к прошлому населения мусульманских стран отсутствовал какой-либо интерес, уровень развития мусульманского общества и его культуры явно недооценивались и т. д.

Заключение

Таким образом, мы видим, что для всего средневековья ислам был загадкой и опасностью, непредсказуемой и неизмеримой. Западу было трудно понять его мотивы.

В его понимании Запад не мог ждать помощи от античности. Единственная параллель, которую проводили европейцы, – это была параллель с евреями. Христиане много брали от них, но в целом понять и принять иудаизм не могли и не хотели. Более низкий, с их точки зрения, экономический и социальный уровень развития евреев позволял им считать, что не стоит вообще ими заниматься. Таким образом, социальное превосходство приводило к культурному шовинизму. Таким же было отношение ко многим ересям (особенно с XI в.) и к православию.

Но ислам не хотел и не мог терпеть такого пренебрежения, он сопротивлялся и завоеванию, и конверсии (обращению).

Основания для этого были, и немалые:

1) богатый культурный синтез подвластных народов привел к созданию высокой синтетической культуры, ни в чем не уступавшей христианско-латинской;

2) сходство религий (единобожие, пророческая традиция, единство многих священных персонажей и т. п.).

Поэтому мусульмане считали свою религию высшей стадией развития пророческой линии и отрицали многое в христианстве (Троица, воплощение, божественность Христа). Но они признавали бессмертие души, загробное воздаяние и благочестивую жизнь как условие входа в рай. Они не понимали, как можно сочетать божественную сущность Христа и распинание, рождение от земной женщины. Признавали и Библию, но приоритет оставляли за Кораном. Приняли философски насыщенную доктрину загробной жизни и

воздаяния, но оскорбляли, по мнению христиан, эту философию тезисом, что сексуальное наслаждение будет главным удовольствием в раю.

Все это повлияло на имидж ислама. Христиане иногда даже считали его дьявольской цивилизацией: мусульманские страны постоянно распадались, что воспринималось как признак упадка, и снова соединялись, что вообще было непонятно. В исламских странах проживали необычные люди: Аль-Фараби, Авиценна, Аверроэс, Салах ад-Дин, т. е. ученые, философы, учителя, воины.

Были, однако, и объективные различия.

Запад представлял собой общество аграрное, феодальное и монашеское. А в исламском мире были большие города, пышные дворы, торговля. На Западе целибат, духовенство, иерархичность, на Востоке – чувственность, снисходительность, принципиальное равенство, свобода мысли, монастыри и духовенство не имели такого значения, как в Европе.

Развитие двух миров основывалось на различных принципах: Запад развивался медленно, особенно вначале, и в последние века средневековья делал неожиданный спурт. Ислам же совершил невиданный скачок в начале, добился такого военного успеха, который и не снился Западу.

Интеллектуальное развитие на западе явно запаздывало. Это было связано с разным интеллектуальным наследием. Ислам стал главным наследником греческой культуры, а Запад возрождал литературу Рима. Иначе говоря, исламу досталось античное наследие периода расцвета, а Западу – отцы церкви, постклассическая литература, латинские учителя, как выразился Сауферн, твердые, а не возбужденные.

Есть смысл здесь сравнить, как это сделал Уотт, две фигуры – папу *Герберта* (940–1003) и *Авиценну* (980–1037). Оба были деловыми людьми, занимали важные посты и могут рассматриваться как своеобразные интеллектуальные пассионарии. Но в плане морали это были типичные люди средних веков.

Герберта принимали при дворах Гуго Капета и Оттона III, он преподавал в монастырских и кафедральных школах. Школы были небольшими, с плохими библиотеками. Больше всего Герберт гордился греческими книгами, которые сохранили римляне (Введение Порфирия к Аристотелевой логике, переводы Бозция, пособия по арифметике, музыке, геометрии, астрономии, обрывки греческих медицинских сочинений). На этой основе он составил свои скудные работы: пособие по риторике, хрестоматия по арифметике. Он построил модель планетарной системы, сконструировал абак, сложные часы. Герберт – священник, монах, прелат, папа, политический интриган, окруженный не очень умелыми и способными, по его мнению, людьми.

Авиценна – мирянин, чиновник, врач, придворный философ. Уже в 16 лет изучил Введение Порфирия, все известные системы логики, геометрию Эвклида, Альмагест Птолемея, целую библиотеку греческой медицины и

некоторые индийские арифметики, конечно же, мусульманских юристов. Таким образом, юноша достиг того, что не снилось на Западе и старцу. И это не уникально. Султан Бухары, по сообщению Авиценны, имел библиотеку во многих комнатах дворца, книги находились в различных сундуках по темам, с каталогом авторов. Поэтому восточные работы будут популярны на Западе, а Герберт будет довольно скоро забыт.

В конце средневековья ислам подошел к Вене (1529), потом остановился. Наступил период медленной стагнации. В Европе в это время произошел раскол христианства. Все это породило атмосферу плюрализма и веротерпимости. Происходило признание нехристианских народов. Росло благополучие народа. Упадок турок, распространение светского взгляда на мир, открытие Нового Света и т. п. привели к тому, что ислам уже не казался страшным. Европа интеллектуально и материально чувствовала себя безопасно.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что Средние века были золотым веком исламской проблемы (650–1750).

В. М. Уотт считает, что именно за это время сложились основные элементы христианского представления об исламе и подробно их разбирает³⁷.

1. Ислам – ложь и сознательное искажение истины.

Библейская концепция Бога и человека настолько доминировала в представлениях средневековых европейцев о природе, что они просто не представляли себе возможности других взглядов. Соответственно во всех тех случаях, где мусульманское учение отличалось от христианского, оно считалось ложью. Общий ход подобных рассуждений можно проиллюстрировать отрывком из Фомы Аквинского («Summa contra Gentiles», кн. 1, гл. 6).

После речей о том, сколь многочисленны знаки и свидетельства, подтверждающие и поддерживающие христианскую веру, Фома настаивает, что ничего подобного нельзя найти у тех, кто, подобно Мухаммаду, стал основоположником «секта». Кроме «плотских соблазнов» Ислама он указывает на неубедительность свидетельств и аргументов, приводимых Мухаммадом, на смешение в Коране истинного с недостоверным и ложным, на отсутствие чудес, которые подтверждали бы претензии Мухаммада на пророческий сан. Его первые последователи описываются как «люди, не искушенные в Божественных делах... но bestiales, обитающие в пустыне» – подразумевается, что они некритически воспринимали подобные претензии. Однако этих последователей оказалось так много, что Мухаммаду удалось военной силой принудить остальных обратиться в мусульманство. Вопреки

³⁷ Этот обзор отчасти составлен по книге: *Vomt У. М.* Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. С. 97–110.

заявлениям Мухаммада, что его приход предсказан в Библии, изыскания показывают, что «он искажает все свидетельства Ветхого и Нового Заветов».

Некоторые другие авторы шли дальше, заявляя, что, «если он и говорил когда-либо правду, он смешивал ее с ядом, искажая ее». Следовательно, истинные моменты сами по себе приравнивались к меду, добавляемому только затем, чтобы прикрыть яд.

2. Ислам – религия насилия и меча.

Фома Аквинский полагал, что Мухаммад распространял свою религию с помощью военной силы. Непременным правилом религии сарацин считалось также стремление «грабить, забирать в плен, убивать врагов их Бога и их пророка, преследовать и уничтожать их всячески» (Педро де Альфонсо). Гумберт Романский даже утверждал, что «они так ревностны в своей религии, что, где бы они ни захватывали власть, безжалостно обезглавливают всех, не исповедующих их веры»³⁸.

3. Ислам – религия потворства порокам.

Многоженство действительно занимало видное место в представлениях об исламе. Часто считалось, что для мусульманина единственным ограничением количества жен служило его материальное положение. Авторы, которые не могли не знать, что число разрешенных исламом жен не превышает четырех, тем не менее, говорят о семи или десяти. Стихи Корана часто переводились неверно, чтобы внести предосудительный сексуальный оттенок там, где его заведомо не было. Протivoестественные или «скотские» виды половых сношений между супругами якобы широко практиковались в исламе. Полагали, что Коран даже позволяет мужеложство. Вершиной мусульманской половой распущенности некоторым представлялась кораническая картина рая. Особое внимание уделялось гуриям, этим чернооким девственницам, предназначенным для удовлетворения желаний праведников, что считалось особенно скандальным. Строгой критике подвергалась супружеская жизнь самого Мухаммада. Таким образом, средневековое представление о мусульманских нормах половой жизни в значительной мере карикатурно.

С точки зрения европейцев, мусульмане предавались своим страстям и в других отношениях. «Красивая жизнь» мусульманской Испании и Сицилии неизбежно представлялась средоточием пагубных соблазнов тем, кто не мог вкусить подобной роскоши. Коран якобы учил людей нарушать клятву, когда им это было угодно, и сулил людям рай не за добрые дела, а лишь за прочтение шахады (мусульманский символ веры). Считалось также, что вера в судьбу, распространенная среди мусульман, служит оправданием лени и бездеятельности.

³⁸ Уотт У. Н. Указ. соч. С. 100.

4. Мухаммед – Антихрист.

Если для христианства вся цепь пророчеств и откровений есть постепенная подготовка к кульминации мировой истории – «боговоплощению», то Мухаммед через шесть веков заявил о себе как о подлинном завершителе пророческого цикла, более того, он утверждал, что ему ниспослана вся полнота божественного откровения. Он отверг некоторые фундаментальные догматы христианства. Неудивительно, что в Европе сформировалось представление об исламе как ереси и о Мухаммеде как ересиархе. Самого Мухаммеда считали часто даже дьяволом, свидетельством чему шотландское слово *tohound* (дьявол), являющееся искажением его имени.

В ближневосточном христианстве была распространена легенда, согласно которой Мухаммад сначала был учеником арианского монаха (или несторианина Сергия Бахиры), получил от него некоторые сведения о Библии и, выдав себя за пророка, создал свое лжеучение.

Доминиканский монах, современник Данте, побывав в Багдаде, предложил свою версию: сатана, будучи не в силах сам остановить распространение христианства на Востоке, придумал «писание» – нечто среднее между Ветхим и Новым Заветами – и использовал в качестве своего посредника человека сатанинской природы. «Писание» – это Коран, посредник – Мухаммад, предстающий уже в роли антихриста.

Практически об этом же говорится в жесте «Коронование Людовика» (XXIII, 847–853), где граф Гильом отвечает сарацину:

Твой Магомет, как каждому известно,
Спервоначалу был Христу привержен
И наше проповедовал ученье,
Но занесло его однажды в Мекку,
Где он вином упился невоздержно,
Свининой мерзопакостно объелся.
Кто видит Бога в нем, тот глуп безмерно.

(Перевод Ю. Корнеева)

Иногда сирийские христиане называли мусульман «сектой Агари». Основываясь на отрывке из библейского «Послания апостола Павла Галатам» (IV, 21–31), они доказывали, что мусульмане, будучи «сынами рабыни», изъяты из истории спасения.

Распространенным было представление о Мухаммаде как о колдуне или чарошее, который магией и обманом разрушил церковь на Востоке.

Мухаммад предстал иногда даже в качестве кардинала римско-католической церкви Махона (Мухаммада), который после неудачной попытки стать папой бежал в Аравию и из мести основал там новую религию.

Широкое хождение в Европе приобрела легенда, согласно которой Мухаммад приучил голубя клевать у него из уха пшеничные зерна и тем самым убедил арабов, что это посланец святого духа, нашептывающий ему божественное откровение. Английский поэт XV в. Джон Лидгейт, составивший описание жизни Мухаммада, называет даже цвет голубя – молочно-белый. Современник Шекспира историк Уолтер Роли в своей «Всемирной истории» тоже приводит этот рассказ. И у самого Шекспира в «Генрихе VI» (Акт I, сцена 2) дофин Карл, обращаясь к Жанне д'Арк, восклицает:

Не вдохновлял ли голубь Магомета?

Тебя ж орел, наверно, вдохновлял!

(Перевод *Е. Бируковой*)

Экстраполировалась на ислам и христианская идея Троицы. Так, в жестах можно встретить утверждение, что мусульмане поклоняются триаде демонических существ или идолов – Маому (Магомету), Аполлену (Аполлону) и некоему Тервагану (см. «Песнь о Роланде», CLXXXVI, ст. 2580 – 2589). В «Короновании Людовика» (XX, ст. 622) к этим именам добавлено еще одно – Каю. В «Песни о Роланде» (CLXXXVI, 2590–2591) мусульмане, потерпев поражение от Карла, в гневе вытаскивают из пещеры своих идолов, разбивают статуи Аполлона и Тервагана.

А Магомет повален в ров глубокий.

Его там псы грызут и свиньи гложут.

(Перевод *Ю. Корнеева*)

В английском языке слово «mammet» (вариант «maumet»), образованное от «Mahomet», приобрело значение сначала «идол», а затем «кукла», «марионетка». В последнем значении это слово употребляет Шекспир в «Ромео и Джульетте» (Акт III, сцена 5):

И вот имей плаксивую девчонку,

Пустую куклу, что в такой удаче

Изволит отвечать: «Не выйду замуж»

(Перевод *Т. Щепкиной-Куперник*)

And then to have a wretched puling fool

A whining *mammet*, in her fortunes tender,

To answer: «I'll not wed, I cannot love».

Согласно другой христианской легенде, которую поддерживал еще в IX в. епископ Кордовы Евлогий, после смерти Мухаммада единомышленники пророка ожидали, что ангелы унесут на небо его тело, но вместо этого вдруг примчались собаки и стали терзать его. Именно поэтому, мол, мусульмане запрещают употреблять в пищу свинину и считают собак нечистыми животными.

Таким образом, для средневековой Европы ислам был верой врагов и неудивительно, что постепенно сформировался искаженный образ ислама.

По мнению *Филиппа Хитти*, «любое сходство между конечным образом ислама, сформированным европейским сознанием, и действительностью – чисто случайно». *Рене Генон* добавляет, что искаженный образ ислама явился в немалой степени и результатом европейского шовинизма, сознательного стремления замолчать роль мусульманской культуры в развитии Европы.

В общих чертах традиционная христианская полемика с исламом преследовала цель продемонстрировать: 1) несостоятельность религии мусульман по сравнению с христианством; 2) необоснованность претензий Мухаммада на пророческую миссию; 3) несостоятельность претензий мусульман на то, что Коран является словом Божиим; 4) аморальность образа жизни мусульман.

«В целом же в средние века в сознании европейцев сложилась примерно следующая картина ислама: вероучение Мухаммада – ложь и сознательное искажение истины, это религия фатализма, нравственной распущенности и потворства страстям, религия насилия и жестокости»³⁹. Соответственно дурному образу ислама противопоставлялся идеальный образ христианства как религии истины, строгой нравственности и мира, как веры, распространяемой убеждением, а не силой оружия. В то же время некоторые чисто христианские реалии, только со знаком минус, переносились на ислам. Как писал Уильям Монтгомери Уотт, «война света и тьмы – это звучит прекрасно, но теперь, после Фрейда, люди понимают, что тьма, приписываемая врагам, – это лишь проекция собственной тьмы, которую не желают признать. Так, искаженный образ ислама следует рассматривать как проекцию теневых сторон европейца».

Мусульманское сознание по-своему реагировало и на христианство. Основы представлений о христианстве и иудаизме были заложены в Коране и хадисах. Они формировались соответственно уже в первый век существования ислама и с тех пор не претерпели серьезных изменений. Чувство духовной избранности и превосходства своей религии и своего языка помогло мусульманам преодолеть гегемонию христианизированного мировоззрения на Ближнем Востоке. Мусульмане были искренне уверены, что они знают христианство лучше самих христиан, большинство из которых впало в заблуждение, неверно поняв или сознательно исказив то, чему их учил посланник божий Иса. В какой-то мере можно признать справедливым утверждение У. Смита, что «мусульмане не только ничего не знают о вере христиан, но даже не отдают себе в этом отчета». Хотя средневековый ислам дал образцы фундаментальных ересиографических сочинений (*Абу-л-Хасана ал-Ашари*, *Ибн Хазма*, *Абу Мансура ал-Багдади*, *аш-Шахрастани*), в которых

³⁹ Уотт У. М. Указ. соч. С. 99–103.

можно видеть даже зачатки сравнительного религиоведения, однако в целом мусульманская апологетика в трактовке христианства не менее тенденциозна, чем христианская.

Надо заметить, таким образом, что и у мусльман наблюдается определенное искажение христианства как мировой религии. Они обвиняли христиан в том, что те утверждают наличие у Бога Сына и почитают, кроме Бога, святых, а также иконы, т. е. впадают в многобожие, и потому являются неверными. Традиционная исламская полемика с христианством сводилась к следующим пунктам: 1) искажение и фальсификация христианами Божественного Откровения; 2) вероучительные заблуждения христиан — вера в Божественную природу и Божественное сыновство Иисуса, учение о Троице как нарушающее единственность и единство Бога, учение о первородном грехе и искупительной жертве Христа; 3) заблуждения христиан в богослужебной практике — осуждалось как идолопоклонство почитание Иисуса, Марии и святых; таинства, а также различные литургические праздники порицались как недопустимые нововведения. В Коране все же нет ни одного упрека в адрес Христа и Богоматери, хотя этот текст и отрицает, что Иисус был больше, чем пророк и посланник.

В конце средневековья ислам уже не воспринимался европейцами как серьезный интеллектуальный соперник. Былое восхищение всем арабским сменилось отвращением. Итальянский гуманист *Джованни Пико делла Мирандола* (1463–1494), хорошо знавший арабский, арамейский и древнееврейский, в начале одного из своих трудов говорит: «Во имя неба, оставьте нам Пифагора, Платона и Аристотеля и забирайте своего Омара, своего Алкабитуса, своего Абензоара, своего Абенрагеля!» В XIII–XIV вв. в университете в Саламанке (так же как в Болонье, Оксфорде, Париже и Риме) существовала должность преподавателя арабского языка, но в 1532 г., когда ученый из Нидерландов поинтересовался в Саламанке преподаванием этого предмета, один испанец ответил ему: «Какое тебе дело до этого варварского языка? Достаточно знать латынь и греческий. В молодости я был так же глуп, как и ты, и занимался арабским и древнееврейским, но я уже давно их забросил и всецело обратился к изучению греческого. Позволь и тебе пожелать того же».

В XVI–XVIII вв. в Европе происходил процесс медленного, ограниченного узким кругом специалистов накопления знаний об арабском Востоке и исламе. В 1691–1698 гг. *Людвико Мараччи* осуществил первое научное издание Корана, переведя его на латинский язык и сопроводив пространными комментариями. В 1717 г. вышла в свет книга *А. Релана* «О магометанской религии» – история ислама, которая изменила многие представления европейцев об этой религии. Под влиянием данного произведения написал свой труд «Жизнь Магомета» граф *де Буленвилье*.

В XIX в. мощная волна миграции европейцев на Восток открыла широкие возможности для непосредственного знакомства с новым миром. Круг знаний о жизни мусульманских стран, об их культуре и религии стал стремительно расширяться. Эрнест Ренан в то время писал об исламе так: *«Нельзя вдвинуть действительность в столь простые категории. Например, мы Французы, мы – Римляне по языку, Греки по цивилизации, Евреи по религии. Факт происхождения, самый важный вначале, постепенно теряет свое значение по мере того, как великие исторические факты, именуемые греческим владычеством, римским владычеством, германским владычеством, христианством, исламом, возрождением, философией и революцией, по мере того, как эти события подобно мельничным жерновам перетирают первобытные разновидности человеческой семьи, заставляя их слиться в более или менее однородные массы».*

Интерес к мусульманскому миру диктовался теперь практическими нуждами европейских стран. Становление исламоведения как самостоятельной научной дисциплины неразрывно связано с историей колониальных завоеваний. Интересно, что даже в ходе колониальной экспансии XIX–XX вв. религиозная символика занимала важное место в европейской идеологии. Так, взятие Алжира в 1830 г. архиепископ Парижа расценивал как «победу христианства над исламом». А во время Алжирской национально-освободительной войны (1954–1962) архиепископу Алжира Дювалю неоднократно приходилось осуждать попытки придать событиям религиозную окраску.

За последние десятилетия XX в. исламохристианский диалог получил новое развитие в связи со стремительным ростом мусульманской общины в Европе. По свидетельству архиепископа Марсельского Б. Панафьё, «когда-то мы встречали в Европе мусульман, теперь встречаем ислам». Некоторые эксперты даже высказывают предположения, что к 2050 году мусульмане составят треть или даже половину европейцев. Так или иначе ислам уже стал второй по численности европейской религией. В центре столицы Норвегии – Осло, на площади Europaradeits, расположено кафе под немыслимым названием «Viking Kebab». И это не символ, как писал А. В. Журавский, это тенденция.

Если первая мечеть во Франции была построена в середине XIX века, то сейчас их возведено уже несколько тысяч. До Второй мировой войны в Германии, в тогда еще нацистском государстве, действовало не более десятка мечетей. А сейчас их число перешло рубеж в две тысячи. Практически в каждом городе Германии есть хотя бы небольшая мусульманская община. В западной части страны образовались даже целые мусульманские районы. В середине 1995 года в Риме состоялось торжественное открытие крупнейшей мечети Италии. Еще в 30-х годах минувшего столетия итальянский диктатор Бенито Муссолини соглашался на строительство такой

мечети только при условии одновременного возведения католического храма в Мекке.

В XXI веке открывается новая страница в истории взаимоотношений Запада и исламского Востока. Какими они будут? Герман Гессе писал: *«Серьезное и плодотворное взаимопонимание между Востоком и Западом – великое, еще не осуществленное требование не только в области политической и социальной, это насущно важное требование также и в духовной области, в области жизненной культуры. Речь в наше время идет уже не о том, чтобы обратить японцев в христианство, а европейцев в буддизм или даосизм. Наш долг и желание – не обращать и не обращаться в какую бы то ни было веру, но достичь как можно большей открытости и широты; в мудрости Востока и Запада мы видим уже не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь».*

Современная медиевистика соответственно уже иначе, чем в Средние века, подходит к проблемам изучения истории народов, контактировавших с Европой на границах христианского мира. Своеобразный завет Э. Ренана начал выполняться, когда взаимоотношения Европы и ислама стали исследоваться всесторонне. Активное участие мусульманских стран во Второй мировой войне, политические изменения в арабском мире после этой войны (создание государства Израиль и появление «палестинской проблемы»), революция в Египте Г. А. Насера, свержение шахского режима в Иране, война в Афганистане, положение в Ираке и деятельность его лидера Саддама Хуссейна) обусловили интерес к настоящему и прошлому арабo-мусульманских стран. Появляются работы Нормана Дэниэля, Рене Генона, Уильяма Монтгомери, Р. Сауферна и других авторов, в которых стали выявляться различные аспекты поставленной проблемы – исторический, научный, теологический. В 50–70-е годы в западной исламистике сложилось специальное направление, изучающее формирование и эволюцию представлений европейцев об исламе в средние века и Новое время (в массовом сознании, в литературе, теологии, наконец, в самом исламоведении). Наиболее значительными в этой области являются работы Н. Дэниэля, А. Мальвеци, Дж. Крицека, М. Родинсона, Р. Сауферна, А. Хаурани, Ф. Хитти, У. М. Уотта. В отечественном востоковедении по данной проблематике выделяются работы А. В. Журавского, М. А. Батунского, А. В. Сагадеева и др.

Стало формироваться мнение о едином средиземноморском мире. Эту мысль ярко выразил в свое время Максимилиан Волошин: *“Европа, как чужезадное растение, выросла на огромном теле Азии. Она всегда питалась ее соками... После переселения народов Восток наводняет Средиземное море. Все три питающих корня Европы – Пиренейский, Апеннинский и Балканский - погружаются в животворящую влагу ислама, и через них израненная и одичавшая Европа вновь наполняется силами жизни”* («Лики творчества»).

Многие востоковеды вообще склонны рассматривать ислам как часть западной цивилизации. По крайней мере, он был таковым, как утверждает Дж. Хадсон, в средние века, «когда граница между Европой и Азией проходила восточнее мусульманских земель». И в современную эпоху, по мнению Х. А. Р. Гибба, намечающееся сближение Европы и арабомусульманского мира есть не что иное, как процесс «реинтеграции единой западной цивилизации». Норвежский социолог Х. Станг, с марксистских позиций исследующий взаимоотношения мусульманского мира с западным, приходит к выводу, что Запад и ислам суть две полусферы единого интеллектуального мира».

В то же время некоторые католические и протестантские исламоведы продолжали рассматривать ислам как ересь. Так, Д. Макдональд считал кораническое учение разновидностью арианской ереси.

Упор все больше стал делаться на монотеистической миссии обеих религий. Второй Ватиканский вселенский собор признал заслуги ислама в передаче истин о Боге, Христе, Марии, апостолах: «...спасительный Промысл объемлет тех, кто признает Творца, и среди них, в первую очередь, мусульман, которые, считая себя исповедующими веру Авраама, с нами поклоняются Богу единому, милосердному, Который будет судить людей в последний день» (Догматическая конституция о Церкви /Свет народам/).

«Церковь также с уважением относится к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу, Живому и пребывающему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли, говорившему к людям. Они стремятся подчиниться всей душой Его определениям, даже сокровенным, как подчинился Богу Авраам, на которого охотно ссылается исламская вера. Хотя они не признают Иисуса Богом, все же они почитают Его как пророка и чтят девственную Его Матерь, Марию, иногда даже благочестиво призывают Ее. Кроме этого, они ожидают день суда, когда Бог воздаст всем воскресшим людям. Поэтому они ценят нравственную жизнь и почитают Бога молитвой, милостыней и постом.

Хотя в течение веков между христианами и мусульманами возникали многие разногласия и вражда, Священный Собор увещает всех предать забвению прошлое и искренно стремиться к взаимопониманию, а также вместе защищать и продвигать для всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу» (Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям).

На Западе в последние десятилетия пошел целый поток «покаянной» литературы. Автор переведенной в 1976 г. в нашей стране книги «Влияние ислама на средневековую Европу» Уильям Монтгомери Уотт четко сформулировал требование пересмотра прежних представлений: «*Наши добрые отношения с арабами и другими мусульманскими народами требуют, чтобы мы до конца осознали, в какой мере являемся их*

должниками - было бы ложной гордостью скрывать или отрицать этот факт»⁴⁰.

Список рекомендуемой литературы

Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса. М.: Наука, 1985.

Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.

Армур Р. Ислам и христианство. Непростая история. М., 2002.

Бартольд В. В. Ислам. Арабский халифат // Сочинения в 9 томах. М., 1966. Т. 6.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Там же. М., 1969. Т. 9.

Батунский М. А. Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4.

Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого света // Метаморфозы Европы. М., 1993.

Габриэли Ф. Данте и ислам // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.

Григорьева Т. П. Еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература, 1976. № 7.

Дитмар А. Б. От Птолея до Колумба. М., 1989.

Журавский А. В. Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М., 1990.

Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Завадская Е. В. Восток на Западе. М., 1970.

Кастри А. де. Ислам и христианство в эпоху завоеваний и владычества арабов. Пг., 1915.

Кобзев А. И. О понимании личности в восточной и европейской культурах // Народы Азии и Африки. 1979. № 5.

Конрад Н. И. Востоковедение // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. Стб. 722–727.

Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.

Луис Б. Ислам и Запад. М., 2003.

⁴⁰ Трудно здесь, однако, не привести пророческие слова В. О. Ключевского по этому поводу: «Сначала Восток просветил Европу, за это Европа покорила Восток; сейчас Европа просвещает Восток – не сделает ли за это Восток с Европой то, что ранее она сделала с ним?».

Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

Магидович В. И., Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1983. Т. 1.

Мейендорф И. Византийские представления об исламе // Альфа и Омега. 1995. №4 (7); 1996. № 2/3 (9/10).

Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973.

Ольденбург С. Ф. «Связи Запада с Востоком старинные...» // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982.

Петров А. М. Восток и Запад: экономические контакты как отражение разнотемповости развития // Азия и Африка сегодня. 1982. № 12.

Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988.

Рашковский Е. Б. «Восток – Запад» как проблема истории культуры // Народы Азии и Африки. 1986. № 3.

Сагадеев А. В. «Наследие ислама»: история и современность // Предисловие к кн. У. М. Уотта «Влияние ислама на средневековую Европу». М., 1976.

Тойнби А. Дж. Мир и Запад // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.

Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Уотт У. М., Какиа П. Мусульманская Испания. М., 1976.

Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб., 2008.

Христиане и мусульмане: Проблемы диалога. Хрестоматия / Сост. А. В. Журавский. М., 2000.

Чалоян В. К. Восток – Запад. М., 1979.

Ayoub M. Muslim Views of Christianity: Some Modern Examples // Islamochristiana. Roma, 1984. Vol. 10.

Bouamrane. Conditions d'un dialogue islamo-chrétien // Recherches d'Islamologie. Louvain, 1977.

Charnay J. P. Le dialogue islamo-chrétien (essai d'interprétation psycho-stratégique) // Politique Etrangère. 1976. № 3.

Daniel N. Islam and the West, the Making of an Image. Edinburgh, 1980.

Daniel N. Islam. Europe and Empire. Edinburgh, 1966.

Hitti Ph. E. Islam and the West. A Historical Cultural Survey. L., 1962.

Islam et Chrétiens du Midi (XII–XIV s.). Toulouse, 1983.

Kritzack J. Peter the Venerable and Islam. Princeton, 1964.

Montgomery W. Watt. The influence of Islam on medieval Europe. Edinburgh University Press, 1972. (Islamic Surveys, 9).

Raisanen H. The Portrait of Jesus in Qur'an. Reflections of a Biblical Scholar // Muslim World. 1980. Vol. LXX. № 2.

The Cultural Context of Medieval Learning // Proceedings of International Colloquium on Philosophy, Science and Theology in the Middle Ages. Sept. 1973. Boston, 1975.

Tyerman C. God' War. A New History of the Crusades. L., 2007.

Часть II. Материалы к семинарским занятиям

Хроника «Деяния франков и прочих иерусалимцев» как исторический источник

Впервые публикуемая нами в полном русском переводе хроника называется «Деяния франков и прочих иерусалимцев» (иногда «иерусалимцев» переводят также как «паломников в Иерусалим»), в латинском варианте «*Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum*». Сохранились различные версии манускриптов хроники, которая несколько раз переводилась на современные европейские языки. В историографической традиции «Деяния франков» считаются уникальной хроникой: ее написал мирянин, норманнский италянец по происхождению, имя которого неизвестно. При этом он являлся очевидцем событий первого крестового похода. Повествование начинается с краткого обзора событий Клермонского собора и завершается битвой с египтянами при Аскалоне.

Первый крестовый поход, одна из хроник которого является предметом нашего изучения, представлял собой достаточно значительную по своим масштабам экспедицию, организованную на Восток в 1096–1099 гг. с целью освобождения Иерусалима и Святой земли от рук мусульман. Этот поход открыл целую серию так называемых крестовых походов, а также двухсотлетний период существования «франкских» государств в Восточном Средиземноморье. Все эти события часто именуют в исторической литературе «эпохой крестовых походов». Крестовые походы вовлекли в той или иной мере практически все страны Европы и представляли собой уникальное явление, не имевшее более аналогов в истории.

В 1095 г. в Клермоне (Франция) был созван собор, на котором присутствовал папа Урбан II. По завершении собора папа обратился к присутствовавшим с речью, где обосновал необходимость организации похода с целью помощи восточным христианам и освобождения святых мест от рук мусульман. Папа говорил о том, что поход является богоугодным делом, и обещал за участие в нем воздаяние. Он рассказывал о бедах и несчастьях христиан под мусульманским игом, обосновывая тем самым необходимость выступления им на помощь. Призыв нашел достаточно много откликов, в странах появились свои проповедники, в поход выступили люди разного достатка и общественного положения. Термин «крестовый поход» в

то время еще не употреблялся¹, на экспедицию смотрели как на вооруженное паломничество.

В 1096 г. из Франции и Германии выдвинулись толпы бедняков, и этот самый первый крестовый поход вошел в историю под названием «похода бедноты» (хотя в составе его участников было и определенное количество рыцарей). Именно его Аноним описывает в первой книге своей хроники. По мере своего продвижения по территории Европы воины учиняли множество беспорядков, в частности, устраивали еврейские погромы в долине Рейна. По прибытии в Византию беспорядки продолжались. Отряды были крайне дезорганизованы, и неудивительно, что после вступления на турецкие территории они очень быстро потерпели поражение.

В том же 1096 г., но несколько позже, в поход выступили отряды под предводительством знати, и этот поход, согласно историографической традиции, именуется «первым крестовым походом». Среди крупных предводителей был Готфрид Бульонский, стоявший во главе ополчения из Лотарингии и с правобережья Рейна. Вместе с ним в поход выступили его старший и младший братья Евстафий Булонский и Балдуин Булонский. Также крупный отряд во главе с графом Раймундом Сен-Жилльским был сформирован в Южной, «сеньориальной» Франции. Из Северной и Средней Франции было сформировано ополчение во главе с графом Гуго де Вермандуа, младшим братом французского короля Филиппа I. Кроме того, в поход выступили графы Роберт Фландрский и Роберт Норманнский. В Южной Италии, завоеванной на тот момент норманнами, был сформирован отряд во главе с князем Боэмундом Таренским, сыном норманнского завоевателя Роберта Гвискара. Именно он является центральной фигурой хроники «Деяния франков» и о нем и его племяннике Танкреде ведется повествование.

Делая небольшой экскурс в историю присутствия норманнов в регионе, нужно отметить, что норманнское завоевание Южной Италии осуществлялось в течение XI столетия. Первые военные вторжения норманнов в Италию датируются началом века. Согласно хронике Амата из Монте-Кассино, в 999 г. группа норманнских паломников в составе сорока человек прибыла в Салерно в тот момент, когда город осаждали сарацины². Тогда норманны обратили сарацинов в бегство. В 1017 г. они помогли местному населению во время восстания в Гаргано (Апулия) против византийцев. Это был продолжительный мятеж знатного ломбардца Мелеса,

¹ Термин «крестовый поход» вошел в обиход лишь в середине XIII в. (*Balard M. Croisades // Dictionnaire du Moyen Age / sous la dir. de C. Gauvard, A. de Libera, M. Zink. P., 2002. P. 371*).

² *Martin J.-M. Italies Normandes. XI–XII siècles. P., 1994. P. 10; Дуглас Дэвид Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. СПб., 2003. С. 66.*

родом из Бари, который начался в 1009 г., а закончился лишь к 1018 г., когда мятежники потерпели поражение при Каннах. По преданию, изложенному в хронике Гийома из Апулии, в 1016 г. паломники-норманны, возвращаясь из Иерусалима, зашли в монастырь в Монте-Гаргано, чтобы посетить гробницу св. Михаила, и встретили там Мелеса, который пообещал им значительное вознаграждение за помощь в борьбе с греками³. Таким образом, норманны уже тогда стали врагами византийцев. Но в то же время византийцы активно нанимали норманнов на военную службу на территории Италии для решения внутренних конфликтов⁴.

Первым норманнским государством на территории Италии считается крепость на возвышенности Аверса с подвластными ей территориями⁵. Она была подарена норманну Раннульфусу Сергиусом IV Неаполитанским в благодарность за военную поддержку в борьбе с правителем Капуи. Крепость занимала достаточно выгодное географическое положение, позволяя оказывать влияние на Неаполь, Капую, Салерно и Беневенто.

Жан-Мари Мартан пишет о том, что планомерное завоевание Южной Италии осуществлялось в 40–70-е годы XI в. начиная с Мельфи (Melfi) в Апулии⁶. Норманны завоевывают вначале малонаселенные территории севера, запада и юга области. Владения норманнов возникают беспорядочно, и Мартан называет это «территориальным распылением» (*le saupoudrage territorial*)⁷. Норманны захватывают как византийские, так и ломбардские владения⁸.

Кроме того, Мартан считает, что так называемые «норманны» по факту норманнами не были. Основываясь на ономастических исследованиях, он предполагает, что две трети мигрантов, действительно, происходили из Нормандии, в то время как остальные переселенцы были выходцами из других регионов Франции⁹. Автор подчеркивает, что среди «норманнов» было достаточно много бретонцев. Численность мигрантов посчитать достаточно сложно, но ясно, что речь идет о нескольких сотнях, и даже тысячах человек. Несмотря на то, что миграция не была массовой, она достаточно серьезно повлияла на развитие региона. Следует также отметить, что она не была организована централизованно. Завоевание Англии осуществлялось под предводительством Вильгельма Завоевателя, завоевание же Италии представляло собой последовательные частные инициативы¹⁰.

³ Там же.

⁴ *Martin J.-M. Italies Normandes. P. 10.*

⁵ *Дуглас Дэвид Ч. Указ. соч. С. 67.*

⁶ *Martin J.-M. La Pouille du VI au XII siècle. Rome, 1993. P. 715.*

⁷ *Ibid. P. 717.*

⁸ *Дуглас Дэвид Ч. Указ. соч. С. 86–87.*

⁹ *Martin J.-M. Italies Normandes. P. 32; Idem. La Pouille. P. 521.*

¹⁰ *Martin J.-M. Italies Normandes. P. 31.*

До норманнского завоевания сеть епископств в регионе была довольно слаборазвитой и неорганизованной¹¹. Такой же слабой была и сеть монастырей. Организованность в церковную структуру региона привнесло усилившееся во второй половине XII в. влияние папы. Норманны установили с папой достаточно тесные контакты. Однако стоит заметить, что светские власти продолжали вмешиваться в дела церкви.

Нашествие норманнов насторожило папу Льва IX. Собрав армию, он выступил против них и проиграл битву при Чивителло в 1053 г. В дальнейшем один из его преемников, папа Николай II, понял, что мог бы использовать норманнов в собственных интересах в регионе, тем более что это были враги византийцев. В 1059 г. он подписал с двумя норманнскими вождями – Робертом Гвискардом и Ричардом из Капуи – договор в Мельфи. В результате вожди стали вассалами Святого престола¹². Такого рода договор способствовал усилению влияния папы в регионе. Византийцев не могло не настораживать подобное расширение сферы влияния папства. Тем не менее, норманны не установили с папством дружбы на долгие времена, чем византийцы могли воспользоваться в своих интересах. Например, во времена понтификата Александра II (1061–1073), а также в 1074–1080 гг. при понтификате Григория VII имели место даже вооруженные конфликты между папством и норманнами¹³. Но в целом процесс норманнского завоевания привел к тому, что в регионе утвердилось западное христианство и папское влияние, что, в свою очередь, явилось предпосылкой того, что норманны из Италии приняли участие в первом крестовом походе.

Крестоносцы дошли до Византии без особых трудностей, однако на территории самой империи столкновений с войсками императора избежать не удалось. «Деяния франков» косвенно дают понять, что виноваты в этом были крестоносцы, однако напрямую говорится, что виновны именно византийцы¹⁴. По прибытии крестоносцев в Константинополь император принял все меры, чтобы крестоносцы принесли ему вассальную присягу. В итоге императору удалось осуществить свои планы, и присягу принесли почти все крупные вожди. Раймунд Сен-Жилльский, правда, отказался приносить присягу и лишь дал расплывчатое обязательство не причинять ущерба императору, его жизни и чести.

¹¹ *Martin J.-M.* La Pouille. P. 563–565.

¹² *Martin J.-M.* Italies Normandes. P. 58.

¹³ *Cowdrey H. E.* J. Pope's Gregory VII's "crusading" plans of 1074 // *Outremer*. Jerusalem, 1982. P. 28; *Дугдас Дэвид Ч.* Указ. соч. С. 197.

¹⁴ См. подробнее: *Портных В. Л.* «Крестоносец всегда прав»: проблема обоснования правоты крестоносцев в конфликтах с византийцами (на материале латинских хроник первого крестового похода) // *Исторический ежегодник*. 2008: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 55–71.

В апреле-мае 1097 г. отряды были окончательно переброшены в Малую Азию и тут же столкнулись с войсками румского султана¹⁵ Кылыч-Арслана ибн Сулеймана и осадили его столицу Никею. Крестоносцы имели некоторое преимущество ввиду того, что мусульманский Восток на момент крестовых походов не был един. Долгое время осада продолжалась безуспешно, ибо с одной из сторон к городу примыкало озеро, по которому город получал необходимое снабжение. Сухопутные крестоносцы не могли блокировать город со всех сторон, и победоносный момент в процесс осады внесла помощь императорского флота. Однако император в сепаратном порядке договорился с турками о сдаче города, и в полной неожиданности для крестоносцев императорские войска оккупировали крепость без их участия. Чтобы успокоить крестоносцев, император отдал им часть военных трофеев. Окончательное поражение румские турки потерпели 1 июля 1097 г. в битве при Дорилее.

В дальнейшем крестоносцы осуществили достаточно сложный переход через Малую Азию. В армянской Киликии между Танкредом и Балдуином Булонским произошел конфликт из-за крепости Тарс, в которой в итоге утвердился Балдуин. Он же вообще довольно скоро отсоединился от основных сил крестоносцев и основал в 1098 г. графство Эдесса, ставшее на полвека западным форпостом крестоносцев.

Основные же силы крестоносцев 21 октября 1097 г. приступили к осаде крупной крепости Антиохия. Частично окруженная горами, крепость была очень сильно укреплена, и на протяжении долгого времени крестоносцы не могли взять ее. Осада длилась почти год, и лишь в ночь с 2 на 3 июня 1098 г., путем подкупа Бозмундом Тарентским одного из комендантов по имени Фируз, крестоносцы вошли в город. Однако продолжала обороняться внутренняя цитадель города, и, кроме того, уже 5–6 июня к городу подошла объединенная армия мусульман под командованием атабека Кербоги Мосульского. Как утверждают хроники, спасение крестоносцев из тяжелой ситуации было предопределено находкой в одной из церквей так называемого «святого копья», которым по легенде был пронзен Иисус Христос на кресте. В итоге 28 июня 1098 г. крестоносцы одержали победу. Город достался Бозмунду Тарентскому, который и предпочел в нем остаться, тогда как после перерыва в несколько месяцев остальная часть крестоносцев взяла курс на Иерусалим.

Города, которые встречались крестоносцам по пути следования в Иерусалим, не были в тот момент очень важны для них. Местные властители предпочитали откупиться от крестоносцев, а те, в свою очередь, не тратя на них свои силы, стремились захватить Иерусалим. Уже потом, во время

¹⁵ Турки, завоевав византийскую Малую Азию, образовали так называемый Румский султанат.

последующих десятилетий, крестоносцы взяли под свое владычество крепости на пути из Антиохии в Иерусалим. Сам Иерусалим был взят достаточно быстро: осада началась 7 июня, а закончилась уже 15 июля 1099 г. Для того, чтобы взять город, пришлось прибегнуть к помощи английских и генуэзских флотилий.

Интересен тот факт, что повествование «Деяний франков» не заканчивается на взятии Иерусалима, что, впрочем, характерно и для других хроник. Хотя в тексте все время говорится об освобождении святого гроба как о конечной цели, автор хроники останавливается на победе крестоносцев при Аскалоне в августе 1099 г.

Перевод и исследование хроники «Деяния франков» является актуальным с научной точки зрения. При достаточно интенсивном исследовании крестовых походов в последнее время, в том числе и в отечественной историографии, и публикации многочисленных переводов трудов зарубежных исследователей на русский язык полностью отсутствуют переводы на русский язык западных хроник первого крестового похода. В полном варианте опубликована лишь греческая хроника «Алексиада»¹⁶. Расширение базы источников по истории первого крестового похода на русском языке является одной из важнейших задач отечественной историографии на данном этапе.

Нет сомнений, что и в свете политических событий современности тематика нашей работы является по-своему актуальной. Начало столетия было ознаменовано целой серией конфликтов, в частности войн и террористических актов, между странами Запада, христианским миром, с одной стороны, и мусульманскими странами – с другой. В некотором смысле современные нам события продолжают цепь конфликтов христианского и мусульманского миров, начиная от арабских завоеваний и испанской Реконкисты. И одним из звеньев цепи являются крестовые походы. В свое время Марк Блок отмечал, что одна из функций истории заключается в том, что она помогает нам лучше понять современность: «Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем»¹⁷. Остается лишь согласиться с ним: события наших дней не могут быть поняты без знания событий, им предшествовавших.

Крестовые походы являются ярким примером того, что тяга к объединению существовала в Европе уже в средние века. Стоит лишь сделать поправку на то, что если сейчас вопрос о критериях Европы является спорным, и скорее преобладают географические критерии, то во времена крестовых походов критерии были однозначно религиозными. Возможно,

¹⁶ Анна Комнина. Алексиада / Пер. М. Я. Любарского. М., 1965.

¹⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 25–26.

даже более важными, чем границы административные (которые, кстати, в условиях феодального общества были очень непостоянными), были границы распространения западного христианства. Крестовые походы были войной объединенного западного христианства за пределами его границ, против мусульман. Более того, с течением времени были образованы рыцарские ордена, крупнейшие из которых – тамплиеры и госпитальеры – сформированы по интернациональному признаку. Таким образом, можно говорить о том, что в некотором смысле крестовые походы стояли у истоков современных процессов европейской интеграции.

Добавим, что сам термин «крестовый поход» в наши дни существует не только как термин, используемый в исторической литературе. Он также употребляется и в литературе популярного характера, прессе, используется политиками и дипломатами. Например, в наши дни во французских книжных магазинах можно купить книгу комиксов о войне американцев в Ираке, в названии которой фигурирует термин «крестовый поход». Часто выражение «крестовый поход» используется в прессе в переносном значении, подчеркивая решительность каких-либо мероприятий. Крестовым походом названа акция поддержки американской профессурой действий президента Буша-младшего в Ираке. Аналогично названа акция компании Intel по борьбе с поддельным программным обеспечением. Одна из публикаций во французском интернет-журнале «Le journal du Net» озаглавлена «Microsoft en croisade contre le spam» («Компания Майкрософт объявила крестовый поход спаму»). Таким образом, термин «крестовый поход» до сих пор является актуальным и употребляется в различных ситуациях.

В свою очередь, арабские историки иногда сравнивают конфликты Востока и Запада в наши дни с крестовыми походами¹⁸. В арабских школах о крестовых походах рассказывают как об одном из звеньев конфликтов между Востоком и Западом и одним из этапов агрессии Запада по отношению к Востоку¹⁹. Следовательно, память о крестовых походах живет и в наши дни, что подчеркивает знаковость данных событий в истории.

Историографический обзор

Публикации хроники. Хроника «Деяния франков» была впервые опубликована Бонгарсом в 1611 г. в его сборнике источников по истории

¹⁸ Micheau F. Les croisades vues par les historiens arabes d'hier et d'aujourd'hui // Le Concile de Clermont de 1095 et l'appel à la Croisade. Actes du Colloque Universitaire International de Clermont-Ferrand. P., 1997. P. 356–358.

¹⁹ Noualhat L. Comment la croisade est enseignée aux petits Arabes // Historia. Juin 1999. № 630. P. 58–61.

крестовых походов под названием «*Gesta Dei per Francos, sive orientalium expeditionum et regni Francorum Hierosolymitani historia*»²⁰. Впоследствии хроника была раскритикована А. Дюшесном в его «*Historia Francorum Scriptores coetanei*», появившейся в 1641 г., где он предположил, что хроника является вторичной по отношению к хронике Петра Тудебода. Polemica по вопросу, какая из хроник была написана первой (ввиду их чрезвычайного сходства), продолжается и до наших дней, но в то время вопрос был на долгое время решен в пользу Петра Тудебода. В 1841 г. он снова был поставлен фон Зибелем, который привел аргументы в пользу первенства хроники Анонима²¹. В пользу Анонима высказался также Шарль Тюрю²². Однако Аноним не был «реабилитирован» сразу, и высказывались различные точки зрения на этот счет. В 1866 г. «Деяния франков» были опубликованы в составе наиболее полного на сегодняшний день сборника источников по истории первого крестового похода «*Recueil des Historiens des Croisades*»²³. Авторы собрания опубликовали «Деяния франков» под названием «Тудебод в кратком изложении» (*Tudebodus abbreviatus*). С течением времени историки пришли к выводу, что скорее Петр Тудебод написал свою хронику, заимствуя информацию у Анонима. В 1890 г. Г. Хагенмейер опубликовал текст хроники под названием «*Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*»²⁴. При этом он высказался в пользу первенства именно этой хроники, а не хроники Петра Тудебода. Его мнение также разделяла Беатрис Лис, опубликовавшая текст хроники в 1924 г.²⁵ Безусловной заслугой авторов публикаций хроники конца XIX – начала XX в. заключается в том, что они настояли на том, чтобы специалисты обратили внимание на хронику «Деяния франков» и перестали рассматривать ее как безусловно «вторичный» текст. Однако полемика по вопросу первенства той или иной хроники продолжается. Например, Джон и Лаура Хилл считают возможным наличие общего источника для целого ряда хроник, который не сохранился до наших дней.

Появление идеи первичности «Деяний франков» по отношению к хронике Петра Тудебода способствовало росту числа исследований хроники на протяжении двадцатого века. На нее стали смотреть как на источник,

²⁰ *Gesta Dei per Francos* / Ed. J. Bongars. Hannoviae, 1611.

²¹ *Sybel H. von. Geschichte des Ersten Kreuzzugs*. Düsseldorf, 1841. P. 22–31.

²² *Thurot Ch. Études critiques sur les historiens de la première croisade // Revue historique*. 1876. №1. P. 67–77.

²³ *Recueil des historiens des croisades: Historiens occidentaux*. P., 1844–1895. (в пяти томах; «Деяния франков» опубликованы в третьем томе).

²⁴ *Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1890.

²⁵ *Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / Ed. Beatrice A. Lees. Oxford, 1924.

содержащий оригинальную информацию. В XX веке она изучалась весьма активно. Во-первых, хроника несколько раз публиковалась снабженная историческими комментариями. В двадцатом столетии также появились ее первые переводы на современные европейские языки. В полном варианте она переводилась на французский, английский и итальянский языки²⁶. На русском языке опубликованы некоторые фрагменты хроники. Ряд фрагментов был переведен и опубликован М. А. Заборовым в 1977 г.²⁷ Первая и вторая книги хроники были переведены и опубликованы В. Л. Портных в 2005 г.²⁸

Минувшее столетие стало важной вехой в изучении хроники как одного из источников по истории первого крестового похода. Исследования касались как проблем установления авторства хроники и степени ее ценности, так и анализа проблем, которые затрагивает ее автор.

Хроника как источник. В большей части трудов, посвященных хронике, исследуются проблемы ее написания. Одним из важных является вопрос наличия возможных интерполяций или их отсутствия.

В некоторых эпизодах хроники Аноним несколько раз приводит библейские цитаты²⁹. На основании этого Луи Брейе в 1924 г. в своих комментариях к французскому переводу предположил, что, поскольку библейские цитаты в хронике немногочисленны, они являются более поздними вставками, сделанными неизвестным клириком³⁰. Кроме того, ряд эпизодов, стиль написания которых очень сильно отличается от стиля всей хроники в целом, также являются интерполяциями³¹. Розалинд Хилл в 1962 г.

²⁶ Некоторые фрагменты были опубликованы А. Креем в его сборнике источников в 1921 г.: *Krey A. C. The First Crusade*. Princeton, 1921. Полные версии переводов опубликованы в следующих изданиях: *The Deeds of the Franks and other Jerusalemmites* / Ed. De Chair S. L., 1945; *Gesta Francorum et aliorum Hierosolyminatorum. The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem* / Ed. R. Hill. L., 1962 (далее: *Gesta Francorum*); *Histoire anonyme de la première croisade* / Ed. L. Bréhier. P., 1924 (далее: *Histoire anonyme*); *Chronique anonyme de la première croisade* / Trad. du latin par Aude Maignon. P., 1998; *Le Gesta dei Franchi e degli altri pellegrini gerosolymitani* / A cura di L. Russo. Alessandria, 2003.

²⁷ *Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах.* М., 1977. С. 93–97, 113–116, 121–124, 128–133.

²⁸ «Деяния франков и прочих иерусалимцев». Кн. 1–2 / Пер. с лат. и коммент. В. Л. Портных // *Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. Второй межрегион. конф.* Новосибирск, 2005.

²⁹ См. начало хроники, а также эпизод с диалогом Кербоги со своей матерью.

³⁰ *Histoire anonyme*. P. VI.

³¹ *Ibid.* P. XVII.

в своей публикации хроники не согласилась с этим, утверждая, что подобные библейские цитаты могли быть известны любому мирянину³².

Брейе утверждает, что описание города Антиохии тоже является интерполяцией, и приводит ряд веских доказательств³³. Во-первых, он отмечает в этом эпизоде хронологические неточности и обнаруживает несоответствия между хронологией в описании Антиохии и хронологией в остальной хронике. Во-вторых, он констатирует, что описание Антиохии разрывает повествовательную линию, представляя собой довольно неожиданную, судя по повествованию, вставку между 31 и 33 главами.

Исследования хроники на предмет интерполяций были продолжены А. Креем в его статье, опубликованной в 1928 г.³⁴ Статья посвящена абзацу, упоминание в котором договора между Боэмундом и императором Крей считает интерполяцией. Речь идет об отрывке из шестой главы хроники:

«Быть может, наши предводители еще не раз будут нас обманывать. Что они будут делать в последний час? Скажут, что ввиду необходимости волей-неволей унизили себя перед негоднейшим из императоров. Однако же храбрейшему мужу Боэмунду, которого император очень боялся, поскольку тот в былое время не раз прогонял его с войском с поля боя³⁵, император сказал, что если тот с готовностью и по доброй воле принесет ему присягу, он даст ему земли у Антиохии на пятнадцать дней ходьбы в длину и на восемь в ширину. Император поклялся ему, что, если Боэмунд будет верен своему обязательству, он никогда не нарушит своего слова. Почему такие сильные и могущественные воины это делают? А потому, что были принуждены жестокой необходимостью»³⁶.

Крей поставил под сомнение правдивость договора между Боэмундом и императором. Автору статьи кажется странным, что во фразах про договор используется единственное число, тогда как в других – множественное. Крей

³² *Gesta Francorum*. P. XIV.

³³ *Histoire anonyme*. P. 170.

³⁴ *Krey A. A neglected passage in the Gesta // The Crusades and the other historical studies presented to D. C. Munro by his former students / Ed. P. J. Paetow. N.Y., 1928.*

³⁵ Имеется в виду предшествовавшее участие Боэмунда Тарентского в войнах против Византии. В 1081–1085 гг. он участвовал в походах своего отца Роберта Гвискара.

³⁶ *Gesta Francorum*. P. 12: «Forsitan adhuc a nostris maioribus sepe delusi erimus. Ad ultimum quid facturi erunt? Dicent quoniam necessitate compulsi volentes nolentesque («nolentes uolentesque» dans le manuscrit de R. Hill) humiliauerunt se ad nequissimi imperatoris uoluntatem. Fortissimo autem uiro Boamundo quem ualde timebat, quia olim eum sepe cum suo exercitu eiecerat de campo dixit, quoniam si libenter ei iuraret, quindecim dies eundi terrae in extensione ab Antiochia retro daret, et octo in latitudine. Eique tali modo iurauit, ut si ille fideliter teneret illud sacramentum, iste suum nunquam preteriret. Tam fortes et tam duri milites, cur hoc fecerunt? Propterea igitur, quia multa coacti erant necessitate».

также замечает странность того факта, что при наличии обещания Антиохии со стороны императора Боэмунд должен был упомянуть об этом обещании на совете по решению дальнейшей судьбы города. Однако автор рассуждает исходя из того, что, согласно его мнению, дарование земли предполагало в том числе и Антиохию. Это спорный вопрос: сложно сказать, предполагает ли *ab Antiohia* саму Антиохию.

Сомнения также вносит тот факт, что Боэмунд предложил отдать город тому, кто его захватит (см. главу 20 источника). Имело ли это смысл, если был договор, в котором четко говорится об обещании города Боэмунду? Также встает вопрос, почему в 1099 г. разразились споры вокруг Лаодикеи, тогда как она должна была относиться к дарованным землям? Почему во время этих споров предводители крестоносцев утверждали, что земля принадлежит императору? Не потому ли Боэмунд остался в Антиохии и не пошел в Иерусалим, что осуществленный им захват города был незаконным? И отчего Боэмунд просил у папы подтверждения владения им Антиохией и при этом не ссылался на договор?

Важно также, что хронист Эккехард ссылается на «маленькую книжку», вероятно «Деяния франков», в 1101 г. и при этом ничего не знает по поводу договора. С другой стороны, более поздние хронисты упоминают о нем. По поводу этого Крей предлагает свое решение: исходя из того, что хроники были написаны в 1105–1106 гг., а места их написания совпадают с территориями, где Боэмунд вел пропаганду за войну с императором, он заключил, что интерполяции должны были способствовать ведению этой пропаганды. Боэмунд хотел выставить императора как нарушителя договора. Крей добавляет, что интерполяции, найденные Брейе, также могли служить политическим целям. Розалинд Хилл утверждает, что «Деяния франков» нельзя назвать полностью «пробоэмундовскими»: хронист оставляет Боэмунда и переходит к Раймунду Сен-Жильскому³⁷.

Противоположное мнение высказал Х. Витзель в своей статье, опубликованной в «Le Moyen Âge» в 1955 г.³⁸ Он замечает, что ряд фраз, свойственных тексту Анонима, находятся как в отрывках, которые предшествующие исследователи сочли за интерполяции, так и в тех местах, которые за интерполяции сочтены не были. Своим исследованием Витзель поставил под вопрос наличие в тексте интерполяций.

В то же время Л. Брейе и Р. Хилл продолжили полемику по поводу первичности хроник Анонима и Петра Тудебода. Луи Брейе утверждал, что

³⁷ *Gesta Francorum*. P. X.

³⁸ *Witzel H.-J. Le problème de l'auteur des Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum // Le Moyen Age. Revue d'histoire et de philologie. Bruxelles, 1955. T. LXI. № 3–4.*

свидетельства Анонима зачастую более точны, чем свидетельства Тудебода³⁹. Кроме того, хроника Тудебода содержит отрывки, совпадающие с хроникой Раймунда Анжильского, а ряд эпизодов в «Деяниях франков» абсолютно уникальны и не имеют аналогов в других хрониках. Розалинд Хилл также говорит о первичности хроники «Деяния франков» по отношению к хронике Тудебода⁴⁰. Факт того, что хронисты вставляют в текст заимствования из других хроник, не удивителен для того периода, наоборот, это было нормой.

Ганс Охлер в своей статье⁴¹ достаточно подробно анализирует стиль написания хроники, уделяя внимание и проблемам ее составления. Он подчеркивает «пробоемундовский» характер ее написания и соглашается с тезисом Крея об ее возможной переработке в целях антивизантийской пропаганды. Кроме того, Охлер ставит под сомнение тот факт, что «Деяния франков» и «маленькая книжка», упоминаемая Эккехардом, суть одно и то же: между двумя текстами нет практически ничего общего.

Колин Моррис, проанализировав язык хроники, отмечает, что стиль, структура хроники и структура фраз достаточно просты⁴². Однако, по его мнению, этот стиль типичен для стран Северной Европы того времени, в том числе Германии и Франции. Также отмечается, что стиль имеет общие черты с *chanson de geste* (старофранцузским эпосом). Утверждая, что хроника, возможно, писал клирик, Моррис полемизировал с Розалинд Хилл. Другая статья, продолжающая тему, вышла в 1998 г. Ее автор Джанетт Бир также обратила внимание на тот факт, что стиль хроники имеет много общего со стилем *chanson de geste*⁴³. Она приводит достаточно много примеров, подтверждающих сходства, однако не говорит о том, являются ли «Деяния франков» единственной хроникой, имеющей эти сходства. Присутствие в «Деяниях франков» традиций *chanson de geste* отмечено также и Розалинд Хилл⁴⁴.

Джон Франс достаточно много работал над вопросом использования «Деяний франков» другими хронистами и сделал вывод о том, что хроника была использована и другими хронистами⁴⁵. Он называет эту группу хроник

³⁹ *Histoire anonyme*. P. XIII.

⁴⁰ *Gesta Francorum*. P. X.

⁴¹ *Oehler H.* Studien zu «Gesta Francorum» // *Mittelaltarisches Jahrbuch*. 1970. № 6.

⁴² *Morris C.* The Gesta Francorum as Narrative History // *Reading Medieval Studies*. 1993. № 19.

⁴³ *Beer J.* Heroic Language and the Eyewitness: the Gesta Francorum and La Chanson d'Antioche // *Echoes of the Epic. Studies in Honor of Gerard J. Brault*. Birmingham, 1998.

⁴⁴ *Hill R.* Crusading Warfare: A Camp-follower's view 1097–1120 // *Proceedings of the Battle Conference on Anglo-Norman Studies*. 1978. № 1. P. 77–78.

⁴⁵ *France J.* The Use of the Anonymous *Gesta Francorum* in the Early Twelfth-Century Sources for the First Crusade // *From Clermont to Jerusalem. The Crusades and the Crusader Societies 1095-1500*. Turnhout, Brepols, 1998. P. 35: «Clearly the Anonymous

«The Gesta Family» (семья «Деяний франков»). В другой его статье сравниваются «Деяния франков» с хрониками Раймунда Анжильского и Петра Тудебода⁴⁶. Франс осуществляет свое исследование, используя работы Г. Хагенмейера, с которыми он отчасти не соглашался в вопросе сходства между хрониками Раймунда Анжильского и Анонима. По его мнению, хроника Анонима является первичной по отношению к двум другим хроникам.

В наши дни исследование хроники «Деяния франков» не прекращается. Например, в 2004 г. в свет вышла статья Ювала Харари⁴⁷, в которой рассматривается проблема истинности приводимой Анонимом фактической информации, в отличие от сведений других хронистов. Например, Аноним никогда не указывает на источники информации в повествованиях о тех событиях, где он явно отсутствовал. Фульхерий Шартрский и Роберт Реймский, очень заботившиеся о том, чтобы информация была достоверной, мало писали о событиях в мусульманской среде, плохое знание которых для войска крестоносцев было очевидным. Таким образом, Харари делает вывод о том, что Аноним, вероятно, является не столь достоверным с точки зрения фактов источником. Однако заметим, что хроника в любом случае будет для нас интересна на предмет мировоззрения человека средневековой эпохи.

В последнее время вновь возникла полемика о том, какая из хроник является первичной – хроника Петра Тудебода или хроника «Деяния франков». Точки зрения о наличии общего источника для двух хроник придерживается Джей Рубенштейн⁴⁸. Он утверждает, что если принять одну из хроник за первичную, а другую – за вторичную, то сложно найти мотивации для всех прибавлений или удалений.

Жан Флори в своей статье настаивает на первичности хроники Петра Тудебода, утверждая, что добавления, сделанные затем в конечной версии «Деяний франков», служили в качестве орудия антивизантийской

Gesta Francorum was by far the most widely distributed account, for directly or indirectly it infected virtually every account we have».

⁴⁶ France J. The Anonymous *Gesta Francorum* and the *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem* of Raymond of Aguilers and the *Historia de Hierosolymitano itinere* of Peter Tudebode: an analysis of the textual relationship between primary sources for the first crusade // *The Crusades and their sources* / Ed. J. France, W. G. Zajac, Aldershot, Briookfield, 1998.

⁴⁷ Harari Y. N. Eyewitnessing in accounts of the first crusade: the *Gesta Francorum* and other contemporary narratives // *Crusades*. 2004. Vol. 3.

⁴⁸ Rubenstein J. What is the *Gesta Francorum*, and who was Peter Tudebode? // *Revue Mabillon*. 2005. T. 77. № 16.

пропаганды⁴⁹. Однако изначальная версия «Деяний франков» не была столь пронорманнской, и именно она попала в руки Петра Тудебода. Таким образом, Флори выступает сторонником гипотезы о некоем недошедшем до нас документе, который лег в основу хроники «Деяния франков» и одновременно послужил базой для написания хроники Петра Тудебода.

Анализ содержания хроники. В 1939 г. Эвелин Джемисон написала статью, где предложила ряд своих комментариев к хронике⁵⁰. Речь идет об анализе используемой Анонимом терминологии и географических названий. Также приводятся биографические сведения об участниках похода, упомянутых в хронике. Джемисон не согласна с Креем по поводу его тезиса о договоре императора и Боэмунда как об интерполяции и заявляет о том, что формулировка договора в хронике *ab Antiochia retro* вовсе не обязательно предполагает включение самой Антиохии в «подарочные территории». На наш взгляд, данное утверждение является верным.

Стоит также упомянуть статью Б. Скулатоса, посвященную отношениям между Византией и крестоносцами⁵¹. Скулатос анализирует политические моменты отношений Византии и крестоносцев в общем и конкретных вождей крестоносцев с византийцами в частности. Он доказывает, что крестоносцы являются виновными во всех конфликтах с императором. Факты однозначно говорят о виновности крестоносцев в порче отношений, однако виноватыми при этом выглядят византийцы. При всех достоинствах критики источника в статье она не затрагивает мировоззренческих вопросов отношений между крестоносцами и византийцами.

Исследования были продолжены с выходом в свет статьи К. Б. Вольфа в 1991 г.⁵² Речь в ней идет об идее паломничества в хронике, однако Вольф обращает внимание и на проблему написания хроники. В частности, речь идет о степени влияния Боэмунда на написание «Деяний франков». Автор утверждает, что центральным моментом хроники является осада Антиохии, и структурирована хроника именно таким образом, чтобы подчеркнуть приоритет Боэмунда над другими вождями крестового похода (дело в том, что во взятии Иерусалима Боэмунд не участвовал). Все чудеса в хронике, так или иначе, связаны с событиями вокруг Антиохии. Для тех же целей прославления служит описание самого города. Аноним критикует

⁴⁹ *Flori J.* De l'Anonyme normand à Tudebode et aux Gesta Francorum. L'impact de la propagande de Bohémond sur la critique textuelle des sources de la première croisade // *Revue d'histoire ecclésiastique.* 2007. Vol. 102. № 3.

⁵⁰ *Jamison E.* Some notes on the Anonymi Gesta Francorum with special reference to the norman contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade // *Studies in french language and medieval literature.* Manchester, 1939.

⁵¹ *Skoulatos B.* L'auteur anonyme des Gesta et le monde byzantin // *Byzantion.* 1980. № 50.

⁵² *Wolf K. B.* Crusade and narrative: Bohemond and the Gesta Francorum // *Journal of medieval history.* 1991. Vol. 17. № 3.

византийцев, поскольку они были врагами Боэмунда. Неслучайно Боэмунд и его племянник Танкред фигурируют в диалоге эмира Кербоги со своей матерью как «боги франков». Таким образом, факт принадлежности автора к войску Боэмунда повлиял на написание хроники.

В последние годы вышел ряд публикаций, касающихся византийской тематики в хронике «Деяния франков». Жан Флори в своей статье утверждает, что хроники Анонима и Рауля Каэнского, обе норманнского происхождения, отличаются антивизантийской направленностью⁵³. С одной стороны, в них восхваляются герои-крестоносцы, прежде всего Боэмунд Тарентский и его племянник Танкред, а с другой – больше всего критикуются византийцы. Однако, на наш взгляд, с этим утверждением нельзя согласиться, потому что «Деяния франков» отличает от других хроник именно то, что критика, используемая в адрес византийского императора в гораздо меньшей степени является религиозной⁵⁴.

Канадский исследователь Марк Каррье из университета г. Монреаля вступил в полемику с А. Креем. По его мнению, «Деяния франков» не были переработаны с целью их использования Боэмундом в антивизантийской пропаганде⁵⁵. Аноним не употребляет столь критических эпитетов по отношению к императору, как это делают другие хронисты. Аноним не обвиняет императора в несанкционированном отступлении после сообщений Стефана Блаузского о поражении крестоносцев. Хроника, на самом деле, оказывается не столь хвалебной по отношению к Боэмунду, и эта «хвалебность» исчезает по мере того, как Боэмунд отделяется от основной армии. Обещание земли возле Антиохии сформулировано нечетко и, о чем уже говорили другие исследователи, может иметь различные трактовки. Таким образом, приходится говорить о том, что скорее более поздние хроники могли быть использованы в целях антивизантийской пропаганды.

Проблематике содержания хроники «Деяния франков» посвящена также недавно вышедшая статья Эмили Альбу⁵⁶, представляющая собой своего рода очерк о разных аспектах данного источника. Общая характеристика

⁵³ *Flori J.* Quelques aspects de la propagande anti-byzantine dans les sources occidentales de la première croisade // *Chemins d'Outre-Mer. Etudes d'histoire sur la Méditerranée médiévale* offertes à Michel Balard. P., 2004. P. 333–341.

⁵⁴ *Портных В. Л.* Крестоносцы глазами современника (на материале *Gesta Francorum*) // *Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. Третьей межрегион. конф.* Новосибирск, 2006.

⁵⁵ *Carrier M.* Pour en finir avec les *Gesta Francorum*: une réflexion historiographique sur l'état des rapports entre Grecs et Latins au début du XIIe siècle et sur l'apport nouveau d'Albert d'Aix // *Crusades*. 2008. Vol. 7. P. 22–31.

⁵⁶ *Albu E.* Probing the Passions of a Norman on Crusade: The *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum* // *Proceedings of the Battle Conference on Anglo-Norman Studies 27* (2005). Woodbridge, 2005.

содержания «Деяний франков» также содержится в работе того же автора, посвященной историческим трудам, написанным норманнами⁵⁷. Основное внимание уделяется образу Боэмунда и Танкреда.

Содержание хроники «Деяния франков» изучалось и в ряде работ отечественных авторов, в частности в монографии М. А. Заборова «Введение в историографию крестовых походов. Латинская хронография XII–XIII вв.», написанной в 1966 г.⁵⁸ Данная работа охватывает целый спектр хроник крестовых походов XII – начала XIII в., затрагивая в том числе и хронику «Деяния франков». Автор отмечает, что хронику Анонима (как и хронику Рауля Каэнского) отличает то, что он «не обнаруживает столь ревностной и поистине не знающей границ приверженности ко всему чудесному», как это наблюдается у других хронистов⁵⁹; «нередко божественное вообще отходит в его произведении куда-то далеко на задний план, если не исчезает вообще, расчищая дорогу реальности»⁶⁰. М. А. Заборов достаточно активно использует хронику «Деяния франков» в освещении вопросов религиозного обоснования крестовых походов в других хрониках.

Хроника «Деяния франков», ее авторство и датировка

В средние века терминология, применяемая к историческим сочинениям, была достаточно запутанной. Как правило, современники называли эти сочинения «хрониками», «анналами» и «историями». Сочинение могло быть названо и «деяниями», как это есть в нашем случае. Считается, что анналы и хроники строятся на хронологическом принципе. При этом анналы представляют собой краткие и сухие погодные записи событий, а хроника являются более распространенным и связным изложением. История предполагает наличие сюжетной линии наряду с хронологической. Однако сочинения часто могли быть названы «хроника, или анналы», «хроника, или история», «анналы, или история»⁶¹. Четко было лишь то, что историей называлось описание современных автору событий. Историки для удобства часто называют все исторические сочинения средневековья общим названием «хроники». Так же мы будем именовать и историческое сочинение «Деяния франков», а также другие сочинения, даже если в оригинале они названы

⁵⁷ *Albu E.* The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. Woodbridge, 2001. P. 145–179.

⁵⁸ *Заборов М. А.* Введение в историографию крестовых походов. Латинская хронография XI–XIII вв. М., 1966.

⁵⁹ Там же. С. 78.

⁶⁰ Там же. С. 91.

⁶¹ *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М., Л., 1949. С. 104–105.

«историями». Таким образом, под «хроникой» в нашем исследовании мы будем понимать всякое средневековое историческое сочинение.

Изучаемая нами хроника является одним из наиболее важных источников по истории первого крестового похода. Считается, что она написана современником и участником первого крестового похода. Кроме того, на основании анализа текста хроники в исторической литературе принято считать автора хроники итальянцем по происхождению, что очень важно в связи с тематикой нашего исследования.

В качестве исходного материала был использован латинский текст, опубликованный в издании хроники, подготовленном Розалинд Хилл в 1962 г. При этом помимо оригинального текста мы использовали в качестве вспомогательного материала английский и французский переводы хроники.

Манускрипт хроники, использованный Розалинд Хилл, относится к началу XII в. и хранится в архивах Ватикана (Vatican Reginensis, lat. 572). Он содержит в себе как «Деяния франков», так и другие исторические источники. Как пишет Хилл, данный манускрипт является наиболее ранним и аутентичным манускриптом «Деяний франков». Производным от этого текста, по всей вероятности, является манускрипт, ныне хранящийся в архивах Мадрида (Biblioteca Nacional, E.e.103), датируемый началом XIV в. Более серьезные изменения, такие как многочисленные пропуски, перестановки и замены слов (как правило, впрочем, не вносящие изменений в смысл), содержит еще один манускрипт XII в., хранящийся в архивах Ватикана (Vatican Reginensis, lat. 641). По мнению Луи Брейе, именно этот манускрипт является наиболее ранним имеющимся в нашем распоряжении экземпляром «Деяний франков»⁶². Имеются также копии «Деяний франков» XIII–XIV вв. английского происхождения (Berlin lat. qu. 503; Cambridge, Gonville and Caius College 162/83).

Имя автора хроники остается для нас неизвестным. Историками лишь было отмечено наличие в тексте хроники указаний на итальянское происхождение автора. Речь идет о Южной Италии, незадолго до крестового похода завоеванной норманнами, а если точнее, то о конкретно взятой ее области под названием Апулия (Puglia)⁶³. Имеется ряд указаний на принадлежность автора к войску итальянских норманнов под руководством Боэмунда Тарентского, которого автор называет “dominus” (господин). «Господином» называется только Боэмунд, которому периодически воздаются хвалы. Боэмунд предстает, например, как «мудрый» (sapiens), «рассудительный» (prudens) и «сильный в бою» (bellipotens) или

⁶² *Histoire anonyme*. P. XXIV.

⁶³ *Ibid.* P. XI; *Лучицкая С. И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 27.

«законодатель битв и судья сражений» (*bellorum arbiter et certaminum iudex*)⁶⁴. Правда, затем он продолжает путь к Иерусалиму в войске Раймунда Сен-Жилльского, ибо Боэмунд остается в Антиохии. Аноним говорит о Франции как о стране «по ту сторону гор», когда повествует о поездке туда Урбана II с целью проповеди крестового похода: «Римский апостольский престол по ту сторону горных областей со своими архиепископами, епископами, аббатами и пресвитерами двинулся в путь как можно скорее»⁶⁵. Стоит обратить внимание также и на некоторые особенности, несвойственные странам к северу от Альп, на которые указывает Розалинд Хилл в своих комментариях к английскому переводу хроники⁶⁶. Беатрис Лис также говорит об этом в предисловии к изданию латинского текста⁶⁷. Апулия, один из регионов Италии, фигурирует в хронике как конечная цель атабека Кербоги, одного из основных врагов крестоносцев: «Отныне клянусь вам Магометом и именами всех богов, что не предстану вновь пред вашими очами до тех пор, покуда своей крепкой десницей не завоюю вновь царственный город Антиохию, всю Сирию и Романию, Болгарию⁶⁸ и земли вплоть до Апулии ко славе богов и вашей, и всех кто принадлежит к роду турков»⁶⁹. В указанном контексте это может говорить о принадлежности автора к данному конкретному региону. Тарент, из которого был родом глава войска Боэмунд, также принадлежит к этой области. Стоит добавить, что автор начинает говорить «мы» только в своём повествовании о войске Боэмунда и делает это только в таком контексте до тех пор, пока все армии крестоносцев не соединяются под Константинополем. В повествовании, скажем, о пути к Константинополю войска герцога Готфрида Бульонского, или об истории «похода бедноты», он этого не делает. В тексте хроники имеются, таким образом, указания на принадлежность автора к войску, пришедшему из норманнской Италии.

Вполне возможно, что автор являлся очевидцем происходивших событий. Он часто обращается к читателю от первого лица. В историографии принято причислять его хронику к категории хроник, написанных очевидцами первого крестового похода. При этом общая канва событий в хронике соответствует другим хроникам похода⁷⁰. Датировка же написания хроники может быть только приблизительна. Есть мнение, что хронист Эккехард из

⁶⁴ *Gesta Francorum*. P. 36.

⁶⁵ *Деяния франков и прочих иерусалимцев*. С. 57.

⁶⁶ *Gesta Francorum*. P. 12.

⁶⁷ *Anonymi Gesta Francorum*. P. XIV.

⁶⁸ Здесь обозначаются в целом Балканы.

⁶⁹ *Gesta Francorum*. P. 52: «Amodo iuro vobis per Machomet et per omnia deorum nomina, quoniam ante vestram non ero rediturus presentiam, donec regalem urbem Antiochiam et omnem Suriam siue Romaniam atque Bulgariam usque in Apuliam adquisiero mea forti dextera, ad deorum honorem et vestrum, et omnium qui sunt ex genere Turcorum».

⁷⁰ *Ibid.* P. XVII.

Ауры имеет в виду именно «Деяния франков», говоря о некоей известной ему «маленькой книжке», в которой описаны события первого крестового похода в течение трех лет, предшествовавших взятию Иерусалима. Упоминание об этой книжке относится к 1101 г.⁷¹ По мнению Луи Брейе, доказательством того, что «Деяния франков» – это и есть та самая «маленькая книжка», являются найденные им заимствования Эккехарда из «Деяний франков»⁷². Розалинд Хилл также склоняется к версии, что Эккехард упоминает «Деяния франков». Она, таким образом, устанавливает 1101-й год верхней границей написания хроники, указывая при этом, что первые девять книг автор написал, вероятно, до ноября 1098 г., т. е. до отбытия из Антиохии⁷³. Кроме того, есть вероятность упоминания «Деяний франков» Робертом Реймским и Бодри Дольским. Роберт Реймский примерно в 1106 г. говорит об *una historia*, «некой истории», которую ему дал переписать его аббат, поскольку она была сочтена им неудовлетворительной из-за отсутствия сведений о Клермонском соборе и грубого стиля⁷⁴. Аноним действительно почти ничего не говорит о соборе в Клермоне. Большое число сходств между хрониками Роберта Реймского и Анонима может указывать на то, что Роберт использовал «Деяния франков»⁷⁵. Хроника Роберта традиционно относится к числу вторичных хроник. Бодри Дольский в 1108 г. пишет, что был вынужден переписать некую анонимную историю, исправив при этом ее грубый стиль⁷⁶. Хроника Бодри очень схожа с хроникой «Деяния франков». Существует гипотеза о том, что все авторы, в хрониках которых обнаруживались сходства, использовали некий недошедший до нас общий источник. Сторонники этой гипотезы, Джон и Лаура Хилл, предполагают, что так называемая «маленькая книжка» и есть тот самый документ⁷⁷.

В любом случае, перед нами документ, датируемый началом XII в. Это означает, что текст был написан во время крестового похода или некоторое время спустя. В тексте имеются указания на то, что не все события были записаны автором незамедлительно. Например, в четырнадцатой главе упоминается так называемая «гора Танкреда». Танкред действительно оккупировал одну из гор, но это событие описывается гораздо позже, в девятнадцатой главе. В других местах автор использует формы будущего времени и забегает в своем повествовании несколько вперед⁷⁸. Таким

⁷¹ Ibid. P. IX.

⁷² *Histoire anonyme*. P. VIII.

⁷³ *Gesta Francorum*. P. IX.

⁷⁴ Ibid. P. IX.

⁷⁵ *Histoire anonyme*. P. VIII.

⁷⁶ Ibid. P. VIII, XIV.

⁷⁷ Peter Tudebode. *Historia de Hierosolimatano itinere* // Translated with introduction and notes by J. H. Hill, L. L. Hill. Philadelphia, 1974. P. 11.

⁷⁸ *Histoire anonyme*. P. IX.

образом, был ли автор очевидцем событий, записал он их сразу же или спустя некоторое время по памяти, точно мы выяснить не можем. Но, тем не менее, имеем перед собой документ, автором которого является человек, живший в то время, и эти сведения в любом случае будут для нас важны для понимания мировоззрения людей средневековой эпохи.

Важно также определить социальную принадлежность автора хроники. Хроника написана достаточно простым с точки зрения синтаксиса языком. Это отличает ее от других хроник. Луи Брейе отмечает по этому поводу, что латинские авторы были удивлены тем, что не нашли в хронике «ораторских элементов и риторических цветов, к которым их приучило их образование»⁷⁹. Розалинд Хилл считает этот стиль стилем простого воина, сравнивая его со стилем писем, которые писал ее брат, будучи на войне в Северной Африке в 1942–1943 гг.⁸⁰ Кроме того, библейские цитаты часто неточны и, главное, немногочисленны, в отличие от других хроник. Таким образом, стиль Анонима менее религиозен, что отличает эту хронику от хроник, написанных представителями церкви. А. Д. Люблинская подчеркивает: «Религиозное воодушевление этого рыцаря бесспорно, но оно сочетается с полной трезвостью в оценках и далеко от слепого провиденциализма, которым пронизаны другие хроники, составленные духовными лицами»⁸¹. Возможно, все эти стилистические особенности указывают на то, что хроника была написана мирянином.

Луи Брейе отметил еще ряд существенных моментов. Аноним всегда противопоставляет себя клирикам, указывая на то, что он относится к тем, кто сражается с оружием в руках⁸². Например, он пишет: «Наши епископы, пресвитеры, клирики и монахи, облаченные в священные одежды, вышли с нами, держа в руках кресты, прося и моля Господа, чтобы он охранял нас, даровав нам спасение, и избавил от всякого зла»⁸³; «Днем и ночью в среду и четверг мы крепко атаковали город со всех сторон. Но до атаки епископы и священники приказали нам, предписывая и увещевая, совершить крестный ход вокруг Иерусалима во имя Господа, с верностью творить молитвы, милостыню и блюсти посты»⁸⁴. Автор также противопоставляет себя

⁷⁹ *Histoire anonyme*. P. XIX: «les éléments oratoires et les fleurs de rhétorique auxquels leur éducation les avait habitués».

⁸⁰ *Gesta Francorum*. P. XVII.

⁸¹ Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1965. С. 117.

⁸² *Histoire anonyme*. P. III.

⁸³ *Gesta Francorum*. P. 68: «Episcopi nostri et presbyteri et clerici ac monachi, sacris vestibus induti, nobiscum exierunt cum crucibus, orantes et deprecantes Dominum, ut nos saluos faceret et custodiret et ab omnibus malis eriperet».

⁸⁴ *Gesta Francorum*. P. 90: «Nocte uero ac die in quarta et quinta feria mirabiliter aggredimur ciuitatem, ex omni parte; sed antequam inuaderemus eam, ordinaverunt

«*pedites*» (пешим)⁸⁵, говоря при этом: «Мы, призывая Бога, живого и истинного, *скакали* на них»⁸⁶. Таким образом, мы встречаем в хронике эпизоды, где автор фигурирует как «*miles*», что на наш взгляд имеет в тексте хроники значение «конного воина». Также в хронике есть указания на то, что её автор участвовал в военных советах (см. главу 28). Аноним пишет: «С этого часа мы приняли план военных действий»⁸⁷. Таким образом, он указывает на свое участие в принятии решений. Но при этом в Константинополь он не входил. В пятой главе Аноним говорит о том, что Бозмунд пошел на встречу с императором, а сам он остался за городом с остальной армией. Кроме того, Аноним периодически «отделяет» себя от верховных предводителей. Например, в шестой главе он пишет: «Быть может, наши предводители еще не раз будут нас обманывать»⁸⁸. В хронике не раз встречается словосочетание «наши предводители». Вполне возможно, автором хроники был кто-то из рыцарей, занимавших промежуточное положение в иерархии. Однако он не был рядовым рыцарем, но и также не был из числа верховных командиров. В таком случае хроника является уникальной, так как все остальные хроники написаны клириками. Рауль Каэнский, однако, был рыцарем, но не принимал участия в первом крестовом походе. Кроме того, «Деяния франков» – единственная хроника первого крестового похода, написанная итальянцем⁸⁹.

Стоит отметить, что в то время существовала небольшая категория так называемых «*militēs litterati*»⁹⁰. Розалинд Хилл подчеркивает, что часто духовное образование получали младшие сыновья в знатных семьях, поскольку их будущее связывалось с церковью⁹¹. Действительно, дети, особенно знатных семей, получали хорошее образование⁹². Старший сын обычно наследовал дело отца, тогда как младшие сыновья фигурировали в романах как искатели фортуны. Случалось, что они получали духовное образование с перспективой церковной карьеры. Возможно, таким был и анонимный автор «Деяний франков».

episcopi et sacerdotes predicando et commonendo omnes, ut processionem Deo in circuitu Hierusalem celebrarent».

⁸⁵ *Histoire anonyme*. P. III.

⁸⁶ *Gesta Francorum*. P. 70: «Nos itaque, inuocantes Deum vivum et verum, equitavimus contra illos».

⁸⁷ *Gesta Francorum*. P. 65: «Ab illa hora accepimus inter nos consilium belli».

⁸⁸ *Ibid.* P. 12: «Forsitan adhuc a nostris maioribus sepe delusi erimus».

⁸⁹ *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 7–20.

⁹⁰ *Gesta Francorum*. P. XIV.

⁹¹ *Ibid.* P. XIV.

⁹² *Education et cultures. Occident chrétien XIIème–miXV^{ème} siècle / Sous la direction de I. Heullant-Donat. Neuilly-sur-Seine, 1999. P. 49. T. 1.*

При этом, неудивительно, что хроника могла быть написана именно на латинском языке, который XII в. оставался достаточно распространенным языком письменной речи, тогда как только в последующем столетии местные языки стали активно замещать латынь⁹³.

Таким образом, мы видим, что «Деяния франков» представляют собой хронику, написанную участником крестового похода по ходу событий или вскоре после них. Сам автор, вероятно, был рыцарем среднего ранга. Кроме того, в тексте имеются указания на принадлежность автора к армии Бозмунда, что дает нам основание отнести его к рыцарям норманнской Италии.

Трудности перевода

В процессе работы над переводом «Деяний франков» авторы столкнулись с некоторыми трудностями. Часть из них связана с адекватным переводом на русский язык средневековой латинской терминологии. Дело в том, что латинский язык, как и любой другой, не является «константой», и нельзя говорить о том, что терминология, использованная в тексте, имеет однозначный перевод даже в рамках текстов приблизительно одного периода. Поэтому перед исследователями часто стоит задача понять нюансы значений тех или иных слов в конкретно взятом тексте. Как правильно заметили по этому поводу Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, «у каждого автора есть своя манера выражаться, а следовательно, нужно изучать язык автора, знать, какой особый смысл придавал он словам»⁹⁴. В том числе это касается проблемы адекватного перевода в хронике «Деяния франков» термина «miles».

Западные переводчики переводят его как «рыцарь»: Розалинд Хилл как «knight», Луи Брейе как «chevalier». В пользу строгого соответствия miles и рыцаря как особой корпорации свидетельствует приведенный Ниермайером пример из хроники Фульхерия Шартрского, еще одного хрониста – очевидца первого крестового похода: «Milites nostri erant quingenti, exceptis illis qui militari nomine censebantur, tamen equitantes» (Рыцарей наших было 500, не считая тех, которые, не будучи, однако, рыцарями, сражались верхом)⁹⁵. Таким образом, не всякий конный воин является miles.

Как пишет Г. Дельбрюк, термин miles никогда не был точным. Например, в XII в. им обозначались конные бойцы⁹⁶. Жан Флори отмечает, что слово

⁹³ *Education et culture*. P. 147.

⁹⁴ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 149.

⁹⁵ *Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden; Boston, 2002. P. 883.

⁹⁶ Дельбрюк Г. Рыцарство. История военного искусства // Рыцарские ордена. С крестом и мечом. М., 2004. С. 183–184.

«miles» вошло в употребление на Западе на рубеже первого и второго тысячелетий, и уже с XI в. оно использовалось одновременно для наименования высоких персон и всякого воина в принципе⁹⁷. В источниках термин используется для выделения в категории мирян *ordo militum*, категорию воинов⁹⁸. В течение XI в. термин приобрел значение «отборного всадника», и в хартиях все чаще делается акцент на том, что *miles* обозначает и принадлежность к социальной категории. К концу XI в., за исключением особых случаев, *milites* называли только конных воинов⁹⁹. Аналогичный смысл имеет терминология XII в. из вульгарных языков – *chevalier*, *knight*, *ritter*. При этом в конце XII – XIII в. и *miles*, и соответствующая терминология в «вульгарных» языках уже начинает обозначать некий институциональный статус¹⁰⁰. Как считает Флори, это связано с формированием рыцарства как аристократической корпорации «профессиональных военных». В XIII в. возникают и юридические ограничения против проникновения в рыцари «неблагородных»¹⁰¹. К концу средневековья звание рыцаря присваивалось не только за военные заслуги и далеко не всем дворянам, отличившимся на военном поприще.

Таким образом, в изучаемый период термин *miles* нельзя связать ни со знатным происхождением, ни с инкорпорированностью в систему феодальных отношений. Бесспорной было лишь указание на военную профессию и, как правило, статус конного воина. Исходя из этого, мы решили попытаться вывести значение термина «*miles*» применительно к хронике «Деяния франков» и осуществить более-менее адекватный перевод.

Чаще всего термины «*miles*» и «*militia*» употребляются без указания на социальную принадлежность или род войск. Однако вместе с тем в хронике встречается достаточно много формулировок, где *milites* противопоставляются пешим (*pedites*). В девятой главе Бозмунд обращается к войску перед битвой при Дорилее: «Сеньоры и сильнейшие воины Христа (*Seniores et fortissimi milites Christi*), вскоре тяжелая битва обступит нас со всех сторон. Итак, пусть все воины (*milites*) мужественно выступят навстречу туркам, а пешие (*pedites*) же пускай благоразумно и скоро разбивают лагерь». Важно заметить, что обращение было адресовано *omnibus militibus*. Таким образом, *milites* относится ко всем, но и в то же время только к конным воинам. В 13-й главе говорится: «Отпраздновав с пышностью праздник славнейшего Рождества, в понедельник те и другие выступили из лагеря, имея более 20 тысяч воинов и пехотинцев (*plus quam viginti milia militum et*

⁹⁷ Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М., 2006. С. 80.

⁹⁸ Флори Ж. Ричард Львиное Сердце: король-рыцарь. СПб., 2008. С. 315.

⁹⁹ Там же. С. 295.

¹⁰⁰ Там же. С. 296.

¹⁰¹ Флори Ж. Повседневная жизнь. С. 98.

peditum)». 14-я глава: «Они убили многих наших воинов и пехотинцев (ex nostris militibus et peditibus), не ожидавших нападения». 18-я глава: «В тот день более тысячи из наших воинов и пеших (ex nostris militibus seu peditibus) претерпели мученичество. Мы верим, что они взошли на небеса, приняв белую стóлу мученичества». 20-я глава: «Воины шли по равнине, а пехотинцы по горе (Milites tenuerunt plana et pedites montaneam)». 30-я глава: «Был там в войске графа Сен-Жильского некий воин по имени Раймунд Пилет. У него было немало воинов и пеших (milites ac pedites)». 33-я глава: «Остальные нашли другую лестницу, спешно приставили ее к стене и во множестве, воины и пешие (milites et pedites), поднялись по ней на стену». 39-я глава: «Они выступили, ведя за собой множество воинов и пеших (milites et pedones), и достигли города»; «Они построили также пехотинцев и лучников (pedites et sagittarios), чтобы те шли впереди воинов (milites)».

В 15-й главе автор указывает на то, что miles были конными воинами: «Во всем войске тогда никто не был способен найти 1000 воинов (milites), у которых были бы лошади (equos) в хорошем состоянии». Фрагмент десятой главы указывает на то, что различие в статусе milites и pedites состояло в наличии или отсутствии у них лошади: «Там погибла большая часть наших лошадей, и потому многие из наших воинов остались пешими (multi ex nostris militibus remanserunt pedites)».

Можно привести еще один довод в пользу того, что miles не является в хронике синонимом рыцаря. В историографической традиции принято считать автора хроники рыцарем среднего ранга, что основано на анализе ее текста (автор противопоставляет себя духовенству, пешим воинам и верховным руководителям). Однако в 36-й главе, ближе к концу своего повествования, автор пишет, что «наши воины (milites), идя впереди нас, расчищали нам дорогу». Таким образом, автор противопоставляет себя milites, что вряд ли может означать то, что автор был лишен статуса рыцаря. Процедура лишения рыцарского звания была сложной и в то время встречалась достаточно редко, и, скорее всего, упомянутая фраза указывает на то, что автор хроники лишился своей лошади.

Единственным фрагментом, в котором говорится, что milites могут выделяться как прослойка общества, является фрагмент из 19-й главы: «Танкред не медлил. Он выступил со своими достойнейшими воинами и сержантами». Хотя Брейе считает, что servientes здесь фактически является синонимом pedites, Ниермайер указывает, тем не менее, на то, что serviens не является рыцарем, но может быть и конным воином¹⁰².

Однако последний пример является для «Деяний франков» скорее единичным случаем, причем в целом термин «miles» остается до конца неясным, и либо нейтрален, либо содержит указание на наличие или

¹⁰² Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. P. 1255.

отсутствие лошади. Таким образом, в контексте хроники мы считаем более уместным переводить *miles* как «воин» или «конный воин» либо, переводя термин как «рыцарь», оговорить специфику его значения для изучаемого периода.

«Деяния франков» и Петр Тудебод¹⁰³

Как уже было сказано, до сих пор не утихает полемика вокруг вопроса о том, какая из хроник – «Деяния франков» или хроника Петра Тудебоды – является первичной. В этой главе мы попытаемся высказать свои собственные суждения на этот счет.

Имеются примеры, показывающие, что в хронике Петра Тудебоды не так часто восхваляется Боэмунд Тарентский, в отличие от хроники Анонима. Например, Петр Тудебод не приводит отрывок, в котором Боэмунд представлен как защитник византийских земель от возможных грабителей из армии крестоносцев. Напротив, Аноним пишет: «Здесь Боэмунд держал совет со своим народом, ободряя и увещывая быть добрыми и смиренными. И пусть они не разграбляют эту страну, ибо это страна христиан, и пусть никто не берет больше того, что будет ему достаточно для еды»¹⁰⁴. Аноним в основном описывает переход через Восточную Европу армий Боэмунда Тарентского, тогда как Петр Тудебод приводит целое повествование о переходе армий Раймунда Сен-Жилльского, отсутствующее у Анонима и сходное с повествованием у Раймунда Анжильского. Петр ничего не говорит о договоре между императором и Боэмундом до прибытия последнего в Константинополь. При этом Аноним упоминает об этом: «Тогда захотели наши напасть на одну крепость и захватить ее, поскольку она изобиловала всевозможными благами. Однако Боэмунд, муж рассудительный, не захотел согласиться с этим, с одной стороны, ради соблюдения справедливости по отношению к стране, а с другой стороны, ввиду обязательств перед императором»¹⁰⁵. Практически сразу в «Деяниях франков», в отличие от хроники Петра Тудебоды, приводится эпизод, в котором Боэмунд

¹⁰³ См. статью: *Портных В. Л.* «Деяния франков» и Петр Тудебод: проитальянская направленность двух хроник // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. матер. II Регион. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 38–45.

¹⁰⁴ *Gesta Francorum*. P. 8: «Tunc Boamundus ordinavit concilium cum gente sua, confortans et monens omnes ut boni et humiles essent; et ne depredarentur terram istam quia Christianorum erat, et nemo acciperet nisi quod ei sufficeret ad edendum».

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 10: «Volueruntque nostri quoddam castrum aggredi et apprehendere, eo quod erat plenum omnibus bonis. Sed vir prudens Boamundus noluit consentire, tantum pro iustitia terrae quantum pro fiducia imperatoris».

приказывает вернуть местному населению награбленное добро, а также о радостной встрече греческим населением войск Боэмунда: «Тогда же Боэмунд пришел в сердечное согласие с двумя дворецкими и дружбы ради, а также ради соблюдения справедливости по отношению к стране приказал вернуть весь скот, добытый грабежом... Греческий народ выходил и шел в радости на встречу с господином Боэмундом, вынося нам в изобилии продовольствие. Наши раскинули там шатры в среду Страстной недели»¹⁰⁶. Петр Тудебод не упоминает о поездке Гуго Великого к императору с целью выполнения обязательств перед ним в связи со взятием Антиохии и передачи ему города. Вместе с тем, наличие этого факта в «Деяниях франков» (глава 30) могло послужить обоснованием претензий Боэмунда в отношении города¹⁰⁷ (в хронике также сказано, что город был обещан Боэмунду в случае неявки императора для его принятия в свои руки; в хронике Петра Тудебода тоже говорится об этой договоренности в лагере крестоносцев)¹⁰⁸. Равным образом Петр не упоминает переговоры между Боэмундом насчет доставки провизии под Никею, о которых говорит Аноним: «*Боэмунд же остался с императором и с ним совещался*, каким образом доставить продовольствие людям, которые были уже за городом Никеей»¹⁰⁹. Текст хроники Тудебода не содержит ряда хвалебных цитат в отношении Боэмунда, в отличие от хроники Анонима: «Ты рассудителен и благоразумен, ты велик и знаменит, ты храбр и победоносен, ты законодатель битв и судья сражений – сделай это. Будет все, как ты велишь. Все, что тебе кажется полезным, соверши и сделай для себя и для нас»¹¹⁰. Петр Тудебод опускает также тот факт, что при взятии цитадели Антиохии эмир отказался от знамени Раймунда Сен-Жильского в пользу знамени Боэмунда (глава 29 «Деяний франков»).

Однако необходимо заметить, что текст Петра Тудебода, тем не менее, содержит хвалебные элементы в отношении Боэмунда, которые присутствуют и в хронике Анонима. Например, Петр приводит в хронике разговор Кербоги со своей матерью. Мать говорит Кербоге, что Боэмунд и

¹⁰⁶ *Gesta Francorum*. P. 10–11: «Ibi Boamundus concordatus est cum duobus corpalatiis, et pro amicitia eorum ac pro iustitia terrae iussit reddi omnia animalia quae nostri depredata tenebant... Grecorum autem gens exhibat et ueniebat gaudens in occursum domini Boamundi, nobis deferens maximum mercatum, ibique nostros tetendimus papiliones in quarta feria ante Cenam Domini».

¹⁰⁷ *Petrus Tudebodus*. P. 16–17.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 84.

¹⁰⁹ *Gesta Francorum*. P. 13: «Boamundus itaque remansit cum imperatore, ut cum eo consilium acciperet, quomodo mandarent mercatum gentibus quae erant ultra Nicenam ciuitatem».

¹¹⁰ *Ibid.* P. 36: «Tu sapiens et prudens, tu magnus et magnificus, tu fortis et victor, tu bellorum arbiter et certaminum iudex, hoc totum fac; hoc totum super te sit. Omne bonum quod tibi videtur, nobis et tibi operare et fac».

Танкред занимают исключительное место среди предводителей армий крестоносцев¹¹¹. Об исключительной роли Боэмунда говорится в обеих хрониках в пересказе речи Гвидо, брата Боэмунда¹¹². Тудебод, равно как и Аноним, упоминает о договоре между императором и Боэмундом о земельном пожаловании последнему¹¹³. Нужно отметить, что Тудебод зачастую все-таки сохраняет хвалебные эпитеты в отношении Боэмунда, присутствующие в «Деяниях франков». Иногда, правда, он может их и опустить:

<p>(Деяния франков) «Boamundus itaque <i>vir sapiens</i> contristatus est ualde, timens pro ecclesia sancti Petri et sanctae Mariae aliisque ecclesiis»¹¹⁴.</p>	<p>(Петр Тудебод) «Boamundus contristatus fuit valde, timens quod ecclesias Sancti Petri et Sanctae Mariae arderent»¹¹⁵.</p>
--	---

В этом примере у Тудебода опущен эпитет «*vir sapiens*», что означает «мудрый муж». В то же время можно привести пример, когда Петр Тудебод использует эпитеты, отсутствующие в соответствующей фразе у Анонима:

<p>(Деяния франков) «Egregius itaque comes Flandrensis undique regimine fidei signoque crucis quam fideliter cotidie baiulabat armatus, occurrit illis una cum Boamundo»¹¹⁶.</p>	<p>(Петр Тудебод) «Egregius namque comes Flandrensis, undique regimine fidem atque signo crucis quam cotidie fideliter baiulabat armatus, occurrit illis una cum <i>prudenterissimo viro Boamundo</i>»¹¹⁷.</p>
---	---

Тудебод говорит в приведенном примере, что Боэмунд – это «*vir prudentissimus*» (рассудительнейший муж). Таким образом, хвалебный характер хроники в отношении Боэмунда сохраняется.

Исследователи Джон и Лаура Хилл подтверждают этот факт, однако замечают, что «эти хвалы лишены особого значения и представляют собой простые способы выражения в ту эпоху» («сеux-ci (= les éloges. – В. П.) sont dénués de valeur particulière; ce sont de simples modes d'expression habituels à

¹¹¹ *Petrus Tudebodus*. P. 96: «Fili karissime, Boamundus et Tancredus mortales sunt, sicuti alii omnes; nisi idem Deus eorum valde diliget eos pre omnibus aliis, et virtutem preliandi plus aliis cotidie illis ministrabat».

¹¹² *Petrus Tudebodus*. P. 106; *Gesta Francorum*. P. 64.

¹¹³ *Petrus Tudebodus*. P. 48; *Gesta Francorum*. P. 12.

¹¹⁴ *Gesta Francorum*. P. 61.

¹¹⁵ *Petrus Tudebodus*. P. 102.

¹¹⁶ *Gesta Francorum*. P. 31.

¹¹⁷ *Petrus Tudebodus*. P. 66.

Г'эроке»)»¹¹⁸. По нашему же мнению, это утверждение не соответствует действительности. Выполненные нами подсчеты хвалебных эпитетов в отношении лидеров крестоносцев показывают, что Боэмунд Тарентский в обеих хрониках возглавляет список с большим отрывом. На втором месте находится Танкред, его племянник. Жан Флори справедливо заметил в своей статье, что Петр Тудебод уделяет больше внимания и выказывает большее предпочтение Раймунду Сен-Жилльскому, но Боэмунд все-таки остается в центре внимания.

Стоит отметить, что и Петр Тудебод, и Аноним говорят «мы» начиная с повествования о войне Боэмунда Тарентского. Добавим, что Тудебод не перестает называть Боэмунда «dominus», т. е. «господином», подобно тому, как это делает Аноним. И так же, как Аноним, он называет так только Боэмунда.

Кроме того, Петр Тудебод, аналогично Анониму, называет Францию «страной по ту сторону гор»:

<p>(Деяния франков): «Римский апостольский престол по ту сторону горных областей со своими архиепископами, епископами, аббатами и пресвитерами двинулся в путь как можно скорее»¹¹⁹.</p>	<p>(Петр Тудебод): «Римский апостольский престол скорее отправился в путь по ту сторону горных областей с собранием наиболее почетных и достойных уважения архиепископов, епископов и клириков, а также с наиболее почетными мирянами Рима»¹²⁰.</p>
---	--

В этих фрагментах повествуется о том, как папа Урбан II отправился проповедовать крестовый поход в землях, относящихся к нынешней Франции. Именно во время этого вояжа и состоялся знаменитый Клермонский собор, по завершении которого папа выступил со своей знаменитой речью. Здесь же хронисты называют Францию землей «по ту сторону гор», в связи с чем напрашивается вывод о том, что «по эту сторону гор» находится Италия, к которой они относят себя и из которой отправился в поход Боэмунд Тарентский.

Равным образом оба автора приводят цитату из речи Кербоги, указывающую на возможное итальянское происхождение автора. Небольшие

¹¹⁸ *Petrus Tudebodus*. P. 16.

¹¹⁹ *Gesta Francorum*. P. 1: «Apostolicus namque Romanae sedis ultra montanas partes quantocius profectus est cum suis archiepiscopis, episcopis, abbatibus, et presbiteris».

¹²⁰ *Petrus Tudebodus*. P. 31–32: «Apostolicus namque Romaniae sedis Urbanus quantocius ultra montaneas partes cum honorifico ac reverentissimo episcoporum et archiepiscoporum, clericorum collegio ac cum honestissimis Romanorum laicis personis est profectus».

разночтения есть, но в целом цитаты могут быть переведены на русский язык одинаково: «Отныне клянусь вам Магометом и именами всех богов, что не предстану вновь пред вашими очами до тех пор, покуда своей крепкой десницей не завоюю вновь царственный город Антиохию, всю Сирию и Романию, Болгарию и земли вплоть до Апулии ко славе богов и вашей, и всех, кто принадлежит к роду турков»¹²¹. На основании этой цитаты многие делают вывод о том, что анонимный автор «Деяний франков» был родом из Апулии, поскольку он больше всего боится захвата Карбогой именно этой земли. Петр Тудебод в точности повторяет цитату. Тарент, графом которого был Боэмунд, также относился к Апулии.

Таким образом, хроника Петра Тудебода является в достаточной степени «проитальянской». Мы не знаем точно, откуда родом Петр Тудебод, но предполагаем, что он был священником в Сивракуме (Sivracum), скорее всего, нынешнем Сиврэ (Sivray), расположенном в 50 километрах от Пуатье¹²². Однако он слишком часто в явной или неявной форме восхваляет Боэмунда Тарентского, что, на наш взгляд, дает право сомневаться в том, что автор текста был священником из Пуатье. Мы можем допустить, что Тудебод воевал в армии Боэмунда. Но все-таки более вероятно, что автором исходного документа является кто-либо из Южной Италии, ибо он слишком ангажирован в сторону предводителя итальянского войска. Есть два возможных решения: либо первоисточником является Аноним, который принадлежал к итальянской армии и восхвалял поэтому Боэмунда, либо существовал общий источник проитальянской направленности. Священник из Пуатье Петр Тудебод, таким образом, заимствовал информацию либо из «Деяний франков», либо из недошедшего до нас общего источника. Стоит лишь оговориться, что такой источник пока не найден, и в отношении его существования мы можем строить только гипотезы.

¹²¹ *Gesta Francorum*. P. 52: «Amodo iuro vobis per Machomet et per omnia deorum nomina, quoniam ante vestram non ero rediturus presentiam, donec regalem urbem Antiochiam et omnem Suriam siue Romaniam atque Bulgariam usque in Apuliam adquisiero mea forti dextera, ad deorum honorem et vestrum, et omnium qui sunt ex genere Turcorum»; *Petrus Tudebodus*. P. 92: «Amodo namque vobis iuro per Machomet, et per omnia deorum nomina, quoniam ante vestram non ero reversus presentiam donec regalem Antiochiam, et omnem Syriam sive Romaniam atque Bulgariam usque in Apuleam adquisiero mea forti dextera ad deorum honorem et vestrorum et omnium Turcorum nostrorum genus».

¹²² *Petrus Tudebodus*. P. 13.

«Деяния франков» и идея священной войны

Формирование идеи справедливой и священной войны

Идея крестового похода не ограничивается двумя столетиями существования государств крестоносцев на Востоке. Собственно говоря, эта идея является частным случаем идеи «справедливой» и «священной» войны. Двигаясь от неприятия войны как таковой на самом раннем этапе своей истории, западное христианство вначале признало ее допустимой в случае, если она справедлива. Затем в ряде случаев утвердился ее священный статус, а еще несколько веков спустя и сами воины обрели священный ореол. Крестовые походы организовывались на Восток, против мавров в Испанию, против еретиков в Южную Францию, против язычников в Прибалтику и т. д. С падением государств крестоносцев на Востоке священная война не прекратила свое существование. Именно поэтому Жан Флори в своей монографии «*La guerre sainte. La formation de l'idée de la croisade dans l'Occident chrétien*» предлагает определить крестовый поход как «священную войну, имеющую своей целью освобождение Иерусалима»¹²³.

Чтобы более тщательно рассмотреть эволюцию отношения к войне на Западе как некую прелюдию первого крестового похода, необходимо определиться с понятиями. В исторической литературе может встречаться обозначение «священная война» и «справедливая война». В нашей работе священной войной мы будем называть ту войну, которая считается таковой теми, кто ее ведет. Справедливой называется та война, которая считается теми, кто ее ведет, оправданной. Таким образом, священная война одновременно является и справедливой войной, так как имеет обоснование в виде божественной поддержки.

Христианство неминуемо столкнулось с проблемой войны с самого начала своей истории, и первой реакцией было ее неприятие.

Жан Флори пишет, что в первые века христианства был немаловажным моральный фактор. Как пример можно привести рассказ о мученике Максимилиане (III в.): «*Mihi non licet militare quia christianus est*» (Мне нельзя находиться на военной службе, потому что я христианин)¹²⁴. В 298 г. в Танжере был замучен центурион Марсилией, который произнес: «Я бросил его! Воистину не следовало христианину быть солдатом в мирской армии: он солдат Господа Христа»¹²⁵. С принятием христианства в Риме, как мы увидим, война частично будет оправдана. Но убийство на войне все равно

¹²³ *Flori J.* La guerre sainte. La formation de l'idée de la croisade dans l'Occident chrétien. P., 2001. P. 357.

¹²⁴ *Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 35.

¹²⁵ Там же.

останется грехом, и для его искупления требуется покаяние. Сведения о таких покаяниях можно найти и в документах XII в.¹²⁶ Если взглянуть на раннюю христианскую мысль, то здесь наблюдается сходная тенденция. Ориген и Тертуллиан порицают христиан, согласившихся служить в войсках. Термином *milites Christi* именуются только те, кто служат Богу, не сражаясь при этом¹²⁷. В целом, для раннего христианства характерно применение этого термина именно в таком значении. Воин Христов не может проливать кровь. Те, кто это делают, недостойны такого звания. Согласно теории Августина (354–430), настоящим «воином христовым» светский воин являться не может¹²⁸. Идея заключалась в том, что аскетическое монашество – это война со злом в самом себе, борьба с искушением, греховностью и пр. Кстати говоря, исконное значение слова «аскеза» – военная подготовка¹²⁹. Вообще, идею дисциплины и послушания христианство заимствовало в армии. И воины и монашество – это *milites*. И те и другие носят пояс как символ службы. Монах должен вести гораздо более сложную войну – войну с пороками в самом себе.

Как бы то ни было, заповедь «Не убий!» на практике вовсе не означает запрета войны. Здесь стоит вспомнить хотя бы то, что войны имеют место в Ветхом Завете, и хронисты крестовых походов будут проводить параллели между Маккавеями и крестоносцами¹³⁰. Здесь другая ситуация: Маккавеи вели справедливую войну, и крестоносцы тоже будут вести справедливую войну. Кроме того, как считает Франко Кардини, неприятие войны в ранней христианской мысли было связано скорее не с тем, что человек вынужден был убивать других людей, а с тем, что служба в армии означала службу языческому государству, каковым тогда был Рим, а также участие в отправлении языческих культов¹³¹. Важность этого фактора понимает и Флори, который говорит, что с конца III в. императорский культ принял формы, неприемлемые для христиан¹³². В Евангелии встречаются солдаты, и об их службе не говорится ничего дурного¹³³.

Со времен Константина христианство было легализовано, и служба в армии более не являлась идолопоклонством. Кроме того, сам ход истории все более и более заставляет смириться с тем, что война может быть необходима. Отныне служба в армии считалась для христианина нормальной, но клирикам

¹²⁶ Там же. С. 43.

¹²⁷ Там же. С. 34.

¹²⁸ Там же. С. 40–41.

¹²⁹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 247.

¹³⁰ Подробнее см.: Лучицкая С. И. Библейские цитаты в хрониках крестовых походов // Одиссей. Человек в истории. Язык Библии в нарративе. 2003.

¹³¹ Кардини Ф. Указ. соч. С. 235–236; 240.

¹³² Флори Ж. Идеология меча. С. 34–35.

¹³³ Кардини Ф. Указ. соч. С. 228.

воевать было строго запрещено¹³⁴. Этот принцип будет сохраняться на протяжении веков и даже во времена крестовых походов: в работе Флори имеются церковные документы VI–VIII вв., предписывающие эти запреты¹³⁵. Варварская угроза Риму способствовала формированию идеи «справедливой войны». Выразителем ее был, как уже отмечалось, Августин. Нужно вспомнить, что он писал свой труд в то время, когда Рим доживал свой последний век существования, будучи под ударом варваров.

Августин выделяет так называемую категорию «справедливых войн». Он считает, что «справедливыми называются обыкновенно те войны, которые мстят за несправедливости, если, например, какое-либо племя или община пренебрегает обязанностью возместить за нечестие, совершенное его членами, или возратить то, что отнято несправедливо»¹³⁶. Справедливая война определяется по своей конечной цели – восстановлению нарушенной изначальной гармонии мироздания. Конечная цель – мир: «Мира не ищут для того, чтобы творить войну, но творят войну, чтобы добиться мира»¹³⁷. Причем только христианину свойственно знать, что есть истинная справедливость, и, следовательно, необходимо вести справедливую войну¹³⁸. Кроме того, Августин высказывает идею, которая могла быть востребована и при формулировании церковью обоснования крестового похода: «Без сомнения, справедлива и всякая война, предписываемая Богом, у которого нет неправды. В такой же войне ведущее ее войско или даже весь народ должны считаться не столько зачинщиками войны, сколько слугами»¹³⁹. При этом божественное приказание обязательно не всегда: Бог редко управляет людьми непосредственно, и светская власть имеет право сама бороться с несправедливостью. Необязательно также, чтобы несправедливость носила военный характер, например, можно бороться с еретиками¹⁴⁰. Известно, что по поручению папы Григория VII (1073–1085) была проведена работа по собиранию воедино мыслей Августина о справедливой войне с целью применения этих идей для защиты церкви¹⁴¹.

Таким образом, мы можем заключить, что справедливая война не обязательно должна быть священной, однако, если война священна, т. е. в данном случае совершена согласно божественному предписанию, это само собой подразумевает ее справедливость. На примере хроник крестовых

¹³⁴ *Flori J. La guerre sainte.* P. 36.

¹³⁵ *Ibid.* P. 54.

¹³⁶ *Ефимова Е. Рыцарство // Рыцарские ордена: с крестом и мечом.* М., 2004. С. 38.

¹³⁷ *Кардини Ф.* Указ. соч. С. 244–245.

¹³⁸ Там же. С. 244.

¹³⁹ *Ефимова Е. Рыцарство.* С. 38.

¹⁴⁰ *Flori J. La guerre sainte.* P. 37–39.

¹⁴¹ *Balard M., Demurger A., Guichard P. Pays d’Islam et monde latin. X^e–XIIIe siècle.* P., 2000. P. 63.

походов можно убедиться, что, когда война священна, факт ее справедливости не ставится под сомнение. Кодри в статье, опубликованной в «The Experience of Crusading» утверждает, что Цицерон в свое время в своих философских диалогах «О республике» (*De Respublica*) уже писал о том, что война должна иметь веские основания, чтобы считаться справедливой¹⁴². Затем эти идеи вновь появляются в трудах Ансельма из Лукки в XI в.¹⁴³

Выделяя категорию «справедливых войн», Августин переносит соответствующие характеристики и на тех, кто воюет, тем самым высказывая мысль о взаимодополняемости тех, кто воюет с оружием в руках, и тех, кто своими молитвами поддерживает их: «Итак, другие, вознося молитвы, сражаются с невидимым противником. Вы же, те, за кого они молятся, сражаетесь с оружием в руках против видимых варваров»¹⁴⁴. Следовательно, мы видим, что уже Августин подчеркивает значение светских воинов как проводников справедливой войны.

Таким образом, уже в античный период истории христианства можно выделить два важных момента, касающихся взгляда на войны:

1. Война как таковая оправдана: после христианизации Рима войны не прекратились, и христиане неизбежно участвовали в них.

2. Идея того, что христианин вправе сражаться, уже фигурирует в литературе, например, в трудах Августина.

Жан Флори в своей «Идеологии меча» пишет, что признание за воинами-мирянами возможного статуса *milites Christi* прошло долгий путь начиная с августиновской теории «справедливой войны». Флори пишет о том, как развивалась ситуация вплоть до начала второго тысячелетия. Фульгенций Руспийский в VI в., предполагал, что воином Бога может при определенных условиях быть мирянин. Он формулировал свою мысль следующим образом: «*Si vis ergo perfectus esse miles Dei inter milites saeculi, tene firmiter quod diximus breviter*» (Итак, если желаешь быть совершенным воином Бога среди мирских воинов, твердо придерживайся того, что мы вкратце изложили)¹⁴⁵. Большую роль в возвышении светских воинов сыграла угроза со стороны арабов, норманнов и венгров, постигшая Европу в IX веке.

Практика благословений войн началась значительно раньше крестовых походов. Это стимулировалось упомянутой уже угрозой со стороны венгров, арабов и норманнов: последние грабили в том числе и церкви. Факт того, что церковь была чуть ли не основным пострадавшим от набегов, способствовал

¹⁴² Cowdrey H. E. J. Christianity and the morality of warfare during the first century of crusading // The Experience of Crusading. Cambridge, 2003. Vol. 1. Western Approaches. P. 176–177.

¹⁴³ Ibid. P. 187.

¹⁴⁴ Кардини Ф. Указ. соч. С. 245.

¹⁴⁵ Флори Ж. Идеология меча. С. 68.

развитию идеи священности войны¹⁴⁶. В 753 г. папа Стефан II направил послание магнатам Франкского королевства, в котором приравнивал к мученичеству смерть ради папы. Папа Лев IV в 853 г. призывал: «тому, кто погибнет в этом сражении, не будет отказа в царствии небесном, ибо Всемогущий узнает, что умер он во имя истинной веры и во имя спасения нашей родины и всего христианского мира»¹⁴⁷. В 878 г. папа Иоанн III писал в письме: «Всем, кто отдает жизнь во имя любви и католической церкви, уготовано успокоение в вечной жизни. Они заслужили его, сражаясь с язычниками и неверными»¹⁴⁸. Оборона от язычников одновременно являлась защитой церкви. Морис Кин, повествуя о том, как появился обряд посвящения в рыцари, приводит отрывок из литургии, относящийся к X в.: «Благослови сей меч... дабы он мог защитить от злобных язычников святые церкви, а также вдов, сирот и всех слуг Господа нашего»¹⁴⁹.

Примеры, относящиеся к более позднему периоду приводит в своей работе М. А. Заборов¹⁵⁰. Папа Александр II благословил поход 1063–1064 гг. в Испанию, обещав отпущение грехов его участникам и отправив в поход своего легата. Как было сказано в папском письме, папа даровал участникам отпущение грехов и освобождение от покаяния: «penitentiam eis levamus et remissionem peccatorum facimus»¹⁵¹. Папа Григорий VII побуждал рыцарей к походам. Папство санкционировало нападение норманна Роберта Гвискара на Сицилию в 1061 г. и поход Вильгельма Завоевателя в 1066 г. Серию примеров можно продолжить. Данные примеры уже не являются примерами обороны от врагов, а скорее представляют собой агрессию. Церковь целенаправленно хотела избавиться от значительной части рыцарей и вообще всех тех, кто воюет. Связано это было с состоянием Европы в эпоху междоусобных войн, которые заодно могли приносить ущерб и церкви.

Естественным образом церковь желала поскорее избавиться от обидчиков. Одной из принятых мер стало благословение войн с той целью, чтобы на них уходило больше воинов. Пытаясь отреагировать на сложившуюся ситуацию в Европе, церковь ввела практику «Божьих перемирий», для того чтобы хоть как-то уменьшить количество войн. Вначале было запрещено воевать по воскресеньям и праздникам, но затем запрет распространился еще и на период от вечера четверга до утра понедельника¹⁵².

¹⁴⁶ *Flori J. La guerre sainte. P. 46.*

¹⁴⁷ *Кин М. Рыцарство. М., 2000. С. 87.*

¹⁴⁸ *Кардини Ф. Указ. соч. С. 324.*

¹⁴⁹ *Кин М. Рыцарство. С. 132.*

¹⁵⁰ *Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. С. 22-23.*

¹⁵¹ *Flori J. La guerre sainte. P. 281.*

¹⁵² *Ibid. P. 61.*

Правда, инициатива благословения войн не всегда исходила от церкви. Вспомнить хотя бы войны, которые вела Священная Римская империя. Вначале войны с язычниками на востоке имели оборонительный характер, но затем они перешли в наступательные, и клирики из окружения Оттона II сформулировали идею о том, что империя воюет ради обращения язычников, а также из миссионерских соображений¹⁵³.

Новизна крестовых походов отчасти заключалась в том, что церковь не только поддерживала их, но и инициировала. Поль Альфандери отмечает в связи с этим, что неправомерно утверждать, что экспедиции в Испанию являлись своего рода предкрестовыми походами (*pré-croisades*)¹⁵⁴. Воины шли не в Иерусалим, а экспедиции не были объявлены папой. При этом, правда, папа поддерживал походы в Испанию для борьбы с сарацинами. Альфандери указывает также на то, что не все походы имели в одинаковой степени религиозный характер. По нашему мнению, здесь все зависит от того, как мы определим термин «крестовый поход». Если мы допустим, что под этим понятием понимаются походы в Святую Землю по инициативе папы, то экспедиции в Испанию крестовыми походами не являются. Но в любом случае, «предкрестовый» поход не означает «крестовый», и если эти экспедиции и не являлись крестовыми походами, ничто не мешает им быть их предвестниками. Походы в Испанию – определенный этап в развитии идеи священной войны.

Накануне крестового похода идеи Августина о войне вновь стали востребованными. Речь идет о работах, проводимых Ансельмом из Лукки по соответствующему указанию папы Григория VII. Ансельм в своем труде «*De vindicta et persecutione justa*», развивая идею священной войны, говорит в частности, что Моисей не был неправ, когда он убивал по приказу Бога¹⁵⁵.

Каким образом мирное население воспринимало идею священной войны? Как известно, народы, которые традиционно принято называть «варварами», подверглись в свое время христианизации. Разумеется, человек устроен так, что изменить традиции, складывавшиеся веками, очень сложно. Так, христианизация не смогла устранить, например, кровную месть. Кроме того, варвары в силу своего воинственного склада соответствующим образом воспринимали христианские догматы. Их Бог – прежде всего воинственный Бог, ветхозаветный Бог¹⁵⁶. У германских народов существовала традиция сакрализации оружия. Как отмечает Флори, «церковь христианизировала германских “варваров” своими обычаями, но зато германцы “варваризовали”

¹⁵³ Ibid. P. 54.

¹⁵⁴ *Alphandéry P., Dupront A.* La chrétienté et l'idée de croisade. P., 1954. T. 1. P. 28.

¹⁵⁵ *Cowdrey H. E. J.* Canon Law and the First Crusade // *The Horns of Hattin* / Ed. by B. Z. Kedar. Jerusalem, 1992. P. 44.

¹⁵⁶ *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. С. 208.

церковь в области доктрины и практики»¹⁵⁷. «Ветхозаветное» понимание христианской религии было более свойственно для вчерашних «варваров», сохраняющих свои традиции, уходящие корнями в века.

Таким образом, ко времени крестовых походов война была уже реабилитирована. Церковь захотела воспользоваться тем, что Святая земля в свое время была христианской, и оправданием войне здесь служило стремление отобрать ее из рук неверных. Турки были объявлены агрессорами, и необходимо было бороться за справедливость, в частности, по отношению к паломникам, которые, согласно речи папы Урбана II, были подвергнуты разного рода гонениям. Об этом же говорят и хронисты. Отсутствие политического единства в турецких землях вызывало некоторые проблемы. Даже мелкие князья брали с паломников налоги¹⁵⁸. Кроме того, в 1091 г. христиан в Иерусалиме подозревали в связях с фатимидами¹⁵⁹. Но даже если хронисты и преувеличивали подобные факты, то в любом случае на крестовые походы смотрели как на защиту, а не нападение¹⁶⁰.

Следовательно, война, которую вели крестоносцы, становилась «справедливой войной», достойной по своей сути *milites Christi*. Произнося свою речь в изложении Роберта Реймского, папа Урбан II приводит цитату из евангелия от Матфея: «Кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29)¹⁶¹. Эту фразу в свое время Христос сказал апостолам, к которым здесь, таким образом, приравниваются потенциальные участники крестового похода. На войну крестоносцев благословляет преемник апостола Петра. Войне придается священный характер. При этом священная война автоматически предполагается как справедливая, хотя сам термин в тех же «Деяниях франков» отсутствует. Составляющие этой священной войны встречаются в крестовых походах далеко не впервые в истории, но все равно первый крестовый поход оказалась уникальным по своим масштабам.

Идея паломничества и эсхатологические идеи

Практически все идеи крестовых походов сформировались в рамках предшествующего развития идеи священной войны. Правда, были и новые

¹⁵⁷ *Flori J.* La guerre sainte. P. 41: «l'Eglise christianise les «Barbares» germaniques par ses rites, mais en retour les Germains «barbarisent» aussi l'Eglise, dans sa doctrine et surtout dans sa pratique».

¹⁵⁸ *A History of Crusades / General ed. Kenneth M. Setton.* Madison, 1969–1989. Vol. 1. P. 78.

¹⁵⁹ *Ibid.* Vol. 1. P. 78.

¹⁶⁰ *Ibid.* Vol. 6. P. 6.

¹⁶¹ *Заборов М. А.* Крестовые походы в документах и материалах. М., 1977. С. 52.

элементы, в частности, идея военного похода как паломничества в Святую землю с сопутствующим ее отвоеванием. На страницах хроники крестоносцы очень часто именуются «паломниками».

Паломничество в Святую землю в те годы было популярным в Европе и являлось одним из способов покаяния. Иерусалим считался отражением «небесного града», в последующем столетии его стали изображать на картах как центр мира. Паломничество в Иерусалим сравнивали с библейским исходом¹⁶². Вот что пишет по этому поводу в IX в. французский монах Пасхазий Радберт: «Этот земной Иерусалим, о котором ты говоришь, Господь избрал на время, чтобы он стал образом небесного Иерусалима, до тех пор, пока из семени Давида возник царь, который будет править им вечно»¹⁶³. Однако во время первого крестового похода акцент был сделан именно на святом гробе, и он изображался как главная цель крестоносцев¹⁶⁴. С другой стороны, Эрдманн отмечал, что одним из мотивов похода являлась помощь восточным христианам в целом¹⁶⁵.

Важную роль в росте интенсивности паломничеств в XI в., как считает О. А. Добиаш-Рождественская, сыграло «умиротворение» Европы, вызванное постепенным прекращением норманнских набегов¹⁶⁶. Также стоит сказать, что ко времени крестовых походов процедура совершения паломничества была значительно упрощена. Если раньше паломничество в Иерусалим было возможным лишь по морю, то с 1010 г., в связи с обращением в христианство венгров, появился сухопутный маршрут¹⁶⁷. Поль Альфандери и Альфонс Дюпрон упоминают о тысячелетнем юбилее событий, связанных с Иисусом Христом, как о факторе паломничеств¹⁶⁸. Можно говорить также и о влиянии клунийского движения¹⁶⁹. Урбан II сформулировал главный принцип крестового похода: «И тот, кто возымеет в душе намерение двинуться в это святое паломничество, и даст о том обет Богу, и принесет ему себя в живую, святую и весьма угодную жертву, пусть носит изображение креста Господнего на челе или на груди»¹⁷⁰.

¹⁶² *Alphandéry P., Dupront A.* La chrétienté. P. 22.

¹⁶³ *Ibid.* P. 22.

¹⁶⁴ *Schein S.* Jérusalem. Objectif originel de la première croisade ? // *Autour de la Première Croisade.* P., 1996.

¹⁶⁵ *Erdmann C.* The origin of the idea of crusade. Princeton, 1977. P. 368.

¹⁶⁶ *Добиаш-Рождественская О. А.* Западные паломничества в средние века. Пб., 1924. С. 40.

¹⁶⁷ *Balard M., Demurger A., Guichard P.* Pays d'Islam et monde latin. P. 53.

¹⁶⁸ *Alphandéry P., Dupront A.* La chrétienté. P. 25.

¹⁶⁹ *Кернс Э.* Дорогами христианства. М., 1992. С. 159.

¹⁷⁰ Выдержка из хроники Роберта Реймского. Цит. по: *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. С. 54.

Паломничества в Иерусалим стали распространенной практикой со времен Константина. Стивен Рунсиман утверждает, что неофициально они начались даже до Константина, в первые века христианства¹⁷¹. Некоторые паломничества той эпохи упоминаются в источниках. Однако совершить подобное действие в то время было сложно: Иерусалим был разрушен императором Титом, а император Адриан построил в нем храм Венеры Капитолины, дав городу название Элия Капитолина. Константин легализовал христианство, и паломничества совершались уже открыто, реже или чаще, в зависимости от эпохи, но не прекращались. Начиная с XI в. паломничество в Иерусалим рассматривается как главный религиозный поступок в жизни¹⁷². Кроме того, одни паломники молили Бога, чтобы он даровал им смерть в Святой земле, другие не предполагали возвращения в родные края. Даже после притеснений христиан в Иерусалиме при халифе Хакиме в 1009 г., когда святой гроб был разрушен, паломничества не прекратились, но, напротив, их число постепенно возрастало¹⁷³.

Приведем цитату из начала хроники «Деяния франков»: «Бесстрашные франки немедленно стали шить крест на правом плече, говоря, что единодушно последуют по следам Христа, рукой которого они были спасены от тартара. И вот уже галлы выступили из своих владений»¹⁷⁴. Этот отрывок, относящийся к самому началу крестоносного движения, когда люди, воодушевленные выступлением папы на соборе в Клермоне и речами красноречивых проповедников, только собирались в поход, приведен здесь неслучайно. В нем говорится, что франки стали шить кресты на своей одежде. Приведем еще одну цитату из хроники, повествующую о войске и несущую в себе сходные мотивы: «Несут они оружие, для войны подходящее, и на правом плече или между плечами несут на себе крест Христа»¹⁷⁵. Как пишет Р. Армур, паломники тех времен имели привычку пришивать кресты на одежду.¹⁷⁶ Таким образом, у крестоносцев имелась необходимая атрибутика паломников.

Паломнический характер – это один из новых элементов, который крестовый поход добавил к опыту предыдущих священных войн¹⁷⁷. Сама идея экспедиции в Иерусалим с целью его освобождения от сарацинов тоже реализовывалась впервые. Правда, существует точка зрения, что папа Григорий VII уже имел такие намерения, пожелав организовать экспедицию

¹⁷¹ *A History of Crusades*. Vol. 1. P. 69.

¹⁷² *Alphandéry P., Dupront A. La chrétienté*. P. 14.

¹⁷³ *Ibid.* P. 19-20.

¹⁷⁴ *Gesta Francorum*. P. 2.

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 7.

¹⁷⁶ *Армур Р. Ислам и христианство. Непростая история*. М., 2004. С. 117.

¹⁷⁷ *Flori J. La guerre sainte*. P. 301.

на Восток в ответ на послание от византийского императора¹⁷⁸. Речь шла о Константинополе, хотя имеются и некоторые указания на возможные стремления папы дойти до Иерусалима¹⁷⁹. Мы располагаем источниками, на основании которых можно предположить, что поход уже планировалось организовать вследствие притеснений христиан халифом Хакимом¹⁸⁰. Урбан II предложил новую для тех времен идею похода-паломничества, но проект похода в Иерусалим уже, возможно, не был новым, и сами паломничества в него были в те времена популярны.

Другая привнесенная крестовыми походами составляющая священной войны – это эсхатологические идеи. Хроника начинается со слов: «И вот уже приблизился тот час, на который господь Иисус ежедневно указывает верующим в него, а именно говоря в Евангелии: “если кто хочет идти за Мною, отвергнись от себя и возьми крест свой, и следуй за мной”»¹⁸¹. В то время была распространенной идея о том, что последний император пойдет в Иерусалим и положит свою корону и скипетр на Голгофу, а затем придет Антихрист, который будет править. В связи с этим возникло мнение, что необходимо готовиться оказать сопротивление Антихристу к моменту его прихода. Именно об этом говорит и Гвиберт Ножанский в своей хронике: «Очевидно, что Антихрист не будет воевать ни с иудеями, ни с язычниками. Согласно этимологии своего имени, он пойдет на христиан. И если Антихрист не найдет христиан в этих местах, поскольку сегодня там их осталось очень мало, никто не сможет сопротивляться ему»¹⁸². Возможно, именно эти идеи стали причиной массовых расправ над евреями в долине Рейна весной 1096 г. Если крестоносцы идут бороться с врагами христианства – мусульманами, почему бы для лучшей подготовки к приходу Антихриста не расправиться еще и с врагами христианства в лице иудеев? Апокалипсический характер имеют также разнообразные знамения, отмеченные хронистами накануне крестового похода. Например, Эккехард пишет: «Облака цвета крови появились на Западе и на Востоке, и казалось,

¹⁷⁸ Ibid. P. 301.

¹⁷⁹ Ibid. P. 307.

¹⁸⁰ Ibid. P. 302.

¹⁸¹ *Gesta Francorum*. P. 1: «Cum iam appropinquasset ille terminus quem dominus Iesus cotidie suis demonstrat fidelibus, specialiter in evangelio dicens: "Si quis vult post me venire, abneget semetipsum et tollat crucem suam et sequatur me"».

¹⁸² *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux (RHC)*. Paris, 1866. T. 4. P. 138: «Perspicuum namque est, Antichristum, non contra Judaeos, non contra gentiles bella facturum; sed, juxta etymologiam sui nominis, Christianos pervasurum. Et, si Antichtistus ibidem Christianum neminem, sicuti hodie vix aliquis habetur, inveniat, non erit qui sibi refragetur...».

что они бросятся друг на друга к центру неба»¹⁸³. Кроме того, хронисты упоминают о миграциях птиц, бабочек, рыб и лягушек, а также о падающих с неба звездах¹⁸⁴. Возможно, часть этих «знамений» имела место в действительности: в китайских и корейских источниках имеются записи о комете в 1097 г.¹⁸⁵ Таким образом, метеорологические явления были интерпретированы хронистами как эсхатологические.

Ги Лобришон пишет о трех основных произведениях, идеи которых могли спровоцировать эсхатологические идеи крестовых походов¹⁸⁶. Во-первых, это «Описание последних времен» Псевдомефодия, переведенное на латынь в VIII в. Единый правитель восточных и западных христиан пойдет отвоевывать Иерусалим и изгонять арабов, но по пришествии Антихриста этот король сдаст свое оружие и испустит дух. Затем Антихрист будет убит Богом, который придет, чтобы судить людей. Во-вторых, этот труд аббата Адсо из Монтье-ан-Д (Adson de Montier-en-Der) «О рождении и эпохе Антихриста», написанный в середине X в., в котором можно найти сходные идеи. В-третьих, пророчества анонимного итальянского автора. Как и в других пророчествах, король должен был объединить восточных и западных христиан. Христиане должны были пойти завоевывать города мусульман, а иудеи принять христианство. Затем должно наступить пришествие Гога и Магога, короля римлян и Антихриста, который, в свою очередь, будет свергнут архангелом Михаилом. Перечисленные труды могли повлиять на то, что эсхатологические идеи были распространены во время крестовых походов.

Помощь и поддержка Бога и святых

«Деяния франков» изображают крестоносцев как исполнителей божественной воли. Мы уже упоминали фразу, с которой начинается хроника. В ней говорится о том, что все происходящее имело в качестве причины непосредственное божественное предписание. Неслучайно об этом говорится именно в начале хроники: таковы особенности написания хроник в средние века, на них и остановимся несколько подробнее.

Еще Августин понимал историю как историю библейскую, «священную». Согласно его взглядам, история есть Ветхий Завет, Новый Завет (Книга

¹⁸³ *RHC*. Т. P. 18: «Nubes quoque sanguineas, tam ab Occidente quam ab Oriente surgentes, sibique invicem in coeli centro concurrentes».

¹⁸⁴ *Alphandéry P., Dupront A.* La chrétienté. P. 63–64.

¹⁸⁵ *Riley-Smith J.* The first crusade and the idea of crusading. L., 1993. P. 92.

¹⁸⁶ *Lobrichon G.* 1099. Jérusalem conquise. P., 1998. P. 27–29.

пророка Даниила и Откровение Иоанна)¹⁸⁷ о событиях грядущих. В средние века история делилась на сакральную (божественное откровение, т. е. Библия) и профанную (светскую)¹⁸⁸. Первая предполагала абсолютную истинность по причине своего божественного происхождения. Профанная история включалась в периферию священной истории. Эта история – всего лишь период существования человека и времени. Бог при этом находится вне времени¹⁸⁹. В хрониках, как и во всей истории, соседствуют два уровня: сакральный и профанный. Бог «открывает» себя во времени, сам находясь вне его. Таким образом, он проявляет себя в человеческом мире в связи с моментами истории, являющимися «знаками его воли»¹⁹⁰. История же, как сочинение, рассматривалась в качестве одного из способов прославления Бога¹⁹¹. Как указывает О. Л. Вайнштейн, существует два подхода в средневековой исторической литературе¹⁹². Основное различие между ними заключается в видении места человека в истории. Первый подход в духе Августина подразумевает, что все предопределено Богом заранее в мельчайших подробностях и отдельные события совершаются уже без непосредственного Его вмешательства. Согласно второму подходу божественный план намечен лишь в общих чертах, и, таким образом, его реализация наступает только благодаря постоянному вмешательству Бога в земную жизнь.

Хронист изображает крестоносцев как солдат Христа, так называемых «*milites Christi*». Когда папа делает свое заявление на Клермонском соборе, о котором вкратце говорится и в «Деяниях франков», он цитирует слова Бога, обращенные к Павлу: «Следует вам много претерпеть за имя мое»¹⁹³, и это могло означать даже приравнивание крестоносцев к апостолам¹⁹⁴. Мы можем долго рассуждать, что же именно хотел сказать этим папа, но одно эта фраза означает точно: крестовый поход есть божественная воля. Затем папа говорит о красноречии, которое Бог дал крестоносцам, по-видимому, в данном случае для проповеди крестового похода. Для того чтобы показать божественность статуса крестоносцев, можно также процитировать слова Бозмунда,

¹⁸⁷ Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 84.

¹⁸⁸ Там же. С. 190.

¹⁸⁹ Там же. С. 127.

¹⁹⁰ Там же. С. 192.

¹⁹¹ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 60–61.

¹⁹² Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 69.

¹⁹³ Деяния апостолов, IX, 16; *Gesta Francorum*. P. 1; *Histoire anonyme*. P. 4: «Fratres, vos oportet multa pati pro nomine Christi». Цитата дана неточно. Вероятно, это связано с тем, что автор хроники не является клириком.

¹⁹⁴ *Alphandéry P., Dupront A. La chrétienté*. P. 34.

адресованные его коннетаблю в шестой книге хроники: «Ты поистине знаешь, что эта война не плотская, а духовная. Итак, будь храбрейшим поборником Христа. Иди с миром. Господь будет с тобой везде»¹⁹⁵. Таким образом, крестовый поход не может быть приравнен к обычной войне, он имел особый статус.

Факт того, что мусульмане в хронике признают сопутствующую крестоносцам божественную поддержку, добавляет значимости нашим доводам. Подобные идеи можно увидеть в описании диалога атабека Кербоги со своей матерью в девятой книге хроники. Автор хроники пытается показать, что некоторые мусульмане не ведают о мощи христиан, а Кербога предполагает, что Бозмунд и его племянник Танкред – боги франков. Однако мать Кербоги отвечает ему, что сами по себе христиане не очень сильны, но «бог их за них ежечасно сражается, и днем и ночью держит их под своей защитой, неусыпно заботясь о них, подобно тому, как пастырь заботится о своем стаде»¹⁹⁶. Мать Кербоги предсказывает его поражения, говоря: «народ христиан пойдет на нас войной, и что он победит нас повсюду, и будет править над язычниками. Но я не знаю, произойдет ли это сейчас или в будущем»¹⁹⁷. Однако Кербога не внял советам матери, пошел против божественной воли и был побежден крестоносцами, которые были проводниками этой воли.

Для своего успеха крестоносцы брали с собой предметы, связанные с жизнью Христа и святых¹⁹⁸. Адемар дю Пуи, например, взял собой реликвию святого креста. Во время осады Антиохии было найдено святое копье, которым по легенде был пронзен Иисус на кресте и с которым крестоносцы впоследствии ходили в битвы как с талисманом.

Святые, так же как Бог, помогали крестоносцам в походе. Аноним, повествуя о битве при Антиохии, рассказывает о пришествии «белых воинов»: «И вот на горах появились бесчисленные войска с белыми лошадьми и белыми знаменами. Наши, увидев это войско, не знали точно, что это и кто это. Но затем они узнали, что это подмога, посланная Христом, и предводительствовали ей святые Георгий, Меркурий и Деметрий. Эти слова

¹⁹⁵ *Gesta Francorum*. P. 37: «Et revera scias quia hoc bellum carnale non est sed spirituale. Esto igitur fortissimus athleta Christi. Vade in pace; Dominus sit tecum ubique».

¹⁹⁶ *Ibid.* P. 53–54: «...sed dues eorum pro ipsis cotidie pugnat, eosque die noctuque sua protectione defendit, et vigilat super eos sicut pastor vigilat super gregem suam».

¹⁹⁷ *Ibid.* P. 55: «...gens Christiana super nos foret ventura, et nos ubique victura, ac super paganorum regnatura; et nostra gens illis ubique erit subdita. Sed ignoro, utrum modo, an in futuro sint haec eventura».

¹⁹⁸ *Riley-Smith J. The first crusade*. P. 93.

правдивы, ибо многие из наших видели это»¹⁹⁹. Упомянутые святые являлись святыми византийских воинов²⁰⁰.

Идея божественной поддержки и покровительства святых была распространена и до крестовых походов. Уже в литургических формулировках X–XI вв. встречаются призывы к помощи Бога, что говорит о том, что идея божественной поддержки существовала уже тогда. Одилон Клюнийский в середине XI в. писал: «В одном случае Господь отомстил через римских правителей Тита и Веспасиана, в другом случае он освободил христиан от сарацинского ига благодаря Майелю (Maieul, аббат Клюни)»²⁰¹. Уже до крестовых походов в источниках встречаются термины *miles Christi*, *famulum Christi*, *bellum Domini*²⁰².

В X–XI вв. широкое распространение получил культ святых. Жан Флори осуществил количественные подсчеты, на основании которых сделал вывод, что определенная часть вмешательства святых в профанный мир была осуществлена как кара за совершенную несправедливость²⁰³. Источники XI в. сообщают и о вмешательстве «небесных легионов» в сражения²⁰⁴. В частности, в одной из итало-норманнских хроник, хронике Готфрида Малатерры, говорится о том, что во время одного из сражений вдруг появился святой Георгий в военных доспехах, верхом на белом коне и сияющим знаменем в руках, что принесло норманнам победу²⁰⁵.

Стоит также отметить, что уже до крестового похода войны могли быть приравнены по статусу к паломничеству в Иерусалим. Например, Урбан II заявил об этом в 1089 г., чтобы привлечь их для похода в Испанию: «Для вашего покаяния и прощения ваших грехов мы поручаем вам со всей вашей силой и вашим богатством выступить ради восстановления этой церкви. Мы советуем тем, кто ради покаяния и в силу набожности решил отправиться в Иерусалим или в другое место, предназначить расходы и усилия, требуемые для такого путешествия, для восстановления церкви в Тарагоне, чтобы с Божьей помощью епископский престол установился бы там как стена и укрепление христиан для защиты от язычников. С Божьей помощью, мы обещаем вам то же отпущение грехов, которое вы получили бы за столь

¹⁹⁹ *Gesta Francorum*. P. 69: «Exibant quoque de montaneis innumerabiles exercitus, habentes equos albos, quorum vexilla omnia erant alba. Videntes itaque nostri hunc exercitum, ignorabant penitus quid hoc esset et qui essent; donec cognoverunt esse adiutorium Christi, cuius ductores fuerunt sancti, Georgius, Mercurius et Demetrius. Hec verba credenda sunt, quia plures ex nostris viderunt».

²⁰⁰ *Riley-Smith J.* The first crusade. P. 105.

²⁰¹ *Flori J.* La guerre sainte. P. 292.

²⁰² *Ibid.* P. 182.

²⁰³ *Ibid.* P. 105.

²⁰⁴ *Ibid.* P. 131.

²⁰⁵ *Дуглас Дэвид Ч.* Указ. соч. С. 157.

длительное путешествие»²⁰⁶. Таким образом, Урбан II накануне крестового похода заменил паломничество на войну. В самом же крестовом походе эти два элемента соединились.

Дьяволизация врага

В хрониках крестовых походов, в частности в «Деяниях франков», мусульмане ассоциируются со всем дьявольским. Данные аспекты были достаточно подробно изучены в работах С. И. Лучицкой²⁰⁷.

Крестоносцы не имели достоверных сведений о мусульманском мире. Часто мусульмане фигурируют в хрониках как «варварские нации»: «Сразу же, как только прибыли наши воины, турки, арабы, сарацины и агуланы (Agulani), и все варварские нации быстро обратились в бегство кратчайшим путем через горы и равнины»²⁰⁸. Их действия противоречат божественной воле. Турки являются «врагами Бога и святого христианства»²⁰⁹. Кербога и другие предводители турецкой армии фигурируют как «богохульное сборище» (*prophanum collegium*)²¹⁰. Более показателен здесь опять же диалог Кербоги с его матерью, которая говорит, что франки сами по себе относительно слабы, но их поддерживает Бог, делающий их непобедимыми. Победа христиан предсказана в «языческих свитках» (*gentilium voluminibus*)²¹¹. Таким образом, мусульмане в хронике признают божественность миссии крестоносцев. Можно также процитировать слова Петра Пустынника предводителям войска турок: «Итак, все предводители наши равным образом просят вас как можно скорее уйти с Божьей земли и из страны христиан, которую блаженный Петр, проповедуя, уже давно обратил

²⁰⁶ *Flori J. La guerre sainte. P. 288–289.*

²⁰⁷ См: *Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; Ее же. Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики XI–XIII вв. // Одиссей. М., 1994. Вып. 6; Ее же. Barbarae nationes: les peuples musulmans dans les chroniques de la Première croisade // Autour de la Première croisade. Actes du colloque réunis par M. Balard. P., 1997. P. 99–109; Ее же. Идея обращения иноверцев в хрониках Первого крестового похода // Одиссей. М., 1997. Вып. 9; Ее же. Мусульманские идолы: образы и реальность // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича. М., 1999; Ее же. Иконография крестовых походов // Одиссей. Человек в истории: Слово и образ в средневековой культуре. М., 2002. С. 101–134.*

²⁰⁸ *Gesta Francorum. P. 20: «Statim autem venientibus militibus nostris, Turci et Arabes, et Saraceni et Agulani omnesque barbarae nationes dederunt velociter fugam, per compendia montium et per plana loca».*

²⁰⁹ *Ibid. P. 22: «...inimici Dei et sanctae christianitatis...».*

²¹⁰ *Ibid. P. 66.*

²¹¹ *Ibid. P. 55.*

к почитанию Христа»²¹². Мусульмане, таким образом, идут здесь против божественной воли уже тем, что они не внемлют словам Петра Пустынника, в результате чего происходит сражение.

Мусульмане в «Деяниях франков» ассоциируются с дьяволом. Так, греч. *διάβολος* обозначало буквально «клеветующий», «клеветник». Следовательно, в семантику слова с самого начала был заложен смысл чего-то ложного. В христианстве этот термин приобретает значение нечисти, злого духа, противоположного божественному началу. В хронике это хорошо согласуется с «языческим» и «неверным» характером мусульман: «Турки сразу стали трещать, свистеть, голоса дьявольским и высоким голосом, неизвестно как на своем языке»²¹³. Турок обретает погибель «вместе с дьяволом и его ангелами»²¹⁴, а мечеть является «обиталищем дьявола»²¹⁵. Здесь должно восторжествовать христианство: «Граф Раймунд спросил совета своих мудрейших мужей относительно того, чтобы благопристойным образом назначить епископа в этом городе. Пусть епископ с ревностью обращает его к Христовой вере и *на месте обиталища дьявола посвятит храм Богу живому и истинному, а церкви – святым*»²¹⁶.

«Солдаты Христа» осуществляют священную миссию, и им предназначено освободить земли, оккупированные язычниками. В связи с этим хроника полна контрастов: например, солдаты Христа, выполняющие его волю, выступают на фоне дьяволоподобных турок. Бог защищает крестоносцев от турок: «Но всемогущий Бог, благочестивый и милосердный, не дал своим воинам погибнуть или попасть в руки врагов и быстро послал подмогу нашим»²¹⁷. Крестоносцы идут в атаку, «отовсюду вооруженные знаком креста»²¹⁸.

²¹² Ibid. P. 66: «Rogant vos igitur omnes partier nostri majores, ut velociter recedatis a terra Dei et Christianorum, quam beatus apostolus jam dudum predicando ad Christi culturam convertit».

²¹³ Ibid. P. 18: «Continuo Turci coeperunt stridere et garrire ac clamare, excelsa voce dicentes diabolicum sonum nescio quomodo in sua lingua».

²¹⁴ Ibid. P. 41: «...ibi receperunt sempiternum interitum cum diabolo et angelis suis».

²¹⁵ Ibid. P. 42: «...et sepelierunt ad machumariam quae est ultra pontem ante portam urbis...Audientes itaque nostril quod humassent mortuos suos Turci, omnes sese preparaverunt, et venerunt festinantes ad diabolicum atrium».

²¹⁶ Ibid. P. 75: «Quam postquam suo continuit imperio, ad Christi revocavit fidem; quaesivitque consilium a suis sapientissimis viris, ut episcopum in hac urbe deuotissime preordinari faceret, qui illam ad Christi cultum fideliter revocaret, et de domo diabolica templum Deo uiuo et uero et oracula sanctorum consecraret».

²¹⁷ Ibid. P. 21: «Sed omnipotens Deus pius et misericors qui non permisit suos milites perire, nec in minimis inimicorum incidere, festine nobis adiutorium misit».

²¹⁸ Ibid. P. 40: «undique signo crucis armati».

Нужно заметить, что традиции дьяволизации врага зародились еще до крестовых походов. Уже в трудах Иоанна Дамаскина и Беда Достопочтенного мусульмане подвергаются критике. Однако на Западе Беда Достопочтенный являлся скорее исключением, и труды, дьяволизировавшие врагов-мусульман, появились в IX веке в Испании, в зоне непосредственных контактов христиан и мусульман²¹⁹. Эти труды были своего рода протестом против ассимиляции христиан и мусульман в условиях господства арабов. Затем традиция была продолжена в последующих войнах против сарацинов.

Одновременно с дьяволизацией мусульман «Деяния франков» и другие хроники отличает пренебрежительное отношение к византийцам как к своего рода «втростепенным» христианам. Признавая за ними христианский статус, авторы подчеркивают приоритет крестоносцев. Более подробно элементы этой теории рассмотрены нами в отдельной статье, публикуемой в рамках данного издания. По сути, признание за крестоносцами «священного» статуса наряду с дьяволизацией мусульман и введением субординации между христианами означало придание крестоносцам статуса «избранного народа». Неслучайно со временем авторы хроник все чаще будут сравнивать крестоносцев с персонажами Ветхого Завета.

Мученичество

Хронисты считают, что крестоносцы, которые гибнут в битвах, являются мучениками за веру. В качестве примера приведем цитату из «Деяний франков»: «В тот день более тысячи из наших воинов и пеших претерпели мученичество. Мы верим, что они взошли на небеса, приняв белую стóлу мученичества»²²⁰. Смерть во имя Господа воспринимается как счастье: «Многие из наших приняли мученичество и, ликуя, с радостью предали свои счастливые души Богу»²²¹. Папа Урбан II в своей речи в Клермоне обещал воздаяние тем, кто пойдет в поход.

Идея мученичества воинов не была новой идеей. Например, в начале XI в. Бернар из Анже писал о том, что тот, кто воюет во имя защиты церкви, является мучеником: «Когда случалась какая-нибудь атака, грабеж, учиненный злоумышленниками, он возлагал на себя функцию защитника и лично вел в бой всю армию. Он оживлял тех, кто был слаб духом, и обещал воздаяние от победы или от славы мученичества»²²². Бруно из Сегни писал в

²¹⁹ *Flori J. La guerre sainte. P. 241.*

²²⁰ *Gesta Francorum. P. 40: «Fueruntque in illa die martyrizati ex nostris militibus seu pedibus plus quam mille, qui ut credimus in caelum ascenderunt, et candidate stolam martyrii receperunt».*

²²¹ *Ibid. P. 17: «...et multi ex nostris illic receperunt martyrium, et letantes gaudentesque reddiderunt felices animas Deo».*

²²² *Flori J. La guerre sainte. P. 134.*

1090 г. по поводу солдат папы Льва IX в битве при Чивителло: «Нужно глубоко верить, ни в чем не сомневаясь, что все те, кто умер за справедливость, попали в число мучеников. Господь поставил их среди правителей своего народа»²²³. Флори приводит несколько примеров XI века, где солдаты названы *milites Christi* или *martires Christi*²²⁴. Однако Райли-Смит утверждает, что до крестового похода идея мученичества для воинов не была широко распространена, хотя и не утверждает при этом, что она вовсе отсутствовала²²⁵.

Несмотря на возложенную на них священную миссию, крестоносцы остаются простыми смертными со всеми недостатками обычных людей. Они могут быть алчными. Например, в седьмой книге Бозмунд обвиняет крестоносцев в алчности, говоря, что в силу этого враги могут перебить их словно овец, не имеющих пастыря²²⁶. Крестоносцы могут быть и развратниками. Одному из священников явился Бог, сказав, что он недоволен тем, как крестоносцы ведут себя в походе: «Помогая вам, я ввел вас целыми и невредимыми в город, и вот вы стали в изобилии творить грязную любовь с христианами и грязными языческими женщинами, отчего несказанный смрад поднялся в небо»²²⁷. Как пишет С. И. Лучицкая, ссылаясь на хронику Альберта Аахенского, «крестоносцы... неумеренно предавались наслаждениям с женщинами и мальчиками»²²⁸. За свои грехи крестоносцы получают соответствующие наказания: «Господь дал нам познать эту нищету и несчастье за наши грехи»²²⁹.

Кроме того, крестоносцы достаточно жестоки, например, при взятии городов. Когда был взят Иерусалим, «превзойдя язычников, наши захватили в храме весьма много мужчин и женщин, и кого хотели, оставили в живых, а кого нет – убили»²³⁰. Однако крестоносцы имеют право на это, хронисты никогда не осуждают их, ибо война для них справедлива.

Крестоносец часто может относиться к религии прагматично. Например, в начале хроники «Деяния франков» приведены некоторые отрывки из речи

²²³ Ibid. P. 178.

²²⁴ Ibid. P. 184–187.

²²⁵ Riley-Smith J. The first crusade. P. 115–116.

²²⁶ *Gesta Francorum*. P. 33.

²²⁷ Ibid. P. 58: «Ecce in auxilio oportuno, misi vos sanos et incolumes in civitatem, et ecce multam pravamque dilectionem operantes cum Christianis et pravis paganis mulieribus, unde immensus foetor ascendit in caelum».

²²⁸ Лучицкая С. И. Быт, нравы и сексуальная жизнь крестоносцев // Женщина, брак, семья до начала нового времени. М., 1993. С. 66.

²²⁹ *Histoire anonyme*. P. 34: «Hanc paupertatem et miseriam pro nostris delictis concessit nos habere Deus».

²³⁰ *Gesta Francorum*. P. 91: «Tandem superatis paganis, apprehenderunt nostri masculos et feminas sat in templo, et occiderunt quos voluerunt, et quos voluerunt retinuerunt vivos».

папы на Клермонском соборе, в которых говорится о воздаянии. Папа, делая намек на соответствующий отрывок в Библии²³¹, говорит следующее: «И последует вам обширное воздаяние»²³². Он произносил тогда речь, чтобы привлечь население в поход, а хронист, как мы предположили, был участником этого похода. Был ли хронист на соборе или нет, неизвестно, однако он указал то, что, вероятно, запомнилось ему или тому, кто рассказал ему об этом. Таким образом, из всей речи, помимо еще нескольких высказываний, очевидцу запомнилась цитата о воздаянии, а значит, для него она показалась важной. Кроме того, можно упомянуть один из эпизодов третьей книги хроники (дискуссии в войске крестоносцев): «Будьте всячески единодушны в вере Христовой и победе святого Креста, поскольку, если Богу угодно, сегодня же станете богатыми»²³³. Эта фраза также говорит о прагматичном отношении крестоносца к религии. Крестоносцы имеют весь спектр земных качеств, но являются исполнителями священной миссии, что повышает их статус.

Однако идея о воздаянии погибшим на войне была ненова. Уже до похода участникам войн предоставлялось отпущение грехов²³⁴. Например, папа Александр II говорил об этом, призывая воинов идти в Испанию: «Что касается нас, то с позволения святых апостолов Петра и Павла, мы освобождаем их от этого покаяния и предоставляем им отпущение грехов»²³⁵.

Таким образом, воин-крестоносец шел не на обычную войну, а в паломничество, которое являлось исполнением божественной воли и поэтому поддерживалось Богом. Воин, погибший в результате этого похода, считался мучеником, а его враги дьяволизировались. Фактически мы имеем дело с трансляцией идеи «избранного народа». Если в свое время таковым были евреи, то отныне им стали крестоносцы.

²³¹ Мф. 15, 12; Колосс. 3, 24.

²³² *Gesta Francorum*. P. 2: «Persequetur vos larga retributio».

²³³ *Ibid.* P. 19–20: «Estote omnimodo unanimes in fide Christi et Sanctae Crucis victoria, quia hodie omnes divites si Deo placet effecti eritis».

²³⁴ *Flori J. La guerre sainte*. P. 325.

²³⁵ *Ibid.* P. 281.

Библиография

Издания хроники «Деяния франков»

Деяния франков и прочих иерусалимцев. Кн. 1–2 / Пер. с лат. и коммент. В. Л. Портных // Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. Второй межрегион. конф. Новосибирск, 2005. С. 55–63.

Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. М., 1977 (фрагменты).

Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum / Ed. Beatrice A. Lees. Oxford, 1924 (латинский текст).

Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum / Ed. H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1890 (латинский текст).

Chronique anonyme de la première croisade / trad. du latin par Aude Matignon. P., 1998.

The Deeds of the Franks and other Jerusalemites / Ed. De Chair S. L., 1945.

La gesta dei franchi e degli altri pellegrini gerosolimitani / A cura di L. Russo. Alessandria, 2003.

Gesta Dei per Francos / Ed. J. Bongars. Hannoveriae, 1611.

Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum seu Tudebodis abbreviatus // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. P., 1866. Т. 3. P. 119–163.

Recueil des historiens des croisades – крупнейший сборник источников по истории крестовых походов – находится в открытом доступе на сайте Национальной библиотеки Франции <http://gallica.bnf.fr/>

Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem / Ed. R. Hill. L., 1962.

Histoire anonyme de la première croisade / Ed. L. Bréhier. P., 1924.

Krey A. C. The First Crusade. Princeton, 1921 (фрагменты).

Исследования

Пиков Г. Г., Портных В. Л. Религиозное обоснование идеи крестового похода в хронике «Деяния франков» (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. Второй межрегион. конференции. Новосибирск, 2005. С. 45–54.

Портных В. Л. «Деяния франков» и Петр Тудебод: проитальянская направленность двух хроник // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. матер. II регион. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 38–45.

Портных В. Л. Крестоносцы глазами современника (на материале *Gesta Francorum*) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. Третьей межрегион. конф. Новосибирск, 2006.

Портных В. Л. Некоторые аспекты взаимоотношений византийцев и крестоносцев (по хронике «Деяния франков» // Вестн. НГУ. Серия: история, филология. 2008. Т. 7, вып. 1: История. Новосибирск, 2008.

Albu E. The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. Woodbridge, 2001.

Albu E. Probing the Passions of a Norman on Crusade: The *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum* // Proceedings of the Battle Conference on Anglo-Norman Studies 27 (2005). Woodbridge, 2005.

Beer J. Heroic Language and the Eyewitness: the *Gesta Francorum* and *La Chanson d'Antioche* // Echoes of the Epic. Studies in Honor of Gerard J. Brault. Birmingham, 1998.

Carrier M. Pour en finir avec les *Gesta Francorum*: une réflexion historiographique sur l'état des rapports entre Grecs et Latins au début du XIIe siècle et sur l'apport nouveau d'Albert d'Aix // *Crusades*. 2008. № 7.

Flori J. De l'Anonyme normand à Tudebode et aux *Gesta Francorum*. L'impact de la propagande de Bohémond sur la critique textuelle des sources de la première croisade // *Revue d'histoire ecclésiastique*. 2007. Vol. 102. № 3.

Flori J. Quelques aspects de la propagande anti-byzantine dans les sources occidentales de la première croisade // *Chemins d'Outre-Mer. Etudes d'histoire sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard*. P., 2004.

France J. The Anonymous *Gesta Francorum* and the *Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem* of Raymond of Aguilers and the *Historia de Hierosolymitano itinere* of Peter Tudebode: an analysis of the textual relationship between primary sources for the first crusade // *The Crusades and their sources* / Ed. J. France, W.G. Zajac, Aldershot, Brookfield, 1998.

France J. The Use of the Anonymous *Gesta Francorum* in the Early Twelfth-Century Sources for the First Crusade // *From Clermont to Jerusalem. The Crusades and the Crusader Societies 1095-1500*. Turnhout, Brepols, 1998.

Hill R. Crusading Warfare: A Camp-follower's view 1097-1120 // *Proceedings of the Battle Conference on Anglo-Norman Studies*. 1978. № 1.

Jamison E. Some notes on the Anonymi *Gesta Francorum* with special reference to the norman contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade // *Studies in french language and medieval literature*. Manchester, 1939.

Harari Y. N. Eyewitnessing in accounts of the first crusade: the *Gesta Francorum* and other contemporary narratives // *Crusades*. 2004. Vol. 3.

Krey A. A. A neglected passage in the *Gesta* // *The Crusades and the other historical studies presented to D.C. Munro by his former students* / Ed. P. J. Paetow. N.Y., 1928.

Morris C. The *Gesta Francorum* as Narrative History // Reading Medieval Studies. 1993. № 19.

Oehler H. Studien zu „Gesta Francorum“ // Mittellateinisches Jahrbuch. 1970. № 6.

Skoulatos B. L'auteur anonyme des Gesta et le monde byzantin // Byzantion. 1980. № 50.

Sybel H. von. Geschichte des Ersten Kreuzzugs. Düsseldorf, 1841.

Thurot Ch. Études critiques sur les historiens de la première croisade // Revue historique. 1976. №1.

Witzel H.-J. Le problème de l'auteur des Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum // Le Moyen Age. Revue d'histoire et de philologie. T. LXI. № 3–4. Bruxelles, 1955.

Wolf K. B. Crusade and narrative: Bohemond and the Gesta Francorum // Journal of medieval history. Amsterdam, 1991. Vol. 17. № 3.

Подробная библиография первого крестового похода

Murray A. V. Bibliography of the First Crusade // From Clermont to Jerusalem. The Crusades and Crusader Societies, 1095–1500. Selected Proceedings of the International Medieval Congress. University of Leeds, 10-13 July 1995. Turnhout, Brepols, 1998. P. 267–310.

Важнейшие справочные издания по крестовым походам

Riley-Smith J. The Atlas of the Crusades. N.Y., Oxford, 1990.

The Crusades. An Encyclopedia / Ed. A. V. Murray. Santa Barbara, Denver, Oxford, 2006 (в 4 томах).

Prier et combattre. Dictionnaire européen des ordres militaires au Moyen Age / dirigé par N. Bériou et P. Josserand, préface A. Luttrell, introd. A. Demurger. P., 2009.

Некоторые общие работы по крестовым походам на иностранных языках

Angold M. The Fourth Crusade. Harlow, 2003.

Alphadery P. La chrétienté et l'idée de la croisade. 2 vol. P., 1954–1959 (переиздание 1995 в одном томе).

Boas A. Crusader Archaeology. The Material Culture of the Latin East. L., 1999.

Cardini F. Studi sulla storia e sull'idea della crociata. Roma, 1993.

Cole P. J. The Preaching of the Crusades to the Holy Land, 1095–1270. Cambridge, Massachusetts, 1991.

Dickson G. The Children's Crusade. Medieval History, Modern Mythistory. Basingstoke, 2008.

Erdmann C. The Origin of the Idea of Crusade. Princeton, 1997.

Flori J. La guerre sainte. La formation de l'idée de croisade dans l'Occident chrétien. P., 2001.

France J. Victory in the East. A Military History of the First Crusade. Cambridge, 1994.

Gabrielli F. Storici arabi delle crociate. Torino, 1957 (переиздание 2002 г.).

Harris J. Byzantium and the Crusades. L., N.Y., 2006.

Kedar B. Crusade and Mission. European Approaches towards the Muslims. Princeton, 1988.

A History of the Crusades / Ed. by K. M. Setton. Vol. 1–4. Philadelphia; Madison, 1955–1977 (в открытом доступе на сайте: <http://digicoll.library.wisc.edu/History/subcollections/HistCrusadesAbout.html>).

The Oxford History of the Crusades / Ed. by J. Riley-Smith. Oxford, 2002.

Phillips J. The Second Crusade. Extending the Frontiers of Christendom. New Haven; L., 2007.

Prawer J. Histoire du royaume latin de Jérusalem. P., 1969–1970. Vol. 1–2. (переиздание 2007 г. в одном томе).

Riley-Smith J. The First Crusade and the Idea of Crusading. Philadelphia, 1991.

Riley-Smith J. What were the crusades. L., 1977.

Queller D. E. The Fourth Crusade. The conquest of Constantinople 1201–1204. Leicester, 1978.

Runciman S. A History of the Crusades (много изданий на разных языках).

Siberry E. Criticism of Crusading, 1095–1274. Oxford, 1985.

Tyerman C. The Invention of the Crusades. L., 1998.

Источники и литература по истории крестовых походов и рыцарских орденов, изданная на русском языке

Источники

Виллардуэн Ж. де. Завоевание Константинополя / Пер. М. А. Заборова. М., 1993.

Горелов Н. С. Царствие небесное. Легенды крестоносцев XII–XIV вв. СПб., 2006.

Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. Г. Ф. Цыбулько. СПб., 2007.

Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. М., 1977.

Клари Р. де. Завоевание Константинополя / Пер. М. А. Заборова. М., 1986.

Комнина А. Алексиада / Пер. А. Я. Любарского. М., 1965.

Латвийский Г. Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинского. М., 1938.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Петр из Дугсбурга, Хроника земли прусской / Пер. В. И. Матузовой. М., 1997.

Литература

Бокман Х. Немецкий орден. М., 2004.

Бордонов Ж. Повседневная жизнь тамплиеров в XIII в. М., 2004.

Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. СПб., 2003.

Демюрже А. Жак де Моле. Великий магистр ордена тамплиеров. М., 2009.

Демюрже А. Рыцари Христа. М., 2008.

Заборов М. А. Папство и крестовые походы. М., 1960.

Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов. Латинская хронография XI–XIII вв. М., 1966.

Заборов М. А. Историография крестовых походов. Литература XV–XIX вв. М., 1971.

Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.

Захаров В. А. Мальтийский орден. М., 2003.

Карпов С. П. Латинская Романия. М., 2000.

Люшер А. Иннокентий III и альбигойский крестовый поход. СПб., 2003.

Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

Машке Э. Немецкий орден. СПб., 2003.

Мельвиль М. История ордена тамплиеров. СПб., 2003.

Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002.

Урбан В. Тевтонский орден. М., 2007.

Флори Ж. Идеология меча. СПб., 1999.

Флори Ж. Ричард Львиное Сердце. Король – рыцарь. СПб., 2008.

Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб., 2008.

«ДЕЯНИЯ ФРАНКОВ И ПРОЧИХ ИЕРУСАЛИМЦЕВ»

Перевод на русский язык и комментарий

Книга первая

1. И вот уже приблизился тот час, на который господь Иисус ежедневно указывает верующим в него, а именно говоря в Евангелии: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись от себя и возьми крест свой, и следуй за мной»¹. Тогда случилось сильное движение по всем областям Галлии, словно бы возжелал кто-то последовать Богу с ревностью и чистым умом и сердцем, а затем даже взвалить на себя сам крест и, не медля, принять с верностью путь к Святому Гробу. Римский апостольский престол скорее отправился в путь по ту сторону горных областей² со своими архиепископами, епископами, аббатами и пресвитерами. И начал с обстоятельностью проповедовать и предписывать, говоря, что если кто пожелает спасти свою душу непорочной, то пусть не усомнится смиренно последовать путем Господа. А если же у кого скуден запас денариев, то божественное милосердие даст достаточно. Владыка апостольский говорил³: «Братья, вам следует претерпеть во имя Христа много несчастий, бедности, лишений, гонений, скудости, болезней, голода, жажды и многого другого, ибо Бог сказал своим ученикам: “Следует вам много претерпеть за имя мое”⁴, “Не стыдитесь говорить перед лицом

¹ Мф. 16:24 (цитата верна). В латинском варианте: «Si quis vult post me venire, abneget semetipsum et tollat crucem suam et sequatur me». Ср. также Мк. 8:34: «et convocata turba cum discipulis suis dixit eis si quis vult post me sequi deneget se ipsum et tollat crucem suam et sequatur me» и Лк. 9:23 «si quis vult post me venire abneget se ipsum et tollat crucem suam cotidie et sequatur me». По мнению Брейе, библейские цитаты являются более поздней вставкой клирика (*Histoire anonyme de la première croisade* / Ed. L. Bréhier. P., 1924. P. VI).

² Вероятно, имеется в виду, что папа перешел через Альпы. Указывают на то, что автор хроники жил по другую сторону Альп.

³ Здесь имеется в виду путешествие Урбана II во Францию и Клермонский собор в ноябре 1095 г., по окончании которого папа Урбан II (1088–1099) произнес речь – призыв к крестовому походу. Речь в более развернутом варианте сохранилась в «Иерусалимских историях» Фульхерия Шартрского, Роберта Реймского и Бальдерика Дольского, «Деяниях Бога через франков» Гвиберта Ножанского. Кроме того, сохранился ряд более поздних версий. Сравнительный анализ см.: *Munro D. C. The speech of Urban II at Clermont, 1095 // American Historical Review. 1905. Vol. 11. № 2.*

⁴ Ср.: Деян. 9:16: «И я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя мое». В латинском варианте: (хроника) «oportet vos pati multa pro nomine meo»; (вульгата) «Ego enim ostendam illi quanta oporteat eum pro nomine meo pati».

людским; я дам вам уста и красноречие”⁵ и, наконец, “И последует вам обширное воздаяние”⁶. Постепенно эта речь стала распространяться по всем галльским землям и отечествам. Бесстрашные франки немедленно стали шить крест на правом плече, говоря, что единодушно последуют по следам Христа, рукой которого они были спасены от тартара. И вот уже галлы выступили из своих владений.

2. В конце концов, галлы разделились на три части. Часть франков вступила на землю Венгрии, а именно Петр Пустынник⁷, герцог Готфруа⁸ и его брат Балдуин⁹, а также Балдуин, граф Монса¹⁰. Эти превосходнейшие воины¹¹ и многие другие, кого я не знаю, пошли тем путем, который

⁵ Ср.: Второе послание к Тимофею 1:8: «Итак не стыдитесь свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника его...»; От Луки 21:15: «Я дам вам уста и мудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все, противящиеся вам». Латинский вариант: (хроника) «Nolite erubescere loqui ante facies hominum; ego vero dabo vobis os et eloquium»; (вульгата) «Noli itaque erubescere testimonium Domini nostri neque me vincitum ejus...»; «Ego enim dabo vobis os et sapientiam cui non poterunt resistere et contradicere omnes adversarii vestri».

⁶ Ср.: Мф. 5:12: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...». Латинский вариант: (хроника) «Persequetur vos larga retributio»; (вульгата) «Gaudete et exultate quoniam merces vestra copiosa est in caelis». Р. Хилл считает, что при полном несопадении слов смысл наиболее приближен к фразе в хронике в этом случае. См.: *Gesta Francorum et aliorum Hierosolyminatorum The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem* / Ed. R. Hill. L., 1962. P. 2. Брейе также сравнивает эту цитату с Кол. 3:24: «scientes quod a Domino accipietis retributionem hereditatis Domino Christo servite». В синодальном переводе: «зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу». См.: *Histoire anonyme de la première croisade* / Ed. L. Bréhier. P., 1924. P. 3.

⁷ Петр Пустынник – пикардиец, фанатично проповедовавший крестовый поход среди народа. Один из предводителей похода бедноты, о котором идет речь. Отряд насчитывал около 14 тыс. человек (*Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 48*).

⁸ Готфрид IV Бульонский – с 1087 г. герцог Нижней Лотарингии. Отправился на Восток со своим ополчением в августе 1096 г. Впоследствии первый светский глава Иерусалимского королевства (1099–1100). Автор хроники разделяет крестоносцев на три группы, в зависимости от маршрута движения. Однако нужно отметить, что «поход бедноты» начался значительно раньше, чем двинулись войска Готфрида Бульонского (*Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. С. 53*).

⁹ Брат Готфрида Бульонского. Впоследствии в ходе похода станет графом Эдессы. В 1100–1118 гг. монарх Иерусалимского королевства.

¹⁰ Монс (Mons). Находится в нынешней бельгийской провинции Эно.

¹¹ В латинском варианте milites. Данный термин в то время обозначал преимущественно рыцаря. В хронике milites отделяются от pedites, что делает их конными воинами. Фульхерий Шартрский в своей хронике пишет: «Milites nostri erant quingenti, exseptis illis qui militari nomine censebantur, tamen equitantes» (Рыцарей

чудодейственный король Франции Карл Великий¹² приказал некогда проторить вплоть до Константинополя.

Вышеупомянутый Петр первым пришел в Константинополь 1 августа, и с ним многочисленный народ аламаннов¹³. Там нашел он ломбардцев и лангобардов¹⁴, а также многих других, собранных в одном месте. Император¹⁵ тогда приказал выдавать им провизию, сколько ее было в городе, и сказал им: «Не переходите Геллеспонт (Brachium)¹⁶, пока не соберется вся христианская доблесть, ибо вас не так много, чтобы вы были способны сражаться с турками». А сами христиане вели себя негодным образом: они разрушали и сжигали дворцы в городах, а также уносили свинец, которым были покрыты церкви, и продавали его грекам. Из-за этого император прогневался и приказал им переходить Геллеспонт. После того, как они переправились, они не переставали вершить всяческие злодеяния,

наших было 500, не считая тех, которые, не будучи, однако, рыцарями, сражались верхом) (*Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Leiden, 1976. P. 677*). Этот пример показывает, что miles мог быть не всякий конный воин. Однако, как пишет Г. Дельбрюк, термин miles никогда не стал технически точным термином. В XII в. им обозначались все конные бойцы, и лишь со временем это слово начинает обозначать собственно рыцаря (*Дельбрюк Г. Рыцарство. История военного искусства // Рыцарские ордена. С крестом и мечом. М., 2004. С. 183–184*). В нашей хронике упоминается например, «fortissimus miles Raimundus comes de Sancto Egidio» (гл. 9). Он граф, а не рыцарь, а, тем не менее, назван рыцарем. Важнейшее указание на то, что miles – это «конный воин», – противопоставления в тексте milites et pedites (воинов и пеших) и установление прямой зависимости статуса miles от наличия лошади (гл. 10): потому многие из наших воинов остались пешими (eo quod multi ex nostris militibus remanserunt pedites). В нашей версии перевода под всяким «воином» подразумевается «miles».

¹² Правитель государства франков в 768–814 гг. В 800 г. основал Франкскую империю.

¹³ Аллемания – в эпоху крестовых походов термин, часто используемый для обозначения всей Германии. См.: *Райт Дж. К. Географические представления эпохи крестовых походов. М., 1988. С. 288*.

¹⁴ Территории современной Северной и Южной Италии. Лангобарды – германское племя, создавшее в 568 г. государство в Северной Италии со столицей в Павии. В 774 г. завоеваны Карлом Великим. Совершали походы и в Южную Италию, присоединив значительные территории. Название области Ломбардия имеет лангобардское происхождение. Во время первого крестового похода Ломбардия находилась под властью Священной Римской империи. Большая часть южных лангобардских территорий находилась под властью норманнов.

¹⁵ Имеется в виду Алексей I, император Византии в 1081–1118 гг. Непримирымый враг Боэмунда в силу предшествовавших войн.

¹⁶ Рукав св. Георгия (Brachium st. Georgii) – средневековое название Босфора (на берегу пролива стоял храм св. Георгия). См.: *Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. М., 1977. С. 49*.

сжигая и уничтожая дома и церкви. Наконец, прибыли они в Никомедию, где ломбардцы, лангобарды и германцы отделились от франков, поскольку франки были высокомерны. Ломбардцы и лангобарды избрали себе предводителя по имени Райнольд, то же сделали и аламанны. Вошли они в Романию¹⁷, и в течение четырех дней шли, и за Никеей нашли какую-то крепость, имя которой Ксеригорд¹⁸, и которая была безлюдна. Они захватили эту крепость, где обнаружили достаточно хлеба, вина, мяса и обилие всех благ. Турки, услышав, что христиане находятся в крепости, пришли ее осаждать. У ворот крепости был колодец, и у подножия крепости природный источник, поблизости которого вышел Райнольд сделать вылазку против турок. Турки, появившись в праздник Св. Михаила, нашли Райнольда и тех, кто с ним был и убили многих из них. Другие убежали в крепость. Ее немедленно осадили турки и лишили воды тех, кто там был. И были наши в таком унынье от жажды, что пускали кровь своим лошадям и ослам и пили. Другие бросали пояса и также тряпье в цистерны с тем, чтобы потом выдавливать из них воду в свои уста. Третьи мочились в горсть одному и пили. Четвертые копали сырую землю, ложились и расстилали ее по своей груди от чрезвычайной засухи и жажды. Епископы и пресвитеры ободряли наших и увещевали их не отчаиваться. Это мучение длилось восемь дней. Наконец, властелин аламаннов договорился с турками, что предаст своих товарищей, и, делая вид, что идет на бой, сбежал к туркам и многие вместе с ним. Но не пожелавшие отречься от Бога, были приговорены к смерти. Тех, кого схватили живыми, они разделили на части, словно овец. Одних ставили наподобие изваяний и стреляли в них из лука. Остальных распродавали и раздаривали, как скот. Одни уводили их к себе домой в Хорасан¹⁹, другие в Антиохию, третьи в Алеппо или еще куда-нибудь, где они жили. Эти первыми тогда восприняли тогда счастливое мученичество во имя Господа Иисуса.

¹⁷ Ромеи – самоназвание византийцев. Романия – производное от этого название малоазийских областей Византии. Указывает на преемственность по отношению к Римской империи. Здесь же, судя по контексту, имеется в виду Румский султанат – бывшие территории Византии, незадолго до похода завоеванные турками.

¹⁸ Точное местонахождение крепости неизвестно. Автор хроники считает, что она расположена в четырех днях пути от Никеи.

¹⁹ Хорасан – историческая область на северо-востоке Ирана. Согласно Брейе, Хорасан был центром турецкой мощи, однако латинские и армянские хронисты подразумевали под этим термином также Азербайджан, Армению, Месопотамию. У Альберта Аахенского Багдад фигурирует как столица Хорасана (*Histoire anonyme*. P. 10).

Турки, заслышав, что Петр Пустынный и Готье Неимуший²⁰ находятся в Кивоте, городе выше Nikei²¹, прибыли туда в большой радости для того, чтобы уничтожить их и тех, кто был с ними. Придя туда, они обнаружили Готье со своими людьми, которых турки сразу перебили. Петр Пустынный незадолго до этого отправился в Константинополь по той причине, что был не в состоянии сдерживать этот пестрый народ, не желающий слушать ни Петра, ни его слов. Меж тем турки, устремившиеся на них, убили многих из них. Одних нашли спящими, других голыми, и убили всех. Один священник принял мученичество над алтарем во время совершения мессы. Те, кто смог уйти, бежали в Кивот. Одни бросились в море, другие скрылись в лесах и горах. Турки, загоняя их в крепость, собрали поленья с тем, чтобы сжечь их всех вместе с крепостью. Тогда христиане, бывшие в крепости, пустили огонь на собранные поленья так, что огонь, обратясь на турок, сжег некоторых из них, но от того пламени Бог наших тогда освободил. В конце концов, турки захватили христиан живыми и разделили их на части, как прежде сделали с другими, рассеяв по всем тем областям. Одних отослали в Хорасан, других в Персию. Все это случилось в октябре месяце. Император, услышав, что турки так рассеяли наших, очень сильно обрадовался и, отдав приказ, сделал так, чтобы оставшиеся наши переходили Геллеспонт. После того, как они уже были по ту сторону, он разоружил их²².

3. Вторая часть воинства вступила в земли Склавинии²³, а именно Раймунд Сен-Жильский²⁴ и епископ Пюи²⁵. Третья отправилась по древней римской

²⁰ Вероятно, это тот Готье Неимуший, о котором пишет М. А. Заборов (*Заборов М. А. Крестonosцы на Востоке. С. 48*). Он был во главе отряда северофранцузских крестьян (сам являлся рыцарем), насчитывавших около 15 тыс. человек.

²¹ Кивот находился в Никомедийском заливе и был снабжен крепостью, построенной Алексеем Комнином для обороны от турок (*Histoire anonyme. P. 10*).

²² *Comraque* также может быть переведено как «собирать, приготавливать, снаряжать».

²³ Склавиния – вероятно, Славония = Далмация. Термин обозначал земли сербов и хорватов (*Histoire anonyme. P. 13*).

²⁴ Раймунд Сен-Жильский, он же Раймунд IV Тулузский. Предводитель крестonosного воинства из Южной Франции. Выступил в поход в октябре 1096 г.

²⁵ Адемар де Пюи – папский легат, шедший в походе вместе с Раймундом Тулузским. Воинственный епископ, участвующий в походе, не редкость для средневекового времени. Многие высшие церковные иерархи носили вместе с тем феодальные титулы графов и баронов. Епископ Бовэ, Филипп де Дрё (ок. 1153 – 1217), внук Людовика VI, отличился в войнах с сарацинами в Палестине и в альбигойских походах, участник войн с англичанами (*Рыцарские ордена: с крестом и мечом. М., 2004. С. 79*). Видимо, это было не столь характерно для восточного христианства, так как Анна Комнина была этим очень шокирована (*Комнина А. Алексиада. М., 1965. С. 282*).

дороге²⁶. Здесь были Боэмунд²⁷, Ричард Принципат²⁸, Роберт Фландрский²⁹, Роберт Норманнский³⁰, Гуго Великий³¹, Еврард из Пвизэ³², Ачард Монмерльский³³, Извард де Музона³⁴ и многие другие. Затем они прибыли в порты Бриндизи, Бари и Отранто. И вот Гуго Великий и Гийом, сын Маркиза³⁵, вышли в море из порта Бари и, переправившись, прибыли в Диррахий³⁶. Правитель той местности, услышав, что здесь заняты превосходнейшие мужи, предавшись в сердце своим злым помыслам, схватил их и приказал незаметно доставить к императору, чтобы они ему присягнули.

Наконец, герцог Готфруа первым из всех сеньоров пришел с большим войском в Константинополь двумя днями ранее Рождества и остановился за городом, пока недоброжелательный император не приказал им расположиться вне городских стен. Расположившись, герцог каждый день осторожно рассылал своих оруженосцев, чтобы доставить солому и другое необходимое для лошадей. И хотя они считали, что могут с уверенностью выходить, куда хотят, недоброжелательный император Алексей приказал туркополам и печенегам³⁷ нападать на них и убивать. Балдуин, брат герцога, услышав об этом, тайно сделал вылазку и наконец нашел их, когда они убивали его народ. С крепкой душой Балдуин устремился на них и превзошел их с Божьей помощью. Захватив шестьдесят из них, он часть убил, а часть распорядился отвести к брату. Когда об этом услышал император, он очень прогневался. Герцог же, видя, что император разгневан, вышел со своими из предместья и остановился за городом. Вечером несчастный император вновь приказал своим войскам напасть на герцога и народ Христа. Гоня их,

²⁶ Эгнациева дорога (из Диррахия в Константинополь). (*Gesta Francorum*. P. 5).

²⁷ Сын Роберта Гвискара от его первой жены (*Ibid.* P. 5).

²⁸ Двоюродный брат Боэмунда, граф Салерно (*Ibid.*).

²⁹ Роберт II, граф Фландрии с 1093 г. (*Histoire anonyme*. P. 13).

³⁰ Старший сын Вильгельма Завоевателя (*Ibid.*). Граф нормандский с 1087 г.

³¹ Вероятно, Гуго Вермандуа, стоявший во главе небольшого отряда из Франции. Младший брат французского короля Филиппа I, владевший крохотным графством. Эпитет «magnus», вероятно, искажение «mainsné» или «moins-né», т. е. «младший» (*Histoire anonyme*. P. 14).

³² Пвизэ (Puiset). Департамент Эр и Луар, регион Центр, Франция.

³³ Монмерль (Montmerle). Департамент Эн, регион Рона-Альпы, Франция.

³⁴ Музон (Mouzon). Департамент Арденны, регион Шампань-Арденны, Франция.

³⁵ Племянник Боэмунда (*Gesta Francorum*. P. 5).

³⁶ Порт Драч (античный Диррахий), откуда начиналась сухопутная дорога, проложенная еще в римскую эпоху и ведущая в Константинополь (так называемая Эгнациева дорога) (*Жоффрау де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер. и коммент. М. А. Заборова. М., 1993. С. 249*).

³⁷ Латинские обозначения здесь являются производными от греческих: Τουρκόπουλοι и Πατζινάχοι. Речь идет о турецких и печенежских наемниках (*Histoire anonyme*. P. 16).

непобедимый герцог и Христово войско семерых из них убили, а других непрерывно преследовали до ворот города. Вернувшись в свой лагерь, герцог оставался там пять дней, пока не заключил договор с императором. И сказал ему император, чтобы он перешел рукав св. Георгия (Геллеспонт)³⁸, разрешив ему взять вместе с тем столько продовольствия, сколько есть в Константинополе, а бедным испрашивать себе в виде милостыни необходимое для жизни.

4. А сильный в бою Боэмунд, который был занят осадой Амальфи, услышав, что пришел бесчисленный народ христианский, состоящий из франков, и что идет он ко Гробу Господню, и подготовлен к сражению с языческим народом³⁹, начал усердно допытываться, что за оружие у этого (христианского) народа, что за символ Христа они несут с собой в пути и каков их клич в бою⁴⁰. О том ему через строй говорили: «Несут они оружие, для войны подходящее, и на правом плече или между плечами несут на себе крест Христа. Единодушен их клич: "Бог хочет, Бог хочет, Бог хочет!"». После этого, движимый Святым Духом, Боэмунд приказал изрезать драгоценное покрывало, которое имел при себе, так, что все оно тотчас пошло на кресты. Вокруг него сразу собралась большая часть воинов, которые вели осаду, так что граф Роджер⁴¹ остался чуть ли не один и, вернувшись в Сицилию, и там сетовал и горевал, поскольку он лишился народа своего. Затем, вновь возвратившись в свою землю⁴², господин Боэмунд тщательно подготовился к тому, чтобы отправиться в путь к Святому Гробу. Наконец, он переправился через море со своим войском, и с ним Танкред, сын Маркиза⁴³, Ричард Принципат⁴⁴, Райнульф, брат его, Роберт из Ансы⁴⁵, Герман Каннский, Роберт из Сурдевала⁴⁶, Роберт сын Гостана, Хунфред, сын Рауля, Ричард сын графа Райнульфа, и граф де Риссиньоль со своими братьями, а также Буэлло Шартрский, Альберд из

³⁸ Император не хотел допустить скопления крестоносцев возле Константинополя (*Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. С. 62*).

³⁹ Слово «*paganus*» первоначально означало «сельский», т. е. то, что находится вне города = *civitas*. Со временем приобрело оттенок обозначения того, что находится за пределами *civitas Dei*. См.: *Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 51*.

⁴⁰ Дело в том, что франкские войска отправились на Восток гораздо раньше – в августе 1096 г., притом что войска Боэмунда выступили в поход в октябре 1096 г.

⁴¹ Младший брат Роберта Гвискара (*Gesta Francorum. P. 7*).

⁴² Таранто, на Юге Италии.

⁴³ Племянник Боэмунда, брат Гийома (*Ibid.*).

⁴⁴ В латинском тексте *Richardus princeps*. По данным Р. Хилл и Л. Брейе, речь идет о Ричарде Принципате (*Gesta Francorum. P. 7; Histoire anonyme. P. 21*).

⁴⁵ Анса (Anse). Департамент Рона, регион Рона-Альпы, Франция.

⁴⁶ Сурдеваль (Sourdeval). Департамент Манш, регион Нижняя Нормандия, Франция.

Каньяно и Хунфред из Чесоточной горы. Все они перешли к Бозмунду на службу и направились по Болгарии⁴⁷ каждый своим путем. Там они нашли исключительное изобилие хлеба, вина и другой пищи. Далее, спускаясь в долину Адрианополя⁴⁸, они подождали, пока весь их народ в равной мере не спустится сюда. Здесь Бозмунд держал совет со своим народом, ободряя и увещевая быть добрыми и смиренными. И пусть они не разграбляют эту страну, ибо это страна христиан, и пусть никто не берет больше того, что будет ему достаточно для еды.

Затем, отправившись оттуда, они шли среди всяческого изобилия от одного поместья к другому, от одного города к другому, от одного замка к другому, до тех пор, пока не мы достигли Кастории. Здесь мы торжественно отпраздновали Рождество. Мы пробыли там много дней в поисках продовольствия. Но жители сами не хотели посочувствовать нам, потому что очень боялись нас, считая, что мы не паломники, а хотим опустошать их землю и убивать их. Вследствие этого мы брали силой быков, лошадей, ослов и все, что еще находили. Выйдя из Кастории⁴⁹, мы вступили в Пелагонию, где была какая-то крепость еретиков. Мы напали на нее со всех сторон, и она покорилась нашей власти. Тогда мы зажгли огонь и сожгли крепость вместе с ее обитателями. После этого мы достигли реки Вардар. Затем господин Бозмунд выступил дальше со своим народом, но не со всем. Там остался граф де Риссиньоль со своими братьями. Подошло войско императора и напало на графа и его братьев и всех, кто были вместе с ним. Услышав об этом, Танкред вернулся назад и, бросившись в реку, вплавь достиг тех, и две тысячи человек бросились в реку вслед за Танкредом. Скоро они нашли туркополов и печенегов, сражающихся с нашими. Устремившись на них внезапно и храбро, они доблестно одержали верх. Схватили многих из них и скованных привели пред очи господина Бозмунда. Он сказал им: «Почему вы, негодные, убиваете народ Христов и мой? У меня нет никакой распри с вашим императором». Они ответили: «Мы не можем делать что-либо иное. Мы находимся в милости императора, и нам следует выполнять все, что он нам приказал». Бозмунд позволил им уйти ненаказанными. Эта битва случилась в среду, в начале поста. Благословен Господь во всем. Аминь. Заканчивается книга первая. Начинается книга вторая.

⁴⁷ Здесь, вероятно, имеется в виду Западная Македония, которая была центром Болгарии, присоединенной византийцами в 1018 г (*Histoire anonyme*. P. 21).

⁴⁸ Вряд ли это название как-то связано с городом Адрианополем, так как упомянутые далее крепость Кастория и река Вардар находятся от него очень далеко.

⁴⁹ В 1082 г. бралась Робертом Гвискарком при участии Бозмунда (*Ibid.* P. 22). В 1083 г. была отвоевана Алексеем Комнином.

Книга вторая

5. Несчастный император вместе с нашими гонцами поручил одному из своих, которого очень высоко ценил, а именно тому, которого называют дворецким (*curpalatium*)⁵⁰, с безопасностью сопровождать нас, пока мы не придем к Константинополю. И когда мы проходили через их города, он приказывал жителям земли доставлять нам продовольствие так же, как это делали те, о ком мы уже говорили. Впрочем, они настолько боялись храбрейшего народа господина Боэмунда, что никому из наших не позволяли вступать за стены городов. Тогда захотели наши напасть на одну крепость и захватить ее, поскольку она изобиловала всевозможными благами. Однако Боэмунд, муж рассудительный, не захотел согласиться с этим, с одной стороны, ради соблюдения справедливости по отношению к стране, а с другой стороны, ввиду обязательств перед императором. Поэтому Боэмунд сильно разгневался на Танкреда и всех прочих. Это случилось вечером. А когда наступило утро, вышли процессией обитатели крепости, неся в руках кресты, и пришли к Боэмунду. Он с удовольствием их принял, а потом с радостью позволил удалиться. Затем пришли мы к одному городу, который называется Серреса⁵¹. Там наши поставили шатры и получили в достатке пропитания, необходимого на те дни⁵². Тогда же Боэмунд пришел в сердечное согласие с двумя дворецкими и дружбы ради, а также ради соблюдения справедливости по отношению к стране приказал вернуть весь скот, добытый грабежом. Наконец, мы достигли города Русса⁵³. Греческий народ выходил и шел в радости на встречу с господином Боэмундом, вынося нам в изобилии продовольствие. Наши раскинули там шатры в среду Страстной недели. Боэмунд оставил здесь весь свой народ и отправился говорить с императором в Константинополь в сопровождении немногих воинов. Танкред остался во главе войска Христова и увидев, что паломники покупают еду, втайне решил, что свернет с пути и приведет этот народ туда, где он будет жить счастливо. Наконец, он вступил в какую-то долину, полную всех благ, потребных для телесного пропитания. Там со своей истовостью справили мы Пасху Христову.

⁵⁰ Искажение термина «*curpalate*». Так обозначался один из наиболее высоких чинов в имперской иерархии. Возможно, для Анонима это синоним слова «*palatin*» – любой представитель императора без каких-либо уточнений (*Histoire anonyme*. P. 24).

⁵¹ Город в Восточной Македонии.

⁵² Возможно, имеется в виду Великий Пост.

⁵³ Брейе идентифицирует этот город и указывает на его местоположение во Фракии (*Histoire anonyme*. P. 27). Р. Хилл указывает на то, что город точно идентифицировать невозможно (*Gesta Francorum*. P. 10).

6. Когда император услышал, что к нему пришел достойнейший муж Боэмунд, он приказал подобающим образом его принять и разместить вне города в безопасности. После того, как тот расположился, император послал к нему, чтобы он пришел говорить с ним с глазу на глаз. Туда же прибыл герцог Готфруа со своим братом. Затем подошел к городу и граф Сен-Жилльский. В тот час император, кипя и содрогаясь от гнева, раздумывал, каким образом ему искусно и с коварством схватить этих Христовых воинов. Но силой божеской благодати ни места, ни времени для того, чтобы навредить ни он, ни его слуги не нашли. В конце концов, все люди знатного происхождения, находившиеся в Константинополе, собрались вместе. В страхе, что лишатся отечества, они, совещаясь и строя замысловатые планы, пришли к тому, что наши графы, герцоги, а также все старшины должны честно принести императору присягу на верность. Однако наши воспротивились, сказав: «Мы определенно недостойны, и нам не кажется справедливым приносить ему присягу».

Быть может, наши предводители еще не раз будут нас обманывать. Что они будут делать в последний час? Скажут, что де ввиду необходимости волей-неволей унизили себя перед негоднейшим из императоров.

Однако же храбрейшему мужу Боэмунду, которого император очень боялся⁵⁴, поскольку тот в былое время не раз прогонял его с войском с поля боя, император сказал, что если тот с готовностью и по доброй воле принесет ему присягу, он даст ему земли у Антиохии на пятнадцать дней ходьбы в длину и на восемь в ширину. Император поклялся ему, что, если Боэмунд будет верен своему обязательству, он никогда не нарушит своего. Почему такие сильные и могущественные воины это делают? А потому, что были принуждены жестокой необходимостью.

Кроме того, император предоставил свое покровительство и защиту всем нашим и поклялся, что пройдет с нами, равно как со своим войском землей и морем. И что честно предоставит нам продовольствие на земле и на море и с тщательностью восстановит нами утраченное. Сверх того, он не позволит и не пожелает смутить или опечалить никого из наших на их пути к Святому Гробу.

Граф Сен-Жилльский был размещен вне города в предместье, а люди его остались позади. Император предложил графу дать ему оммаж и торжественное обязательство, как это сделали другие. Пока же император предлагал, граф обдумывал, какому наказанию можно подвергнуть императорское войско. Но герцог Готфруа и Ротберт, граф Фландрский и другие вожди заявили ему, что несправедливо будет воевать против христиан. Муж мудрый Боэмунд также заявил, что если кто-либо причинит

⁵⁴ Имеется в виду предшествовавшее участие Боэмунда Тарентского в войнах против Византии. В 1081–1085 гг. участвовал в походах своего отца Роберта Гвискара.

императору несправедливость и воспротивится дать ему торжественное обязательство, он сам станет на сторону императора. Граф, последовав совету своих, поклялся Алексею жизнью и честью, что не будет сам и не даст другим посягать на него. А когда он был призван к оммажу, он поклялся, что не совершит такого, даже если жизнь его будет в опасности. В то время народ Боэмунда подходил к Константинополю.

7. Танкред и Ричард Принципат, дабы избежать присяги⁵⁵, данной императору, скрытно перешли Геллеспонт, и вместе с ними почти весь народ Боэмунда. А вскоре все войско графа Сен-Жилльского подошло к Константинополю. Граф остался там со своим народом. Боэмунд же остался с императором и с ним совещался, каким образом доставить продовольствие людям, которые были уже за городом Никеей. Итак, герцог Готфруа вместе с Танкредом и всеми прочими прибыл первым в Никомедию. Они пробыли там три дня. Герцог видел, что нет пути, по которому он мог бы привести этих людей к Никее. Ибо там, где ранее переправлялись другие, столь многочисленный народ не смог бы быстро переправиться. Герцог послал впереди себя три тысячи людей с секирами и мечами пройти и расчистить путь так, чтобы тот, распахнувшись, открылся бы нашим паломникам вплоть до Никей. Путь этот лежал через узкую и чрезвычайно огромную гору, и посланные герцогом люди ставили позади себя на дороге железные и деревянные кресты, прикреплявшиеся к деревьям так, чтобы и наши паломники могли узнать, куда идти. Таким образом, на четвертый день, 6 мая, мы достигли Никей, которая является столицей всей Романии, и там расположились лагерем. Пока к нам не пришел Боэмунд, у нас была такая нужда в хлебе, что одна лепешка продавалась за 20 или 30 денариев⁵⁶. Когда же прибыл рассудительный муж Боэмунд, он приказал стянуть через море как можно больше продовольствия. Оно приходило одинаково отовсюду, как с земли, так и с моря, и в Христовом воинстве настало великое изобилие.

8. В день Вознесения Господня мы двинулись на город со всех сторон и начали строить деревянные орудия, а также деревянные башни с тем, чтобы мы могли разрушать башни на стенах. Два дня мы штурмовали город с таким мужеством и непреклонностью, что уже начали делать подкоп под его стены. Турки, которые были в городе, послали вестников к остальным, кто прибыл на помощь городу. Пусть подступят к нему в спокойствии и отваге и войдут через южные ворота, поскольку, как говорили турки, с этой стороны никто не выступит против них и не воспрепятствует. Эти ворота в субботний день после Вознесения заняли граф Сен-Жилльский и епископ Пюи. Граф,

⁵⁵ Propter переводится как «из-за», и здесь это может означать «чтобы исполнить присягу» и «чтобы избежать присяги».

⁵⁶ Денежная единица. Вес – приблизительно 2,5 грамма (серебро) (*Histoire anonyme*. P. 36).

подступая со своей стороны и осененный божественным мужеством, равно блистал земным оружием со своим храбрейшим войском. Здесь он нашел турок, которые напали на нас. Защищенный отовсюду знаком креста, он решительно устремился на них и победил. Те же обратились в бегство и большая часть их была умерщвлена. Прочие вернулись с помощью других турок на помощь оставшимся, радуясь в предвкушении верной победы. С собой они везли веревки, чтобы связать ими нас и повести в Хорасан. Подступая, они начали в ликовании постепенно двигаться вниз с вершины холма. Но все они, сколько их спустилось, остались лежать с головами, отрубленными нашей рукой. Головы убитых наши с помощью пращи бросали в город с тем, чтобы еще больше утратить турок.

Затем граф Сен-Жилльский и епископ Пюи, посоветовавшись, пришли к единому мнению относительно того, каким образом они будут делать подкоп под одну из башен. Она была напротив их шатров. Были назначены люди для осуществления подкопа, а также арбалетчики и лучники для обеспечения всесторонней защиты. Подкоп довели до основания стены, подставили столбы и поленья, а затем пустили туда огонь⁵⁷. Это все было сделано вечером, а затем башня упала, но, поскольку была уже ночь, наши не могли вступить в бой с турками. Той же ночью турки спешно поднялись и восстановили стену настолько прочно, что с наступлением дня никто не мог проломить ее с этой стороны.

Вскоре прибыл граф Нормандский, а также граф Стефан⁵⁸ и многие другие и с ними Роджер Барневилль⁵⁹. Боэмунд осадил город с фронта, рядом с ним Танкред, далее герцог Готфруа, затем граф Фландрский, подле которого граф Норманнский, а с ним рядом Раймунд Сен-Жилльский и епископ Пюи. Таким образом, город был осажден с суши так, что никто не мог дерзнуть ни войти, ни выйти. Все здесь собрались воедино. Разве мог бы кто-нибудь сосчитать столь великое Христово войско? Никто, как я полагаю, не видел прежде и не увидит впоследствии такого множества опытнейших воинов.

С одной стороны к городу примыкало огромное озеро⁶⁰, по которому турки, пускаясь на кораблях, выходили из города и входили обратно, доставляя траву, дрова и многое другое. Тогда наши старшины, придя к

⁵⁷ Подкоп мог совершаться с целью проведения в город отряда солдат, который открывал ворота, или, как в данном случае, для обрушения стены. Для этого выкапывали землю из-под основания стены, затем ставили деревянные подпорки, которые затем поджигали. Стена падала под тяжестью собственного веса (Носов К. С. Осадная техника античности и средневековья. СПб., 2003. С. 138–139).

⁵⁸ Граф Стефан (Этьен) Блуазский и Шартрский. Был женат на Адели, дочери Вильгельма Завоевателя (*Gesta Francorum*. P. 15).

⁵⁹ Нынешняя коммуна Барневилль – Картерэ (Barneville-Carteret) (департамент Манш, регион Нижняя Нормандия, Франция).

⁶⁰ Асканское озеро.

единому мнению, отправили послов в Константинополь просить императора, стянуть суда к Кивоту, где имеется пристань. Далее, пусть он прикажет с помощью быков переволочь суда через горы и леса до самого озера. Это было немедленно сделано, а с ними он прислал и своих туркополов. Однако днем, когда только суда собрались, наши не захотели их тотчас спускать на озеро. С приходом ночи их спустили на само озеро, полные хорошо вооруженных туркополов. С рассветом суда уже шли в полном порядке, направляясь на город. Видя их, турки дивились, не зная, их ли это народ или императора. Когда же узнали они, что это народ императора, испугались до смерти, рыдая и сетуя. А франки радовались и славили Бога. Турки, видя, что не смогут уже получить помощь от своих войск, снарядили посольство к императору с тем, что они добровольно сдадут город, если он позволит им уйти вместе с женами, детьми и всем их имуществом. И тут император, полный пустых и недоброжелательных помыслов, приказал им уходить, ничего не боясь, и приказал также, действуя надежно, привести их к нему в Константинополь. Он с усердием пекся о них, чтобы располагать ими во вред и для противодействия франкам.

Мы осаждали этот город семь недель и три дня. Многие из наших приняли мученичество и, ликуя, с радостью предали свои счастливые души Богу. Также и из самого бедного народа многие умерли от голода во имя Христа. Торжествуя на небе, они приняли столу своего мученичества, единогласно восклицая: «Отомсти, Господи, за кровь нашу, которая за тебя пролита»⁶¹. Благословенный и достойный похвалы во веки веков. Аминь». Заканчивается книга вторая. Начинается книга третья.

Книга третья

9. Город был сдан, и турки были уведены в Константинополь, из-за чего император, весьма и весьма обрадовавшись тому, что город возвращен под его власть, приказал выплатить нашим бедным самую большую милостыню. Наконец, выйдя из города, мы в первый же день пришли к какому-то мосту и там оставались в течение двух дней. На третий день, прежде чем солнце начало всходить, наши поднялись. Но поскольку была еще ночь, видимость была не настолько хороша, чтобы держаться одного пути, и разделились на два отряда. Разделившись таким образом, они шли два дня. В одном отряде

⁶¹ *Vindica Domine sanguinem nostrum, qui pro te effuses est...* Ср.: Откр. 6:10: «*et clamabant voce magna dicentes usquequo Domine sanctus et verus non iudicas et vindicas sanguinem nostrum de his qui habitant in terra*». В синодальном переводе: «И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?».

был муж Боэмунд и Роберт Норманнский, рассудительный Танкред и многие другие. В другом – граф Сен-Жилльский, герцог Готфрид, епископ Пюи, Гуго Великий, граф Фландрский и многие другие.

На третий день турки со всей силой набросились на Боэмунда и тех, кто был с ним⁶². Турки сразу стали гудеть, свистеть⁶³ и кричать, произнося высоким голосом неизвестное мне дьявольское слово на своем языке⁶⁴. Муж мудрый Боэмунд, увидев вдали бесчисленных турков, гудящих и вопящих демонским голосом, немедленно приказал всем воинам спешиться и быстро раскинуть шатры. Прежде чем раскинуть шатры, он снова обратился ко всем воинам: «Сеньоры и сильнейшие воины Христа, вскоре тяжелая битва обступит нас со всех сторон. Итак, пусть все воины мужественно выступят навстречу туркам, а пешие же пускай благоразумно и скоро разбивают лагерь».

После этого турки уже отовсюду окружили нас, размахивая мечами, метая копыя и разя и также удивительным образом стреляя из луков во все стороны. Мы же, хотя не могли им ни противостоять, ни выдержать напора такой массы врагов, но однако же единодушно выступили туда. Женщины наши в тот день нам очень помогали, ибо они подносили воду нашим бойцам и всегда горячо ободряли тех, кто сражался и держал оборону⁶⁵. Муж мудрый Боэмунд тотчас наказал остальным, а именно графу Сен-Жилльскому, герцогу Готфриду и Гуго Великому, а также епископу Пюи и всем прочим христовым воинам поспешить и поскорее явиться на поле боя. Он говорил: «Если они хотят сегодня вступить в схватку, пусть явятся с мужеством». Герцог Готфрид, отважный и храбрый, и также Гуго Великий явились вместе вместе со своими войсками раньше других. За ними последовал и епископ Пюи со своим войском. И рядом с теми граф Сен-Жилльский с большим полком⁶⁶.

⁶² Согласно свидетельствам Анны Комниной, битва при Дорилее (*Histoire anonyme*. P. 45).

⁶³ Для хроник первого крестового похода свойственно неординарное отношение к музыкальному сопровождению войска мусульман в виде звона тамбуров и барабанного боя (*Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 216). Здесь этот момент сочетается с представлением о мусульманах как о неверных и язычниках.

⁶⁴ Вероятно, «аллах-акбар» (*Histoire anonyme*. P. 45; *Gesta Francorum*. P. 18).

⁶⁵ Многие брали с собой в поход женщин, и они сыграли значимую роль в истории крестовых походов. Образ рыцаря, оставившего жену одну в замке, скорее характерен для псевдоромантической литературы. В качестве примеров, доказывающих это, можно привести следующие факты. Балдуин взял с собой свою жену Годверу де Тони, англичанку по происхождению. Раймунд Сен-Жилльский взял с собой свою жену, испанку Эльвиру Арагонскую. Подробнее см.: *Перну Р.* Крестоносцы. СПб., 2001. С. 91–107.

⁶⁶ Дословно «с большим народом».

Наши очень удивлялись, откуда поднялось такое множество турок, арабов, сарацин⁶⁷ и прочих, перечесть которых невозможно, ибо почти все горы, холмы, долины и все равнины изнутри и снаружи повсюду покрывало это отлученное поколение⁶⁸. Между нами шла тайная беседа, и мы, восхваляя Бога и обсуждая, говорили: «Будьте всячески единомысленны в вере Христовой и победе Св. Креста, поскольку, если Богу угодно, сегодня же станете богатыми».

Сразу же наши выстроились в боевом порядке. На левом фланге был муж разумный Боэмунд, Роберт Норманнский, и рассудительный Танкред, а также Роберт из Ансы и Ричард Принципат. Епископ Пюи пришел по соседнему холму, со всех сторон окружая неверных турок⁶⁹. Также на левом фланге гарцевал храбрый воин граф Раймунд Сен-Жилльский. На правом же фланге был герцог Готфруа, пламенный воин и граф Фландрии, а также Гуго Великий и многие другие, чьих имен я не знаю.

⁶⁷ Термин «сарацин» появился еще до возникновения ислама. Например, в одном из трактатов IV в. говорится следующее: «Бок о бок с ними (персами. – В. П.) живет племя сарацинов, полагающее свое жизненное благополучие в грабежах» (*Журавский А. В.* Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М., 1990. С. 17). Средневековые авторы пытались по-разному объяснить этимологию термина «сарацин». Согласно Беде Достопочтенному, сарацины – это мусульмане, выдающие себя за потомков жены Авраама Сары и скрывающие свое истинное происхождение от египетской наложницы Авраама Агари (*Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 59). Подобную интерпретацию приводил и Исидор Севильский. Кстати сказать, сами мусульмане тоже считают себя потомками Исмаила, т. е. сына Авраама от Агари. Кроме того, Исидор Севильский предполагал, что сарацины названы так из-за своего сирийского происхождения (*quasi-Syriigenae*) (*Пиков Г. Г.* Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2002. С. 51). Иоанн Дамаскин предполагал, что термин «сарацин» происходит от фразы Агари «Сара отпустила меня пустой» (*Sara vacua me dimisit*) (Там же).

⁶⁸ В хрониках встречается также термин *perfidī*, который может иметь в том числе и значение, применимое к тем, кто отпал от христианской веры. А именно он употреблялся по отношению к еретикам и иудеям, которые рассматривались как вероотступники. В хрониках же он может фигурировать в таком значении и по отношению к мусульманам (*Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 66). Термин *excommunicata generatione* здесь может выступать в подобном значении. Вообще, взгляд на мусульман как на «отлученное поколение» может быть связан, с нашей точки зрения, с тем, что долгое время ислам рассматривался не как самостоятельная религия, а как христианская ересь. В частности, об этом говорит Беда Достопочтенный (см.: *Дэниел Н.* Ислам в христианской мысли на Западе: от начала до 1914 г. // Христиане и мусульмане: проблема диалога. М., 2000. С. 269–274). Иоанн Дамаскин включает ислам в список ересей и именует его «ересь исмаилитов» (*Пиков Г. Г.* Указ. соч. С. 56).

⁶⁹ Частое противопоставление неверных мусульман и верных христиан (см.: *Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 63–65).

Сразу же, как только прибыли наши воины, турки, арабы, сарацины и агуланы (Agulani)⁷⁰ и все варварские нации быстро обратились в бегство кратчайшим путем через горы и равнины. Турок, персов, павликан⁷¹ (Publicani), сарацин, агулан и других язычников было триста шестьдесят тысяч, без арабов, числа которых никто не знает, кроме одного Бога. Они стремительно бежали в свои шатры, но долго оставаться там им было нельзя. И они снова ударились в бегство, и мы их преследовали, убивая, весь этот день. Мы захватили много добычи – золото, серебро, лошадей и ослов, верблюдов, овец и быков, а также еще много того, чего не знаем. Но если бы в сражении Бог не был с нами и не послал бы нам тогда другое войско, никто из наших не вернулся бы, ведь эта битва длилась с 3 часов до 9. Но всемогущий Бог, благочестивый и милосердный, не дал своим воинам погибнуть или попасть в руки врагов и быстро послал подмогу нашим. Однако погибли два славных наших воина, а именно Готфрид из Чесоточной горы⁷² и Гийом, сын Маркиза и брат Танкреда, а также другие воины и пехотинцы, чьих имен я не знаю.

Кто будет когда-либо настолько мудр или учен, чтобы описать благоразумие, воинственность и храбрость турок? Турок, которые думали утратить народ франков грозой своих стрел, подобно тому, как они утратили арабов, сарацин, армян, сирийцев и греков. Но если Богу угодно, их сила никогда не сравнится с нашей⁷³. Они справедливо говорят, что сами родом от франков, ибо никто не может быть прирожденным воином, кроме франков и их⁷⁴. Скажу истину, которой никто не осмелится противостоять. Ведь если они всегда были бы тверды в вере Христовой и святом христианстве и захотели бы исповедовать единого Бога в Троице и Сына Божьего, рожденного от Марии Девы, распятого и воскресшего из мертвых, взошедшего на небо на глазах у учеников, ниспославшего им утешение Святого Духа. Если бы уверовали они правой верой и разумом в Него,

⁷⁰ Скорее всего, слово, производное от арабского «аль-гулям» (мальчик). В «шансон де жест» часто упоминается языческий народ «аголан» или сарацинский правитель «Аголан». По данным Д. Пайпса, «агулане» – тяжеловооруженные воины на мусульманском Ближнем Востоке. Сходные значения прослеживаются по материалам хроник (Луцицкая С. И. Образ другого. С. 60). По мнению Р. Хилл, это, возможно, кавказские албанцы (*Gesta Francorum*. P. 20).

⁷¹ Павликиане – приверженцы христианской ереси, возникшей в Византии в VII в.

⁷² Gosfredus de Monte Scabioso; возможно, следует переводить как Хунфред из-за большого сходства с персонажем из первой главы, имя которого Hunfredus de Monte Scabioso.

⁷³ Брейе считает, что употребление здесь будущего времени указывает на то, что это было написано по ходу экспедиции (*Histoire anonyme*. P. 51).

⁷⁴ Намек на легенду, которая говорила о родстве франков и турков с троянцами (*Histoire anonyme*. P. 51).

правлящего на небе и земле, то не найти было бы никого могущественнее, храбрее и изобретательнее в сражениях, чем они. И вот, однако же благодаря Богу они были побеждены нашими. Это сражение было в первый день июля. Заканчивается третья книга. Начинается четвертая книга.

Книга четвертая

10. После же того, как турки, враги Бога и святого Христианства, были полностью побеждены, они бежали в разные стороны четыре дня и ночи. И случилось так, что когда Солиман⁷⁵, их герцог (dux), сын Солимана старшего, бежал из Никеи, он встретил там 10 тысяч арабов, которые сказали ему: «О, несчастный, несчастнее всех наших сородичей⁷⁶, отчего ты бежишь весь в ужасе?». Им Солиман со слезами ответил⁷⁷: «Однажды, когда я уже было победил франков и думал, что они уже связаны и в плену, я, желая заковать их в цепи друг с другом, оглянулся назад и увидел народ настолько неисчислимый, что всякий, бывший там, счел бы, что их многолюдство покрыло все горы, холмы, долины и все равнины. Видя их, мы тотчас побежали, не разбирая дороги, боясь их столь необычайно, что едва убежали от их рук. От этого мы до сих пор в большом страхе. И если вы верите мне и словам моим, то уходите отсюда, ибо если они узнают, что вы здесь, едва ли хотя бы один из вас сможет ускользнуть живым». Услышав такое, они обратили спины и рассеялись по Романии. Мы шли тогда, преследуя негоднейших турок, ежедневно бегущих от нас. Они же, подступая ко всякой крепости или городу, всюду лгали, обманывая жителей этой земли, говоря: «Мы разгромили всех христиан, превзойдя их в бою так, что никто из них уже никогда не осмелится подняться впереди нас. Только позвольте нам войти внутрь». Входя, они грабили церкви, дома и прочее, уводили с собой лошадей, ослов, мулов, уносили золото и серебро и все, что могли найти. Вдобавок они увозили с собой сынов христианских⁷⁸, жгли и разрушали все вокруг, что могло нас поддержать, убегая и трепеща перед ликом нашим. Таким образом, мы шли за ними по пустынной, безводной и необитаемой земле, откуда едва вышли живыми. Голод и жажда повсюду стесняли нас, и не было для нас здесь никакой пищи, разве что, срывая, мы растирали в руках колючки. Наша жизнь при такой пище была крайне несчастна. Там погибла большая часть наших лошадей, и потому многие из наших воинов остались

⁷⁵ Кылыч-Арслан ибн Сулейман II, возглавлявший Румский султанат. Командовал турецкими войсками при Дорилее.

⁷⁶ ...omnibus gentilibus. Также может переводиться как «язычник».

⁷⁷ По мнению Брейе, интерполяция (*Histoire anonyme*. P. VI).

⁷⁸ По мнению Р. Хилл, типичное поведение для турок (*Gesta Francorum*. P. 23).

пешими. Ввиду нехватки лошадей быки у нас были вместо кобыл, и ввиду крайней нужды мы использовали как вьючный скот козлов, кастрированных баранов, и собак.

Но вот мы вступили уже в благодатную страну, полную разной пищи, разных изысканностей и прочих благ. Наконец, мы дошли до Икония. Жители этой страны советовали нам и уговаривали нас взять с собой бурдюки, наполненные водой, поскольку туда идти целый день, а воды очень мало. Мы так и сделали, пока не достигли какой-то реки, где остановились на два дня. Впереди нас отправились гонцы, пока не достигли Ираклии, где было великое скопление турок. Они ждали нас и таились в засаде с тем, чтобы навредить Христовым воинам. На этих турок отважно напали, подступив, воины всемогущего Бога. В тот день наши враги были превзойдены и бежали так же быстро, как быстро летит стрела, выпущенная с силой из лука. Наши немедленно вошли в город, где оставались четыре дня.

Там отделились от остальных Танкред, сын маркиза, и граф Балдуин, брат герцога Готфрида. Они вместе вступили в долину Ботрентрот. Затем отделился Танкред и отправился в Тарс⁷⁹ со своими воинами. Турки выступили из города и пошли им навстречу, поспешив собраться воедино для битвы с христианами. Когда подошли наши и сразились с турками, они обратились в бегство, поспешно возвращаясь в город. Прибыл и Танкред, воин Христов. Ослабив поводья, он стал лагерем у ворот города. С другой стороны подошел знаменитый муж – граф Балдуин – со своим войском, требуя от Танкреда, чтобы тот по-дружески счел достойным его участие в разделе города. Ему сказал Танкред: «Тебе я во всяком разделе отказываю наотрез». С наступлением ночи все турки, трепеща, обратились в бегство. Жители под покровом ночи вышли из города, крича в один голос: «Спешите, о непобедимые франки, спешите, ведь турки все одинаково отступают, разбуженные страхом перед вами».

В начале следующего дня пришли старейшины города и добровольно сдали нам город, говоря тем, кто друг с другом спорил насчет него: «Оставьте, сеньоры, оставьте, ибо мы хотим и требуем, чтобы нами повелевал и правил тот, кто вчера так мужественно сражался с турками». И вот Балдуин, этот дивный граф, спорил и ссорился с Танкредом, говоря: «Войдем вместе и разграбим город, и кто сможет взять больше, пусть возьмет, и кто сможет захватить, пусть захватит». Храбрейший Танкред ему сказал: «Пусть меня это минует. Ведь я не хочу грабить христиан. Жители этого города избрали меня своим господином и хотят, чтобы я владел городом». Однако же храбрый муж Танкред был не в состоянии долго противиться графу Балдуину, ибо велики были его войска. Волей-неволей

⁷⁹ Тарс в Киликии, место рождения св. Павла. В 1097 г. был населен в основном греческими и армянскими христианами (Ibid. P. 24).

Танкред все-таки оставил город и с достоинством отступил вместе со своим войском. Были ему тотчас переданы два наилучших города, а именно Адана, Мамистра, и много крепостей.

11. Основные силы, а именно Раймунд Сен-Жилльский, ученейший Боэмунд, герцог Готфрид и также многие другие, вступили в землю армян⁸⁰, жаждущие и алчущие турецкой крови. И вот они подошли к какой-то крепости, настолько мощной, что они не могли с ней ничего поделывать. Был там один человек по имени Симеон, родом из тех мест, который домогался этой земли с тем, чтобы защищать ее от турецких недругов. И они по доброй воле передали ему всю эту землю, и он остался там со своим народом. Уйдя оттуда, мы благополучно достигли Цезареи Каппадокийской (Кесарии). Затем, выйдя из Каппадокии, пришли к какому-то городу, прекраснейшему и исключительно богатому. Его до нас совсем недавно в течение трех недель осаждали турки, но не покорили⁸¹. Как только мы прибыли туда, он тотчас сдался нам с великой радостью. Один воин, имя которому Петр Ольпский⁸², потребовал у сеньоров эту крепость для себя, чтобы защищать ее, оставаясь верным Богу, Святому Гробу, сеньорам и императору. Ему уступили ее безвозмездно и с великой любовью. Следующей ночью Боэмунд услышал, что турки, которые раньше осаждали город, числом превосходят нас. Тотчас изготовился он со своими воинами с тем, чтобы напасть на турок со всех сторон, но не мог их обнаружить.

Потом прибыли мы к какому-то городу по имени Коксон, где было великое изобилие всевозможных и необходимых нам благ. Христиане, как видно, питомцы этого города, тотчас сдались. Мы провели там наилучшим образом три дня, и наши там сполна восстановили свои силы. Граф же Раймунд, услышав, что турки, охранявшие Антиохию, разошлись, решил у себя на совете послать туда часть своих воинов, взять город под свою охрану со всей тщательностью. В конце концов, он избрал тех, кого пожелал избрать, а именно виконта Петра де Кастиён⁸³, Гийома из Монпелье⁸⁴, Петра де Роэ⁸⁵,

⁸⁰ В 1069–1085 армянская территория. Население сохранилось как в основном христианское (*Gesta Francorum*. P. 25).

⁸¹ Согласно Бодри Дольскому, речь идет о городе Пластенция (*Histoire anonyme*. P. 61).

⁸² Провансальский рыцарь, в свое время бывший на службе у Роберта Гвискара, а затем Алексея Комнина (*Gesta Francorum*. P. 25).

⁸³ По мнению Л. Брейе, нынешняя коммуна Кастиён-де-Кастэ (Castillon-de-Castets) (департамент Жиронда, регион Аквитания, Франция) (*Histoire anonyme*. P. 61). Нужно отметить, что во Франции имеется много населенных пунктов с таким названием.

⁸⁴ Монпелье (Montpellier) – город на юге Франции. Нынешний административный центр региона Лангедок-Руссильон и департамента Эро.

⁸⁵ Коммуна Роэ (Roaix), департамент Воклюз, регион Прованс – Альпы – Лазурный Берег, Франция.

Петра Раймунда из Хатпула⁸⁶ с пятью сотнями воинов. В долине близ Антиохии они достигли какой-то крепости павликан и там услышали, что в городе турки, которые мужественно готовятся к обороне. Петр де Роэ отделился там от остальных и ближе к ночи, пройдя рядом с Антиохией, вступил в долину Руджи. Он встретил здесь турок и сарацин и сразился с ними, убив многих из них, а остальных с яростью преследовал. Армяне, жители этой страны, видя, что наши взяли верх над язычниками, немедленно сдались. Сам Петр де Роэ тотчас взял Рузу⁸⁷ и множество крепостей.

Мы, кто остался в Коксоне, выступив оттуда, поднялись на дьявольскую гору, настолько высокую и узкую, что никто из наших не захотел обгонять других на дорожке, видневшейся на горе. Лошади там стремительно падали вниз и одно выючное животное сталкивало другое. Из-за этого воины стояли в великой печали и самоистязали себя в великой скорби и горе, не зная, что делать с самими собой и со своим оружием. Они продавали свои щиты, лучшую кольчугу со шлемами всего лишь за три или пять денариев или за столько, сколько кто мог дать. Те, кто не могли продать, бросали их даром подальше от себя и шли. Миновав эту проклятую гору, мы пришли к городу, который называется Мараш. Обитатели его вышли навстречу нам радостные и принесли с собой много провизии. Мы набрали ее в изобилии, ожидая, когда придет господин Боэмунд. Так, наши воины вступили в долину, где расположен царственный город Антиохия, столица всей Сирии, и который Господь Иисус Христос передал блаженному Петру, первому из апостолов, чтобы он вновь обратил его ко святой вере. Иисус же царствует вместе с Богом-отцом в единении Святого Духа, во веки веков. Аминь. Заканчивается книга четвертая. Начинается книга пятая.

Книга пятая

12. Когда мы стали подходить к мосту через Оронт⁸⁸, наши гонцы, которые обычно всегда шли впереди, обнаружили бесчисленное множество турок, шедшее на нас в помощь Антиохии. Наши, единые сердцем и умом, бросились на них и одолели. Варвары были ошеломлены и обратились в бегство. А многие из них были убиты и в самом сражении. Наши, благодаря Богу одолев их, захватили много добычи, лошадей, верблюдов, мулов, ослов, нагруженных хлебом и вином. Прибыв, наши расположились лагерем на

⁸⁶ Хатпул (Hautpoul) – крепость на территории нынешнего департамента Тарн региона Юг-Пиренеи, Франция.

⁸⁷ Точно не идентифицировано.

⁸⁸ Другим названием Оронта было «Fag». Название «Port Ferreus» (Железный мост), найденное в одном из вариантов рукописей, вероятно, ошибочно (*Gesta Francorum*. P. 28). Такое объяснение дается в хронике Гийома Тирского (*Histoire anonyme*. P. 61).

берегу реки. Мудрый Боэмунд тотчас с четырьмя тысячами воинов стал у ворот города, чтобы быть начеку на тот случай, если кто захочет ночью тайком выйти или войти в город. На следующий день в полдень они подошли к Антиохии, в четверг, 21 октября, и мы дивным образом начали осаду трех городских ворот. В других местах нам для осады не доставало места: высокая и узкая гора препятствовала нам⁸⁹. Наши враги, турки, что находились внутри города, повсюду настолько боялись нас, что никто из них не осмеливался тревожить кого-либо из наших чуть ли не на протяжении пятнадцати дней. Расположившись в окрестностях Антиохии, мы нашли там полное изобилие, а именно богатые виноградники, тайники, полные зерна, деревья, изобилующие плодами, а также много других благ.

Армяне и сирийцы, которые были в городе, вырываясь оттуда и показывая, что они перебежчики, ежедневно были с нами, но их жены были в городе. Они изобретательным образом следили за нами и за нашим состоянием и все передавали осажденным в городе. После того, как турки поняли, что мы есть, они начали понемногу выходить из города и повсюду притеснять наших паломников. Не только в одном месте, но и повсюду они тайком беспокоили нас у моря и у горы.

Неподалеку была крепость по имени Арегх⁹⁰, где во множестве собрались самые храбрые из турок, неоднократно беспокоившие наших. Услышав о таком, наши сеньоры весьма опечалились и послали воинов с тем, чтобы те тщательно разведали место, где находились турки. Отыскав место, где они скрывались, искавшие их наши воины напали на них. Понемногу отступая назад, туда, где, как они знали, находился Боэмунд со своим войском, наши сразу потеряли двух человек. Услышав об этом, Боэмунд, как храбрейший поборник Христов, выступил вместе со своими, и варвары устремились против них, поскольку наших было немного. Тем не менее, соединившись, они завязали бой. Много наших врагов было убито, других схватили и привели к воротам города. Там туркам отрубали головы с тем, чтобы повергнуть в унынье находившихся в городе.

Иные из горожан выходили из города, поднимались на какие-нибудь ворота и стреляли в нас так, что их стрелы падали в лагерь господина Боэмунда, и одна женщина была убита стрелой.

13. Собравшись вместе, наши предводители устроили совет и решили: «Построим лагерь на вершине горы Марегарт⁹¹, чтобы мы могли быть в безопасности и защитить себя от турецких угроз». Итак, построив и укрепив лагерь, все предводители поочередно его охраняли.

⁸⁹ Гора Сильпиус.

⁹⁰ К Востоку от Антиохии (*Gesta Francorum*. P. 29).

⁹¹ «Mal regard» – прозвище, данное горе крестоносцами (*Ibid*. P. 30).

Перед Рождеством Господним хлеб и вся пища стали уже очень дороги. Мы теперь не отваживались уходить далеко от лагеря и не могли добыть ничего съестного в землях христиан. Никто не отваживался выступить в страну сарацинов⁹², разве что с большим полком. В конце концов, наши сеньоры устроили совет, обсуждая, как им быть с таким большим числом людей. На совете решили, что одна часть наших пойдет собирать со всей тщательностью провизию и будет всюду стражем для войска⁹³. Другая же часть останется в лагере охранять его. И вот Боэмунд сказал: «Сеньоры и опытнейшие воины, если вам угодно и вы сочтете это благом, я буду с графом Фландрским и пойду с ним». Отпраздновав с пышностью праздник славнейшего Рождества, в понедельник те и другие выступили из лагеря, имея более 20 тысяч воинов и пехотинцев. Целые и невредимые они вступили в землю сарацинов. Уже собралось множество турок, арабов, сарацинов из Иерусалима, Дамаска, Алеппо и других земель, шедших на подмогу Антиохии. Услышав, что народ христиан собрался против их страны, турки немедленно изготовились к войне против христиан. И вот, на рассвете они пришли туда, где наш народ собрался воедино. Варвары разделились, создав два войска, одно впереди, а другое позади, стремясь окружить нас со всех сторон. Славный граф Фландрский, движимый и вооруженный верой и знаком креста, который с верностью каждый день нес на себе, устремляется на турок вместе с Боэмундом. Наши единодушно напали на них. Турки немедленно ударились в бегство, поспешно обратив спины. Множество их было убито, а наши захватили их лошадей и другую добычу. Прочие же турки, оставшиеся в живых, быстро бежали, впав в гибельную ярость. Мы же, возвратившись с великим триумфом, восхваляли и прославляли триединого Бога, живущего и царствующего ныне и во веки веков. Аминь. Заканчивается книга пятая. Начинается книга шестая.

Книга шестая

14. Наконец, находившиеся в Антиохии и оборонявшие город турки, враги Бога и святого христианства, услышали, что господин Боэмунд и граф Фландрский уже не осаждают их. И тогда они стали выходить из города и дерзко вступали в бой с нами, подстерегая повсюду, где осаждавшие были слабее. Они знали, что наиболее опытные наши воины ушли в поход. Итак, турки нашли, что во вторник они смогут выступить против нас и нанести нам урон. Украдкой приблизились негоднейшие варвары и решительно набросились на нас. Они убили многих наших воинов и пехотинцев, не

⁹² Земля христиан, т. е. армян и сирийцев – на Севере и Западе, а земля сарацин – на Юге и Востоке от города (*Histoire anonyme*. P. 71).

⁹³ Иначе говоря, в минуту опасности должна будет подать знак оставшимся в лагере.

ожидавших нападения. Даже епископ Пюи в тот тяжелый день потерял своего сенешаля, который нес с собой и хранил его знамя. И если бы не было реки, которая была между нами и ними, они еще чаще напали бы на нас и причинили нашему народу величайший ущерб.

Итак, благоразумный муж Боэмунд выступил со своим войском из земли сарацин и взошел на гору Танкреда⁹⁴, думая, не найдет ли он там что-нибудь, что можно было бы унести с собой. Ведь они истощили уже всю страну, причем одни что-то нашли, другие же вернулись с пустыми руками. Тогда мудрый муж Боэмунд громко закричал им: «О, несчастный и жалкий народ! О, ничтожнейшие из всех христиан! Отчего вы хотите уйти так быстро? Остановитесь немедленно, остановитесь, до тех пор, пока мы не собрались вместе, и не разбредайтесь подобно овцам, не имеющим пастыря. Ведь если наши враги найдут вас разбредшимися, они убьют вас, поскольку стерегут и днем, и ночью, чтобы захватить вас разбросанными и без поводыря или совсем одних. Они ежечасно стараются уничтожить вас или захватить в плен». И когда уже все было сказано, он возвратился к своему войску со своими людьми, скорее налегке, чем с добычей.

Армяне и сирийцы, увидевшие, что наши вернулись с совершенно пустыми руками, сговорившись между собой, отправились по горам и хорошо им известным местам, тщательно выискивая и скупая хлеб и провизию. Они свозили ее к войску, где был сильный голод. Ношу одного осла, груженного продовольствием, продавали за 8 золотых солидов, что есть 120 денариев. Тогда многие из наших умерли, не имея денег, на которые они могли бы что-нибудь купить.

15. Гийом Плотник⁹⁵ и Петр Пустынный из-за великой беды и несчастья тайком ушли. Танкред, преследуя, схватил их и привел обратно с позором. Они дали ему обет, что своей волей возвратятся к войску и дадут удовлетворение сеньорам. Всю ночь Гийом пролежал как презренная вещь в шатре господина Боэмунда. На следующий день на рассвете он, краснея от стыда, предстал пред очи господина Боэмунда. Боэмунд обратился к нему: «О, несчастье и бесчестье всей Франции⁹⁶, позор и стыд Галлий!

⁹⁴ Упоминание «горы Танкреда» говорит о более поздней редакции данного отрывка, ибо Танкред занял замок на горе Сильпиус 5 апреля 1098 г. (об этом говорится в 19-й главе) (*Histoire anonyme*. P. 75).

⁹⁵ Виконт Мелена (Melun), родственник Гуго Вермандуа (*Ibid.* P. 77). В наши дни это административный центр департамента Сена и Марна (регион Иль-де-Франс, Франция).

⁹⁶ Francia – термин, который первоначально применялся к территории, населенной этническими франками. Несколько позже стал употребляться для обозначения королевства западных франков. С XII в. ряд авторов употребляет термин как обозначение Иль-де-Франса (*Джордан У. Ч.* Самоидентификация населения и

О, ничтожнейший из всех, кого носит земля, по какой причине ты так постыдно сбежал? Быть может, потому, что ты захотел предать этих воинов и войско Христово, так же как ты предал иных в Испании?»⁹⁷. Тот же был совершенно безмолвен, не проронив ни слова. Почти все франки единодушно и смиренно просили не позволять, чтобы ему было еще хуже. Боэмунд, просветлев взором, кивнул в знак согласия и сказал: «Я соглашусь с этим во имя вашей любви в том случае, если он мне всем сердцем и умом принесет клятву, что никогда не отступит с пути иерусалимского добром или злом. И Танкред пусть поклянется, что ни сам, ни через своих людей не будет чинить ему вражду». Танкред, услышав эти слова Боэмунда, охотно согласился. Тот же немедленно отпустил его. Впоследствии же Гийом Плотник, покрытый величайшим позором, недолго медля, украдкой скрылся.

Господь дал нам познать эту нищету и несчастье за наши грехи. Во всем войске тогда никто не был способен найти 1000 воинов, у которых были бы лошади в хорошем состоянии.

16. Тем временем наш враг Татикий⁹⁸, услышав, что войско турок выступило против нас, сказал, что он испуган, считая, что мы все погибли и уже в руках врага. Выдумывая всякую ложь, он сказал: «Сеньоры и благоразумнейшие мужи, взгляните, мы здесь в большой нужде, и помощи нам нет ниоткуда. Но только позвольте мне возвратиться на родину в Романию, и я безо всякого сомнения позабочусь о том, чтобы пришло по морю множество кораблей, груженных зерном, вином, ячменем, мясом, мукой и сыром, а также всеми благами, которые нам необходимы. Я позабочусь также о том, чтобы собрать коней для продажи вам и доставить провизию по суше через землю, находящуюся во владении императора. Я с верностью клянусь вам все это сделать и проследить за всем. Кроме того, люди мои и шатер мой – в поле и будут вам верным ручательством того, что я возвращусь как можно скорее».

Так он закончил свою речь. Был он враг, все свое оставил в лагере, и погряз, и никогда не отмоется от своего клятвопреступления⁹⁹. Таким вот образом впали мы в большую нужду, поскольку турки отовсюду сдерживали нас так, что никто из наших не осмеливался выходить из лагеря. Они теснили нас с одной стороны, и голод мучил нас с другой. Мы нуждались в помощи и

королевская власть в средневековой Франции // Одиссей. Человек в истории. 1995. С. 80).

⁹⁷ Он принимал участие в экспедиции против мавров в Испании и дезертировал (*Gesta Francorum*. P. 34).

⁹⁸ Представитель императора в войске крестоносцев.

⁹⁹ Брейе указывает здесь на использование будущего времени в подтверждение того, что Аноним иногда описывал события по ходу дела (*Histoire anonyme*. P. IX).

поддержке. Простой и беднейший народ бежал на Кипр¹⁰⁰, в Романию и в горы. К морю идти мы в любом случае не осмеливались ввиду угрозы со стороны турецких подонков. Все пути были для нас закрыты.

17. Господин Боэмунд, услышав, что бесчисленный народ турок идет на нас, тайком явился к остальным сеньорам и сказал: «Сеньоры и разумнейшие воины, что будем делать? Нас не столь много, чтобы сражаться на два фронта. Но знаете, что мы будем делать? Разделимся на две части. Пусть пехотинцы остаются стеречь шатры. Они смогут противостоять тем, кто находится в городе. Остальная же часть воинов пойдет с нами навстречу нашим врагам, которые расположились неподалеку, в замке Арегх, за мостом через Оронт».

Когда же настал вечер, вышел из лагеря благоразумный муж Боэмунд с другими разумнейшими воинами и направился по пути между рекой и озером. На рассвете он приказал разведчикам выдвинуться вперед и разузнать, сколько у турок эскадронов и где они или, по возможности, что они делают. Те выдвинулись и стали тщательно выискивать, где таятся отряды турок. Наконец, они увидели, что бесчисленное множество турок выдвинулось со стороны реки, разделившись на два отряда. Главная же их сила шла позади. Разведчики быстро возвратились, говоря: «Вот, вот, идут! Итак, будьте все готовы, поскольку они уже близко». Муж благоразумный Боэмунд сказал остальным: «Сеньоры и непобедимейшие воины, выстраивайтесь для битвы». Они ответили ему: «Ты рассудителен и благоразумен, ты велик и знаменит, ты храбр и победоносен, ты законодатель битв и судья сражений – сделай это. Будет все, как ты велишь. Все, что тебе кажется полезным, соверши и сделай для себя и для нас». Тогда Боэмунд приказал, чтобы каждый из предводителей сам выстроил свой отряд в должном порядке. Так и было сделано. Выстроились шесть отрядов. Пять из них, соединившись, ударили на врагов. Боэмунд со своим отрядом шел позади. Наши с успехом схватились с врагами врукопашную, и один разил другого. Крик сотрясал небеса. Все сражались вместе. Тучи метательных снарядов помрачили воздух. После того, как подошла их главная сила, остававшаяся позади, и с яростью обрушилась на наших, они стали подаваться назад. Муж многоученый Боэмунд, увидев это, застонал. Он приказал своему коннетаблю Роберту, сыну Жирара: «Спешите скорее, как только можешь, как подобает храброму мужу. И будь ревностной подмогой Богу и Святому Гробу. Ты поистине знаешь, что эта война не плоти, но духа. Итак, будь храбрейшим поборником Христа. Иди с миром. Да будет Господь

¹⁰⁰ В то время – византийское владение. Присоединен в 965 г. в результате войн Никифора II Фоки (963–969).

с тобой везде»¹⁰¹. Со всех сторон защищенный знаком креста, был он, словно лев, что проголодав три или четыре дня, выходит из своей пещеры, рычащий и жаждущий овечьей крови, и безрассудно бросается на стадо, растерзывая овец, бегущих в разные стороны. Так он сражался среди толп турок. Он так сильно наседавал на них, что языки знамени метались над их головами.

Другие отряды увидели, что знамя Бозмунда с честью вознеслось впереди других, и повернули обратно. Наши единодушно устремились на турок. Те же, ошеломленные, ударились в бегство. Наши преследовали их и рубили вплоть до моста через Оронт. Турки поспешно вернулись в свою крепость, взяли все, что смогли найти, опустошили его весь и, предав огню, бежали. Армяне и сирийцы, думая, что турки полностью проиграли войну, вышли и поджидали их в ущельях. Там они убили и схватили многих из них.

Итак, в тот день, по воле Божьей, были побеждены наши враги. Наши удовлетворили свою нужду в лошадях и многом другом, в чем мы нуждались. Сто мертвых голов они принесли к воротам города, где подивились на это посланцы Вавилона¹⁰², посланные нашим сеньорам и разбившие там лагерь. Те из наших, кто оставался в лагере, весь день сражались с теми, кто был в городе у трех его ворот. Эта битва случилась во вторник перед началом поста, 9 февраля, по благословению Господа нашего Иисуса Христа, Бога, что с Отцом и Святым Духом живет и правит во веки веков. Аминь. Заканчивается книга шестая. Начинается книга седьмая.

Книга седьмая

18. По промыслу Божьему, наши возвратились, торжествуя и радуясь триумфу полной победы над врагами в тот день. Враги были всюду побеждены и бежали в разные стороны, бродили и скитались. Одни из них вступили в Хорасан, другие – в страну сарацинов. Наши предводители видели, что враги, находившиеся в городе, нам в тягость и стесняют нас, днем и ночью бодрствуя и приискивая, где они могут нанести нам урон. Собравшись вместе, наши предводители постановили: «Пока мы не потеряли свой народ, построим крепость у мечети, что перед городскими воротами в

¹⁰¹ По мнению Л. Брейе, этот отрывок, судя по стилю, является вставкой, позже сделанной клириком (*Histoire anonyme*. P. 84).

¹⁰² Под Вавилоном здесь имеется в виду, вероятно, Каир. В таком же значении он фигурирует в Алексиаде (Комнина А. Алексиада. М., 1965. С. 307). Дело в том, что крестоносцы пытались организовать союз с фатимидским Египтом, пытаясь сыграть на его противоречиях с сельджуками. Суть вражды заключалась в том, что в Египте правила арабская династия фатимидов, а в Багдаде была ортодоксальная суннитская династия под контролем турок-сельджуков. В августе 1098 г. фатимиды, воспользовавшись поражением Кербоги, сами захватили Иерусалим.

том месте, где мост. Там мы, пожалуй, сможем сдерживать наших врагов». Все согласились и решили, что это будет хорошее дело. Граф Сен-Жилльский сказал первым: «Помогите мне построить крепость, а я ее укреплю и буду охранять». Боэмунд ответил: «Если вы и остальные желают, я пойду с вами в гавань св. Симеона и с тщанием приведу находящихся там, кто сделает эту работу¹⁰³. Остальные, те, кто останется здесь, пусть повсеместно готовятся к обороне».

Граф и Боэмунд отправились в гавань св. Симеона. Мы же, те, кто остались, собравшись вместе, начали возводить лагерь. Между тем турки, тотчас же изготовившись, выступили из города для битвы с нами. Они ударили на нас и обратили наших в бегство, а многих убили. От этого мы были в большой печали.

На следующий день турки, видя, что наших предводителей нет с нами и что еще минувшим днем они ушли в гавань, подготовились и выступили навстречу тем, кто направлялся из гавани. Видя, что граф и Боэмунд уходят и уводят с собой тот народ¹⁰⁴, турки начали гудеть, свистеть, а также кричать неистовым криком. Они стали повсюду окружать нас, метая копьа, стреляя из лука, рая и жестоко калеча наших. Они с такой яростью устремились на наших, что те обратились в бегство за ближайшую гору и повсюду, где открывался путь для отхода. Кто смог спастись бегом, вырвался живым, а кто не мог бежать, принял смерть. В тот день более тысячи из наших воинов и пеших претерпели мученичество. Мы верим, что они взошли на небеса, приняв белую стóлу мученичества.

Итак, Боэмунд оставил путь, которого они держались, и поскорее с немногими воинами прибыл к нам, собравшимся вместе. Тогда мы, распаленные убийством наших, призвав имя Христа и упоая на путь ко Святому Гробу, тотчас соединились и выступили на них. Мы устремились на них единые сердцем и душой. Враги Бога и наши были всюду ошеломлены и повергнуты в страшный ужас, думая окончательно победить и уничтожить наших так, как сделали это с народом графа и Боэмунда. Но всемогущий Бог не позволил им этого. Воины Бога истинного, отовсюду вооруженные знаком креста, яростно устремились и храбро ударили на них. Те же быстро бежали по узкому мосту к их воротам. Те, кто не смог перейти мост живыми из-за огромного стечения людей и лошадей, там обрели во веки веков погибель вместе со своим дьяволом и его ангелами¹⁰⁵. Мы разгромили их, отесняя и

¹⁰³ Имеются в виду генуэзские и английские корабли (*Gesta Francorum*. P. 38–39).

¹⁰⁴ Имеется в виду людей для постройки крепости.

¹⁰⁵ Ср. Мф. 25:41: «*tunc dicet et his qui a sinistris erunt discedite a me maledicti in ignem aeternum qui paratus est diabolo et angelis eius*». В синодальном переводе: «Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный *дьяволу и ангелам его*».

сбрасывая в реку. Всюду волны этой быстрой реки были багровы от крови турок. А если же кто-нибудь из них хотел подняться по сваям моста или пытался достигнуть земли вплавь, то наши, стоя у берега реки, ранили его. Ропот и крики их и наши доносились до небес. Дождь метательных снарядов и стрел затмевал небо и солнце. Христианские жены из города, подходя к стенным проемам и видя несчастную судьбу турок, тайком рукоплескали. Армяне и сирийцы по приказу их предводителей – турок – невольно или вольно осыпали нас стрелами. Духовную и телесную смерть нашли в этом сражении 12 эмиров из турецкого войска, а также и другие опытнейшие и сильнейшие воины, бывшие хорошей защитой городу. Их число было 1500 человек. Другие, оставшиеся в живых, уже больше не смели ни вопить, ни свистеть, ни днем, ни ночью, как они раньше обычно делали. Нас разделила лишь ночь. И ночь развела обе стороны, сражающиеся, мечущие копья, разящие друг друга, стреляющие из лука. Доблесть Бога и Святого Гроба взяла верх над нашими врагами, и в дальнейшем они уже были бессильны обрести прежнее мужество, ни на словах, ни на деле. Таким образом, мы в тот день восполнили недостачу во многих вещах, в которых прежде нуждались, а также в конях.

На рассвете следующего дня остальные турки выступили из города и собрали все трупы мертвых турок, издававшие зловонье, какие могли найти на берегу реки, кроме тех, коих погребла в себе река. Они похоронили их у мечети, что находится за мостом у ворот города. Вместе с ними они похоронили покрывала, золотые бизанты, луки, стрелы и множество другого, чего мы не в силах перечислить. Наши, услышав, что турки предали земле своих умерших, приготовились и поспешно отправились к обиталищу дьявола. Они приказали раскопать и разрыть их могилы и выбросить их из гробниц. Все их трупы выбросили в какую-то яму, а головы, отрубив, унесли в наш лагерь, чтобы точно знать число убитых. Исключение сделали для нескольких, погрузив их на 4 лошади, принадлежащие послам эмира Вавилона, и отослав к морю. Видя это, турки очень печалились и скорбели чуть не до смерти. Проводя дни в скорби, они ничего не делали, а только плакали и завывали. На третий день мы все вместе в большой радости начали строить упомянутую крепость, взяв камни из могильника турок. Когда крепость была доведена до конца, мы сразу начали повсюду теснить наших врагов, гордыня которых была уже сведена на нет. Мы в безопасности ходили туда и сюда, к воротам и в горы, радуясь и восхваляя Господа Бога нашего, коему честь и слава во веки веков. Аминь.

Заканчивается седьмая книга. Начинается книга восьмая.

Книга восьмая

19. И вот уже почти все тропы были блокированы и закрыты от турок, кроме одной-единственной тропы с той стороны реки, где была крепость и какой-то монастырь¹⁰⁶. Если бы эта крепость была до конца укреплена нами, никто из турок не осмелился бы выходить за городские ворота. Наши посовещались между собой и единогласно объявили: «Выберем одного из нас, чтобы он был надежной защитой для крепости и преградил нашим врагам путь с гор и равнин, а также тем, кто входит и кто выходит из города». Танкред выступил первым, говоря: «Если бы я знал, какую выгоду я получу от этого, я бы ревностно, только силами моих людей, укрепил крепость, со всем мужеством отрезав нашим врагам тот путь, где они обычно свирепствуют». Ему тотчас пообещали 400 марок серебром. Танкред не медлил. Он выступил со своими достойнейшими воинами и сержантами¹⁰⁷ и тотчас же отрезал отовсюду дорогу туркам так, что они, охваченные страхом перед ним, не осмеливались выйти из города, ни за травой, ни за лесом, ни за какой-либо другой надобностью. Танкред остался там со своими и начал со всех сторон энергично блокировать город. В тот самый день очень много армян и сирийцев пытались тайком пройти горами на подмогу городу, доставив туркам продовольствие. Танкред вышел им навстречу и захватил их, а также все, что они несли, а именно хлеб, вино, ячмень, оливковое масло и прочее. Итак, Танкред держался столь крепко и с такой удачей, что перерезал туркам все тропы, удерживая их до тех пор, пока Антиохия не была взята.

Обо всем, что мы делали до того, как город был взят, я не могу рассказать подробно, поскольку с этой стороны не было никого из клириков или мирян, кто мог бы со всей полнотой описать или рассказать о том, как делалось дело. Но кое-что об этом я скажу.

20. Был некий эмир, родом турок, имя которому Фируз¹⁰⁸. Он был в большой дружбе с Бозмундом. И его Бозмунд постоянно побуждал, посылая одного за другим вестников, с радушием принять его к себе в город и щедро обещал ему христианство, заверяя, что он станет богатым и будет в большой чести¹⁰⁹. Он согласился с тем, что было ему сказано и обещано, говоря:

¹⁰⁶ Монастырь св. Георгия, расположенный к юго-западу города на холме выше ворот св. Георгия (*Gesta Francorum*. P. 43).

¹⁰⁷ По мнению Брейе, здесь это синоним пехотинца (*Histoire anonyme*. P. 99). Однако, по данным Ниермейера, *serviens* может быть и конным (*Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden, 1976. P. 962).

¹⁰⁸ В данной хронике он назван *Pirus*. Имя Фируз стало известно нам из арабских источников (*Histoire anonyme*. P. 100).

¹⁰⁹ Фируз действительно стал христианином, при крещении получил имя Бозмунда, принял участие в походе, участвовал во взятии Иерусалима, а затем вернулся к мусульманам и отступил от веры (*Histoire anonyme*. P. 101).

«Я охраняю три башни и охотно обещаю их ему. Я запущу его в них в любое время, когда он этого захочет». Теперь Бозмунд был спокоен насчет вступления в город и радостный с ясным рассудком и кротким взором пришел ко всем сеньорам, принеся им приятную весть. Он сказал: «Благоразумнейшие мужи и воины, посмотрите, в какой ужасной мы все нищете и в каком несчастье, как предводители, так и предводительствуемые. И мы не знаем точно, где нас ждет успех. Итак, если вы сочтете это хорошим и достойным, пусть вызовется среди прочих один из нас. И если он сможет каким-либо образом захватить город или взять хитростью¹¹⁰, сам или с помощью других, мы единогласно подарим город ему». Все отказались наотрез, заявив: «Этот город не будет передан никому. Все мы на равных основаниях будем владеть им. Ведь мы наравне несем тяготы трудов, а потому должны обрести и равный почет». Услышав эти слова, Бозмунд сразу же ушел, немного улыбаясь.

Немногим позже мы услышали от вестников о войске наших врагов – турков, павликан, агулан, азимитан¹¹¹ и многих других народах¹¹². Немедленно наши предводители, собравшись вместе, устроили совет и постановили, что, «если Бозмунд сможет овладеть городом или сам, или с помощью других, мы охотно и по доброй воле подарим ему его. В случае же, если император придет к нам на помощь и выполнит условия того соглашения, исполнять которое он нам пообещал и в котором поклялся, мы возвратим ему город по праву. А если будет иначе, пусть им владеет». И тотчас Бозмунд стал ежедневно нижайшим образом просить своего друга и, заискивая, делал ему самые великие и заманчивые посулы. А именно: «Смотри, вот у нас есть удобный момент, когда мы можем сделать то, что хотим. Итак, пусть поможет сейчас мне мой друг Фируз». Тот, весьма обрадовавшись этому известию, сказал, что он ему поможет во всем, что касается этого дела. Следующей ночью Фируз послал Бозмунду тайком своего сына в залог того, чтобы Бозмунд, ничего не опасаясь, вступит в город. На словах он также передал ему, чтобы тот на следующий день призвал к оружию весь народ франков и чтобы те сделали вид, что они идут грабить землю сарацин, а затем быстро вернуться с правого фланга через гору. «Я же, – говорил он, – подожду, пока войско поднимется, и запущу его в башни, которые находятся под моей охраной и в моей власти». Вслед за

¹¹⁰ По мнению Брейе, *ingeniare* здесь имеет значение «взять при помощи машин». Но, поскольку машины здесь не упомянуты, следует переводить как «брать приступом» (*Ibid.*, P. 101).

¹¹¹ По одной из версий, термин происходит от арабского «аль-аджам» (перс) и в византийских хрониках означает «рекрут» (*Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 61). Другая точка зрения: греки обозначали таким образом пресный хлеб для причастия. Следовательно, речь может идти об армянах (*Gesta Francorum*. P. 45).

¹¹² Видимо, речь идет о войске Кербюги (см. далее).

этим Боэмунд приказал быстро позвать к себе одного из своих сержантов, а именно Дурную Корону, и наказал ему, чтобы он в качестве вестника призвал главные силы франков усердно готовиться к походу в землю сарацин. Так и было сделано. Боэмунд поделился своим планом с герцогом Готфридом, графом Фландрским, графом Сен-Жилльским, а также с епископом Пюи. Боэмунд говорил: «С Божьей помощью этой ночью Антиохия будет передана нам».

Все было приведено в порядок. Воины шли по равнине, а пехотинцы по горе. Всю ночь они ехали верхом и маршировали вплоть до утренней зари, а затем направились к башням, которые стерег тот страж. Боэмунд тотчас спешился и предписал всем: «Со спокойной душой и в счастливом согласии ступайте вперед и взойдите по лестнице в Антиохию, которая немедленно перейдет к нам, если Богу это будет угодно». Они подошли к лестнице, которая была уже поставлена, и прочно прикреплена к стенам города. По ней поднялось человек 60 из наших. Они разделились по башням, которые охранял Фируз. Фируз, видя, что наших поднялось немного, испугался и, боясь, как бы ему не попасться вместе с нашими в руки турок, сказал: «Мало франков у нас! (Μικροὺς φράγκους ἔχομεν) Где пылкий Боэмунд? Где тот непобедимый?». Между тем какой-то сержант-лангобард спустился обратно вниз и как можно быстрее побежал к Боэмунду, говоря: «Почему ты стоишь здесь, муж благоразумный? Зачем ты здесь? Смотри, мы уже взяли три башни!». Тогда Боэмунд двинулся вместе с остальными, и все, радуясь, направились к лестнице. Те, кто были уже на башне, видя это, начали радостно кричать «Бог хочет!». То же кричали и мы. И вот они стали дивным образом подниматься по лестнице, а поднявшись, быстро бежали на другие башни. Кого там находили, предавали смерти. Убили они и брата Фируза. Между тем случайно оказалась сломана лестница, по которой поднимались наши, отчего мы впали в большие трудности и в печаль. Но хотя лестница и была сломана, однако с левой стороны недалеко от нас были какие-то запертые ворота, о которых многие не знали. Стояла ночь, но мы, ведя поиски на ощупь, нашли их. Все побежали к ним и, сломав ворота, вошли через них.

Тогда по всему городу дивным образом разливался многотысячный гул. Однако Боэмунд этим не довольствовался и тотчас же приказал поднять почетный стяг у замка на какой-то горе. В городе все так же шумели. На рассвете те, кто был с той стороны в лагере, услышав, что сильнейший гул разливается по городу, поспешно выступили и, увидев знамя Боэмунда на горе, устремились бегом. Подошли все и через ворота вступили в город. Они убили турок и сарацин, где кого нашли, кроме тех, кто бежал наверх в крепость. Некоторые из турок вышли через ворота и, убегая, ускользнули живыми. Яги-Сиан, их господин, весьма страшась народа франков, бросился в бегство вместе со многими другими, кто был с ним. Спасаясь бегством, он

прибыл в землю Танкреда¹¹³ недалеко от города. Их лошади устали, и они остановились в деревне, спрятавшись в одном доме. Когда об этом узнали обитатели этой горы, сирийцы и армяне, они тотчас схватили их, отрубили им головы и принесли их пред очи господина Боэмунда, чтобы за это удостоиться свободы. Пояс и ножны Яги-Сиана оценили в 60 византов.

Все это совершилось в четверг, 3 июня. Все улицы города были завалены трупами мертвых настолько, что там никто не мог оставаться из-за чрезвычайного зловонья. Никто не мог пройти по улочкам города, так чтобы не ступать по трупам мертвых.

Заканчивается книга восьмая. Начинается книга девятая.

Книга девятая

21. Кербога¹¹⁴, предводитель войска султана Персии¹¹⁵, оставался в Хорасане. Яги-Сиан, эмир Антиохии, как можно скорее отправил к нему послов с тем, чтобы тот, улучив момент, пришел ему на помощь, поскольку сильнейший народ франков держит его осажденным в Антиохии. В случае предоставления помощи он обещал передать ему город Антиохию или хотя бы одарить его многочисленными дарами. И вот, поскольку у Кербоги уже было большое войско турок, собранное в течение долгого времени, он, получив от Халифа, их апостолика¹¹⁶, позволение убивать христиан, тотчас отправился в долгий путь к Антиохии. На помощь шел эмир Иерусалима со своим войском. Прибыл туда и король Дамаска с большим числом людей. Кербога собрал множество языческих народов, а именно турок, арабов, сарацин, павликан, азимитов, курдов¹¹⁷, персов, агулан и многих других бесчисленных народов. Агулан было три тысячи. Они не боялись ни копий, ни стрел, ни другого оружия, ибо все были со всех сторон покрыты железом, как они сами, так и их лошади¹¹⁸. И они желали сражаться в бою только мечом.

¹¹³ Под землей Танкреда здесь понимается территория к западу от укреплений, которые держал Танкред (*Histoire anonyme*. P. 109).

¹¹⁴ Атабек Мосула. Здесь именуется Curbaram; имя Кербога стало известно по арабским источникам (*Ibid*. P. 111).

¹¹⁵ Имеется в виду империя сельджуков (*Ibid*. P. 111).

¹¹⁶ Здесь Аноним переносит на Восток термины Запада и сравнивает халифа с папой, ибо и тот и другой обладал властью в духовной сфере. Под халифом понимается халиф Багдада, которого турки признавали духовным владыкой.

¹¹⁷ Курды были довольно многочисленны в Сирии (*Histoire anonyme*. P. 111).

¹¹⁸ Довольно наглядный аргумент в пользу того, что агулане – это тяжеловооруженные воины.

Все они выступили на осаду Антиохии, чтобы рассеять ряды франков. И когда они приблизились к городу, навстречу им вышел Сенсадол, сын Ягиссиана, эмира Антиохии, и сразу бросился к Кербоге, со слезами умоляя и говоря: «О непобедимейший государь, умоляю тебя как можно быстрее помочь мне, ведь франки отовсюду осаждают меня в Антиохийском акрополе¹¹⁹, а город уже держат в своей власти. Они жаждут отрезать нас от Романии, Сирии, а затем от Хорасана. Они достигли всего, чего хотели, и убили моего отца. Не останется ничего иного, кроме того, что они убьют меня, тебя и всех из нашего рода. Я уже давно ожидаю на помощь тебя, дабы ты помог мне в этой беде». Кербога ответил ему: «Если ты хочешь, чтобы я помог тебе от всего сердца и был верной подмогой тебе в этой беде, передай акрополь в мои руки. И тогда ты увидишь, насколько я буду тебе полезен. И я сделаю так, чтобы акрополь защищали мои люди». Сенсадол ответил ему: «Если ты сможешь уничтожить всех франков и передать мне их головы, я передам тебе акрополь и дам тебе оммаж и буду в верности тебе охранять акрополь». Кербога ему ответил: «Да не будет так! Тотчас же передай в мои руки крепость!». И в конце концов он волей-неволей передал ему крепость.

На третий день после того, как мы вошли в город, их головной отряд был под его стенами. Их войско расположилось у моста через Оронт. Они взяли штурмом башню и убили всех, кого там нашли. Никого не осталось в живых, кроме их господина, которого мы нашли в железных оковах после большого боя. На следующий день, войско язычников, приблизившись к городу, расположилось лагерем между двух рек, простояв там два дня. Приняв крепость, Кербога позвал к себе одного эмира из своих, такого, которого знал как правдивого, кроткого, мирного, и сказал ему: «Хочу, чтобы ты, храня верность мне, взял на себя охрану этой крепости, поскольку с давних пор я знаю твою преданность и потому прошу тебя, чтобы ты с величайшей осмотрительностью стоял на страже этого акрополя». Эмир ответил ему: «Я бы никогда не пожелал выполнять для тебя такое поручение. Но я, однако, это исполню, но с тем условием, что, если франки в смертном бою выбьют вас и победят, я отдам им эту крепость». Кербога сказал ему: «Я знаю твою честность и благоразумие, а потому согласен со всем, что ты считаешь во благо исполнить».

Кербога вернулся к своему войску. Затем турки, надсмехаясь над франками, принесли на обозрение Кербоги какой-то ничтожнейший меч, покрытый ржавчиной, прескверный деревянный лук и совершенно негодное копьё, отнятое незадолго до этого у бедных паломников. Турки говорили: «Вот то оружие, с которым франки вышли с нами на бой». Тогда Кербога улыбнулся, говоря во всеуслышанье: «И это то воинственное и блистательное оружие, которое христиане обратили против нас в Азии и которым они

¹¹⁹ Речь идет о внутренней цитадели Антиохии.

думают и надеются изгнать нас за пределы Хорасана и уничтожить все, что наше по ту сторону рек Амазонских. Они, которые выгнали всех наших отцов из Романии¹²⁰ и из Антиохии, царственного города, по заслугам являющегося столицей всей Сирии?»¹²¹. Тотчас он призвал своего секретаря и сказал¹²²: «Пиши скорее множество писем, которые будут читать в Хорасане. А именно пиши так: “Нашему апостолику Халифу, а также нашему господину королю Султану, храбрейшему воину, а также всем благоразумнейшим воинам Хорасанским поклон и почет. Да возрадуются они в счастливом согласии, да будут сыты их животы, пусть они повелевают и вещают истину по всей той земле, чтобы все в ней резвились и всецело предавались роскоши. И да породят они в радости многих сынов, которые победят, сражаясь в битве против христиан. И пусть с радостью примут эти три оружия, некогда отнятые у франкского сброда. Пусть немедленно узнают, с каким оружием идет против нас народ франков. Кроме того, пусть все знают, что я держу всех франков запертыми в Антиохии и что цитадель держу всецело в моей власти, а они находятся в городе внизу. Итак, все они теперь в моих руках. Я их всех заставлю либо погибнуть, либо они будут уведены в Хорасан в жестокий плен по той причине, что грозят они обратить нас в бегство силой своего оружия и изгнать нас из всех наших земель. Вот они уже изгнали наших отцов из Романии и Сирии. Отныне клянусь вам Магометом и именами всех богов, что не предстану вновь пред вашими очами до тех пор, покуда своей крепкой десницей не завоюю вновь царственный город Антиохию, всю Сирию и Романию, Болгарию¹²³ и земли вплоть до Апулии ко

¹²⁰ Делается отсылка на войны, которые в X в. вели Никифор Фока и Иоанн Цимисхий. Войну вела Византия, а не западные страны (*Gesta Francorum*. P. 51). У арабов были поэтапно отвоеваны Крит, Кипр, Северная Месопотамия, часть Малой Азии, значительная часть Сирии. Также Византия установила свое влияние на Армению и Грузию. Существует точка зрения, согласно которой попытки византийской экспансии следует считать «византийским крестовым походом», ибо среди задач было освобождение Иерусалима от мусульман (*Vuympap II*. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. СПб., 2003. С. 18).

¹²¹ Здесь и далее автор стремится показать надменность Кербоги, что характерно для хроник первого крестового похода. Связано это с тем, что *superbia* (гордыня) – самый тяжкий из семи смертных грехов, противопоставляемый добродетели смирения (*Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 144–145). По мнению Брейе, здесь имеется интерполяция (*Histoire anonyme*. P. VI).

¹²² Этот отрывок, с точки зрения Л. Брейе, выделяется по стилю и является вставкой (*Ibid.* P. VI–VII). Р. Хилл не согласна с этим мнением, считая, что такой стиль в то время приписывался христианами мусульманам и письму халифу, а также и диалог Кербоги с матерью (см. далее) вставками не являются (*Gesta Francorum*. P. XV–XVI, 52).

¹²³ Здесь обозначает в целом Балканы (*Gesta Francorum*. P. 52).

славе богов и вашей и всех, кто принадлежит к роду турков»». Так он закончил свою речь.

22. Мать Кербоги, которая была в Алеппо, явилась тогда к нему и со слезами сказала¹²⁴: «Сын мой, правда ли то, что я слышу?». Он ответил ей: «Что?». И она сказала: «Я слышала, что ты хочешь начать войну с народом франков». Он ответил: «Поистине, ты слышала правду». Она сказала: «Заклинаю тебя именами всех богов и твоей справедливостью, не начинай войну с франками, ведь ты воин непобедимый, и никто никогда не видел, чтобы ты бежал с поля боя побежденным. Всюду гремит слава о твоём воинстве, и всякий благоразумный воин трепещет, услышав твое имя. Мы знаем вполне, сын мой, что ты силен в бою и храбр, и что никто из рода христиан или язычников не в силах был сохранять мужество перед ликом твоим. Они бежали, только услышав твое имя, так, как овцы бегут перед яростью льва. Поэтому умоляю тебя, дражайший сын, принять мои советы, не колеблясь душой, оставь свои помыслы начать войну с народом христиан». Кербога, выслушав увещевания своей матери, высокомерно ответил ей: «Что это ты мне рассказываешь, мать? Думаю я, что ты полна безумия и бешенства. У меня есть больше эмиров, чем христиан больших и малых». Мать ответила ему: «О, сладчайший сын! Христиане не в состоянии с вами воевать. И знаю также, что не в силах пойти на вас войной, но бог их за них ежечасно сражается, и днем и ночью держит их под своей защитой, неуспынно заботясь о них, подобно тому, как пастырь заботится о своем стаде. И он не позволит, чтобы им причинил вред или потревожил их другой народ. И кто бы ни захотел им противостоять, тот же самый бог сокрушит его, как сказал сам этот бог устами пророка Давида: “Рассыпь народы, желающие брани”¹²⁵. И еще в другом месте: “Пролей гнев твой на народы, которые не знают тебя, и на царства, которые имени твоего не призывают”¹²⁶. Еще до того, как они подготовятся к бою, их всемогущий и сильный в бою бог вместе со своими святыми уже разгромит всех врагов. А насколько больше он сделает вам, своим врагам, которые изготовились со всем мужеством противостоять ему. Узнай истину, дражайший, ведь эти христиане зовутся сынами Христа. И, согласно пророкам, они – дети усыновления и обетования¹²⁷. Следуя апостолу, они – наследники Христа¹²⁸, которым Христос подарил обещанное наследство, о чем говорится устами пророка:

¹²⁴ По мнению Л. Брейе, диалог Кербоги и матери является добавлением, сделанным клириком, ибо выделяется по стилю и содержит библейские цитаты (*Histoire anonyme*. P. VI–VII).

¹²⁵ Псалтирь 67:31. Цитата верна.

¹²⁶ Псалтирь 78:6. Цитата верна.

¹²⁷ Отдаленно напоминает Рим. 9.8 и Гал. 4.5.

¹²⁸ Рим. 8.17 «heredes quidem Dei coheredes autem Christi». Синодальный перевод: «наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу».

«От восхода к закату будут ваши пределы, и никто не устоит против вас»¹²⁹. И кто может с этими словами спорить или противостоять им? Вне сомнений, если ты начнешь против них войну, величайший ущерб будет тебе и позор. Многих своих верных воинов ты погубишь и всю свою добычу потеряешь и побежишь в великом ужасе. В этой войне ты умрешь не сразу, однако в этом же году¹³⁰. Ибо сам бог не сразу и в безудержном гневe вершит суд над согрешившим перед ним, но карает грешника зримой карой, когда хочет. Поэтому я боюсь, чтобы он не осудил тебя на суровое наказание. Ты не умрешь сразу, говорю я, но однако же потеряешь ты то, чем обладаешь сейчас».

Кербога, услышав эти слова матери, был огорчен в глубине души своей и ответил: «Дражайшая мать, скажи, кто рассказал тебе о народе христиан все это: что их бог их так любит и что он сам обладает величайшим мужеством в бою? И что христиане победят нас в сражении при Антиохии, и что они захватят нашу добычу и победоносно будут преследовать нас, и что в этом году я умру внезапной смертью?». Мать, печалась, отвечала ему: «Дражайший сын, вот уже более сотни лет, как известно из нашей рукописи и языческих свитков, что народ христиан пойдет на нас войной, и что он победит нас повсюду, и будет править над язычниками, а наш народ будет повсюду им подчинен. Но я не знаю, произойдет ли это сейчас или в будущем. Как бы то ни было, я, несчастная, последовала за тобой из прекраснейшего города Алеппо. Там, созерцая и тщательно наблюдая, я изучала светила на небесах и проницательно исследовала ход планет, и двенадцать знаков¹³¹, и многие предсказания. Из всего того я нашла, что

¹²⁹ Ср. Второзаконие 11:24-25 «*omnis locus quem calcaverit pes vester vester erit a deserto et Libano a flumine magno Eufraten usque ad mare occidentale erunt termini vestri; nullus stabit contra vos terrorem vestrum et formidinem dabit Dominus Deus vester super omnem terram quam calcaturi estis sicut locutus est vobis*». В синодальном переводе: «всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше; от пустыни и Ливана, от реки, реки Евфрата, даже до моря западного *будут пределы ваши; никто не устоит против вас*: Господь, Бог ваш, наведет страх и трепет пред вами на всякую землю, на которую вы ступите, как Он говорил вам». Ср. также Иисуса Навина 1:4-5 «*a deserto et Libano usque ad fluvium magnum Eufraten omnis terra Hettheorum usque ad mare Magnum contra solis occasum erit terminus vester; nullus vobis poterit resistere cunctis diebus vitae tuae sicut fui cum Mose ero et tecum non dimittam nec derelinquam te*». В синодальном переводе: «от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого моря *к западу солнца будут пределы ваши; никто не устоит пред тобою* во все дни жизни твоей; и как Я был с Моисеем, так буду и с тобою: не отступлю от тебя и не оставлю тебя».

¹³⁰ Кербога умер в 1101–1102 гг. (точно не известно). Это может свидетельствовать о том, что текст написан по ходу событий.

¹³¹ Вероятно, знаки зодиака.

народ христиан всюду нас разгромит, и потому я очень печалюсь и боюсь потерять тебя».

Сказал ей Кербога: «Дражайшая мать, скажи мне обо всем, во что мое сердце отказывается верить». Она ответила ему: «Дражайший, я охотно сделаю это, если я узнаю, что для тебя неясно». Он сказал ей: «Разве Боэмунд и Танкред не боги франков и не спасают их от врагов? И правда ли, что они за один завтрак съедают две тысячи коров и четыре тысячи свиной?» Мать ответила: «Дражайший сын, Боэмунд и Танкред такие же смертные, как и остальные, но их бог отмечает их своей любовью перед другими и дает им в сражении мужество большее, чем прочим. Их бог, имя которому Всемогущий, создал небо и землю, создал моря и все, что в них¹³². Его престол воздвигнут в небесах навечно и всюду трепещут перед его могуществом». Сказал сын: «Если причина в этом, то я не прекращу воевать с ними». Мать его, слыша, что сын не внял ее совету, в большой печали отправилась назад в Алеппо, унося с собой все, что смогла унести.

23. На третий день Кербога вооружился, и с ним была большая часть турок. Они прибыли к городу с той стороны, где находилась цитадель. Мы же, считая, что в силах противостоять им, приготовились к сражению с ними. Но сила их была настолько велика, что мы не смогли им противостоять и вынуждены были отступить в город через ворота, до такой степени тесные и узкие, что многие погибли, давя друг друга. Впрочем, одни сражались за городом, а другие внутри города в течение всего четверга вплоть до вечера. А Гильом де Гранмениль, его брат Альбрик, Гвидо Труссо, Ламберт Бедняк, все они, объятые страхом после вчерашней битвы, которая длилась вплоть до вечера, ночью тайно бежали через стену, впопыхах удирая к морю так, что до костей ранили себе руки и ноги. Многие другие, кого я не знаю, бежали с ними. Придя к кораблям, которые были в гавани св. Симеона, они сказали нашим морякам: «Несчастные, зачем вы здесь стоите? Все наши погибли, и мы едва избежали смерти, остальные же со всех сторон осажены в городе войском турок». Моряки, услышав такое, были ошеломлены, а затем объятые страхом побежали к судам и ушли в море. Наконец, неожиданно явились турки и убили тех, кого нашли, а суда, которые остались в русле реки, ограбили и сожгли.

Мы, оставшись в городе и будучи не в силах выдерживать натиск их оружия, построили стену между нами и ними, где несли стражу день и ночь.

¹³² Ср. Исход 20:11 «*sex enim diebus fecit Dominus caelum et terram et mare et omnia quae in eis sunt et requievit in die septimo idcirco benedixit Dominus diei sabbati et sanctificavit eum*»; в переводе: «ибо в шесть дней *создал* Господь *небо и землю, море и все, что в них*, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботный и освятил его». Аноним цитирует не очень точно: «*fecit caelum et terram et fundavit maria et omnia quae in eis sunt*» (*Gesta Francorum*. P. 56). См. также Деян. 4.24 и 14.15.

Натиск же на нас был таков, что мы принуждены были питаться нашими лошадьми и ослами.

24. В один из дней, когда наши предводители, печальные и скорбящие, стояли наверху напротив цитадели, к ним подошел какой-то священник¹³³ и сказал: «Сеньоры, если вам угодно, выслушайте, что явилось мне в видении». В одну из ночей я ночевал в церкви Св. Марии, матери Господа нашего Иисуса Христа, явился мне Спаситель мира со своею матерью и блаженным Петром, первым из апостолов, и став предо мною, и сказал мне: «Узнаешь меня?». Я ответил ему: «Нет». Когда я это сказал, вдруг непорочный крест явился на его голове. Еще раз спросил меня Господь: «Узнаешь меня?». Я сказал: «Все равно я тебя не узнаю, разве что вижу крест на твоей голове, как у нашего Спасителя». Он сказал: «Это я и есть». Я тут же пал к его ногам, смиренно моля, чтобы он пришел нам на помощь в тех бедствиях, которым мы подверглись. Господь ответил: «Я уже достаточно помог вам и буду помогать впредь. Я позволил вам завладеть Никеей, разгромить врагов во всех сражениях, довел вас досюда и сострадал вашим несчастьям, которые вы претерпели, осаждая Антиохию. Помогая вам, я ввел вас целыми и невредимыми в город, и вот вы стали в изобилии творить грязную любовь с христианами и грязными языческими женщинами, отчего несказанный смрад поднялся в небо». Тогда благодетельная Дева и блаженный Петр пали к коленям его, прося и умоляя, чтобы он не оставил свой народ в этом горе. Блаженный Петр сказал: «Господи, столь долгое время народ язычников владел домом моим¹³⁴, в котором они содеяли много несказанного зла. Но вот уже враги изгнаны оттуда, Господи, и ликуют ангелы на небе». И сказал мне Господь: «Иди и скажи народу моему, чтобы он возвратился ко мне, и я тогда возвращусь к нему и в течение пяти дней окажу ему большую помощь. И пусть ежедневно поют *Congregati sunt* вместе со славословием». Сеньоры, если вы не верите, что это правда, позвольте мне подняться на эту башню, и я брошусь вниз. Но если я буду цел, верьте, что это правда, а если же я поврежу себе что-либо, обезглавьте меня или бросьте в огонь».

Тогда епископ Пюи приказал принести евангелие и крест, чтобы тот поклялся, что все это правда. Тогда наши предводители посоветовались и решили, что все должны дать клятву¹³⁵ в том, что никто из них не обратится в бегство ни ради жизни, ни из-за страха перед смертью, доколе будут живы. Говорят, что первый поклялся Боэмунд, а затем граф Сен-Жильский, Роберт Норманнский, герцог Готфруа и граф Фландрский. Танкред, в свою очередь, поклялся и дал обет такого рода, что до тех пор, пока с ним будет 40 воинов,

¹³³ Согласно Раймунду Анжильскому, его звали Стефан (*Gesta Francorum*. P. 57).

¹³⁴ Ранее в Антиохии существовал собор св. Петра, переделанный затем мусульманами в мечеть (*Histoire anonyme*. P. 131).

¹³⁵ Л. Брейе полагает, что здесь имеется в виду причастие (*Histoire anonyme*. P. 131).

он не только не покинет эту битву, но и не сойдет с пути Иерусалимского. И возликовало сообщество христиан, слыша эту присягу.

25. Был там некий паломник из нашего войска по имени Петр¹³⁶, которому еще до того, как мы вошли в город, явился св. апостол Андрей и сказал: «Что творишь, добрый муж?». Ему ответил он: «Кто ты?». Сказал ему апостол: «Я – апостол Андрей. Знай, сын мой, что как только ты войдешь в город, то, придя в храм Св. Петра, найдешь там копьё спасителя нашего Иисуса Христа, которым был он ранен на кресте»¹³⁷. Сказав все это, апостол тотчас исчез.

Сам Петр, не решаясь разглашать совет апостола, не захотел объявить о нем нашим паломникам. Он думал, что ему привиделось. И сказал апостолу: «Господи, кто в это поверит?». И в тот самый час св. Андрей, взяв его, доставил к тому месту, где в земле было спрятано копьё.

И вот, когда мы находились уже в том положении¹³⁸, о каком сказано выше, снова явился св. Андрей, говоря Петру: «Отчего не вынул ты копьё из земли, как я тебе велел? Знаешь ли, что всякого, кто идет с этим копьём на битву, врагу никогда не превзойти?». И Петр тотчас разгласил апостольскую тайну нашим людям. Народ сомневался и упорствовал, говоря: «Как можно в это поверить?». Все трепетали и думали, что смерть близка. Тогда Петр явился¹³⁹ и поклялся, что все это истинная правда, поскольку св. Андрей дважды предстал ему в видениях и говорил: «Вставай, иди и скажи народу Божьему, чтобы он не боялся, но напротив неколебимо уверовал всем сердцем в единого истинного Бога. И они победят повсюду, и через пять дней Бог ниспошлет им то, что вселит в них радость и веселье. И если они захотят сражаться, то вскоре, как только выступят единодушно на бой, все враги их будут побеждены и никто более не устоит против них». Слыша, что они должны будут разгромить врагов, все оживились и ободряли себя и друг друга, говоря: «Очнитесь и будьте всюду храбры и благоразумны, ведь Бог скоро придет к нам на помощь. Он станет величайшим убежищем для народа своего, которого ныне видит пребывающим в печали».

26. Тем временем турки, которые были наверху в цитадели, начали нас теснить отовсюду с такой силой, что однажды окружили трех наших воинов в башне, которая была перед цитаделью. Язычники выступили и устремились

¹³⁶ Некий бедняк из провансальского ополчения по имени Петр Бартелеми.

¹³⁷ Византийцы претендовали на то, что «святое копьё» находится в Константинополе, ибо его перенесли туда после потери Иерусалима (*Histoire anonyme*. P. 135).

¹³⁸ Другие источники сообщают, что Петр Бартелеми утверждал, что первые видения начали у него еще с конца декабря 1097 г. (*Histoire anonyme*. P. 133), т. е. на полгода раньше сражений крестоносцев с Кербогой, видимо, подразумеваемых здесь и относящихся к началу июня 1098 г.

¹³⁹ Р. Хилл предполагает, что он поклялся на собрании вождей (*Gesta Francorum*. P. 60).

на них с такой яростью, что те не были в состоянии сдержать их натиск. Двое из воинов вышли из башни ранеными, а третий весь день мужественно защищался там от натиска турок и настолько благоразумно, что в тот самый день убил двух турков на подступах к стене сломанными копьями. Три копья сломались в его руках в тот день, но враг встретил свою смерть. Имя ему было Гуго Бешеный из войска Готфрида с Чесоточной горы¹⁴⁰.

Достопочтенный муж Боэмунд видел, что никоим образом не может собрать народ на штурм цитадели. Запершись в домах, одни страшились голода, другие турок. Боэмунд чрезвычайно разгневался и приказал немедленно пустить огонь по городу с той стороны, где был дворец Яги-Сиана. Видя это те, кто были в городе, оставив дома и свое имущество, бежали: одни к цитадели, другие к воротам, которые держал граф Сен-Жилльский, третьи – к воротам, которые держал герцог Готфрид, каждый к своему народу. Тут неожиданно поднялась такая буря, что никто не мог найти правильную дорогу. Боэмунд, муж мудрый, сильно опечалился, боясь за церковь св. Петра и св. Марии, а также за другие церкви. Этот ужас длился с трех часов вплоть до полуночи, и было сожжено около двух тысяч церквей и домов. С наступлением полуночи вся огненная буря внезапно стихла.

Турки, занимавшие цитадель, бились с нами внутри города днем и ночью, и нас разделяло только оружие. Наши видели, что не смогут долго это выдерживать, ведь тем, у кого был хлеб, невозможно было его съесть, а тем, у кого была вода, невозможно было пить. И они соорудили стену между собой и турками из камня и извести. А также построили осадную башню и машины, чтобы быть в безопасности. Часть турок осталась в цитадели, продолжая бой с нами, другая расположилась лагерем неподалеку от цитадели в одной долине.

Когда наступила ночь, явился небесный огонь с запада и, приблизившись, упал на войско турок. Этим были удивлены и наши, и турки. С наступлением утра потрясенные турки, все одинаково страшась огня, бежали к воротам, которые держал Боэмунд, где и расположились. Та их часть, что оставалась в цитадели, вела бой с нашими день и ночь, нанося раны и убивая их с помощью стрел. Другие же со всех сторон осаждали город так, что никто из наших не решался выйти из него или войти, кроме как тайком ночью. Так они осаждали и теснили нас, и было их несчетное множество. Эти нечестивцы и враги Бога держали нас запертыми в Антиохии так, что многие из наших умерли от голода, поскольку маленький хлебец продавался за один бизант. О вине я и не говорю. Ели и продавали мясо лошадей и ослов. Курица продавалась за 15 солидов, яйцо за 2 солида, один орех за денарий. Все было очень дорого. Кипятили и ели листья смоковницы, виноградной лозы,

¹⁴⁰ Упоминание этого человека здесь представляется довольно странным, ибо в третьей книге он был убит.

чертополоха и всех прочих деревьев. Такой сильный был голод. Другие брали сухие шкуры лошадей, верблюдов, ослов, а также быков и буйволов, отваривали и ели. Эти, а также другие ужасы и беды, которые я не в силах описать, мы претерпели во имя Христово и ради свободного пути ко Святому Гробу. Эти мучения, голод и ужасы мы претерпевали на протяжении 26 дней.

27. Трусливый граф Стефан Шартрский¹⁴¹, которого наши предводители сообща избрали своим главнокомандующим, притворился, что сражен болезнью и еще до того, как Антиохия была взята, постыдным образом бежал в другую крепость, что называется Александретта¹⁴². Мы ежечасно ожидали, что он придет на помощь к нам, запертым в городе и лишенным спасительной поддержки. Он же, услышав, что народ турков окружил нас и осаждает, тайком поднялся на ближайшую к Антиохии гору и увидел бесчисленные шатры. Объятый сильным страхом, он подался назад и поспешно бежал вместе со своим войском. Вернувшись в свой лагерь, он взял, что можно и быстрым маршем повернул в обратный путь. Встретив императора у Филомелиума, он попросил его о разговоре с глазу на глаз и сказал: «Узнай же правду, что Антиохия взята, но крепость еще не пала. Наши же все едва держат осаду и, я полагаю, уже истреблены турками. Возвращайся назад как можно скорее, дабы не разыскали они тебя и тот народ, который ведешь с собой». Император, объятый страхом, тайком призвал Гвидо, брата Боэмунда, и еще нескольких других и сказал им: «Сеньоры, что будем делать? Вот, все наши едва держатся под натиском турок и, возможно, в этот час все уже пали от их руки или уведены в плен, как рассказывает этот постыдно сбежавший несчастный граф. Если хотите, мы вскорости вернемся назад, дабы не погибнуть неожиданной смертью, как погибли они».

Когда Гвидо, достойнейший воин, услышал такое, он вместе со всеми остальными тут же отчаянно зарыдал, громко завывая. И все говорили в один голос: «О, Господь истинный и триединый, отчего ты попустил всему этому случиться? Отчего ты допустил, чтобы народ, следующий за тобой, попал в руки врагов? Отчего столь быстро ты оставил тех, кто желал освободить путь к тебе и твоему гробу? Поистине, если правдивы те слова, что мы слышали

¹⁴¹ Стефан Шартрский, граф Шартра и Блуа, крупный и могущественный сеньор. Был женат на Адели, дочери Вильгельма Завоевателя. Он бежал 2 июня, уже в ночь со 2 на 3 июня Антиохия была взята в силу договоренностей Боэмунда с Фирузом. Подробнее о нем см.: *Лучицкая С. И.* Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII в. // *Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени.* М., 1996. С. 136–156.

¹⁴² По мнению Брейе, в этой главе содержатся интерполяции (*Histoire anonyme*. Р. VII). Согласно его мнению, они могли быть сделанными в последующее десятилетие во время конфликта Боэмунда и Алексея Комнина.

от этих негодяев, мы и остальные христиане оставим тебя. И мы больше о тебе не вспомним, и никто из нас уже не осмелится упомянуть имя твое». И так говорили в величайшем унынии по всему войску так, и никто, будь это епископ или аббат, клирик или мирянин, не осмеливался призывать имя Христа в течение многих дней. Никто не мог успокоить Гвидо, который отчаянно рыдал и увечил себя так, что даже ломал себе пальцы, говоря: «Увы мне, о мой Господин Боэмунд, честь и слава всего мира! Ты, которого весь мир боялся и любил! Увы мне несчастному! Не заслужил я, к горю моему, чести увидеть твой достойнейший лик, хотя ничего я не желал увидеть так сильно. Кто мне даст умереть за тебя, дражайший друг и господин? Отчего я не умер сразу, как вышел из утробы матери? Отчего я дожил до этого злосчастливого дня? Отчего не утонул в море? Отчего я не упал с лошади и не умер тотчас же, сломав себе шею? О, если бы я принял вместе с тобой счастливое мученичество, дабы видеть твой славнейший конец!». И когда все сбежались к нему с тем, чтобы убедить его перестать горевать, он, придя в себя, сказал: «Стало быть, вы верите этому полуседому трусливому воину? Я не слыхал, чтобы говорили, что он совершил какую-либо доблесть, но однако он постыдно и бесчестно повернул вспять, как несчастный и негодяй. А по сему знайте – что бы этот негодный ни возвещал, все это неправда».

Между тем император приказал своим людям: «Идите и выведите всех людей из этой страны в Болгарию. Выведайте и уничтожьте все так, чтобы турки, когда придут, не смогли ничего найти». Волей-неволей наши повернули назад, горько скорбя и убиваясь. Многие из паломников умерли, изнуренные и не в силах следовать за войском. Они оставались умирать на дороге. Все остальные вернулись в Константинополь.

28. Мы, услышав слова того, кто нам через слова апостола открыл Христово откровение, тут же спешно отправились к тому месту в церкви св. Петра, на которое нам было указано. И копали здесь тринадцать человек с утра до вечера. И Петр нашел копье, о котором говорил. Его извлекли они с великой радостью и трепетом. И поднялось безмерное ликование по всему городу. С этого часа мы приняли план военных действий. Наши предводители собрали совещание о том, чтобы послать вестника к врагам Христа туркам, дабы тот при помощи переводчика спросил их в приватной беседе, отчего они с такой надменностью вступили в христианскую страну и стали в ней лагерем и зачем убивают и угрожают рабам Христа. Когда окончили говорить, наши предводители нашли каких-то мужей, а именно Петра Пустынника и Херлуин, и сказали им все это: «Идите к треклятому войску турок и тщательно перескажите им все сказанное. Спросите их, отчего они с такой дерзостью и надменностью вступили в страну христианскую и нашу».

Когда это было сказано, вестники удалились и пришли к этому богохульному сборищу, говоря все предназначенное Кербоге и прочим¹⁴³: «Наши сеньоры и предводители весьма удивляются тем, что вы столь дерзко и с такой надменностью вторглись в землю христианскую и их. Мы, тем не менее, считаем и верим, что вы пришли сюда по той причине, что хотите посредством всего этого стать христианами. Или потому вы пришли сюда, чтобы всячески изнурять христиан? Итак, все предводители наши равным образом просят вас как можно скорее уйти с Божьей земли и из страны христиан, которую блаженный Петр, проповедуя, уже давно обратил к почитанию Христа. Они разрешают вам увести с собой все, что ваше, а именно лошадей, мулов, ослов и верблюдов, а также овец и быков, и все остальное снаряжение, какое пожелаете унести.

Тогда Кербога, предводитель войска персидского султана, исполнившись гордыни, надменно ответил вместе с остальными: «Вашего Бога и вашего христианства мы не хотим и не желаем и вас вместе с ними отвергаем с презрением. Мы прибыли сюда затем, что весьма дивимся, по какой причине и почему сеньоры и предводители, которых вы упомянули, называют своей землей, которую мы отобрали у женоподобных народов? Вы хотите знать, что мы вам скажем? Поворачивайте назад как можно скорее и скажите вашим сеньорам, что если они жаждут посредством всего этого стать турками и если они хотят отвергнуть вашего бога, которого коленопреклоненно чтите, а также свои законы, то мы дадим им достаточно земли, городов и замков так, что никто из ваших не останется пешим, но все будут воинами, как и мы. И мы будем тогда в величайшей дружбе. Но если нет, то пусть знают, что они либо примут смерть, либо уведенные в окопах в плен в Хорасан будут служить нам и нашим детям во веки веков».

Наши вестники спешно вернулись назад, пересказав все, чем им ответил свирепейший из народов. Говорят, что Херлуин знал оба языка, и он был переводчиком Петра Пустынника. Между тем наше войско было всюду поколеблено и не знало, что делать. С одной стороны, их снедал мучительный голод, а с другой – их угнетал страх перед турками.

29. По окончании трехдневного поста, когда был совершен крестный ход от одной церкви к другой, наши исповедовались в своих грехах, получив прощение. Они причастились телом и кровью Христовой, раздав милостыню и отправив мессы. Наконец, шесть их отрядов встали внутри города. Во главе авангарда был Гуго Великий с франками и графом Фландрским. Во втором – герцог Готфрид со своим войском. В третьем был Роберт Норманнский со своими воинами. В четвертом был епископ Пюи со своими людьми, который нес с собой копье Спасителя, и с ним войска Раймунда Сен-Жилльского. Тот

¹⁴³ Брейе, указывая на другие источники, считает, что посольство к Кербоге состоялось несколько позже (*Histoire anonyme*. P. 148–149).

остался наверху охранять цитадель, опасаясь турок, как бы они не спустились в город. В пятом отряде был Танкред со своими людьми. В шестом был Боэмунд со своим войском. Наши епископы, пресвитеры, клирики и монахи, облаченные в священные одежды, вышли с нами, держа в руках кресты, прося и моля Господа, чтобы он охранял нас, даровав нам спасение, и избавил от всякого зла. Другие стояли над воротами, держа святые кресты в своих руках, осеняя нас крестным знаменем и благословляя. Итак, мы, выстроившись в боевом порядке под сенью крестного знаменения, выступили через ворота, те, что перед мечетью.

После того, как Кербога увидел, что франкские отряды, красиво выстроившись, выходят один за другим, он сказал: «Позвольте им выйти, чтобы нам было легче завладеть ими». Когда наши были за пределами города, Кербога, увидев многолюдство народа франков, очень испугался. Тотчас он поручил своему эмиру, который ведал стражей, чтобы тот, если увидит огонь, зажженный в головном отряде, немедленно возвестил отступление всему войску, зная, что турки проиграли битву.

Кербога сразу же начал понемногу отступать к горе, а наши же понемногу теснили их. Наконец, турки разделились: часть ушла к морю, а остальные держали позицию, думая взять наших в кольцо. Наши, видя это, поступили так же. При этом был создан седьмой отряд из войск герцога Готфрида и графа Норманнского. Во главе его встал Райнольд. Они устремились навстречу туркам, которые шли с моря. Турки сразились с ними, стреляя из лука, и убили многих из наших. Другие силы турок стали строем от реки до горы, что лежала в двух милях отсюда. Турки начали наступать с обеих сторон и отовсюду окружать наших, метая копья, стреляя из лука и нанося раны.

И вот на горах появились бесчисленные войска с белыми лошадьми и белыми знаменами. Наши, увидев это войско, не знали точно, что это и кто это. Но затем они узнали, что это подмога, посланная Христом, и предводительствовали ей святые Георгий, Меркурий и Деметрий. Эти слова правдивы, ибо многие из наших видели это.

Турки, которые стояли со стороны моря, увидев, что те не могут более держаться, подожгли траву, дабы, увидев это, те, кто был в шатрах, обратились в бегство. Те, видя этот знак, взяли всю достойную добычу и бежали. Наши же постепенно продвигались к их главной силе, а именно к их лагерю. Герцог Готфрид, граф Фландрский и Гуго Великий скакали рядом с водой там, где было их основное войско (*virtus*). Эти трое первыми напали на них, защищенные крестным знаменем. Другие отряды, видя это, тоже устремились на них. Персы и турки громко закричали. Мы, призывая Бога, живого и истинного, скакали на них. Во имя Иисуса Христа и Святого Гроба мы начали битву и с Божьей помощью разгромили их.

Турки, объятые ужасом, бросились в бегство, и наши преследовали их до шатров. Итак, воины Христа предпочли преследовать их, чем искать добычу. Они гнались за ними вплоть до моста через Оронт, а затем вплоть до цитадели Танкреда. Они бросили там свои шатры, золото, серебро и другое добро, а также овец, быков, лошадей, мулов, верблюдов, ослов, хлеб и вино, муку и многое другое, что было нам необходимо.

Армяне и сирийцы, жившие в этой стороне, услышав, что мы победили турков, спеша им навстречу, бежали в горы. И скольких турок они нашли, столько их и убили. Мы, вернувшись к городу в великой радости, восхваляли и славили Бога, который дал своему народу победу.

Эмир, оборонявший цитадель, был объят страхом, когда увидел Кербогу и всех прочих бегущими с поля боя перед войском франков. Тотчас и в великой спешке он стал просить франские знамена. Граф Сен-Жилльский, который стоял у цитадели, приказал принести ему графское знамя. Эмир принял его и с тщанием поднял на башне. Лангобарды, стоявшие там, тотчас сказали: «Это знамя не Боэмунда». Эмир спросил: «А чье же оно?». Они ответили: «Графа Сен-Жилльского». Он подошел и, сняв знамя, вернул его графу. Но в тот самый час прибыл достопочтенный муж Боэмунд и дал ему свое знамя. Он принял его с великой радостью и заключил договор с господином Боэмундом, что язычники, которые захотят принять христианство, будут с ним, а тем, кто захочет уйти, Боэмунд позволит удалиться целыми и невредимыми. Боэмунд согласился со всем, что потребовал от него эмир, и тотчас отправил своих сержантов в цитадель. Через немного дней эмир принял крещение вместе с теми, кто пожелал познать Христа. Тех же, кто захотел держаться своих законов, господин Боэмунд приказал увести в землю сарацин. Эта битва случилась 28 июня, в канун праздника апостолов Петра и Павла, в правление господина нашего Иисуса Христа, которому честь и слава во веки веков. Аминь.

Заканчивается книга девятая. Начинается книга десятая.

Книга десятая

30. И когда наши враги (за то должная похвала единому, триединому и всевышнему Богу) были окончательно побеждены, они разбежались в разные стороны. Одни полуживые, другие раненые, они падали замертво по долинам, лесам, полям и дорогам. Народ же Христов, победоносные паломники, разгромив врагов, вернулись в город в счастливом триумфе. Тут же все наши сеньоры, а именно герцог Готфруа, граф Раймунд Сен-Жилльский, Боэмунд, граф Норманнский, граф Фландрский и все прочие, послали знатнейшего воина Гуго Великого к императору в Константинополь

с тем, чтобы тот явился принять город, выполнив договоренные обязательства в отношении их. Гуго отправился и больше не возвращался.

После этого наши предводители собрались посовещаться о том, каким образом управлять народом и вести его, пока не завершат путь ко Святому Гробу, во имя которого они претерпели многие опасности. На совете было решено пока не вступать в страну язычников, затем, что летом она очень засушлива и безводна. По той причине сроки отложили до календ ноября. Затем сеньоры разделились и каждый отправился в свою землю, пока не приблизился срок выступать. Предводители возвестили по всему городу, что если кто-нибудь здесь есть неимущий и нуждается в золоте или серебре, то если он хочет, заключив договор остаться с ними, он будет с радостью принят.

Был там в войске графа Сен-Жилльского некий воин по имени Раймунд Пилет. У него было немало воинов и пеших. Выступив с собранным войском, он храбро вошел в страну сарацин и, миновав два города, достиг некоей крепости по имени Таламания. Жители крепости, а именно сирийцы, тотчас же по доброй воле передались ему. И когда все они были там уже почти восемь дней, к Раймунду прибыли гонцы, говоря, что недалеко от нас крепость с множеством сарацин. Христовы воины – паломники тотчас направились к этой крепости, напали на нее со всех сторон, и она сразу же была взята с Божьей помощью. Всех жителей схватили и убили тех, кто отказался принять христианство. Тех же, кто согласился познать Христа, оставили в живых. Совершив это, франки в большой радости вернулись к себе в крепость. На третий день они выступили и пришли к какому-то городу, имя которому Маарат-ан-Нуман (Maarra), бывшему неподалеку от них. Но там во множестве собрались турки, а также сарацины из Алеппо и всех окрестных городов и крепостей. Варвары выступили для битвы с ними, и наши, решившись схватиться с варварами, обратили их в бегство. Однако в течение всего дня они вновь и вновь возвращались и нападали на нас, и это продолжалось вплоть до вечера. Была очень сильная жара. Не находя нигде воды для питья, наши были не в состоянии выносить такую жажду и захотели безопасно отойти в свою крепость. За грехи их сирийцы и простой народ, объятые великим страхом, тотчас побежали вспять. Турки увидели, что те отступают, и сразу же бросились их преследовать, и победа укрепляла их силы. Многие из наших отдали Богу душу, из любви к которому они тогда собрались. Это избиение случилось 5 июля. Оставшиеся франки вернулись в свою крепость. И был там Раймунд со своим народом много дней.

Прочие, оставшиеся в Антиохии, остановились там в большой радости и ликовании. Их правителем и пастырем был епископ Пюи. Им по воле Божьей овладел жестокий недуг. И по воле Божьей епископ оставил этот век и, покоясь с миром, почил в Господе в праздник оков св. Петра. Отчего великая тоска и безмерная мука объяли все Христово войско, ибо был он защитником

бедному, совет богатому, глава клирикам, проповедовал и увещевал воинов, говоря: «Никто из вас не сможет спастись, если не уважит бедных и не поддержит их. Вы не можете спастись без них, а они не могут жить без вас. Нужно, чтобы они сами в ежедневной молитве просили Бога простить вам грехи, которые вы каждый день творите во множестве. И поэтому я прошу вас, чтобы вы из любви к Богу почитали их и, насколько возможно, оказывали им поддержку».

31. Спустя немного времени после этого достопочтенный муж граф Раймунд Сен-Жилльский выступил и, вступив в страну сарацин, дошел до какого-то города по имени аль-Бара. Он напал на этот город со своим войском и тотчас же захватил его. Там он умертвил всех сарацинов и сарацинок, больших и малых, каких нашел. После этого он принял город под свою власть и возвратил его к христианской вере. Граф Раймунд спросил совета своих мудрейших мужей относительно того, чтобы благопристойным образом назначить епископа в этом городе. Пусть епископ с ревностью обращает его к Христовой вере и на месте обиталища дьявола посвятит храм Богу живому и истинному, а церкви – святым. Наконец, избрали некоего достойного и мудрого мужа и привели его в Антиохию для посвящения. Так и сделали. Прочие же, оставшиеся в Антиохии, радовались и ликовали.

Когда приблизился праздник всех святых¹⁴⁴, наши предводители все вместе возвратились в Антиохию и начали думать о том, как до конца пройти путь ко Святому Гробу, поскольку, как говорили они, близко уже было время похода и браниться нельзя было ни часа. Боэмунд же ежедневно добивался исполнения соглашения, заключенного раньше всеми сеньорами относительно передачи ему города. Но граф Сен-Жилльский не желал в отношении Боэмунда следовать никакому соглашению, поскольку боялся нарушить клятву, данную императору. Тем не менее, они многократно собирались в церкви св. Петра для того, чтобы осуществить то, чего требовала справедливость. Боэмунд зачитал свое соглашение, представив свои расчеты¹⁴⁵. Граф Сен-Жилльский равным образом пояснил свои слова и присягу, которую дал императору по совету Боэмунда. Епископы, герцог Готфрид, граф Фландрский, граф Норманнский и прочие сеньоры оставили других и вошли туда, где находится кафедра св. Петра, чтобы разрешить обоюдную тяжбу. Впоследствии же, боясь, как бы не расстроился путь ко Святому Гробу, они не захотели вынести решение открыто. Граф Сен-Жилльский сказал: «Пока путь ко Святому Гробу еще не оставлен, если Боэмунд пожелает идти с нами, то я со своей стороны клятвенно обещаю согласиться со всем, что одобряют наши сверстники, а именно герцог Готфрид, граф Фландрский, Роберт Норманнский и другие сеньоры, при условии

¹⁴⁴ В католической церкви отмечается 1 ноября.

¹⁴⁵ Затраты на сдачу Антиохии (*Histoire anonyme*. P. 169).

соблюдения обязательств в отношении императора»¹⁴⁶. Боэмунд все это одобрил, и оба они поклялись меж рук епископов, что путь ко Святому Гробу никоим образом не расстроится из-за них. Затем Боэмунд посоветовался со своими людьми о том, как укрепить крепость наверху горы людьми и продовольствием. Равно и граф Сен-Жилльский посоветовался со своими о том, как укрепить дворец эмира Яги-Сиана и башню над воротами моста, что со стороны гавани св. Симеона, людьми и продовольствием так, чтобы хватило надолго.

32. Описание города¹⁴⁷. Этот город Антиохия безусловно славен и знаменит, поскольку в пределах его стен есть четыре горы, очень большие и весьма высокие. На той, что побольше, возведена цитадель, замечательная и исключительно мощная. Внизу лежит город славный и хорошо спланированный, украшенный всеми красотами, ведь там построено много церквей. В нем 360 монастырей и под началом у патриарха 153 епископа¹⁴⁸.

Город окружают две стены. Большая из них весьма высока и удивительно широка, сложенная из огромных камней. На этой стене 450 башен. Сам город прекрасен во всех отношениях. С Востока его окружают четыре большие горы. С Запада стены огибает река по имени Оронт¹⁴⁹. Это город большой важности. В давние времена начало ему положили 75 королей, главным из которых был король Антиох¹⁵⁰. Его именем и назван город. Франки держали его в осаде восемь месяцев и один день. После этого турки и прочие язычники, которых было столько, сколько никогда не собиралось вместе ни христиан, ни язычников, осаждали нас в городе три недели. Но когда с помощью Бога и Святого Гроба они были разгромлены христианами Господними, мы с радостью и великим ликованием отдыхали в Антиохии пять месяцев и восемь дней¹⁵¹.

¹⁴⁶ По мнению Р. Хилл, где-то в это время автор хроники перешел от Боэмунда к Раймунду Сен-Жилльскому (*Gesta Francorum*. P. 76). Брейе говорит о переходе несколько позже, а именно в 23 главе (*Histoire anonyme*. P. II).

¹⁴⁷ По версии Л. Брейе, отрывок с описанием Антиохии является интерполяцией.

¹⁴⁸ По данным, приведенным Брейе, число не соответствует действительности (*Histoire anonyme*. P. 221).

¹⁴⁹ Р. Хилл указывает на ряд неточностей (*Gesta Francorum*. P. 77). Горы расположены на юго-востоке, а река на северо-западе.

¹⁵⁰ Антиохия была основана в 300 г. до н. э. Селевком Никатором, который назвал ее так в честь своего отца. Сын Селевка, Антиох I, наследовавший власть в 280 г. до н. э., сделал ее своей столицей (*Histoire anonyme*. P. 222–223). Основателем епископской кафедры в Антиохии считается апостол Петр.

¹⁵¹ Л. Брейе указывает на хронологические неточности, которые, по его мнению, означают, что этот фрагмент был составлен намного позже самой осады (*Histoire anonyme*. P. 223). Причем нужно добавить, что даты в хронике указаны следующие: осада Антиохии с 21 октября 1097 г. по 3 июня 1098 г., Кербога был побежден

33. Когда все это кончилось, в ноябре Раймунд Сен-Жилльский со своим войском ушел из Антиохии, и, миновав сначала город, что зовется Руджа, а затем другой, что зовется аль-Бара, 28 ноября он достиг города Маарат-ан-Нумана, где собралось великое множество сарацин, турок, арабов и прочих язычников. На следующий день граф самолично атаковал их. Спустя немного времени Боэмунд со своим войском последовал за графами и соединился с ними в воскресенье. В понедельник они с большой решительностью со всех сторон атаковали город с такой дерзкой храбростью, что лестницы были уже приставлены к стене. Но сила язычников была такова, что в тот день Раймунд и Боэмунд не смогли никак им навредить или причинить ущерб. Они видели, что ничего не могут поделать и труды их напрасны. И тогда Раймунд Сен-Жилльский приказывает строить осадную башню из дерева, стойкую и высокую. Эта башня была замыслена и построена стоящей на четырех колесах. Наверху башни было много воинов, а также Еввард Зверолов, который громко трубил в трубу. Внизу были вооруженные воины, которые выкатили башню к городской стене, рядом с одной из крепостных башен. Увидев это, язычники тут же сделали машину, бросавшую в нашу башню такие большие камни, что они едва не перебили наших воинов. Язычники метали также греческий огонь¹⁵², пытаясь поджечь и уничтожить башню. Но всемогущий Бог не захотел, чтобы башня сгорела. Она всюду превосходила стены города. Наши воины, стоявшие на ней сверху, а именно Гийом из Монпелье и многие другие, метали огромные камни в стоявших на стенах города так, что они попадали по их щитам. И щит, и враг падали вниз в город безжизненными. Одни из наших сражались так, другие же, имея на копьях достойные знаки, пытались копьями и железным крюком стащить к себе врагов. Так сражались они до вечера. Позади крепости стояли пресвитеры и клирики, облаченные в священные одежды, прося и моля Бога, чтобы он защитил свой народ, возвеличил христианство и поверг язычество.

На другой стороне города наши воины день за днем сражались с ними, приставляя лестницы к городской стене, но мощь язычников была такова, что наши не могли добиться никакого успеха. Наконец, Гульферий из Ластура¹⁵³ первым поднялся по лестнице на стену, но лестница тотчас рухнула под тяжестью массы народа. Однако сам Гульферий и еще некоторые с ним

28 июня, а Раймунд Сен-Жилльский выступил из Антиохии вместе со своим войском 23 ноября. Таким образом, осада длилась не 8 месяцев и 1 день, а 7 месяцев и 13 дней, пребывание в Антиохии не 5 месяцев и 8 дней, а 5 месяцев минус 5 дней.

¹⁵² Горючая смесь, состав которой, вероятно, был различным. Упомянется с VII в. как оружие византийцев в морских сражениях. Затем получил распространение и в осадной войне. Арабы впервые применили греческий огонь в 835 г. (*Носов К .С.* Рыцарские турниры. С. 213–219).

¹⁵³ Ластур (Lastours). Нынешняя французская коммуна в департаменте Од региона Лангедок – Руссильон.

взошли на стену. Те, кто поднялся, освобождали стену вокруг себя. Остальные нашли другую лестницу, спешно приставили ее к стене и во множестве, воины и пешие, поднялись по ней на стену. Сарацины ударили по ним с такой силой, со стены и с земли, стреляя из лука и поражая с близкого расстояния копьями, что многие из наших, объятые страхом, прыгали со стены вниз. В то время, как оставшиеся на стене разумнейшие мужи сдерживали натиск сарацин, те, кто был внизу крепости, вели подкоп под стены города. Сарацины, увидев, что наши подкопали стену, тут же, охваченные страхом, бежали в город. Все это случилось в субботу вечером на закате, 11 декабря.

Боэмунд объявил через переводчика предводителям сарацин, чтобы они со своими женами, детьми и имуществом отправлялись во дворец, находившийся над воротами, а он сам оградит их от смертного приговора. Наши вступили в город, и какое бы они ни находили добро в домах и в тайниках, все это каждый делал своей собственностью. С окончанием дня они стали убивать всех сарацин, мужчин или женщин, где бы их ни находили. В городе не было такого угла, где бы не лежали трупы сарацин, и невозможно было пройти по улицам города, не наступая по телам сарацин. Боэмунд захватил тех, кому ранее приказал отправиться во дворец и отобрал у них все, что у них было, а именно золото, серебро и другие драгоценности. Из прочих одних он казнил, других приказал увести для продажи в Антиохию.

Франки оставались в этом городе один месяц и четыре дня, когда умер епископ Оранжа¹⁵⁴. Среди наших были те, кто не мог удовлетворить свои потребности, в какой нуждался, отчасти из-за долгого пребывания там, отчасти из-за сильного голода, поскольку за пределами города они не могли ничего взять. Взамен этого они вспарывали тела умерших, чтобы найти у них в чреве спрятанные бизанты. Другие рубили их мясо на куски и варили для пищи.

34. Боэмунд не мог добиться у графа Сен-Жилльского согласия по поводу своих требований и в гневе вернулся в Антиохию. Граф Раймунд Сен-Жилльский, не медля ни дня, поручил своему послу, отправленному в Антиохию, передать Готфриду, графу Фландрскому, Роберту Норманнскому и Боэмунду, чтобы они прибыли в Руджу переговорить с ним. Все сеньоры прибыли и совещались о том, как впредь достойно следовать по пути к Святому Гробу, для защиты которого они ушли в поход и дошли досюда. Боэмунд не был в состоянии примириться с Раймундом ни на каких иных условиях, кроме передачи Раймундом Антиохии под его руку. Граф не хотел согласиться с этим в силу обязательств перед императором. Оба графа и

¹⁵⁴ Оранж (Orange). Расположен на Юге Франции, нынешний департамент Воклюз с центром в Авиньоне (регион Прованс – Альпы – Лазурный берег).

герцог возвратились в Антиохию вместе с Боэмундом. Граф Раймунд возвратился в Маарат-ан-Нуман, где были паломники. Он поручил своим воинам привести в порядок дворец и крепость над воротами моста.

Раймунд, видя, что из-за него никто из сеньоров не захотел ступить на путь ко Святому Гробу, 13 января босиком¹⁵⁵ вышел из Маарат-ан-Нумана и, достигнув Кафартаба, пробыл там три дня. Здесь к нему присоединился граф Норманнский. Король Шайзара много раз поручал своим посланникам известить графа в Маарат-ан-Нумане и Кафартабе о том, что желает жить с ним в мире и что уплатит графу за это. А также будет уважать христиан-пилигримов и даст ручательство в том, что насколько простираются пределы его власти, паломники не потерпят ни малейшего ущерба, но он с удовольствием снабдит их лошадьми и продовольствием. Итак, наши выступили и, прибыв, стали лагерем рядом с Шайзаром у реки Оронт. Когда король Шайзара увидел, что франки расположились лагерем так близко к городу, он опечалился душой и приказал отказать им в продовольствии, если они не отступят от границ города. На следующий день он послал с ними двух турок, своих посланников, с тем, чтобы они показали франкам брод через реку и проводили туда, где они могли бы найти, чем насытиться. Наконец, они пришли в какую-то долину у какой-то крепости и там похитили более чем 5 тысяч животных, в достаточной мере хлеба и других благ, что весьма подкрепило силы Христова воинства. Крепость сдалась графу, выдав ему лошадей и чистейшее золото. И они поклялись своим законом, что паломникам более ничего не сделают дурного. Мы пробыли там пять дней. Выступив, мы, радуясь, достигли какой-то арабской крепости, став лагерем возле нее. Владетель крепости вышел и заключил договор с графом. Выступив оттуда, мы пришли к некоему прекраснейшему городу, изобилующему всеми благами и расположенному в какой-то долине, и имя которому Кефалия. Жители этого города, услышав, что пришли франки, оставили город с садами, полными плодов, жилища, полные еды и бежали. На третий день выступив из этого города, мы перешли через высокую и огромную гору и вступили в долину Сем, в высочайшей степени изобилующую всяческими благами. Мы были там около 15 дней. Неподалеку здесь была какая-то крепость, где собралось великое множество язычников. Наши напали на эту крепость и отважно покорили бы ее, если бы сарацины не выпустили из ворот бесчисленные стада животных. Наши вернулись, ведя с собой все это добро к своим шатрам. На рассвете наши свернули свои палатки и пришли осаждать крепость, думая разбить лагерь там. Однако языческий народ успел бежать, оставив крепость пустой. Войдя, наши нашли там в изобилии хлеб, вино, муку, масло и все, в чем они нуждались. Там мы

¹⁵⁵ Как указание на паломническую миссию.

благочестиво отпраздновали праздник Сретения¹⁵⁶, а затем прибыли посланники от города Хомс (Camela). Его король (rex) передал графу лошадей, золото и заключил договор с ним (pactus est cum eo) что никоим образом не навредит христианам, но напротив будет их уважать и чтить. Король (rex) Триполи со своей стороны послал к графу с предложением заключить с ним договор или даже установить дружбу, если тот согласен. Также он выслал ему 10 лошадей, 4 мулов и золото. Но граф сказал, что не примет мира с ним (cum eo se recipere), если тот не станет христианином.

Оставив эту прекрасную долину, мы в понедельник второй недели февраля достигли какой-то крепости, называемой Аккар. Вокруг нее мы раскинули шатры. Эта крепость была наполнена бесчисленным языческим народом, а именно турками, сарацинами, арабами, павликанами. Они замечательно укрепили ее и храбро защищались. Тогда 14 человек из числа наших воинов отправились на Триполи, находившийся поблизости. Эти 14 нашли там человек 60 турок и прочих. Впереди них были люди и животные числом более полутора тысяч. Огражденные крестным знаменем, наши атаковали их и с Божьей помощью чудесным образом превзошли их, убив шестерых из них и захватив шесть лошадей.

Из состава войска графа Раймунда выступили Раймунд Пилет и Раймунд, виконт Турена¹⁵⁷. Они подступили к городу Тортозе и храбро атаковали его. Город защищало множество язычников. С наступлением же вечера наши удалились в одно уединенное место, где стали лагерем. Одновременно они зажгли бесчисленное количество огней, так, как если бы все войско был повсюду. Язычники, объятые страхом, ночью тайком бежали, оставив город полным всякого добра. Там был также превосходный порт на морском побережье. На следующий день прибыли наши и, устремившись на город со всех сторон, обнаружили, что он пуст. Вступив в него, они были там до тех пор, пока не началась осада Аккара. Поблизости был еще один город, имя которому Маракия. Эмир, правивший в нем, заключил договор с нашими и выпустил наших в город, подняв наше знамя.

35. Герцог Готфрид, Боэмунд и граф Фландрский достигли уже города Лаодикея (Латтакия). Боэмунд же оставил их и вернулся в Антиохию. Те же осадили какой-то город по имени Джибелл. Но Раймунд Сен-Жилльский, услышав, что бесчисленный народ язычников спешит на битву с нами, тут же держал совет со своими о том, чтобы послать к осаждавшим Джибелл с просьбой скорее идти к ним на помощь. Сеньоры, получив послание, тотчас вступили в переговоры с эмиром и, заключив с ним мир, получили лошадей и золото. Они оставили город, прибыв к нам на помощь. Но турки не явились

¹⁵⁶ В католической церкви празднуется 2 февраля.

¹⁵⁷ Турен (Turenne). Расположен в департаменте Коррез, регион Лимузен, Франция.

для битвы с нами. Вышеупомянутые графы стали лагерем за рекой и оттуда начали осаду крепости¹⁵⁸.

Немного спустя наши отправились верхом в Триполи и встретили за городом турок, арабов и сарацин. Наши атаковали их и обратили в бегство, перебив большую часть городской знати. Избиение язычников и кровопролитие было таким, что вода, которая протекала в городе, казалась красной. Она текла в городские цистерны, отчего язычники были в скорби и печали. Они были объята страхом до такой степени, что никто из них не осмеливался выйти за ворота города.

На другой день мы поскакали за пределы долины Сем и нашли быков, овец, ослов и другой скот, а также захватили около трех тысяч верблюдов. Мы осаждали упомянутую выше крепость¹⁵⁹ без одного дня три месяца. Там мы отпраздновали 10 апреля Пасху Христову. Наши корабли вошли в какой-то порт неподалеку от нас и в то время, пока мы были заняты осадой, поставляли нам много продовольствия, а именно хлеб, вино, мясо, сыр, ячмень и масло, отчего повсюду в войске настало полное изобилие. За время этой осады счастливое мученичество приняли многие из наших, а именно Ансельм из Рибемонта¹⁶⁰, Гийом Пикардиец и многие другие, кого я не знаю. Король Триполи часто посылал сеньорам гонцов, чтобы они оставили крепость и вошли в согласие с ним. Заслышав об этом, наши, а именно Гофрид, Раймунд Сен-Жилльский, граф Норманнский, граф Фландрский, увидели, что приближается время сбора плодов, поскольку в середине марта мы ели молодые бобы, а в середине апреля хлеб. Наши посовещались, говоря, что будет хорошо завершить путь к Иерусалиму с созреванием новых плодов.

36. Мы отступили от крепости и в пятницу 13 мая достигли Триполи, где пробыли три дня. Король Триполи заключил соглашение с сеньорами и немедленно освободил для них более чем 300 паломников, ранее плененных там, и дал сеньорам 15 тысяч византийских денег и 15 дорогих лошадей. Он также снабдил нас лошадьми, ослами и другим добром, отчего все Христово войско чрезвычайно обогатилось. Он договорился с сеньорами, что если они победят эмира Вавилона в той войне, которую он готовит против них, он сам сделается христианином, и за ним признают право на эту страну. Таким образом, все было улажено.

Выступив из города в понедельник мая, мы шли по высокому и отвесному пути день и ночь и достигли крепости по имени Батрун, а затем города на побережье, который называется Джебайл¹⁶¹. Там мы очень страдали от

¹⁵⁸ Аккар (*Histoire anonyme*. P. 187).

¹⁵⁹ Также Аккар (Там же).

¹⁶⁰ Рибемонт (Ribemont). Город в департаменте Эна, регион Пикардия, нынешняя Северная Франция.

¹⁶¹ Ранее Библ (*Gesta Francorum*. P. 86).

жажды и изнуренные вышли к реке по имени Браим. Ночью и в день Вознесения Господня мы перешли гору, где дорога крайне узка и где мы думали найти врагов, сидевших в засаде. Но, поскольку Бог был к нам благосклонен, никто из них не дерзал показаться перед нами. Наши воины, идя впереди нас, расчищали нам дорогу¹⁶², и мы достигли города, расположенного вблизи моря, который называется Бейрут. Оттуда мы прибыли к городу по имени Сайда¹⁶³, а затем к другому, что называется Тир, а из Тира – к Акре. Из Акры мы направились в крепость Хайфа, а затем расположились лагерем близ Цезареи и отпраздновали там Пятидесятницу на 29 мая. Наконец, мы вышли к городу Рамле, который сарацины в страхе перед франками бросили пустым. Неподалеку от этого города была славная церковь, в которой покоятся драгоценнейшие останки св. Георгия¹⁶⁴, принявшего здесь счастливое мученичество от вероломных язычников во имя Христа. Наши предводители посоветовались о том, чтобы выбрать епископа, который бы отстроил и берег эту церковь. Они заплатили ему каждый от себя десятину, обогатили золотом и серебром, лошадьми и другими животными с тем, чтобы он набожно и благочестиво жил с теми, кто был с ним.

37. Он остался там с радостью, но мы же, ликуя и веселясь, достигли во вторник 6 июня Иерусалима¹⁶⁵ и удивительным образом осадили его. Так, Роберт Норманнский осадил его с севера со стороны церкви протомученика св. Стефана, где он был побит камнями во имя Христа. Рядом был граф Роберт Фландрский. С запада город осаждали герцог Готфрид и Танкред. Граф Сен-Жилльский осаждал его с юга, а именно со стороны горы Сион, где

¹⁶² В данном случае используется термин «miles», который может означать «рыцарь». Допуская это, ряд исследователей, ссылаясь на фразу, утверждают, что Аноним потерял здесь свой статус рыцаря. Однако Розалинд Хилл возражает им, заявляя, что статус рыцаря был постоянным (*Gesta Francorum*. P. 86). Рыцарь проходил обряд посвящения, хотя и мог быть лишен статуса рыцаря. В тот период случаи лишения рыцарского звания, вероятно, были достаточно редки (*Клениан П. дю Ф. де Рыцарство*. СПб., 2004. С. 89). Более вероятно, что miles здесь обозначает конного воина, и имеется в виду, что автор хроники просто лишился лошади.

¹⁶³ Ранее Сидон.

¹⁶⁴ Мученик в Никомедии во времена Диоклетиана. О нем мало что известно достоверно. Знаменит тем, что был обезглавлен за сложение с себя военного сана и исповедь христианства. Изображается как поражающий змия – символ язычества. Популярен в эпоху крестовых походов (*Христианство*. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 406–407; *Католическая энциклопедия*. М., 2002. Т. 1. С. 273–277).

¹⁶⁵ К тому времени Иерусалим уже не был сельджукским. Дело в том, что, воспользовавшись поражением Кербози, Египет отправил войска в Сирию и Палестину, и, таким образом, с августа 1098 г. Иерусалим перешел в руки фатимидов. Р. Хилл указывает на тот факт, что вторник был не 6, а 7 июня (*Gesta Francorum*. P. 87).

церковь св. Марии Богоматери и где Господь совершил трапезу со своими учениками.

На третий день наши, а именно Раймунд Пилет, Раймунд Туреннский и многие другие, с целью принять бой покинули войско и встретили 200 арабов. Христовы воины сразились с этими неверными и превзошли их с Божьей помощью, убив многих из них и захватив 30 лошадей. В понедельник мы атаковали город с исключительной храбростью и столь успешно, что, если бы были готовы лестницы, город был бы в наших руках. Все же мы разрушили малую стену и одну лестницу приставили к большой стене. По этой лестнице поднимались наши воины и в рукопашной схватке поражали сарацин и защитников города мечами и копьями. Многие из наших погибли, но те потеряли еще больше. Во время осады мы не могли купить хлеба почти десять дней, пока не прибыл вестник с наших кораблей. Нас угнетала такая жажда, что в великом страхе и ужасе мы водили наших лошадей и прочий скот на водопой за шесть миль. Источник под названием Силоа, находившийся у подножья горы Сион, подкреплял нас, однако все же вода продавалась дорого среди нас.

После же того, как прибыл вестник с наших кораблей, наши сеньоры стали советоваться, каким образом послать воинов, которые были бы надежной охраной для людей и кораблей в порту Яффы. На рассвете сотня воинов из войска графа Раймунда, включая Раймунда Пилета, Ачарда Монмерльского и Гийома из Сабрана¹⁶⁶, выступили и с верностью отправились к порту. 30 наших воинов отделились от остальных и встретили 700 арабов, турок¹⁶⁷ и сарацин из войска эмира. Воины Христовы храбро атаковали их, но их число в сравнении с нашим было столь велико, что они стали окружать наших. Они убили Ачарда Монмерльского и нескольких бедных пехотинцев. И когда наши были уже окружены и все думали, что пришла смерть, к основной части отряда прибыл какой-то вестник и сказал Раймунду Пилету: «Что стоишь здесь с этими воинами? Взгляни! Всех наших теснят арабы, турки и сарацины. И, быть может, сейчас наших нет в живых. Помогите им, помогите!». Услышав это, наши поспешили и скорее прибыли на место битвы. Народ язычников, увидев воинов Христа, разделился, образовав два отряда. Наши, призвав имя Христа, бросились на неверных с такой яростью, что каждый воин повергал своего противника. Видя, что не могут устоять перед храбростью франков, они, объятые страхом, обратились в бегство. Наши преследовали их на протяжении почти четырех миль, перебив многих из них. Одного из них захватили живым с тем, чтобы рассказал по порядку, что знает нового. Захватили также 103 лошади.

¹⁶⁶ Сабран (Sabran). Департамент Гар, регион Лангедок-Руссильон, Франция.

¹⁶⁷ Р. Хилл считает странным присутствие турок в фатимидском войске (*Gesta Francorum*. P. 88).

Осаждая город, мы были угнетены жаждой настолько, что шивали шкуры быков и буйволов и в них носили себе сюда воду почти за шесть миль. Мы пили вонючую воду из этих сосудов, мучаясь от зловонной воды и ячменного хлеба и пребывая в великом унынии. Сарацины у всех источников и водоемов устраивали засады против наших, всюду убивая и рубя на куски. Вдобавок они прятали скот к себе в пещеры и гроты.

38. Тогда наши сеньоры распорядились атаковать город с помощью машин, чтобы нашим вступить в него и поклониться Гробу нашего Спасителя. Они, таким образом, построили деревянные осадные башни и много других машин. Свою башню с машинами построил герцог Готфрид, то же сделал и граф Раймунд. Дерево им таскали издалека. Сарацины, увидев, что наши сооружают эти машины, с основательностью укрепляли город и ночью усилили оборону башен. Наши сеньоры, видя, с какой стороны город слабее укреплен, в одну из субботних ночей перевезли нашу машину и осадную башню на восточную сторону. На рассвете ее воздвигли, а затем с воскресенья и до вторника отлаживали ее и приводили в боеготовность. Граф Сен-Жилльский готовил свою машину на южных подступах. Меж тем мы были доведены сильной жаждой до того, что за денарий невозможно было приобрести для себя достаточно воды, чтобы напиться.

Днем и ночью в среду и четверг мы крепко атаковали город со всех сторон. Но до атаки епископы и священники приказали нам, предписывая и увещевая, совершить крестный ход вокруг Иерусалима во имя Господа, с верностью творить молитвы, милостыню и блюсти посты. Рано утром в пятницу мы отовсюду атаковали город, но не смогли причинить ему никакого вреда. Мы были ошеломлены и объята страхом. С приближением часа, когда Господь наш Иисус Христос благоволил претерпеть за нас муки на кресте, наши воины, а именно герцог Готфрид и граф Евстафий, его брат, мужественно сражались на осадной башне. В тот момент один из наших воинов по имени Летольд поднялся на стену города. И как только он поднялся, все защитники города обратились в бегство по стенам и по городу, а наши преследовали их по пятам, убивая и рубя, вплоть до Храма Соломона¹⁶⁸. И там была такая бойня, что ноги наших были по лодыжки в их крови.

Граф Раймунд с южной стороны стянул все свое войско и осадную башню к самой стене, но между осадной башней и стеной был весьма глубокий ров. Наши, посоветовавшись о том, как наполнить канаву, возвестили, что всякий, кто снесет в ров три больших камня, получит денарий. Ров заполняли три дня и три ночи. Наконец, заполнив ров, осадную башню придвинули к стене. Те, кто был внутри города, ожесточенно сражались с нами, бросая огонь и

¹⁶⁸ Имеется в виду мечеть Омара (правильное название «Купол Скалы»), построенная на его месте (*Histoire anonyme*. P. 203).

камни. Услышав, что франки уже в городе, граф сказал своим людям: «Отчего медлите? Смотрите! Все франки уже в городе». Итак, эмир, который был в Башне Давида, сдался графу и отворил ему те ворота, где паломники, входя в город, обычно платили налог. Наши паломники, вступив в город, преследовали и убивали сарацин вплоть до Храма Соломона. Собравшись в нем, они отчаянно бились с нашими весь день так, что весь храм был залит их кровью. Превзойдя язычников, наши захватили в храме весьма много мужчин и женщин и, кого хотели, оставили в живых, а кого нет – убили. На крыше Храма Соломона было великое сборище язычников обоих полов. Им Танкред и Гастон де Беарн вручили свои знамена.

Тотчас наши разбежались по всему городу, забирая золото, серебро, лошадей, мулов, захватывая дома, полные всякого добра. И вот наши пришли, радуясь и от великой радости плача, поклониться гробу нашего Спасителя Иисуса и возвратили ему главный долг. С наступлением утра наши осторожно взобрались на крышу храма и устремились на сарацин, мужчин и женщин, отрубая им головы обнаженными мечами. Иные сарацины сами бросались вниз с крыши храма. Увидев это, Танкред был очень зол.

39. Наши тогда держали совет и решили: пусть каждый творит милостыню с молитвами, чтобы Господь избрал себе того, кого хочет видеть правящим над всеми остальными и управителем города. Они также приказали всех мертвых сарацин выбросить за ворота из-за сильного зловонья от них, ибо едва ли не весь город был заполнен их трупами. Живые сарацины тащили мертвых за ворота и сооружали из них горы размером чуть ли не с дома. Такого избиения языческого народа никто никогда не видывал и не слыхивал. Костры из мертвых тел возвышались, как пирамиды, и никто не знает их числа, кроме самого Бога. Граф же Раймунд позаботился о том, чтобы эмира и тех, кто был с ним, увели в Аскалон целыми и невредимыми.

На восьмой день, как город был взят, правителем города избрали герцога Готфрида¹⁶⁹, который должен был усмирять язычников и быть оградой для христиан. Тогда же выбрали патриархом разумнейшего и достойного мужа Арнульфа¹⁷⁰, в праздник оков св. Петра. И был этот город взят христианами 15 июля, в пятницу.

¹⁶⁹ Готфриду Бульонскому был присвоен титул защитника Гроба Господня. Таким титулом в Северной Франции обозначали мирянина, назначенного защищать церковь (*Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 82).

¹⁷⁰ Арнульф де Роол пребывал на этом посту в качестве местоблюстителя очень недолго. Прибывший в Иерусалим в декабре 1099 г. папский легат Даимберт Пизанский низложил его. Впоследствии, в 1112–1115 и 1116–1118 гг., Арнульф де Роол был иерусалимским патриархом еще раз (*Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство. С. 118–119). Бывший патриарх Иерусалима Симеон (грек по происхождению), скрываясь, умер на Кипре (*Histoire anonyme.* P. 209).

Меж тем к Танкреду и графу Евстафию прибыл гонец с известием, дабы они готовились выдвинуться дальше и принять сдачу Наблуса. Они выступили, ведя за собой множество воинов и пеших, и достигли города. Его жители тут же сдались. Герцог вновь послал к ним, чтобы они поскорее прибыли для битвы, что готовит нам эмир Вавилона у Аскалона. Они поспешно отправились в горы в поисках войск сарацинов и пришли к Цезарее. Двигаясь вдоль моря к городу Рамле, они нашли там множество арабов, шедших в авангарде. Преследуя их, наши захватили многих из них, и те рассказали все об этой новой армии: где она находится и какова ее численность, а также где они собираются сражаться с христианами. Услышав об этом, Танкред тут же послал вестника в Иерусалим герцогу Готфриду, патриарху и всем правителям, говоря: «Знайте, что с нами готовятся сразиться при Аскалоне. Итак, выступайте скорее со всеми силами, какие у вас есть!». И герцог приказал призвать всех, чтобы они, снарядившись, с верностью поспешили в Аскалон, навстречу нашим врагам. Сам же герцог выступил из города во вторник вместе с патриархом, Робертом Фландрским, и с ними епископ Мартирано¹⁷¹. Граф Сен-Жилльский и Роберт Норманнский заявили, что не выступят, пока наверняка не узнают о битве. Они приказали своим воинам отправиться вперед и удостовериться, действительно ли там есть войско и как можно скорее вернуться, дабы им самим тотчас, подготовившись, выступить. Те отправились и увидели войско, а затем быстро известили их, что все видели своими глазами. Тотчас герцог, выбрав епископа Мартирано, послал в Иерусалим с тем, чтобы воины, бывшие там, готовились и спешили на битву.

В среду эти правители выступили и поспешили на битву. Епископ Мартирано возвратился передать на словах то, что ему было поручено, патриарху и герцогу, но сарацины вышли навстречу ему и, захватив, увели с собой. Петр Пустынный остался в Иерусалиме, приказывая и предписывая грекам, латинянам и клирикам, чтобы они в верности своей прошли крестным ходом во славу Божию и сотворили молитвы и милостыню, дабы Бог дал победу своему народу. Клирики и пресвитеры, облаченные в священные одежды, совершали крестный ход к Храму Господню, распевая мессы и молитвы, дабы Господь защитил свой народ.

Наконец, патриарх, епископы и другие сеньоры собрались у реки, что течет в этой части Аскалона. Там захватили они много скота: быков, верблюдов, овец, а также в изобилии разнообразного добра. Меж тем подошло около трехсот арабов, и наши атаковали их, захватив двоих из них, и преследовали остальных вплоть до их войска. С наступлением вечера патриарх позаботился оповестить все войско (hostem), что завтра ранним

¹⁷¹ Мартирано (Martirano), коммуна в Южной Италии (провинция Катандзаро, регион Калабрия). Епископский престол сохранялся там вплоть до наполеоновских войн.

утром все должны быть готовы к бою, и всякий, кто погонится за добычей прежде, чем битва закончится, будет отлучен от церкви. Но, закончив бой, они возвратятся в счастье и радости взять то, что предназначено для них Господом.

На рассвете в пятницу они вступили в прекрасную долину близ берега моря и там выстроились в боевые порядки. Герцог выстроил свой отряд, граф Норманнский – свой, граф Сен-Жилльский – свой, граф Фландрский – свой, граф Евстафий – свой, Танкред и Гастон – свой. Они построили также пехотинцев и лучников, чтобы те шли впереди воинов. Выстроив всех таким образом, они начали сражаться во имя господина Иисуса Христа. На левом фланге был герцог Готфрид со своим отрядом. Граф Сен-Жилльский скакал со стороны моря на правом. Граф Норманнский, граф Фландрский, Танкред и все остальные ехали верхом в центре. Наши понемногу стали выдвигаться вперед. Язычники стояли готовые к бою. У каждого из них на шее висел небольшой сосуд, из которого они могли бы пить, преследуя нас, но, слава Богу, этого им не было дозволено.

Граф Норманнский, заметив штандарт эмира с золотым яблоком на конце скипетра, покрытого серебром, со всей мощью напал на эмира и смертельно его ранил. Граф Фландрский храбро атаковал язычников с другой стороны. Танкред напал прямо в сердце их лагеря. Видя это, язычники сразу бросились в бегство. Язычников было неисчислимое множество, а сколько их – не знает никто, кроме самого Бога. Битва была ужасной. Но бывшая с нами сила Божья была столь неодолима, что мы тотчас сокрушили их. Враги Бога стояли ослепшие и ошеломленные и, глядя на Христовых воинов во все глаза, не видели ничего. И они не осмеливались подняться против христиан, потрясенные силой Божьей. В великом страхе они взбирались на деревья, где надеялись скрыться. Но наши, стреляя из лука, убивая копьями и мечами, сбрасывали их на землю. Другие же падали ниц на землю, не осмеливаясь подняться против нас. Наши рубили их, как рубят скот на бойне. Граф Сен-Жилльский возле моря убил их бесчисленное множество. Третьи бросались в море, четвертые разбегались кто куда.

И вот эмир, подступив к городу, скорбя и печальясь, и со слезами сказал¹⁷²: «О божеский дух, кто когда-либо видел или слышал такое? Такая сила, такая отвага, такое войско, доселе никогда не побежденное ни одним народом, было разгромлено одним только малым народом христиан! Увы мне, печальному и скорбящему! Что еще могу я сказать? Я побежден безоружным народом бедняков и неимущих, у которого нет ничего, кроме мешка и сумы. Этот народ гонит народ египетский, щедро подававший им большую часть своей милостыни, когда в былые дни они нищенствовали по всему нашему отечеству. Я собрал сюда 200 тысяч воинов для битвы с ними, и вот вижу,

¹⁷² По мнению Л. Брейе, интерполяция (*Histoire anonyme*. P. VI, 217).

что эти воины, опустив поводья, бегут прочь по дороге в Вавилон и не осмеливаются вернуться и противостоять народу франков. Клянусь Магометом и величием всех богов, что более не соберу воинов никакими уговорами, ибо я изгнан народом пришельцев. Я собрал все виды оружия и все машины, чтобы осадить их в Иерусалиме, но они опередили меня со сражением на два дня пути. Увы мне! Что еще сказать? Я буду опозорен навсегда в земле вавилонской!».

Наши же получили его штандарт, который граф Норманнский приобрел за 20 марок серебром и отдал патриарху во славу Божию и Святого Гроба. А меч кто-то купил за 60 византийских. Итак, по благоволению Божьему, наши враги были побеждены. Все корабли из языческих стран были там. Но люди на них, видя эмира бегущим вместе со своим войском, тотчас подняли паруса и вышли в открытое море. Наши возвратились к шатрам язычников и обрели там без счета золота, серебра и всякого добра, а также животных всех видов и разнообразное оружие. Они взяли с собой все, что хотели, а остальное сожгли.

Наши вернулись с радостью в Иерусалим, везя с собой все необходимое добро. Эта битва случилась 12 августа. Она была дарована нам господом нашим Иисусом Христом, которому честь и слава ныне и присно и во веки веков. И пусть скажет каждая душа: Аминь.

Религиозное обоснование идеи крестового похода в хронике «Деяния франков» (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*)¹

Роль христианской религии в истории средневекового европейского общества практически до сих пор оценивается с позиций, обозначенных еще итальянскими гуманистами и развитых в социальных и культурологических концепциях XIX в. Нашли они отражение и в достаточно фундаментальных работах, посвященных непосредственно истории Крестовых походов, где их время безапелляционно описывается как время, «когда разум человечества только начинал пробуждаться, а души и сердца людей почти целиком находились в плену религиозных чувств»². Между тем «религиозное»³ как сакральное начало культуры связано с «базовыми» идеями развивающейся цивилизации (Бог как надъестественная сверхличность, креационизм, провиденциализм, «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Завет Бога с Человеком как цель космического бытия и др.) и фактически определяет вектор ее развития⁴. Именно с помощью «религии» общество оценивает «правильность» тех или иных социальных конструктов или военных и политических событий.

Сказанное хорошо иллюстрируется самим понятием «крестовый поход», которое, хотя и возникло в более позднее время, на рубеже нового времени⁵, безусловно отражало религиозно-церковное понимание цели и задач военных

¹ Данная статья была опубликована в издании: Пиков Г. Г., Портных В. Л. Религиозное обоснование идеи крестового похода в хронике «Деяния франков» (*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. Второй межрегион. науч.-практ. конференции памяти М. И. Рижского. Новосибирск, 2005. С. 45–54.

² Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, 1980. С. 3.

³ Неслучайно термин *Religio* по одной версии, идущей от Цицерона, происходит от глаголов *religare*, *eligare* (связывать, соединять, выбирать). Ее великолепно дополняет вторая версия, по которой он происходит от глагола *relegere* (вновь собирать, достигать). Именно в рамках Римской империи происходит переход от локальных культов, философских систем, этнических вариантов верований к единой, общеимперской религии и на этой основе появляется представление об универсальной, обязательной для всех системе религиозно-философских представлений.

⁴ См. подробнее: Пиков Г. Г. «Сакральное» и «секулярное» в «христианской» культуре // История и теория культуры в вузовском образовании: Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 36–59; *Его же*. Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. межрегион. науч.-практ. конференции. Новосибирск, 2002. С. 74–99.

⁵ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. С. 11–12.

походов европейского рыцарства на Ближний Восток⁶. Это нашло свое воплощение в целом ряде западноевропейских хроник XII–XIII вв., в той или иной степени полноты повествующих о крестовых походах.

Особое место среди них занимает хроника под названием «Деяния франков и прочих иерусалимцев» (*Gesta Francorum et aliorum hierosolymitanorum*)⁷. Она давно признана как один из самых полных и достоверных источников нашей информации о первом крестовом походе (1096–1099 гг.)⁸. Это связано прежде всего с тем, что автором является профессиональный военный, непосредственно участвовавший в ряде сражений⁹ и прекрасно разбиравшийся в военно-политической ситуации на Ближнем Востоке в целом. Поскольку имя его было неизвестно даже современникам¹⁰, исследователи именуют его Анонимом¹¹. Можно предположить, что он был норманнским рыцарем, пришедшим из Италии, вероятно, из Апулии¹². Из текста этой хроники можно увидеть, что он воевал сначала в отряде Боэмунда Тарентского, а после победы летом 1098 г. под

⁶ В конце прошлого столетия, правда, достаточно широко распространилось представление о том, что крестовые походы являются первой пробой сил западного империализма: Луис Б. Ислам и Запад. М., 2003. С. 27.

⁷ В данной работе для анализа использовано следующее ее издание: *Gesta Francorum et aliorum hierosolymitanorum*. Éd. L. Hill. L., 1962 (далее: *Gesta Francorum*). Этот текст до сих пор не был переведен на русский язык.

⁸ Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. М., 1977. С. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ *Хрестоматия* по истории средних веков. М., 1953. Т. I. С. 325.

¹¹ Его сочинение относится к числу небольших хроник, написанных беспристрастно и «большой частью осторожно» (*Куглер Б.* История крестовых походов. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С. 42), при этом является одной из тех четырех хроник Первого крестового похода, которые были написаны очевидцами и участниками событий (Фульхерий Шартрский, Раймунд Ажильский, Аноним и Петр Тудебод Сиврейский), остальные авторы писали по рассказам крестоносцев (соответствующую библиографию см.: *Лучицкая С.* Моральный портрет мусульман в хрониках Крестовых походов // *Христиане и мусульмане: проблемы диалога*. М., 2000. С. 377). Эти четыре хроники очень близки по содержанию и было высказано предположение об общем их источнике: *Лучицкая С. И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 28. Существовала даже своеобразная полемика по этому поводу: Там же; *Sybel H. von.* Geschichte des ersten Kreuzzuges. Düsseldorf, 1841; *Histoire anonyme de la Première croisade* / Éd. L. Bréhier. P., 1924; *Wintzel H. J.* Le problème de l'auteur des «Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum» // *Moyen âge*. 1955. T. LXI. № 3–4. P. 319–322.

¹² *Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 27; *Gesta Francorum*. P. XI. Это означает, что «Деяния франков» – единственная хроника, написанная светским автором, а не клириком: Заборов М. А. Крестовые походы в документах. С. 6; *Хрестоматия* по истории средних веков. М., 1953. Т. I. С. 326.

Антиохией над армией мосульского атабека Кербоги перешел в ополчения графа Раймунда Тулузского и герцога Роберта Нормандского¹³, хотя и остался верным интересам своего первого сеньора¹⁴.

Хроника была написана, вероятно, в 1100 г.¹⁵ или в начале 1101 г.¹⁶, иначе говоря, по горячим следам происшедших событий. В ней упоминается Клермонский собор¹⁷ и описывается история похода со времени выступления отряда Боэмунда Тарентского (1096 г.) вплоть до битвы с египтянами при Аскалоне (12 августа 1099, уже после взятия Иерусалима). Состоит она из десяти книг, самая длинная, десятая, рассказывает об Иерусалиме. Эта хроника послужила образцом для более поздних сочинений о первом крестовом походе.

Информацию по заявленной теме добыть сложно уже потому, что хроника создана именно воином-профессионалом, который не пытался рассуждать об идеологических или геополитических проблемах. Этому, если так можно выразиться, обыкновенному воюе, простому человеку гораздо интереснее собственно сражения, и волнует его даже не сам захват Гроба Господня, а тяготы и ужасы войны. Он подробно описывает путь крестоносцев и те события, которые имели место во время передвижения отряда Боэмунда Тарентского, прежде всего, сами сражения¹⁸. Он умеет выделять важнейшие события и рассказывать о них просто, четко и ясно¹⁹. Окружающий мир он оценивает не эстетически, а с позиций военного, как театр военных действий. Именно поэтому, может быть, его сочинение – «одна из немногих хроник Первого крестового похода, на основе которой можно составить более или менее отчетливое представление о битвах, происходивших в 1097–1099 гг. в

¹³ Заборов М. А. Крестовые походы в документах. С. 6.

¹⁴ Он сочиняет легенду о том, что византийский император тайно пожаловал Боэмунду земли: *Луцицкая С. И.* Образ другого. С. 27; *Krey A.* A neglected passage in the Gesta // *The Crusades and the other historical studies presented to D. C. Munro.* Ed. P. J. Raetow. N. Y., 1928.

¹⁵ Заборов М. А. Крестовые походы в документах. С. 6 (мнение М. А. Заборова).

¹⁶ *Gesta Francorum.* P. IX. Так считает автор английского перевода Розалинд Хилл, аргументируя это тем, что именно с этого момента ее начинают упоминать авторы других современных хроник. С. И. Луцицкая без объяснений датирует ее 1106 г.: *Луцицкая С. И.* Образ другого. С. 27.

¹⁷ Имеется в виду состоявшийся в ноябре 1095 г. в Клермоне (Франция, Оверни) собор, после которого папа Урбан II призвал к организации первого крестового похода. Он подробно описан в хрониках Роберта Монаха (Роберта Реймского), Фульхерия Шартрского, Бальдерика Дольского и Гвиберта Ножанского.

¹⁸ *Луцицкая С. И.* Образ другого. С. 28; *Wolf K. B.* Crusade and narrative, Bohemond and the Gesta Francorum // *Journal of medieval history.* Amsterdam, 1991. Vol. 17. № 3. P. 207–217.

¹⁹ *Хрестоматия* по истории средних веков. С. 325–326.

Малой Азии, Сирии и Палестине, о расположении отрядов сражающихся, о военных приемах и хитростях сторон, тактике крестоносцев и их противников, ходе осады тех или иных укрепленных пунктов»²⁰.

Однако нужно учитывать то обстоятельство, что поход, в котором он участвовал, был первым и именно здесь неизбежно преобладали религиозные мотивы и обоснования (для организации других походов практически было достаточно говорить лишь о военном факторе – необходимости отпора контрнаступавшим мусульманам). В этом плане данный текст практически не подвергался анализу исследователями.

Первая проблема, которая вставала перед любым участником похода, – это обоснование необходимости самого крупномасштабного выступления на Восток. На стадии подготовки похода церковью была предложена идея похода как вооруженного паломничества. Она возникла не на пустом месте. В условиях широкого распространения мистических и еретических идей и фактического складывания атмосферы религиозного подвижничества массовым явлением становятся паломничества к различным святым местам, в том числе и в Иерусалим²¹.

Однако ситуация на Ближнем Востоке в начале II тыс. н. э. была сложной. Сюда начинают активно проникать тюркские племена, которые примерно в 1000 г. прорывают политическую границу ислама²². Эти этнические, чуждые Ближнему Востоку и более «примитивные» пришельцы принимают ислам, но активно вытесняют своих единоверцев – «арабов». Хотя ислам не представлял в то время единое целое, жители халифата воспринимали новых адептов великой религии как «варваров» и на первых порах даже разрушителей религии. Этот новый «героический» ислам действительно впитал множество идей, представлений и обычаев тюрков, имевших древнюю самобытную культуру, которая вступала в синтез с «мировой» религией. Сам ислам некогда возник в кочевой среде, поэтому легко распространялся среди них²³, да и тюркский шаманизм хорошо сочетался с суфизмом²⁴. Тюрки выстраивают в результате свой социокультурный синтез. «Варваризация» халифата (явление, характерное для всех имперских образований) стала одной из предпосылок усиления его упадка и будущего падения²⁵. В этом

²⁰ Заборов М. А. Крестовые походы в документах. С. 7.

²¹ Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. С. 19–20.

²² Каэн К. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981. С. 118.

²³ Там же. С. 112.

²⁴ Босворт К. Э. Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир. С. 32.

²⁵ Сельджуки получили к тому же контроль над султанатом в Багдаде и создали тем самым благоприятные политические условия для «реанимации» суннитского ислама

плане крестовые походы стали результатом действия не только внутриевропейских факторов, но и попыткой «арабских» мусульман решить проблему тюркской экспансии²⁶. Они, если и не натравили крестоносцев, то позволили им прийти на Ближний Восток и, только увидев, что те не собираются ограничиться только «гробом господним», вынуждены были объединяться для отпора (Салах ад-Дин). Одновременно идет, после битвы при Залакке 1087 г. и отвоевания Толедо, мощное контрнаступление мусульман в Испании, в результате которого Реконкиста была резко остановлена.

Европейские паломники испытывали естественные затруднения в своем продвижении в Иерусалим. Сами паломники и многие деятели церкви в Европе стали преувеличивать трудности и опасности, в итоге поползли слухи о гонениях на христиан в восточных странах²⁷. Все отправлявшиеся на Восток стали объединяться в отряды и вооружаться. Церковь не могла призывать к открытому вооруженному вторжению в Землю Обетованную, ибо это равносильно было объявлению войны, для которой не могло быть никаких формальных и фактических оснований²⁸, поэтому и появилась

и, таким образом, усиливали раскол среди мусульман: *Грюнебаум Г. Э. фон*. Классический ислам. Очерк истории (600–1258). М.: Наука, 1986. С. 145–146.

²⁶ Как выразился один хронист, вторжение тюрков – это «наковальня, которая должна была тяготеть над всею землею» (*Куглер Б.* История крестовых походов. С. 11).

²⁷ Историки XVIII–XIX вв. именно это обстоятельство станут считать основной причиной крестовых походов.

²⁸ Неслучайно призыв к походу прозвучал не на самом Клермонском соборе, где был рассмотрен ряд других вопросов, а на следующий день после формального завершения заседаний и внешне выражал как бы лишь личное видение проблемы папой. К тому же первым выступил не папа, а Петр Пустынник. Хронисты прямо указывают, что данная проблема не относилась к разряду церковных дел: «устроив предварительно церковные дела, владыка папа выступил» (Роберт Реймский или Роберт Монах «Иерусалимская история», цит. по: *Стасюевич М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1913. Т. III. С. 79). Правда, одно из 32 постановлений собора все же касается похода («Всякому, кто единственно ради обета, а не ради приобретения денег и почета отправится в Иерусалим для освобождения церкви божией, этот путь будет засчитан за полное покаяние» (цит. по: *Хрестоматия* по истории средних веков. С. 325–326), но и здесь четко оговаривается исключительно духовная цель предприятия. Остается неясным то, как скоро после непосредственного произнесения речи она была воспроизведена хронистами в письменном виде. См.: *Somerville R.* The council of Clermont (1095) and latin Christian society // *Archivum Historiae Pontificiae*. Romae, 1974. P. 231; *Перну Р.* Крестоносцы. СПб., 2001. С. 28–29.

формула «вооруженное паломничество», которую активно стал пропагандировать папа Урбан II²⁹.

Впоследствии добавились призывы помочь Византии, изнемогавшей под натиском тюркских племен³⁰, и освободить навсегда³¹ попавший в руки тюркских мусульман³² «Гроб Господень»³³. При этом предполагалось не захватить и освоить территорию Земли Обетованной, восстановив господство христианства, как справедливо считают многие авторы книг о Крестовых походах³⁴, а якобы лишь обеспечить выполнение тех договоренностей между Карлом Великим и Харуном ар-Рашидом о свободном допуске христиан к святыне, которые будто бы были достигнуты в IX в.³⁵ В то же время стоит обратить внимание на то, что в клермонской речи папы Урбана II фактически

²⁹ *Эрдман К.* Возникновение идеи крестовых походов // Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии: Реф. сб. М., 1980. С. 194.

³⁰ «Внутренние области Романии захвачены у христиан турками и подвергаются опасным и опустошительным нападениям» (Фульхерий Шартрский «Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим», цит. по: *Заборов М. А.* Крестовые походы в документах. С. 48).

³¹ *Bunper P. Ю.* История средних веков: Курс лекций. Киев, 1996. С. 234.

³² На них как на «варваров» и «дикарей» в равной степени одинаково смотрели и «арабские» мусульмане, и европейские христиане.

³³ Захват Гроба Господня мусульманами европейскими христианами в целом воспринимался как захват самой законной («Святой земли») христианской территории, что само по себе, в соответствии с нормами канонического права, давало католикам (остальные христиане, как считала западная церковь, смирились с этим святотатством) право не только вести «справедливую войну» (*justissimum bellum*) против мусульман как оборонную, но и вести ее без пощады. См.: *Дэниел Н.* Ислам в христианской мысли на Западе: от начала до 1914 г. // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М., 2000. С. 274.

³⁴ *Эпоха крестовых походов* / Под ред. Э. Лависса, А. Рембо. М., 1914; *Куглер Б.* История крестовых походов. С. 44; *Bunper P. Ю.* История средних веков. С. 233; *Мишо Г.* История крестовых походов. М.: Алетейа, 1999. С. 14; *Добиаиш-Рождественская О. А.* Эпоха крестовых походов. Запад в крестоносном движении. Общий очерк. 2-е изд. М.: УРСС, 2003. С. 2.

³⁵ Пропаганде, анализу и опровержению содержащей эту информацию легенды о посольстве франков на Восток посвящена достаточно обширная литература: *Левандовский А.* Белый слон Карла Великого // Прометей. № 9; *Левандовский А. П.* Карл Великий. Через империю к Европе. М., 1999; *Васильев А.* Карл Великий и Харун ар-Рашид // Византийский временник. 1913. Т. XX; См. обзор соответствующей полемики: *Бартольд В. В.* Карл Великий и Харун ар-Рашид // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. С. 342–364; *Его же.* К вопросу о франко-мусульманских отношениях // Там же. С. 432–461.

была выражена мысль о вхождении в христианский мир византийских и ближневосточных земель. Если учесть, что христиане (правда, православные) были даже в Аравии (у них нашли приют изгнанные крестоносцами мелькитские иерусалимские патриархи), то под «освобождением Святой земли» можно понимать широкую в идеале экспансию. Церковь постоянно говорила о «братских отношениях» между всеми христианами, что в тех условиях означало, разумеется, не равенство всех христианских направлений и течений, а их «родственность»³⁶ и необходимость объединения, естественно, под эгидой католицизма. Папа Урбан в своей «искусной»³⁷ речи, обращаясь прежде всего к рыцарям³⁸, все время употребляет такие выражения, как «ваша среда» и «ваши братья», тем самым неуклонно проводя мысль о том, что именно рыцари должны взять на себя этот нелегкий, но благородный труд. Эту мысль перескажет Аноним, а более четко впоследствии выразит Гвиберт Ножанский. Фактически речь идет об избрничестве народов Запада и особенно франков³⁹, призванным

³⁶ Фульхерий Шартрский «Деяния франкских пилигримов, отправившихся на завоевание Иерусалима». Цит. по: *Хрестоматия* по истории средних веков. С. 324. Однако то, что сами европейцы воспринимали себя братьями, можно считать одновременно признаком зарождающегося, несмотря на языковые, этнические и др. отличия, общего западноевропейского самосознания (*История Европы*. М.: Наука, 1992. Т. 2. Средневековая Европа. С. 532).

³⁷ Игра слов в латинском языке: Urbanus – городской, образованный, искусный (*Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 28).

³⁸ *Заборов М. А.* Крестовые походы в документах. С. 39.

³⁹ Крестовые походы для средневековой историографии в целом стали «деяниями Бога через франков» (*Gesta Dei per Francos*): *Лучицкая С. И.* Иконография крестовых походов // *Одиссей. Человек в истории*. 2002. М.: Наука, 2002. С. 101. Кроме того, Урбан был французом, поэтому и обращался именно к франкам. Кроме того, и юг Франции был выбран неслучайно. Именно здесь были широко распространены клюнийские монастыри. Так называемая клюнийская реформа (монастырь в Клуни был основан в 910 г.) состояла в установлении независимости монастырей от местных светской и церковной властей, прямого подчинения папе и борьбе с обмирщением церкви и симонией. Католическая церковь именно клюнийцам обязана возвышением папства. В клюнийских монастырях провозглашался бенедиктинский устав. Непрерывные молитвы за мирян и отказ от всего мирского повысили рейтинг клюнийцев накануне разрешения «проблемы-1000», а после чудесного избавления от конца света это избавление стали считать заслугой клюнийцев. Заслуги клюнийцев были оценены многими, от последнего нищего до императора Священной Римской империи (*Доманин А. А.* Крестовые походы. Под сенью креста. М., 2003. С. 25). В XI в. это движение создает мощную организацию, распространившуюся на Испанию, Италию и другие страны (см.: *Чайковская О. Г.* Раскопки в Клуни и характер клюнийского искусства // *СА*. 1963. № 1). У монастырей появляются обширные земли и крестьяне. Аббаты Клуни становятся активными участниками

совершить дело, которое предали иудеи и не в состоянии оказались выполнить восточные христиане⁴⁰. Одним из библейских оснований для подобного рода рассуждений станут слова Христа о том, что «отнимется» от евреев «Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43).

Таким образом, можно говорить, что основная аргументация в пользу крестового похода основывалась на геополитических реалиях того времени и спекулировала на том страхе перед необъяснимыми передвижениями восточных племен, который распространялся среди европейцев. Покорив Византию, эти племена будут представлять угрозу уже для самой Европы, да и сам захват ими Византии – вмешательство в сферу влияния папства. В очередной раз мирный этап соперничества двух цивилизаций сменился на время достаточно жесткой и опасной для христианского мира конфронтации. Неудивительно, что в этих условиях призыв к превентивной войне прозвучал и был услышан европейским сообществом: «пусть выступят против неверных... пусть двинутся на бой, давно уже достойный того, чтобы быть начатым»⁴¹. Естественно, что этот призыв, обращенный внутрь цивилизации, именно к европейцам, дополнялся и обещанием вполне земных выгод: «Иерусалим – это пуп земли, край, плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта – словно второй рай»⁴², земля та «течет медом и млеком»⁴³.

Есть смысл обратить внимание на своеобразие использования библейского текста для усиления этой аргументации. Если во внутривосточной борьбе (файды, региональные конфликты) церковь для регламентации военных действий и социальных столкновений обращалась к мироустроительной функции религии и в результате прежде всего к Ветхому Завету (идеи «божьего мира» и «божьего перемирия»), то во внешнеполитической сфере активнее используется миссионерский характер новозаветных сочинений. В той же цитированной выше речи папы Урбана II говорится, что Святую Землю «прославил искупитель рода человеческого своим приходом, украсил ее [своими] деяниями, освятил страданием, искупил смертью, увековечил

политической жизни Европы. Ключницы занимались пропагандой паломничеств и обустроивали дороги и гостиницы для пилигримов.

⁴⁰ *Добиаши-Рождественская О. А.* Указ. соч. С. 24.

⁴¹ Фульхерий Шартрский «Деяния франков» (цит. по: *Заборов М. А.* Крестовые походы в документах и материалах. С. 49–50). Завоевание земного Иерусалима мыслилось как обретение Иерусалима небесного.

⁴² Из хроники Роберта Реймского «Иерусалимская история» (цит. по: *Заборов М. А.* Крестовые походы в документах. С. 52).

⁴³ Роберт Реймский или Роберт Монах «Иерусалимская история» (цит. по: *Стасюлевич М.* История средних веков. С. 81).

погребением»⁴⁴. По мере окончательного складывания европейской («христианской») цивилизации и ее выхода за пределы континента иерархия двух частей Библии – Ветхий Завет / Новый Завет – будет меняться на противоположную – Новый Завет / Ветхий Завет. Священное Предание как комплекс сочинений, оформляющий «феодалное» устройство «христианского мира», начнет прочитываться через идеи и образы Нового Завета и соответственно критиковаться. В данном случае мы видим, что Новый Завет берется для обоснования феодальной экспансии (в поисках земельных ресурсов)⁴⁵.

Реформация в лице М. Лютера и особенно Ж. Кальвина придаст импульс для формирования уже капиталистической по сути экспансии, сделав сущностный акцент на Новом Завете и выведя за рамки культуры Священное Предание.

На основании текста хроники Анонима можно видеть, что эта аргументация самим участникам похода не во всем подходит. Войскам приходилось идти уже за пределы Европы, где подобные аргументы практически не работали, ибо жители восточных окраин «христианского» мира и тем более мусульманских земель никаких выгод для себя от этого предприятия не видели. Крестоносцы оказались достаточно мудры, чтобы не объявлять их своими врагами, ведь тогда им пришлось бы иметь дело не только с регулярными армиями мусульман, но и с широким народным сопротивлением⁴⁶. В этих условиях они сохраняют идею паломничества⁴⁷ и

⁴⁴ Иерусалим воспринимался как отражение града небесного (*Перну Р.* Крестоносцы. С. 17). В то время Эдем искали именно на Ближнем Востоке (*Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 189). На большинстве средневековых карт картина земного рая помещена в восточной части (*Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 235–236). В то же время Иерусалим был центром ойкумены и всей земли, как и небесные тела вращаются вокруг земли, внутри которой расположен *civitas diaboli* (*Rohr C.* Man and nature in the Middle Ages // История и социология государства. Новосибирск, 2003. С. 176; *Райт Дж. К.* Указ. соч. С. 233). Еще в древности многие народы помещали самое святое место в центре мира, Иерусалим – библейский центр священной истории.

⁴⁵ За неполные 100 лет (с 1000 г.) население Европы выросло на 30–40 % и к 1095 г. достигло, по-видимому, 35 млн чел. См.: *Доманин А. А.* Указ. соч. С. 18. Нужно учитывать, что излишек населения скопился именно в классе феодалов (*Bunper P. Ю.* Указ. соч. С. 233).

⁴⁶ К тому же уже в то время в исламской теологии существовало представление о том, что противостояние христиан и мусульман является одним из признаков приближения конца света: *Кулиев Э.* Пророчества о приближении конца света. Согласно Корану и Сунне. М.: Имман, 2002. С. 78–82.

⁴⁷ Любопытно, что такое восприятие крестоносного движения просуществовало практически до недавнего времени: «Крестовые походы являются огромных размеров паломничеством, расширившим русло тех потоков, которые задолго до XI

стараяются меньше говорить о практических целях похода. В то же время идеологию войны они направляют в новое русло.

Прежде всего они используют одну из базовых идей европейской цивилизации – теоцентризм. Речь идет именно о Боге-Отце и дело не в этике, можно согласиться, что «христианская этика оказывала на них весьма слабое влияние»⁴⁸. Сама крестоносная история как профанная объявляется частью истории священной. Это видно уже из структуры хроники, построенной по канонам средневековых сочинений и состоящей из двух частей – уровней: сакрального и профанного, земного⁴⁹. Тем самым начинает работать и второй важнейший христианский догмат – провиденциализм⁵⁰. Даже такое явление, как крупномасштабная наступательная война за пределами цивилизации⁵¹, объявляется результатом «промысла Божьего». Сам Бог находится вне времени, но может вторгаться в него, осуществляя свою волю. И здесь как раз тот самый случай.

Однако именно теоцентризм не позволяет Анониму понять ислам⁵² как самостоятельную религию и культуру, хотя он и чужд какого бы то ни было фанатизма, восхваляет храбрость тюрок и жалеет, что они не христиане. Подчеркивается спиритуальное превосходство христиан над иноверцами, а конфликт мусульман и христиан изображается как борьба материи и духа⁵³.

века катились на Восток» (*Добиаш-Рождественская О. А.* Эпоха крестовых походов. С. 2). Традиции военного паломничества, возможно, существовали и на Руси. Речь идет о так называемых «каликах переходящих». В толковом словаре В. И. Даля «калика» определяется двояко: паломник, странник и «богатырь во смирении, в убожестве и богоугодных делах» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1994. Т. 2. С. 78).

⁴⁸ Мнение одного из исследователей (цит. по: *Заборов М. А.* Крестоносцы на Востоке. С. 20).

⁴⁹ *Барг М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 192.

⁵⁰ Пророческие высказывания Священного Писания, предвосхищающие и оправдывающие крестовый поход, активно используются всеми хронистами. Хроника Гвиберта Ножанского прямо начинается словами: «Приступая к этому сочинению, мы приведем некоторые примеры из Писания, которые, как мы считаем, согласовываются с военными походами, нами предпринятыми» (цит. по: *Лучицкая С. И.* Библейские цитаты в хрониках крестовых походов // *Одиссей. Человек в истории.* 2003. М.: Наука, 2003. С. 65).

⁵¹ Может быть, стоит заметить, что данный метод так или иначе до сих пор используется во внешнеполитической экспансии европейской цивилизации, когда, например, демократические ценности могут распространяться и с помощью превентивных войн (войны в Афганистане и Ираке).

⁵² Об образе ислама в средневековой литературе в целом см.: *Southern R. N.* Western Views of Islam in the Middle Ages. Cambridge-Mass., 1962; *Журавский А. В.* Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990. Гл. I.

⁵³ *Лучицкая С. И.* Образ другого. С. 152, 158.

В то же время любопытны рассуждения Анонима о том, что турки и франки не являются разными народами, оба троянского происхождения, но после разрушения Трои мусульмане ушли на восток, а франки на запад, и впоследствии мусульмане забыли христианство⁵⁴. В этих наивных рассуждениях можно видеть отдаленные истоки исторических изысканий гуманистов, пытавшихся найти общие корни европейских народов в истории древнего Израиля или в предании об Атлантиде⁵⁵.

Ислам он действительно не понимает⁵⁶ и считает его многобожием: мосульский атабек Кербога часто, по его мнению, клянется именем «Мухаммада и других богов» (*juro vobis per Machumet et per omnia deorum nomina*)⁵⁷. Образ мусульман в хронике вообще «легендарен и условен» и скорее ориентирован «на литературные модели, чем на непосредственные наблюдения»⁵⁸.

Нужно учитывать в данном случае, что представления Анонима в целом находятся в общем русле европейской традиции. Негативный образ «азиата» появился еще в античности⁵⁹. После появления мусульман он сменился на

⁵⁴ Там же. С. 212.

⁵⁵ Пиков Г. Г. О восприятии Нового света европейцами в XVI–XVII вв. // История мировой культуры и методы ее преподавания: Тез. докладов междунар. конф. Новосибирск, 1995. С. 89–92.

⁵⁶ Лучицкая С. И. Образ другого. С. 28.

⁵⁷ Цит. по: Лучицкая С. И. Образ другого. С. 82. *Gesta Francorum*. P. 52. В этом плане взгляды Анонима не отличаются от взглядов средневековых авторов, которые подчеркивали вероломство (*perfidia*) и хитрость (*calliditas*) косных (*bruti*) мусульман, называемых «нечестивым» (*nefaria gens*), «отвратительнейшим» (*spurcissima gens*) и «вероломным» (*perfida gens*) народом, «рыцарством всякого зла» (*militia totius malitiae*). См. также: Лучицкая С. И. Мусульмане в иллюстрациях к хроникам Гийома Тирского: визуальный код инаковости // Одиссей. Человек в истории. 1999. М.: Наука, 1999. В целом, перед нами достаточно типичное антиномическое противопоставление «своих» и «чужих» как одна из форм восприятия чужой культуры. См. подробнее: Аджалов А. М. Этноконфессиональное содержание оппозиции «свои» и «чужие» в огузовском эпосе // Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. С. 156–162. Естественно, что Восток казался Западу «своим миропониманием каким-то младенцем или недоучкой» (*Ольденбург С. Ф. «Связи Запада с Востоком старинные...» // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982. С. 7).*

⁵⁸ Лучицкая С. И. Образ другого. С. 100; *Ее же*. Моральный портрет мусульман. С. 382; *Ее же*. Идея обращения иноверцев в хрониках первого крестового похода // Одиссей. Человек в истории. 1997. М.: Наука, 1998. С. 123–124, 140–141; *Histoire anonyme de la Première croisade / Éd. L. Bréhier. P., 1924. P. VI; Gesta Francorum. P. XIV.*

⁵⁹ Пиков Г. Г. Из истории западноевропейского средневековья. Новосибирск, 2003. С. 46.

образ «неверного»⁶⁰. В хронике Анонима и других авторов идет достаточно жесткое противопоставление христиан и мусульман: мусульмане – это племя варваров (*gens barbara*), нечестивое племя (*gens nefaria*), отлученный от церкви народ (*excommunicata generatio*) и т. д., а христиане – народ Божий (*populus Dei*), воины Христа (*Christi milites*), народ христианский (*Christianorum populus*) и пр. Мусульмане – язычники, а их мечеть не просто *profanum*, а *diabolicum atrium* (вместилище дьявола). Мухаммед изображается как распространитель ложного учения, который сумел ввести в заблуждение многочисленные народы⁶¹.

«На помощь» Богу-Отцу приходит и Бог-Сын, когда речь идет уже о «промысле» как помощи людям также и Христа⁶². Об этом говорится в самом начале хроники: «И вот уже приблизился тот час, на который господь Иисус ежедневно указывает верующим в него, а именно говоря в Евангелии: если кто хочет идти за Мною, отвергнись от себя и возьми крест свой, и следуй за мной (Мф. 16:24). Тогда случилось сильное движение по всем областям Галлии»⁶³.

Стоит остановиться на этом месте подробнее. В данном случае использование Евангелия не клириком, а светским лицом проведено явно непрофессионально и даже несколько неуклюже, но оно все же достигло того результата, на который рассчитывал Аноним. О непрофессионализме автора

⁶⁰ Считалось, что именно деятельность Мухаммеда привела к первому серьезному расколу в христианском мире: Журавский А. В. Христианство и ислам. С. 26. Мусульмане же, наоборот, считали, что его появление было предсказано в Библии: *Абдуль-Ахад Дауд* (Давид Бенджамин Кельдани). Мухаммад в Библии. М.: Умма, 2005; *Фрилинг Р.* Христианство и ислам. Духовные борения человечества на пути к самопознанию. М.: Энигма, 1997. С. 57 и сл.

⁶¹ Подробнее см.: *Daniel N.* Islam and the West. The Making of an Image. Edinburgh, 1960; *Луцицкая С. И.* Образ другого; *Ее же.* Араб глазами франка // *Одиссей. Человек в истории.* 1993. М., 1994. В последующие столетия, однако, образ ислама будет становиться более полным и четким: *Луцицкая С. И.* Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики // *Одиссей. Человек в истории.* 1994. М.: Наука, 1994. С. 192.

⁶² Если в раннее средневековье господствовала фигура грозного Бога-вседержителя, то именно с XI в. происходит своеобразная «гуманизация» христианства (*Уколова В. И., Бородин О. Р.* Византия и Запад: культурные отношения в VII–XII вв. // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики.* СПб.: Алетейя, 2001. С.133) и на первый план выходит фигура Христа. Тогда же в степень догмата была возведена и поправка испанских епископов к Символу веры «и от Сына» (*Filioque*), что является одним из существенных отличий католицизма от православия.

⁶³ *Cum jam appropinquasset ille terminus quem dominus Jesus cotidie suis demonstrare fidelibus, specialiter in euangelio dicens: «Si quis vult post me venire, abneget semetipsum et tollat crucem suam et sequatur me» facta est igitur motio valida per universas Galliarum regiones... (Gesta Francorum. P. 1)*

свидетельствует невольный, но довольно опасный крен в сторону актуальной эсхатологии («приблизился... час»). По сути, крестоносная эпопея объявляется одним из последних признаков приближения Конца Света, который будет сопровождаться повсеместным и окончательным принятием Истины. Следовательно, сам поход может восприниматься как заключительный аккорд великой Симфонии христианства.

Справедливости ради надо сказать, что апокалиптические настроения в то время действительно были широко распространены по всей Европе, что не могло не найти отражения и в данной хронике. Все ожидали скорого конца света, особенно в 1000 г. («проблема 1000»). Многие дарственные грамоты начинались словами «так как приближается конец мира» или «убоясь наступающего дня Суда Божия»⁶⁴. Сам папа Урбан II на Клермонском соборе говорил о «колеблющемся мире» и в качестве бедствий космического масштаба указывал на утрату церковью «ее почетного положения» и на приход тюрков как «беду не меньшую, чем вышеупомянутая, а большую и даже величайшую, идущую из другой части света»⁶⁵. Все ожидали Божьей кары за многочисленные грехи людей и для избавления от нее необходимо было совершить особый религиозный подвиг, в чем-то равный жертве Христа, взявшего на себя грехи человечества.

И все же в Евангелии от Матфея говорится просто о другом. Матфей⁶⁶ сообщает, что эти слова были обращены только ученикам⁶⁷ и фактически предлагали им умереть для мира⁶⁸. Автор явно заимствовал этот пример у монахов, которым по определению нельзя было быть связанными с миром.

Однако можно увидеть и третью сторону этого пассажа. Указанная цитата хорошо ложится на идею, распространяемую церковью после Клермонского собора, о том, что участие в походе приравнивалось к монашескому деянию. Тяжелый ратный труд, сопряженный с ежедневными опасностями, объявлялся мирским крестом⁶⁹ воинов. Тем самым Аноним напоминает своим соратникам, что это их сознательный выбор⁷⁰, ибо осужденный

⁶⁴ Куглер Б. История крестовых походов. С. 10.

⁶⁵ Фульхерий Шартрский «Деяния франкских пилигримов, отправившихся на завоевание Иерусалима» (цит. по: *Хрестоматия* по истории средних веков. С. 324).

⁶⁶ См. также Мк. 8, 34 и Лк. 9, 23.

⁶⁷ Марк – ученикам и народу, Лука – всем.

⁶⁸ *Словарь* библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура. Киев; М., 1998. С. 503. См. также: *Толковая Библия* или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Новаго Завета. СПб., 1913 (переиздание 1987г.). Т. 3. Новый Завет. С. 281–282.

⁶⁹ Так понимает это место и современная теология. См.: *Ринекер Ф., Майер Г.* Библийская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг, 1999. С. 513.

⁷⁰ *Нюстрем Э.* Библийский словарь. СПб., 1995. С. 223.

Христос должен был сам нести свой крест⁷¹. Принятие креста и «путь за море» (*iter transmarinus*), паломничество и «распространение власти Христа и церкви» (*dilatatio regni Christi et ecclesiae*) есть одновременно высокая миссия и честь христианина. Эта мысль звучит и в напутствии Боэмунда Тарентского своему коннетаблю: «ревностно помогай Богу и Святому Гробу. Ведь ты знаешь, что эта война не плотская, а духовная. Итак, будь храбрейшим поборником Христа»⁷².

Так поднимается и обосновывается престиж крестового похода и одновременно идет обращение к восточным христианам. Византийцы, которые всегда опасались «коварных латинян»⁷³ и использовали против них, по меткому замечанию одного исследователя, не столько кровь, сколько чернила⁷⁴, могут быть, по мнению автора⁷⁵, спокойны, ибо их стране вторжение не угрожает. Христианские же жители мусульманских территорий, как он рассчитывал, могут превратиться в потенциальных помощников при сокрушении власти «неверных», стать своеобразной «пятой колонной» Европы⁷⁶. Хронист признает, что византийцы – тоже христиане: «несправедливо будет воевать против христиан»⁷⁷.

Такое вольное прочтение Библии оказалось оправданным и показывает нам, что автор хроники был не только закаленным воином, но и тонким дипломатом, понимающим, что исход военной кампании чаще зависит не от количества воинов, а от качества идеологической пропаганды. То, что это

⁷¹ Ср.: «И кто не берет креста своего и следует за мною, тот не достоин меня» (Мф. 10, 38).

⁷² ...esto acer in adiutorium Dei Sanctique Sepulchri. Et revera scias quia hoc bellum carnale non est, sed spirituale. Esto igitur fortissimus Christi athleta (*Gesta Francorum*. P. 37).

⁷³ *Культура* Византии. Вторая половина XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 7.

⁷⁴ Haldon J. «Blood and Ink»: some Observations on Byzantine Attitudes towards Warfare and Diplomacy // *Byzantine Diplomacy*. Verona, 1992. P. 281–294.

⁷⁵ Аноним все же не любит византийцев и называет их «вероломные» (*perfidii*).

⁷⁶ Эти надежды практически не оправдались. На востоке крестоносцев поддержали только армяне и марониты. Крестоносцы нанесли удар по мелькитам, сирийским последователям византийской ортодоксии (*Хасан бин Талал*. Христианство в арабском мире. М., 2003. С. 69). Иерусалимские патриархи мелькитов переселились за Иордан на территорию Каменистой Аравии (нынешняя Иордания) (*Шевченко А. Г.* Ислам и христианство: исторический опыт и перспективы сотрудничества. М.: Наука, 2004. С. 21). Мусульманский правитель Египта султан Салах-ад-Дин Айюби (Саладин) после захвата в 1187 г. Иерусалима подтвердил право иерусалимского патриарха Досифея распоряжаться христианскими святынями Палестины и начал активно поддерживать восточных христиан. Впоследствии это делали все наиболее дальновидные государственные деятели ислама (*Родионов М. А.* Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982).

⁷⁷ ...injustum fore, contra Christianos pugnare (*Gesta Francorum*. P. 13).

делается как бы мимоходом, свидетельствует о высоком уровне профессионализма этой пропаганды.

Однако обосновывать идею крестового похода было необходимо не только для жителей восточных стран, но и для самих участников похода. Помимо вышеуказанных аргументов применялись и другие.

Любопытно, что и в этом случае активизируется раннехристианский опыт. Своеобразным парадоксом выглядит то, что активно используется возникшее еще на заре христианства понятие мученичества за веру (*martyrium*). Еще на Клермонском соборе папа заявил: «Братья, вам следует претерпеть во имя Христа много несчастий, бедности, лишений, гонений, скудости, голода, жажды и многого другого»⁷⁸.

Это не объявление о наказании, а скорее предупреждение о тех тяготах, которые будут в походе, и том непонимании, с которым будет встречен этот поход на Востоке, даже в христианской Византии. Этого не избежать и надо быть готовым к тяготам и мучениям.

Но тогда встает проблема оправдания этих лишений. Для этого папа ссылается на Библию и говорит о необходимости страданий за имя Господа. Речь идет именно о Христе: «и говорил господин папа... как сказал господь своим ученикам: “Должны вы многое претерпеть во имя мое” и “не стыдитесь говорить перед лицом людей”, “ибо я дал вам уста и премудрость”, и далее: “велика ваша награда на небесах”⁷⁹. Хронист повторяет эту речь, следовательно, принимает и использует ее аргументацию. Тем самым поход на Восток объявляется особым, священным паломничеством, войной ради Господа и освобождения его Гроба. Это – покаянное паломничество, участники которого сознательно обрекали себя на лишения, голод и жажду, страдания и даже смерть. Этим оно отличается от «любвонной жажды видеть святые места» (*cupido visendi*) простых паломников, которым не достается таких страданий и для них практически нет смертельной опасности. В результате можно говорить о складывании в период проведения Крестовых походов своеобразной рыцарской теологии Креста. Рыцарь – участник похода как мученик за веру приравнялся к Христу-мученику⁸⁰. Были слухи в

⁷⁸ Frater, vos oportet multa pati pro nomine Christi, videlicet miseries, pauperitates, nuditates, persecutiones, egestates, infirmitates, fames, sites et alia hujusmodi... (*Gesta Francorum*. P. 1.)

⁷⁹ *Хрестоматия* по истории средних веков. С. 326; *Gesta Francorum*. P. 2: «Oportet vos pati multa pro nomine meo» et «Nolite erubescere ante facies hominem; ego vero dabo vobis os et eloquium» ac deinceps «Persequetur vos larga retributio».

⁸⁰ Начало этому процессу было положено на рубеже X–XI вв., когда было преодолено прежнее противопоставление понятий «воинство Христово» и «мирское воинство». По мнению К. Эрдмана, значительную роль в этом сыграл институт фогтства, когда церковные фогты выступали военными защитниками монастырей и епископств: *Эрдман К. Возникновение идеи крестовых походов*. С. 189.

народе, что даже знаменитые покойники минувших времен покинули свои могилы, чтобы принять участие в этом великом движении на Восток⁸¹.

Разумеется, поход – «дело рук божьих», но роль его участников исключительно высока. В соответствии с новозаветным пониманием⁸² они в качестве мучеников жертвуют своей жизнью из верности свидетельству об Иисусе (Деян. 7, 55–60), свидетельствуют своей кровью (Деян. 22, 20; Откр. 2,3; 6,9; 17, 6)⁸³. Вероятно, для тех читателей, которые не настолько хорошо знакомы с богословием, приводится более понятный аргумент: страдание важно именно из-за Христа, «рукой которого они были спасены от тартара»⁸⁴.

Сказанное иллюстрируется так или иначе с помощью описания сражений. Например, описывая неудачный поход бедноты во главе с Петром Пустынником, он замечает: «Эти первыми тогда восприяли счастливое мученичество во имя Господа Иисуса»⁸⁵. Во время осады Антиохии «в тот день более тысячи из наших всадников и пехотинцев претерпели мученичество. Поэтому мы верим, что, поднявшись в небеса, они облеклись в белое, обретя ризы мученичества»⁸⁶.

Попутно можно заметить, что мученичество в данном случае не только выступает как пример христианской доблести за веру в борьбе с неверными, но и помогает оправдывать и военные неудачи. Прагматично мыслящий Аноним, понимая, что победить на Востоке можно будет, используя максимальное количество людских ресурсов из Европы, и предвидя неизбежность страха перед перспективой поражения и смерти, блестяще использует дух религиозного подвижничества и фактически пытается создать имидж того, кого можно будет назвать христианским камикадзе.

Активно используют подобную аргументацию и другие хронисты первого похода. Роберт-монах, обращаясь к воинам, подчеркивает: «вы удостоены Богом замечательной силой оружия». Фульхерий предостерегает их, что «срамом покроет вас сам Господь», если не поможете христианам. И снова используются те новозаветные рецепты, которые пригодны были для монахов

⁸¹ Куглер Б. История крестовых походов. С. 15.

⁸² Более подробно см.: *Словарь библейского богословия*. С. 612–614.

⁸³ Это представление впоследствии достаточно широко распространится. Рыцарь, как христианин, должен стремиться в своей жертвенности уподобиться жертвенности Христа, который после распятия победил в аду inferнальные силы и освободил томящиеся там души людей. Его подвиг будет осмысливаться как рыцарский. В иконографии распространится сюжет Христа-Рыцаря, который изображался в воинских доспехах, восседающим на собственном распятии и попирающим побежденный ад.

⁸⁴ ...quibus de manu erant redempti tartarea (*Gesta Francorum*. P. 2).

⁸⁵ Isti primo felix acceperunt martirium pro nomine Domini Jesu (Ibid. P. 4).

⁸⁶ Fueruntque in illa die martyrizati ex nostris militibus seu peditibus plus quam mille, qui ut credimus in caelum ascenderunt, et candidati stolam martyrii receperunt (Ibid. P. 40).

– у Роберта изложение завершается прямой ссылкой: «И кто не берет креста своего и не следует за мной, тот не достоин Меня» (Мф. 10,38).

Эта позиция усиливается с помощью идеи воздаяния. Собственно, как сообщает сам автор, эту же тему поднимает и папа в своей клермонской речи: «И последует вам обширное воздаяние»⁸⁷. Также он говорит: «...если кто пожелает сделать душу свою непорочной, то пусть не усомнится смиренно последовать путем Господа. А если же у кого скуден запас динариев, то божественное милосердие даст достаточно»⁸⁸. Это оказалось действенным аргументом для тех, кто собирался идти в поход: «Постепенно эта речь стала распространяться по всем галльским землям и отечествам. Бесстрашные франки немедленно стали шить крест на правом плече»⁸⁹. Видимо, и Боэмунд Тарентский говорил своим воинам нечто подобное, ибо «единодушен их клич: "Бог хочет (Deus vult), Бог хочет, Бог хочет!"»⁹⁰.

О том, что эта проблема была не фактором идеологической пропаганды, свидетельствует упоминание об обсуждении ее в армии: «Произошел между нами тайный разговор, и мы, радуясь и обсуждая, говорили: "Будьте всегда единодушны, веруя в Христа и победу Святого Креста, ибо, если Богу угодно, тотчас сделаетесь богатыми"»⁹¹. Любопытны две детали: разговор был тайным и проблему войны поняли очень прагматично. Сам Аноним не скрывает темных сторон деятельности крестоносцев, хотя, имея большой военный опыт и понимая неизбежность даже преступлений на войне, видимо просто не считает это чем-то особенным.

Другие хронисты тоже развивают эту тему. У Роберта папа ссылается на Евангелие, в котором сказано: «кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19.29).

⁸⁷ Persequetur vos larga retributio (Ibid. P.2).

⁸⁸ ...ut si quis animam suam saluam facere vellet, non dubitaret humiliter viam incipere Domini, ac si denariorum et deesset copia, divina et satis daret misericordia (Ibid. P. 1). Стоит обратить внимание на тот факт, что Клермонская речь пересказывается очень кратко, но особо. Эту же мысль проводит Фульхерий Шартрский («Деяния франкских пилигримов, отправившихся на завоевание Иерусалима»): «кто здесь горестен и беден, там будет богат, кто здесь недруг богу, там станет другом ему» (цит. по: *Хрестоматия* по истории средних веков. С. 325).

⁸⁹ Cumque iam hic sermo paulatim per universas regions ac Galliarum patrias coepisset crebrescere, Franci audentes talia protinus in dextra crucem suere scapula... (*Gesta Francorum*. P. 2).

⁹⁰ ...sonum vero "Deus vult, Deus vult, Deus vult!" una voce conclamant (Ibid. P. 7).

⁹¹ Factus est itaque sermo secretus inter nos laudantes et consulentes atque dicentes: «Estote omnimodo unanimes in fide Christi et Sanctae Crucis victoria, quia hodie omnes divites si Deo placet effecti eritis» (Ibid. P. 19–20).

Изрядная доля прагматичности в отношении к религии видна и в том, что хронист активно проводит идею поддержки похода со стороны Бога, который делает все возможное и невозможное, чтобы противодействовать злу и максимально уменьшить человеческие жертвы. Крестоносцы постоянно называются воинами Христа (*Christi milites*), «народ Христа» (*Christi gente*), войско Христа (*militia Christi*). Говорится о божественном покровительстве крестоносцам во время сражения: «огонь, обратясь на турок, сжег некоторых из них, но от того пламени Бог наших тогда освободил»⁹². Турки порой выступают как сильный народ, но христиане становятся еще сильнее, благодаря божественной поддержке: «если Богу угодно, они никогда не будут так же сильны, как наши»⁹³.

Любопытно, что хронист имеет в виду только католических воинов. Византийский император изображен в хронике хитрым и подозрительным человеком, который помогает крестоносцам только из-за боязни нападения с их стороны. Поэтому часто Бог охраняет крестоносцев не только от турок, но и от наемников византийского басилевса: «...неверный⁹⁴ император Алексей приказал туркополам и печенегам нападать на них и убивать»⁹⁵. Тогда Балдуин «с крепкой душой устремился на них и превзошел их с Божьей помощью»⁹⁶. Разозленный «несчастный император вновь приказал своим войскам напасть на герцога и народ Христа»⁹⁷. Во время очередной стычки с византийцами Боэмунд, не понимая, почему на него нападают, спрашивает, зачем они убивают «народ Христов и мой»⁹⁸. Тем не менее, император постоянно обдумывает козни против крестоносцев: «В тот час император, кипя и содрогаясь от гнева, раздумывал, каким образом ему искусно и с коварством схватить этих Христовых воинов»⁹⁹. Только божественная благодать избавила крестоносцев от этих козней.

Таким образом, религиозные идеи и образы не были пустым звуком для участников Первого крестового похода. Они обосновывали легитимность и идеологическую направленность столь необычного в прошлом для Европы

⁹² ...ut versus ignis in Turcos quosdam eorum concremavit, sed ab illo incendio Deus nostros tunc liberavit (Ibid. P. 5).

⁹³ Sed si Deo placet nunquam tantum valebunt, quantum nostri (Ibid. P. 21).

⁹⁴ Латинское слово «*iniquus*» также может быть переведено как «враждебный, недоброжелательный, негодующий, вредный».

⁹⁵ ...*iniquus* imperator Alexius imperavit Turcopolis et Pinzinacis invadere illos et occidere (Ibid. P. 6).

⁹⁶ ...eosque invasit forti animo, ac Deo juvante superavit eos (Ibid. P. 6).

⁹⁷ Sero autem facto infelix imperator jussit suis exercitibus invadere ducem cum Christi gente (Ibid. P. 6).

⁹⁸ Quare miseri occiditis gentem Christi et meam? (Ibid. P. 9)

⁹⁹ Tunc imperator auxilians et bulliens ira cogitabat quemadmodum callide fraudulententerque comprehenderet hos Christi milites (Ibid. P. 11).

предприятия и в то же время позволяли и рядовым воинам находить смысл своего собственного участия в нем. «И теперь, когда слышишь вновь патетическую симфонию романского мира, думаешь, что перед ним не напрасно прошел некогда в мареве пустыни его таинственный вождь, Рыцарь бедный, молчаливый и простой»¹⁰⁰.

¹⁰⁰ *Добиаи-Рождественская О. А.* Указ. соч. С. 116.

Византия и идея крестового похода¹

Первый крестовый поход, состоявшийся в 1096–1099 гг., стал достаточно важной вехой в истории западноевропейского средневековья. Именно с него начинается так называемая «эпоха крестовых походов», которая продолжалась, как минимум, две сотни лет. Крестовые походы являются важнейшим звеном в истории отношений Запада и Востока, Запада и Византии. Речь здесь идет как о сотрудничестве крестоносцев и византийцев, так и о завоевании Константинополя в 1204 г.

Во время первого крестового похода войска крестоносцев избрали для себя сухопутный маршрут, в результате чего Византия была просто поставлена перед фактом: крестоносцам была нужна «транзитная виза» и сотрудничество с византийским императором Алексеем Комнином по вопросу о переправке войск через пролив Босфор.

В исторической литературе имеется немало работ, посвященных истории взаимоотношений крестоносцев и византийцев². Однако они в большинстве

¹ Статья опубликована в издании: *Портных В. Л.* Византия и идея крестового похода // Политическая культура в истории Германии и России: сб. науч. статей. Кемерово, 2009. С. 254–269.

² Ряд работ описывают предысторию этих отношений и сами отношения в контексте их предыстории: *Charanis P.* Byzantium, the West and the origin of the First Crusade // Byzantion. 1949. № 19; *Cowdrey H. E. J.* The Gregorian papacy, Byzantium and the first crusade // Byzantium and the West с. 850–1200. Proceedings of the XVIII spring symposium of Byzantine studies. Amsterdam, 1988; *Idem.* Pope's Gregory VII's "crusading" plans of 1074 // *Outremer: studies in the history of the Crusading kingdom of Jerusalem presented to J. Prawer / Ed. by B. Z. Kedar, H. E. Mayer, R. C. Smail.* Jerusalem, 1982; *McQueen W. B.* Relations between the Normans and Byzantium 1071–1112 // Byzantion. 1986. № 56; *Munro D. C.* Did the Emperor Alexius ask for aid at the Council of Piacenza? // *American historical Review.* 1922. № 27; *Заборов М. А.* Византийская политика папства и начало крестовых походов // Средние века. М., 1959. Вып. XIV. Ряд работ посвящен анализу отношений крестоносцев и Византии непосредственно во время первого крестового похода: *Flori J.* Quelques aspects de la propaganda anti-byzantine dans les sources occidentales de la première croisade // *Chemins d'Outre-Mer. Etudes d'histoire sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard.* P., 2004. Т. 1; *Ganshof F.-L.* Recherche sur le lien juridique qui unissait les chefs de la Première Croisade à l'empereur byzantin // *Mélanges offerts à M. Paul-E. Martin.* Paris: Société d'histoire et d'archéologique de Genève, 1962; *Hill J. H.* Raymond of Saint Gilles in Urban's plan of greek and latin friendship // *Speculum*, 26 (1951); *Hill J. H., Hill L. L.* The convention of Alexius Comnenus and Raymond of St. Gilles // *American Historical Review*, 58 (1952–1953); *Krey A. C.* Urban's crusade – success or failure // *American historical review*, 1948; *Lemerle P.* Byzance et la croisade // *Relazioni del X congresso internazionale di scienze storiche. Storia del medioevo.* Firenze, 1955. Vol. 3; *Skoulatos B.* L'auteur anonyme des Gesta et le monde byzantin // *Byzantion.* 1980. № 50; *Shepard J.* Cross-purposes: Alexius

своем не охватывают весь спектр вопросов, возникающих при анализе латинско-византийских отношений в период похода. В основном был исследован политический аспект взаимоотношений. При этом не учитывался аспект мировоззренческий, не менее важный для понимания сути событий.

Под мировоззренческим аспектом мы понимаем то, каким образом участники и современники похода мысленно «делили мир» на страницах хроник. Имеющиеся на данный момент исследования в достаточной мере анализируют представления хронистов о крестоносцах и их противниках – мусульманах. Крестоносцы смотрели на самих себя как на некое «священное войско»: они исполняли божественную миссию, имели вследствие этого поддержку Бога и святых, претерпевали мученичество за веру, имели статус паломников и пользовались воздаянием³. При этом мусульмане подвергались «дьяволизации». Если крестоносцы были изображены как «паломники Христа» и «войско Христово», то мусульмане выступают их антиподом, они являются «сателлитами дьявола», «врагами Бога», «врагами святого христианства», «отлученным от церкви родом», «язычниками»⁴. Таким образом, мусульмане традиционно противопоставлялись «божественным» крестоносцам.

Остается открытым вопрос: какое место в этой «картине мира» занимают византийцы? А ведь они также были активными участниками происходящих событий, и сообщения об отношениях с византийцами имеются во всех хрониках первого крестового похода. Ответу на вопрос, какое место предназначалось византийцам во взглядах западных современников и очевидцев крестового похода, и будет посвящена данная статья. Исследование проводится на материале латинских хроник первого крестового похода.

Как уже было отмечено Б. Скулатосом в его статье в журнале «Бизантион», в анонимной хронике «Деяния франков» содержится мысль о

Comnenus and the First Crusade // *The First Crusade: origins and impact*. Manchester, 1997; *Idem*. When Greek meets Greek: Alexius Comnenus and Bohemond in 1097–1098 // *Byzantine and modern greek studies*. 1988. № 12. Имеются также работы, посвященные латино-византийским отношениям на протяжении всего периода крестовых походов на Восток: *Harris J.* Byzantium and The Crusades. N.Y., 2003; *Lilie R.-J.* Byzantium and the crusader states 1096–1204. Oxford, 1993.

³ *Flori J.* La guerre sainte. La formation de l'idée de la croisade dans l'Occident chrétien. P., 2001; *Riley-Smith J.* The first crusade and the idea of crusading. L., 1993; *Портных В. Л.* Крестоносцы глазами современника (на материале *Gesta Francorum*) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Матер. Третьей межрегион. конф. Новосибирск, 2006. С. 19–24.

⁴ Подробный анализ понятий, используемых в отношении мусульман см.: *Лучицкая С. И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

безусловной правоте крестоносцев. При описании конфликтов, происходивших между крестоносцами и византийцами, виновными всегда оказывались византийцы, хотя в самом тексте можно найти указания на то, что конфликты были спровоцированы крестоносцами. Нам удалось обнаружить сходную идею в хрониках, которые считаются производными от «Деяний франков» – хрониках Гвиберта Ножанского, Роберта Реймского и Петра Тудебода. Условно можно назвать данную идею «крестоносец всегда прав».

Начнем разбор хроник с описания прибытия в Византию войск герцога Готфрида Бульонского. Хронисты пишут по этому поводу:

«Деяния франков»	Петр Тудебод	Гвиберт Ножанский	Роберт Реймский
Расположившись, герцог каждый день осторожно рассылал своих оруженосцев, чтобы доставить солому и другое необходимое для лошадей. И хотя они считали, что могут с уверенностью выходить, куда хотят, <i>недоброжелательный император</i> Алексей приказал туркополам и печенегам нападать на них и убивать ⁵	Расположившись, герцог осторожно каждый день выбирал несколько воинов из числа своих, чтобы они выходили наружу и приносили солому и другое необходимое. И хотя считали, что могут с уверенностью выходить, куда хотят, <i>недоброжелательный император</i> приказал с проницательностью наблюдать за ними, приказав туркополам и пе-	Расположившись в предоставленном императором месте, герцог и его люди направили своих оруженосцев искать солому и все необходимое для лошадей. Они думали, что по праву и в безопасности могут идти, куда захотят, однако этот <i>негоднейший правитель</i> приказал своим людям везде, где можно, без раз-	Герцог надеялся, что может оставаться в спокойствии, пока не придется войско народа франков. Однако когда он начал в течение нескольких дней посылать своих слуг за всем необходимым, <i>лукавый император</i> предписал своим туркополам и печенегам напа-

⁵ *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum*. The Deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem / Ed. R. Hill. L., 1962. P. 6: «Cumque fuisset hospitatus dux, secure mittebat armigeros suos per singulos dies, ut paleas et alia equis necessaria asportarent. Et cum putarent exire fiducialiter quo vellent, iniquus imperator Alexius imperavit Turcopolis et Pinzinacis invadere illos et occidere».

	ченегам нападать на них и убивать ⁶	бора убивать соратников герцога ⁷	дать на них из засады и убивать ⁸
--	--	--	--

Скулатос отмечает, что хроника «Деяния франков» не упоминает никаких обязательств императора предоставлять что-либо крестоносцам⁹. Такие обязательства не зафиксированы и в других хрониках. Иначе говоря, крестоносцы брали запасы без какого-либо разрешения императора. Стоит отметить также, что Петр Тудебод пишет не «необходимое для лошадей», а просто «необходимое», поэтому непонятно, что именно брали воины.

При явной «неправоте» крестоносцев, хронисты при этом указывают на недоброжелательность и враждебность императора. Причем термин «iniquus», означающий «недоброжелательный», «враждебный», иногда может указывать даже и на нечестивость в религиозном смысле¹⁰. Помимо приведенных цитат, необходимо добавить, что далее в тексте Гвиберт Ножанский называет императора «impius»¹¹. Часто это слово имеет религиозный подтекст и означает «нечестивый», «кощунственный». Жан Флори в своей статье также противопоставляет «божественных» крестоносцев византийцам¹². По сути, речь идет о том, что против византийцев используется идея священной войны.

⁶ *Petrus Tudebodus. Historia de hierosolymitano itinere / Publié par J. H. Hill, L.L. Hill. P., 1977. P. 38: «Cumque hospitatus fuit secure legebat dux armigeros suos per unumquemque diem foras, quatinus paleas et alia necessaria asportarent. Et jam computabant cum fiducia exire quocumque ire voluissent ; iniquus imperator Alexius nomine sagaciter faciebat eos excubare, suisque Torcopolis et Pincinacis imperabat eos invadere et occidere».*

⁷ *Recueil des historiens des croisades: Historiens occidentaux. P., 1844–1895 (далее RHC). T. 4. P. 147: «Hospitio itaque ad imperium imperatoris accepto, ad contrahendas undecumque paleas equisque necessaria dux et quique suorum armigeros proprios destinabat. Et quum arbitrarentur licite ac secure se discurrere posse quo vellent, clam princeps ille nequissimus his qui circa se versabantur imperat ut ducis ministros, quocumque pervadere possent, indifferenter occiderent».*

⁸ RHC. T. 3. P. 743: «Speravit iterum dux ibi securus remanere, quoadusque convenirent agmina gentis Francigenae. Et quum per aliquot dies mittere coepit clientes suos ad necessaria comparanda, dolosus imperator praecepit Turcopolis suis et Pincenatibus ut in insidiis positi eos invaderent et occiderent».

⁹ *Skoulatos B. L'auteur anonyme. P. 512.*

¹⁰ *Портных В. Л. Некоторые аспекты взаимоотношений византийцев и крестоносцев // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 115.*

¹¹ RHC. T. 4. P. 147.

¹² *Flori J. Quelques aspects de la propagande anti-byzantine dans les sources occidentales de la première croisade // Chemins d'Outre-Mer. Etudes d'histoire sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard. T. 1. P., 2004.*

Видимо, вследствие действий крестоносцев император посылает против них войско, которое терпит поражение. При этом крестоносцы пользуются божественной поддержкой:

«Деяния франков»	Петр Тудебод	Гвиберт Ножанский	Роберт Реймский
Балдуин, брат герцога, услышав об этом, тайно сделал вылазку, и наконец нашел их, когда они убивали его народ. С крепкой душой Балдуин устремился на них и превзошел их <i>с Божьей помощью</i> ¹³	(Балдуин) нашел их, когда они убивали его народ, атаковал их всей своей мощью и превзошел их <i>с Божьей помощью</i> ¹⁴	И когда он (Балдуин. – В. П.) заметил, что нашим досаждают неистовство туркополов, он яростно атаковал их, как подобает, и <i>с благоволения Бога</i> одержал такую победу, что захватил шестьдесят из них, часть убил, а часть отвел своему брату ¹⁵	Сильный духом, он мужественным натиском напал на них, и <i>с Божьей помощью</i> превзошел их, убив многих из них и представив своему брату-герцогу пленных ¹⁶
Вечером несчастный император вновь приказал своим войскам напасть на герцога и <i>народ Христа</i> . Гоня их, непобедимый герцог и <i>Христово войско</i> се-	Вечером несчастный император отправил свои войска, приказав им атаковать герцога и <i>народ Христа</i> . Гоня их, непобедимый герцог и <i>Христово войско</i> се-		На закате солнца, когда ночь уже покрыла поверхность земли, пособники императора предвкушали нападение на герцога. Однако <i>с помощью божественной благо-</i>

¹³ *Gesta Francorum*. P. 6: «Balduinus itaque frater ducis haec audiens misit se in insidiis, tandemque invenit eos occidentes gentem suam, eosque invasit forti animo, ac Deo iuvante superavit eos».

¹⁴ *Petrus Tudebodus*. P. 39: «Tandem invenit eos occidentes gentem suam quosque invasit toto corde, et Deo iuvante eos superavit».

¹⁵ РНС. Т. 4. P. 147: «...et quum suos repperisset Turcopolarum violentia molestari, acerrime eos, , uti decebat, aggreditur; et Deo prosperante, tanta victoria potitur, ut ex eis sexaginta comprehensis, partim occiderit, partim duci fratri obtulerit».

¹⁶ *Ibid.* Т. 3. P. 744: «...forti animo et virili impetu illos invasit; et sic, Deo juvante, illos superavit pluresque ex eis occidit, et captos fratri suo duci praesentavit».

мерых из них убили, а других непрерывно преследовали до ворот города ¹⁷	мерых из них убили, преследуя остальных вплоть до ворот города ¹⁸		<i>дати</i> с большим для них ущербом они едва ушли от рук наших ¹⁹
--	--	--	--

Таким образом, можно говорить о фактическом использовании против византийцев идеи «священной войны». Считается, что Бог поддерживает крестоносцев в конфликтах с византийцами. В тексте противопоставляются «божественные» крестоносцы и император, который божественной поддержкой не пользуется. Кроме того, в этом же эпизоде Петр Тудебод называет императора «*proditor*» (предатель)²⁰. Заметим, однако, что правы византийцы: они просто отвечали на несанкционированные действия крестоносцев на их территории.

Далее следовало войско Боэмунда Тарентского. Аноним, Гвиберт Ножанский и Роберт Реймский описывают, как армия вынуждена была грабить город Кастория. Как описывают хронисты, местное население боялось крестоносцев и отказывалось снабжать их продовольствием. Страх жителей города был вызван, видимо, тем, что они уже знали норманнов по войне 1081–1085 гг., в результате которой были разорены их земли²¹. Однако если этот грабеж, возможно, был вызван нехваткой продовольствия в войске, то другой грабеж был совершен по причинам идейным. Хронисты описывают то, как в Пелагонии они разграбили некую крепость с еретиками:

«Деяния франков»	Петр Тудебод	Гвиберт Ножанский	Роберт Реймский
Выйдя из Кастории,	Выйдя из Кастории, они вошли в	Выйдя из Кастории, они пришли	Выйдя из Кастории, они вошли в

¹⁷ *Gesta Francorum*. P. 6: «Sero autem facto, infelix imperator iussit suis exercitibus invadere ducem cum Christi gente. Quos dux persequens inuictus cum Christi militibus septem ex illis occidit, persequendo alios usque ad portam civitatis».

¹⁸ *Petrus Tudebodus*. P. 39: «Sero autem superveniente mandavit infelix imperator suos exercitus, et fecit invadere ducem simul cum Christi gente. Quos sequens invictus una cum Christi militibus occidit septem ex illis, et persequendo alios veniebat usque ad civitatis portam».

¹⁹ РНС. Т. 3. P. 744: «Sole igitur occidente, quum nox superficiem terrae cooperuisset, satellites imperatoris praesumpserunt ducem invadere; sed divina adminiculante gratia, cum mango sui detrimento, vix manus illius potuerunt evadere».

²⁰ *Petrus Tudebodus*. P. 39.

²¹ *Skoulatos B.* L'auteur anonyme. P. 516.

<p>вступили в Пелагонию, где была какая-то крепость еретиков. Мы напали на нее со всех сторон, и она покорилась нашей власти. Тогда мы зажгли огонь и сожгли крепость вместе с ее обитателями²²</p>	<p>Пелагонию, где была какая-то крепость еретиков. Мы напали на нее со всех сторон по озеру, в котором она была построена. Так она покорилась нашей власти. Когда был зажжен огонь, крепость была сожжена со всеми ее обитателями, а именно сborищем еретиков²³</p>	<p>в Пелагонию, где нашли какой-то замок еретиков. Они напали на него со всех сторон и заставили его сдаться. Затем они сожгли его вместе со всеми обитателями²⁴</p>	<p>Пелагонию, в которой была какая-то крепость еретиков, на которую они напали со всех сторон. Под звуки труб мы взяли его, бросая копья и стрелы, и, похитив все, что можно, сожгли его вместе с его обитателями. Это все досталось им по заслугам, ибо их гнусная речь, пресмыкаясь, как рак, уже осквернила окружающие земли своим порочным догматом, и их порочное намерение оторвало эти земли от правой веры²⁵</p>
--	--	---	---

²² *Gesta Francorum*. P. 8: «Egressi de Castoria, intravimus Palagoniam, in qua erat quoddam hereticorum castrum. Quod undique aggressi sumus, moxque nostro succubuit imperio. Accenso itaque igne, combussimus castrum cum habitatoribus suis».

²³ *Petrus Tudebodus*. P. 41: «Quoadusque pervenerunt in Castoriam, intraverunt in Pelagoniam, in qua erat quoddam hereticorum castrum. Nos vero undique aggressi sumus illud in quodam lacu in quo aedificatum fuerat; quod continuo nostro succubuit imperio. Accenso itaque igne, comburerunt castrum illud una cum habitatoribus suis, scilicet hereticorum congregatione».

²⁴ *RHC*. T. 4. P. 153: «Egressis tandem de Castoria occurrit Pelagonia, ubi quoddam castrum Haeticorum repperiunt; quod undique aggressi, ad suum subdi coegere imperium; et igne subjecto combusserunt cum suis habitatores castrum».

²⁵ *RHC*. T. 3. P. 745: «Nec id eis injuria contigit, quia illorum detestabilis sermo, ut cancer, serpebat, jamque circumjacentes regiones suo pravo dogmate foedaverat, sicut et ipsos a recta fide sua foeda intentio abduxerat».

Как верно заметил Скулатос, какими бы еретиками ни были обитатели этой крепости, они остаются подданными императора, и не дело крестоносцев было решать их судьбу²⁶. Однако факт правильности данного предприятия не ставится под сомнение. Император, видимо, в ответ на этот грабеж посылает против крестоносцев войско наемников, которое терпит поражение. В пересказе хронистов, крестоносцы не сомневаются в своей правоте и даже удивляются, заявляя об отсутствии какого-либо конфликта с императором. К тому же Петр Тудебод при описании стычки называет императора «exsecratus» (проклятый, гнусный, ужасный)²⁷. Эта мысль фигурирует в словах Боэмунда Тарентского, адресованных пленным византийским наемникам:

«Деяния франков»	Петр Тудебод	Гвиберт Ножанский	Роберт Реймский
Почему вы, негодные, убиваете народ Христов и мой? У меня нет никакой распри с вашим императором ²⁸	Почему вы, негодные, убиваете народ Христов и мой? У меня нет никакой распри с вашим императором ²⁹	Отчего, сказал он, вы нападаете на народ Христов и мой? Я не замышляю свергнуть вашего императора ³⁰	О, маловразумительный народ! Почему вы пытаетесь убить наш народ, который еще и <i>народ Бога</i> ? Мы – <i>товарищи и слуги веры Христовой</i> и <i>воины-паломники Святого Гроба</i> . Мы никоим образом не пытаемся вам навредить, или отобрать что-либо у вашего императора ³¹

²⁶ Skoulatos B. L'auteur anonyme. P. 517.

²⁷ Petrus Tudebodus. P. 41.

²⁸ Gesta Francorum. P. 9: «Quare miseri occiditis gentem Christi et meam? Ego cum vestro imperatore nullam altercationem habeo».

²⁹ Petrus Tudebodus. P. 41–42: «Quare miseri occiditis gentem Christi et meam? Ego cum vestro imperatore nullam altercationem habeo».

³⁰ RHC. T. 4. P. 153: «Cur, inquit, et Christi et meam insequimini gentem? Ego imperatori vestro nihil molior eversionis».

³¹ Ibid. T. 3. P. 746: «Gens male sana, quare quaeritis occidere gentem Dei et nostrum? Nos sumus Christianae fidei consortes et domestici et peregrini milites Sancti Sepulcri. Nos neminem vestrum quaerimus laedere, nec imperatori vestro molimur aliquid auferre».

Наемники отвечают, что они не принимают решений, а лишь выполняют приказы императора. Как мы видим, снова против византийцев используется идея «священной войны» и говорится о божественной поддержке крестоносцев. Хотя на самом деле правы византийцы, которые попытались «дать сдачи» крестоносцам за атаку крепости еретиков.

Особенно примечательна в этом отношении хроника Роберта Реймского: наемники императора отдают себе отчет в том, какой статус они занимают. Скорее всего, эта фраза придумана хронистом, но она многое проясняет для нашего исследования: «Господин! Мы – наемники императора и желаем получить от него вознаграждение. Мы идем, куда ему захочется, мы делаем то, что он повелевает, повинуюсь ему больше, чем Богу. Однако мы признаем, что должно повиноваться Богу, а не людям³²... Во имя Господа, воинами и паломниками которого вы являетесь, удостойте нас своей милости»³³.

Это не единственный пример, когда на страницах хроник враги крестоносцев якобы признают их божественность. Аналогию можно провести с эпизодом, повествующим о беседе мусульманского атабека Кербоги со своей матерью: мать Кербоги также говорит о божественной поддержке, сопутствующей войску крестоносцев.

Таким образом, крестоносцы оказываются безусловно правы во всех своих конфликтах с византийцами, против которых используется идея «священной войны».

Примеры использования идеи «священной войны» имеются и в других хрониках первого крестового похода. Например, описание Раймунда Анжильского того, как епископа Пюи взяли в плен наемники императора: «Епископ Пюи... был захвачен печенегам. Они сбросили его с его мула, ограбили и сильно ударили по голове. Но поскольку епископ был *столь необходим народу Бога*, его жизнь была спасена»³⁴. Похожая фраза имеется у Петра Тудебоды³⁵. Рауль Каэнский рассказывает, как Алексей замыслил победить воинов Танкреда (речь идет о военных действиях уже после крестового похода, но до освобождения Боэмунда Тарентского из сарацинского плена), но у него это не получилось: «На земле решают люди,

³² Деяния апостолов, 5:29.

³³ RHC. T. 3. P. 746: «Domine, conductitii milites imperatoris sumus, et donativa nostra promereri ab eo desideramus: quo ei libet vadimus, quod praecipit facimus, et magis illi quam Deo obedimus. Nos tamen bene recognoscimus quia magis oportet obedire Deo quam hominibus... Sed pro Deo, cujus peregrini et milites estis, dignemini nostri misereri».

³⁴ *Le «Liber» de Raymond d'Aguilers / Publié par J. H. Hill et L. L. Hill. P., 1969. P. 39: «...episcopus Podiensis... a Pincenatis captus est. Qui deicientes eum de mula spoliaverunt, et in capite graviter eum percusserunt. Sed quia tantus pontifex adhuc populo Dei erat necessarius, per eius misericordiam vite est reservatus».*

³⁵ *Petrus Tudebodus. P. 44.*

но *судит Бог*, который восседает в небесах над херувимами»³⁶. Эккехард из Ауры пишет о кознях императора по прибытии крестоносцев в Византию: «Он (император. – В. П.) уничтожил бы их обманом, если бы мастерство герцога Готфрида более надежно не охраняло бы *стадо Господа*»³⁷. Бодри Дольский излагает сходные идеи, описывая одно из столкновений крестоносцев с императорскими властями: «*Император Алексей*, услышав это, был в гневе и постоянно замышлял в своем сердце зло в отношении *войска Христа*»³⁸. Хронист не предполагает здесь равенство статуса крестоносцев и императора. Подобную же дифференциацию мы видим в рассказе о том, как император, шедший на помощь крестоносцам, повернул назад под влиянием слов Стефана Шартрского: «Если бы император Алексей тогда все же пришел и превзошел бы турок, триумф был бы приписан *его народу, а не войску Бога*»³⁹. В его же хронике крестоносцы возмущаются, что им приходится присягать императору: «Франки утверждали, что должны клятву только *Богу*, воинами которого они были в пути»⁴⁰.

Хроника Петра Тудебода содержит подобные идеи во фрагменте, не имеющем ничего общего с «Деяниями франков». Речь идет о пути войска Раймунда Сен-Жилльского через Восточную Европу: «Выйдя (из Склавонии. – В. П.), он (Раймунд Сен-Жилльский. – В. П.) достиг Диррахия, который был императорским городом. Он надеялся, что находится в своей земле, но вдруг был атакован вражескими подонками. *Греческий народ*, наблюдая за этими *благоразумнейшими воинами Христа*, не прекращал тайно и скрытно выслеживать день и ночь, как навредить им и причинить им вред»⁴¹. В хронике Гвиберта Ножанского также имеется фрагмент со сходной идеей: «Но *Бог*, вдохновением которого были движимы эти набожные толпы,

³⁶ RHC. T. 3. P. 708: «Deliberant in terra homines: iudicat qui sedet super Cherubim in coelo Deus».

³⁷ Ibid. T. 5. P. 21: «...dolis eos interfecisset, nisi Gotefridi ducis solertia supra gregem Domini cautius vigilasset».

³⁸ Ibid. T. 4. P. 22: «Audiens hoc imperator Alexius, valde iratus, malum exercitui Christi in corde suo indesinenter machinabatur».

³⁹ Ibid. P. 73: «Si enim Alexius imperator advenisset Turcosque superasset, triumphus gentis suae non exercitui Dei ascriberetur».

⁴⁰ Ibid. P. 25: «Franci praetendere se iuramentum nulli nisi Deo debere, cui milites erant in via».

⁴¹ *Petrus Tudebodus*. P. 44: «Exinde pervenit Durachim, quae civitas imperatoris est; cupiensque jam esse in terra sua, quandoque inimicorum invasus est pessimorum manu. Grecorum itaque gens insidians istos prudentissimos Christi milites, quocumque ei nocere aut offendere potuerat in die et in nocte latenter et occulte non desinebat».

защитил их так, что негоднейший (император) не нашел места, чтобы им навредить»⁴².

Хронисты первого крестового похода не признают «римский статус» Византии, которая, по убеждению византийцев, являлась наследницей Римской империи. Для крестоносцев византийцы – «греки», а не «ромеи», а император – не «император Рима», а «император греков». В качестве примера можно привести хронику Гвиберта Ножанского. Он называет императора «греческим императором»⁴³, а народ именуется «греческим»⁴⁴. О мусульманских завоеваниях, он пишет: «Когда они (турки. – В. П.), более боеспособные и более рассудительные в своей отваге, атаковали империю Константинополя, ...император греков... отправил во Францию письмо, адресованное Роберту, графу Фландрскому»⁴⁵. Во время осады Никеи было решено отправить посольство к «правителю Константинополя»: «Всеобщим решением они постановили отправить посольство к правителю Константинополя, дабы сообщить ему, что нужно переправить сколь можно больше кораблей в Кивот, где имеется пристань»⁴⁶. В хронике Роберта Реймского пересказана речь папы на Клермонском соборе, где папа говорит: «Они (персидский народ. – В. П.) уже раскололи царство греков и властвуют территорией, которую нельзя преодолеть и за два месяца путешествия»⁴⁷. В той же хронике крестоносцев из похода бедноты на обратном пути встречает «негоднейший император Константинополя»⁴⁸. Рауль Каэнский пишет: «Во времена своего отца он (Боэмунд. – В. П.) дважды обращал в бегство императора греков Алексея»⁴⁹. Эккехард из Ауры пишет: «Во времена Генриха IV, императора римлян и Алексея Константинопольского, согласно евангельскому предсказанию, поднялся повсюду один народ против

⁴² RHC. T. 4. P. 154: «Sed Deus, cujus pia illa agmina ducebantur instinctu, ita eos est tiutus, ut nullus ad eorum laesionem nequissimo pateret locus, immo, omni possibilitate succisa, gravis misero incuteretur metus».

⁴³ Ibid. P. 133: «Apud Graecum imperatorem».

⁴⁴ Ibid. P. 150, 154.

⁴⁵ Ibid. P. 131: «Hi igitur armis vivaciores et consultius utentes audacia, dum Constantinopolitanum urgerent imperium...imperator Graecorum... misit in Franciam, scribens Roberto seniori, Flandrensi comiti, epistolam».

⁴⁶ Ibid. P. 159: «...omnium assertionem decernunt ut ad principem Constantinopolitanum legatio destinetur, quae suggerat naves quamplurimas Civizenam usque urbem debere perducere, ubi portum constat haberi».

⁴⁷ RHC. T. 3. P. 728: «Regnum Graecorum jam ab eis ita emutilatum est et suis usibus emancipatum quod transmeari non potest itinere duorum mensium».

⁴⁸ Ibid. P. 736: «...jubente nequissimo imperatore...».

⁴⁹ Ibid. P. 606: «Is Graecorum imperatorem Alexium bis sub patre in fugam converterat».

другого и царство против царства...»⁵⁰. Под императором «римлян» здесь подразумевается Генрих IV, германский император в 1056–1106 гг. Таким образом, если империя и жива, то она находится на Западе. Многие хронисты, в том числе и Аноним, не признают *translatio imperii* в отношении византийцев. Впрочем, необходимо отметить, что непризнание «римского» статуса было характерно не только для крестоносцев, но и для Запада в целом, причем это отношение к Византии сформировалось еще до периода крестовых походов⁵¹.

Ряд хронистов критикует византийцев с религиозной точки зрения. Гвиберт Ножанский довольно много внимания уделяет критике восточного христианства. Он говорит о том, что оно погрязло в ересь (при этом Гвиберт дает понять, что речь идет именно о греках): «Этот вздор до сих пор процветает у них как в делах светских, так и в христианском вероисповедании. И у нас нет с ним практически ничего общего ни в причащении, ни в подчинении апостольскому престолу»⁵². Далее есть еще одно любопытное замечание, касающееся *filioque*, где хронист говорит о «*damnatio*» восточного христианства, которое чаще переводится как «проклятие»⁵³. В основном Гвиберт критикует византийцев по поводу разных способов причастия и по поводу *filioque* в символе веры. В итоге византийцы были, по мнению хрониста, наказаны за свои отклонения от истины: «Отпад от веры в Троицу, они постепенно пришли к тому, что понесли большой ущерб от языческих народов, ибо те, кто в грязи, до сих пор покрыты грязью»⁵⁴. Гвиберт, таким образом, говорит о том, что за их отступления от истины византийцы были наказаны пришествием сарацинов. Он также выражает недовольство по поводу браков священников и якобы изданного императором закона, предписывающего отдавать одну из дочерей в проститутки, если всего их три или четыре.

Довольно строг по отношению к византийцам Рауль Каэнский: «Язычники вокруг нас стали сильнее. Греки и турки закрыли нам все пути. Мы ожесточили две наиболее мощные из сил мира – Константинополь и

⁵⁰ RHC. T. 5. P. 12: «Tempore Henrici IV imperatoris Romani, et Alexii Constantinopolitani, juxta praesagium evangelicum, surrexit undique gens contra gentem et regnum adversus regnum». Ср. Мф. 24:7.

⁵¹ France J. Byzantium in Western Chronicles before the First Crusade // *Knighthoods of Christ. Essays on the History of the Crusades and the Knights Templar, presented to Malcolm Barber* / Ed. N. Housley. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 8–14.

⁵² RHC. T. 4. P. 126: «Unde haec ipsorum, et in actu saeculari, et in professione Christiana, nugacitas ad hoc usque tempus in tantum viguit, ut neque in Eucharistiae confectioe, neque in apostolicae sedis subjectione pene quicquam illis commune nobiscum sit».

⁵³ Ibid. P. 126.

⁵⁴ Ibid. P. 127: «Dum enim a Trinitatis fide desciscunt, ut adhuc sordescant qui in sordibus sunt, paulatim usque ad extrema suspiciendae gentilitatis detrimenta venerunt».

Персию»⁵⁵. Он, таким образом, приравнивает греков к туркам и называет язычниками и тех, и других. Раймунд Анжильский намекает на то, что византийцы – это чуть ли не враги веры: «Первый дар, который дал нам Господь, а именно Никея, отвернулся от него. Бог дал вам свой город, отобрав его у ваших врагов, но потом не был там познан. Если кто-то упоминал имя Господа, то был бит плетьюми а дела Божии там не творились»⁵⁶. Намек сделан, вероятно, на византийцев, ибо город достался им.

Частое явление у хронистов – употребление в отношении императора негативной терминологии, затрагивающей религиозные аспекты. Например, Петр Тудебод называет императора «*exsecratus*» (проклятый, гнусный, ужасный) и «*prophanus*» (лишенный святости, нечестивый)⁵⁷. Он пишет: «Армия *проклятого императора* пришла и атаковала графа, его братьев и всех, кто был с ними» (*Venit itaque exercitus execrati imperatoris, invasitque comitem cum fratre suo et alios omnes*). Гвиберт Ножанский называет императора вероломным (*perfidus*). В средние века термин «*perfidus*» означал «неверующий», «нечестивец» и даже «язычник» или «еретик»⁵⁸. Вот как описывает хронист прибытие в Константинополь герцога Готфрида Бульонского: «И *вероломный император (perfidus)*, испуганный приходом знаменитейшего графа...»⁵⁹. Другой пример: «И *вероломный Алексей (Alexius perfidus)*, который некогда просил помощи против турок, был жестоко зол на нас»⁶⁰. Среди терминов, которые могут иметь религиозное значение, помимо уже упомянутого *perfidus*, можно встретить также *impius*. Например, когда хронист описывает столкновение императорских войск с крестоносцами Готфрида Бульонского, он пишет, что «*нечестивый император* узнал об этой

⁵⁵ Ibid. Т. 3. Р. 712: «*Invaluit contra nos gentilitas, vias nobis circumcirca obstruxerunt Graeci et Turci: geminas totius orbis opulentissimas exasperavimus potestates, Constantinopolim et Persida*».

⁵⁶ *Raymond d'Aguilers*. Р. 86: «*Prius donum quod vobis contulit Dominus scilicet Nicea est, aversa ab eo, Deus donavit vobis suam civitatem et abstulit eam inimicis vestris et postea non fuit ibi cognitus, et si aliquis nomen Domini invocavit ibi fuit flaggelatus, et opera Domini non fuerunt ibi facta*».

⁵⁷ Подробнее о примерах использования этой терминологии см.: *Портных В. Л.* Некоторые аспекты взаимоотношений византийцев и крестоносцев (по хронике «Деяния франков» // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология.* Новосибирск, 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 112–116.

⁵⁸ *Niermeyer J. F.* *Mediae Latinitatis lexicon minus = Medieval Latin dictionary = Lexique latin médiéval = Mittellateinisches Wörterbuch.* Leiden, Boston, 2002. Р. 1027.

⁵⁹ *РНС.* Т. 4. Р. 147: «*At perfidus imperator, territus audito clarissimi ducis adventu, detulit ei reverentiam, sed nimis extortitiam*».

⁶⁰ Ibid. Р. 154: «*Tunc Alexius perfidus, qui olim contra Turcos auxiliorum putabatur avidus, acerbitate rancoris infrenduit*».

новости»⁶¹. Граф Сен-Жилльский клянется «нечестивому императору не посягать на его жизнь и честь»⁶². Часто слово «*impius*» имеет религиозный смысл и означает «нечестивый», «кощунственный». Кроме того, в хронике говорится, что у императора *mens infida* (*Cujus infidae menti per omnia principalis in hoc opere subjacebat intentio...*)⁶³. Данное слово также может иметь религиозное значение – «неверующий». Рауль Каэнский в своей хронике называет Алексея Комнина «вероломным королем»: *quibus viribus dolos perfidi regis valeat punire*⁶⁴.

Не менее враждебен по отношению к императору и Эккехард из Ауры. Правда, его хроника богата на эпитеты лишь в повествовании об арьергардном походе, в котором он, видимо, участвовал сам. Император назван «*maledictus*», что часто переводится как «проклятый»⁶⁵. Кроме того, отчасти в связи с нарушением обещаний помощи со стороны императора он назван «*perjurus*», что может означать «вероломный» в религиозном значении⁶⁶. Император также назван «*tyrannus*», говорится о «*perjuria*» (вероломстве) с его стороны⁶⁷. Императора обвиняют в предательстве и коллаборационизме, сотрудничестве с турками. Верх религиозной критики со стороны Эккехарда – это то, что он называет императора «*ecclesiae persecutor Alexius*»⁶⁸ (гонитель церкви Алексей).

При этом византийцы остаются в глазах крестоносцев христианами. В хронике «Деяния франков» показано, что, когда армия Боэмунда проходит через европейскую часть Византии, Боэмунд отдает себе отчет в том, что он идет через землю христиан: «Здесь Боэмунд держал совет со своим народом, ободряя и увещевая быть добрыми и смиренными. И пусть они не разграбляют эту страну, ибо это *страна христиан*, и пусть никто не берет больше того, что будет ему достаточно для еды»⁶⁹. В другом месте речь идет о переговорах Раймунда с императором: «Пока же император предлагал, граф (Раймунд Сен-Жилльский. – *В. П.*) обдумывал, какому наказанию можно подвергнуть императорское войско. Но герцог Готфруа и Роберт, граф Фландрский и другие вожди заявили ему, что *несправедливо будет воевать*

⁶¹ RHC. P. 147: «*haec ad impii imperatoris ubi devenere notitiam, multa animadversione torquetur*».

⁶² Ibid. P. 155: «*...vitae et honoris indemnitate[m] jurat Alexi impio*».

⁶³ Ibid. P. 159.

⁶⁴ Ibid. T. 3. P. 612.

⁶⁵ Ibid. T. 5. P. 29.

⁶⁶ Ibid. P. 31.

⁶⁷ Ibid. P. 38, 31.

⁶⁸ Ibid. T. 5. P. 37.

⁶⁹ *Gesta Francorum*. P. 8: «*Tunc Boamundus ordinavit concilium cum gente sua, confortans et monens omnes ut boni et humiles essent; et ne depredarentur terram istam quia Christianorum erat, et nemo acciperet nisi quod ei sufficeret ad edendum*».

против христиан»⁷⁰. За императора тогда вступился и Боэмунд, которого автор хроники по этому поводу называет «мудрый муж». Здесь же можно упомянуть совместный крестный ход греков и латинян после взятия Иерусалима: «Петр Пустынник остался в Иерусалиме, приказывая и предписывая грекам, латинянам и клирикам, чтобы они в верности своей прошли крестным ходом во славу Божию и сотворили молитвы и милостыню, дабы Бог дал победу своему народу»⁷¹. Латиняне, таким образом, не отказывались и от совместных богослужений с греками.

Повествование обо всех этих событиях в хронике Гвиберта Ножанского, в целом аналогично повествованию Анонима: «Когда собрался весь народ, Боэмунд собрал предводителей и держал совет, посоветовавшись со своими товарищами, предписал всем, чтобы они действовали добро и честно по отношению к населяющим эту землю *христианским народам* и не опустошали родину тех, кого они пришли защищать»⁷². Об этом эпизоде говорит и Бодри Дольский: «Земля, по которой мы идем, *христианская*, и нельзя ее грабить»⁷³. Гвиберт также говорит и о переговорах с Раймундом Сен-Жилльским: «Предводители, а именно герцог Готфрид, Гуго Великий, Роберт Фландрский и другие, сказали, что никак нельзя нести оружие против кого-либо, кто *считается христианином*»⁷⁴. Более того, он пишет о греках как о людях «нашей веры», осуждая действия «похода бедноты»: «Те, кто в свое время дал обет воевать против язычников, люто воевали против людей нашей веры. Они без разбора рушили церкви и нападали на имущество христиан»⁷⁵. Петр Тудебод говорит только о переговорах с графом: «Пока же император предлагал, граф обдумывал, какому наказанию можно подвергнуть императорское войско. Но герцог Готфруа, граф Фландрский и

⁷⁰ Ibid. P. 13 : «Et dum imperator haec mandabat, comes meditabatur qualiter vindictam de imperatoris exercitu habere posset. Sed dux Godefridus et Rotbertus comes Flandrensis aliique principes dixerunt ei, iniustum fore, contra Christianos pugnare».

⁷¹ *Histoire anonyme*. P. 210: «Petrus uero Heremita remansit Hierusalem, ordinando et precipiendo Grecis et Latinis atque clericis, ut fideliter Deo processionem celebrarent, et orationes elemosinasque facerent, ut Deus populo suo uictoriam daret».

⁷² RHC. T. 4. P. 152: «Tota igitur gente coacta, collectis proceribus, consilium cum eis communicat, pari omnium indictione praecipens ut per Christianas habituri gentes, benigne innocenterque se agerent; nec eorum patriam depopularentur, pro quorum suffragio venisse debuerant».

⁷³ Ibid. P. 22: «Terra in qua sumus Christianorum est, ideo nobis eam depraedari non licet».

⁷⁴ RHC. P. 155: «At principes, dux utique Godefridus, Hugo Magnus Robertusque Flandrensis et ceteri dixerunt quia nunquam contra aliquem qui Christiano censeatur agnomine arma portabunt».

⁷⁵ Ibid. P. 143–144 : «et qui contra paganos voto certamen insumpserant, passim ecclesiarum excidiis, Christianorum involando substantiis, contra nostrae fidei homines factorum immanitate pugnabant».

другие вожди заявили ему, что *несправедливо воевать против христиан*»⁷⁶. Раймунд Анжильский отмечает тот же эпизод; вожди говорят графу Сен-Жилльскому, что «безумно *воевать с христианами*, когда нам угрожают турки»⁷⁷. Роберт Реймский приводит эпизод, когда император боится, что крестоносцы могут причинить вред его землям: «Он боялся, как бы столь большое войско не поднялось против него... Однако наши совершенно не желали этого, не имея желания сражаться *против христиан*»⁷⁸. Бодри Дольский описывает, как крестоносцы впали в растерянность, узнав о том, что они должны присягать императору: «Что им (крестоносцам. – В. П.) было делать? Они не желали воевать *против христиан*»⁷⁹.

Многие хронисты отмечают, что поход был организован под флагом помощи братьям-христианам на Востоке. Например, такова хроника Фульхерия Шартрского. Так он объясняет мотивы действий папы Урбана II по провозглашению крестового похода: «Услышав также, что внутренние области Романии захвачены у христиан турками и подвергаются опасным и опустошительным нападениям, папа, побужденный благочестием и любовью и действуя по мановению Божьему, перевалил через горы и с помощью соответствующим образом назначенных легатов распорядился созвать собор в Оверни в Клермоне»⁸⁰. Под «Романией» в то время понимались малоазийские территории Византии⁸¹. Далее хронист уже передает речь папы, который вновь говорит о Романии: «Именно, необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку ваших братьев, проживающих на Востоке, о чем они уже не раз просили вас. Ибо в пределы Романии вторглось и обрушилось на них, о чем большинству из вас уже сказано, персидское племя турок, которые добрались до Средиземного моря, именно до того места, что зовется рукавом св. Георгия. Занимая все больше и больше христианских земель, они семикратно одолевали христиан в сражениях, многих поубивали и позабирали в полон, разрушили церкви, опустошили царство Богово... И вот об этом-то деле я прошу и умоляю вас, глашатаев Христовых, – и не я, а Господь, – чтобы вы увещевали со всей возможной настойчивостью людей всякого звания... позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам и об изгнании этого негодного народа из пределов

⁷⁶ *Petrus Tudebodus*. P. 47: «Et dum haec imperator mandaret, comes meditabatur qualiter vindictam de imperatoris exercitu habere potuisset. Sed dux Godefridus, et Flandresis comes, et alii principes dixerunt ei iniustum esse, contra Christianos pugnare».

⁷⁷ *Raymond d'Aguilers*. P. 42: «...stultissimus esse contra Christianos pugnare, cum Turci imminerent».

⁷⁸ РНС. Т. 3. P. 748: «Timebat namque ne tantus et tantorum exercitus in se insurgeret... Sed nostri prorsus hoc non quaerebant, quia contra Christianos praeliari nolebant».

⁷⁹ *Ibid.* Т. 4. P. 25: «Quid facerent? Contra Christianos pugnare nolebant».

⁸⁰ *Заборов М. А.* Крестовые походы в документах и материалах. М., 1977. С. 48.

⁸¹ Там же.

наших земель»⁸². При этом, правда, Фульхерий Шартрский ясно дает понять, что папство в любом случае стоит выше восточных христиан. Например, когда пишет о распрях вокруг апостольского престола: «...поскольку если церковь римская, в которой есть первостепенный источник исправления для всего христианства, расстроена какой-либо смутой...»⁸³.

Не только Фульхерий Шартрский упоминает Византию в декларации папы в Клермоне. Подобно ему это делает Роберт Реймский: «От пределов иерусалимских и из града Константинополя пришло к нам важное известие, да и ранее весьма часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства, иноземное племя, чуждое Богу, народ, упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим⁸⁴, вторгся в земли этих христиан»⁸⁵.

Эккехард из Ауры в своей хронике также пишет о бедах Византии: «Все области со всех сторон вплоть до этого болота или морской пазухи, которое называют рукавом святого Георгия, они (турки. – *В. П.*) разрушили до основания, не пощадив ни одной христианской души, ни одной церкви или монастыря и даже изображения святых»⁸⁶. Он же говорит о Никее как об оплоте христианства («*catholicae quondam fidei turrim firmissimam*»)⁸⁷.

Некоторые хронисты воздают хвалы Константинополю. Например, Фульхерий Шартрский описывает подход армий крестоносцев к Константинополю: «Сколь славный и красивый этот город! Сколько монастырей, сколько дворцов в нем, чудесным образом изготовленных! Сколь много можно созерцать прекрасных творений на его площадях и улицах»⁸⁸. В пересказе клермонской речи папы, сделанном Гвибертом Ножанским, говорится о том, что мы должны почитать константинопольскую церковь, поскольку из нее исходит начало христианства⁸⁹. При этом в другом

⁸² Там же. С. 48–49.

⁸³ *РНС*. Т. 3. Р. 326: «...quoniam si Romana Ecclesia, in qua principalitas correctionis universae Christianitatis obtinetur, quolibet turbine confunditur...».

⁸⁴ Псалт. 77:8.

⁸⁵ *Заборов М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. С. 51.

⁸⁶ *РНС*. Т. 5. Р. 13: «...universas circumquaque regions usque ad paludem sive sinum maris, qui Brachium Sancti Georgii dicitur, funditus devastantes, nulli animae christianae, nulli ecclesiae vel monasterio, immo nec ipsis sanctorum imaginibus parcentes».

⁸⁷ *Ibid.* Р. 13.

⁸⁸ *Ibid.* Т. 3. Р. 331: «O quanta civitas nobilis et decora! Quot monasteria, quot palatia sunt in ea, opere miro fabrefacta! quot etiam in plateis vel vicis opera ad spectandum mirabilia!».

⁸⁹ *Ibid.* Т. 4. Р. 137: «.. uti est civitas Constantinopolitana, praebetur : « illi potissimum ecclesiae deberemus ex qua gratiam redemptionis et totius originem Christianitatis accepimus ».

месте хроники, о чем уже было сказано, Гвиберт говорит об отходе восточных христиан от истинной веры.

Роберт Реймский отмечает в своей хронике, что Константинополь был построен Константином после его видения. Для него этот город – цитадель христианства: «Сейчас это – вместилище священнейших реликвий пророков, апостолов и многих святых... Царственный город Константинополь был создан таким, чтобы стать царственной и надежной резиденцией святых реликвий»⁹⁰. Однако византийцы в любом случае будут стоять ниже Рима по статусу: «И, таким образом, он должен был быть приравнен к Риму по святости и по царственности, если бы в Риме не было папского престола и если бы он не был головой и вершиной всего христианства»⁹¹.

Таким образом, хронисты относят греческий народ к христианам, а Константинополю отводят важную роль в христианском мире. Однако в целом крестоносцы считают свою роль в христианстве более важной. Именно они – «войско Бога», именно они выполняют божественную волю, за что получают воздаяние и считаются мучениками за веру. Византийцы никогда не окружены в хрониках подобным ореолом. В случае возникновения каких-либо конфликтов с византийцами за крестоносцами признается безусловная правота, и это имеет свое религиозное обоснование. Ряд хронистов, кроме того, говорят об ущербности византийцев и императора с религиозной точки зрения. Но такая позиция характерна не для всех хроник, и византийцы предстают скорее как своего рода «второстепенные христиане», стоящие по своему статусу ниже самих крестоносцев.

⁹⁰ RHC. T. 3. P. 750: «Ibi nunc habent receptaculum sacratissimae reliquiae sanctorum prophetarum, apostolorum et innumerabilium martyrum sanctorum... Ideo igitur talis effecta est urbs regia Constantinopolis, ut sanctorum, quas supra diximus, reliquiarum foret tutissima regia».

⁹¹ Ibid. P. 750–751: «Ed ideo bene debet Romae coaequari dignitate sanctuarii et excellentia regiae dignitatis, nisi quod Roma est papali apice sublimata, et caput et summa totius Christianitatis».

План работы семинара «Средневековая Европа и ислам»

Задачи семинара

Семинарские занятия составляют важную часть учебного процесса в системе вузовского исторического образования. Эти занятия должны дополнить и углубить знания студентов, полученные в результате изучения лекционного материала и учебных текстов. Они призваны привить студентам навыки самостоятельной исследовательской работы над историческими источниками и литературой. Немаловажной задачей семинара является и дальнейшее совершенствование умения студентов профессионально излагать изученный материал, оформлять доклад в соответствии с современными требованиями. Думается, что для студентов, уже в какой-то степени определивших свои учебные и научные интересы, важным является не только шлифовка исследовательских навыков, но и приобретение ясного и четкого представления об отдельных аспектах данной тематики, связанной с историей взаимоотношений и взаимопредставлений Востока и Запада.

Формы занятий на семинаре

На семинарские занятия выносится сложная и важная тема – «Средневековая Европа и ислам». В рамках этой темы изучаются взаимоотношения и взаимопредставления средневекового западноевропейского мира и различных народов мусульманских стран, сыгравших заметную роль в его развитии.

Форм работы студентов – две. Прежде всего, это коллективная работа участников семинара, в ходе которой обсуждаются важнейшие теоретические и конкретно-исторические проблемы на основе изучения соответствующей литературы. В результате создается возможность хорошего уяснения основных закономерностей процесса взаимодействия Запада и Востока в течение всего периода средневековья, осваивается основной фактический материал, получают дальнейшее развитие навыки сбора информации, анализа источников и критического осмысления научной литературы. Создается также основа для написания студентами докладов: они знакомятся с необходимым минимумом теоретического и фактического материала, получают представление о формах и методах работы над данной темой, особенностях ее изучения в целом и составляющих ее проблем.

Не менее важной формой работы студентов на семинаре является и подготовка отдельными участниками семинара письменных докладов, которые также обсуждаются коллективно. Темы докладов предлагаются преподавателем на выбор со списком основных публикаций источников и литературы по каждой теме. В отдельных случаях возможна работа над

темой, предложенной студентом и скорректированной преподавателем с учетом задач и целей семинара и наличия достаточной литературы и источников. Доклад должен обязательно носить самостоятельный исследовательский характер (в масштабах, доступных второкурснику), основываться на анализе источников, содержать четкую постановку проблемы, иметь логичное построение, включающее обзор источников, критический историографический обзор по данной теме.

Сочетание этих форм работы определяется степенью подготовленности той или иной студенческой группы и с учетом специфики интересов студентов.

Занятие 1. Дихотомия «Восток – Запад» в истории Европы (4 часа)

Вопросы для обсуждения

1. «Восток», «Запад», «Европа», «Азия»: возникновение, эволюция и современное содержание понятий.
2. Греко-римские представления о «Востоке» и «Азии».
3. Иудео-христианские представления о «Востоке» и «Западе».
4. Африка в системе географических представлений Средиземноморья.

Занятие 2. Средневековая Европа и мусульманский мир (4 часа)

Вопросы для обсуждения

1. Арабские завоевания и Европа.
2. Представления средневековых европейцев об арабах и исламе.
3. Политические и экономические взаимоотношения Западной Европы и мусульманского Востока.
4. Крестовые походы и христианско-мусульманские отношения.
5. Культурное и идеологическое общение двух миров.

Источники и литература

Основные

Батунский М. А. Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4.

Габриэли Ф. Данте и ислам // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.

Генон Р. Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии. 1991. № 4.

Журавский А. В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990.

Заборов М. А. История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, 1980.

Лучицкая С. И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей 1993. М., 1994.

Лучицкая С. И. Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики XII–XIII вв. // Одиссей 1994. М.: Наука, 1994.

Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979.

Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Шахиди М. Абу Али ибн Сина – обитатель Лимба // Дантовские чтения 1985. М., 1985.

Шидфар Б. Арабская проза и средневековая испанская литература // Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.

Дополнительные

Жюльен Ш. А. История Северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. От арабского завоевания до 1830 года. М., 1961.

Карасс М. Б. Архив толедских мосарабов XII–XIII вв. и изучение культурных связей между Востоком и Западом // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1965. Т. 86. История и филология Ближнего Востока. Семиология.

Крачковский И. Ю. Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937.

Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937.

Куглер Б. История крестовых походов. Ростов н/Д, 1995.

Леви-Провансаль Э. Арабская культура в Испании. М., 1975.

Лей Г. Очерк истории средневекового материализма. М., 1962.

Происхождение ислама. Хрестоматия. М.; Л., 1931. Ч. 1.

Уотт У. М., Какиа П. Мусульманская Испания. М., 1976.

Чалоян В. К. Восток-Запад. М., 1979.

Занятие 3. Хроника «Деяния франков» и прочих иерусалимцев» как источник по истории Первого крестового похода (4 часа)

Вопросы для обсуждения

1. Проблема происхождения и авторства текста.
2. Представление автора хроники о сущности и роли крестового похода в истории Европы.
3. Представление автора о мусульманах.
4. Место «Гесты» среди средневековых латинских сочинений по истории крестовых походов.

Источники и литература

Основным источником информации является данное пособие.

Дополнительные

Заборов М. А. История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1992.

Луцицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

Мейендорф И. Византийские представления об исламе // Альфа и Омега. 1995. № 4 (7); 1996. № 2/3 (9/10).

Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб., 2008.

Христиане и мусульмане: Проблемы диалога. Хрестоматия / Сост. А. В. Журавский. М., 2000.

Тематика сообщений и докладов

При работе над конкретными темами должна использоваться также литература, указанная в списках к общим занятиям.

Представление об Африке в средиземноморской античной традиции

Боднарский М. С. Античная география. Книга для чтения. М., 1953.

Верн Ж. История великих путешествий. М.: Терра, 1993. Кн. 1.

История Африки. Хрестоматия. М., 1979.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М., 1982. Т.1.

Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.

Урсу Д. П. Историография истории Африки. М.: Высш. шк., 1990.

Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. 1.

Представление об Аравии в эпоху античности

Аравия. Материалы по истории открытия. М.: Наука, 1981.

История Африки. Хрестоматия. М.: Наука, 1979 (2-е изд. М., 1990).

Урсу Д. П. Историография истории Африки. М.: Высш. шк., 1990.

Шифман И. Ш. Набатеяское государство и его культура (из истории культуры доисламской Аравии). М., 1976.

Беда Достопочтенный об арабах и исламе

Журавский А. В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990.

Пиков Г. Г. Беда Достопочтенный об арабах и исламе // VII Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. науч. конф. по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1994. С. 162–165.

Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Образ Мухаммада в западноевропейской средневековой литературе

Батунский М. А. Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4.

Журавский А. В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990.

Лучицкая С. И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей 1993. М., 1994.

Лучицкая С. И. Образ Мухаммада в зеркале латинской хронистики XII - XIII вв. // Одиссей 1994. М., 1994.

Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.

Коран о «людях Писания» (иудеях и христианах)

Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966. Т. 6 (Работы по истории ислама и арабского халифата).

Генон Р. Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии. 1991. № 4.

Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960.

Грюнебаум Г. Э. Классический ислам. М.: Наука, 1986.

Ислам. Историографические очерки. М.: Наука, 1991.

Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.

Коран. М., 1991 (перевод И. Ю. Крачковского).

Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. М., 1961.

Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1961.

Четвертый крестовый поход в описаниях участников

Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М., Л., 1964.

Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI–XIII веков). М., 1966.

Заборов М. А. Современники-хронисты и историки крестовых походов // Византийский временник. М., 1965. Т. 26.

Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1984; 1993.

История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. М., 1953.

Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1986.

Роджер Бэкон о Востоке

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932 (1941). Т. 1.

Матузова В. И. Английские средневековые источники. IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979.

Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957.

«Книга» Марко Поло

Бейкер Д. История географических открытий и исследований. М., 1950.

Кафаров П. Комментарии на путешествие Марко Поло по северному Китаю. //Известия Русского географического общества (Отд. изд. – СПб., 1902). Т.38. Вып. 1.

Книга Марко Поло. М., 1955.

Котрелев Н. В. Восток в записках европейского путешественника // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 477–516.

Итальянские путешественники XIV века в Святой земле

Добиаши-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. Пг., 1924.

Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов. СПб., 1897–1903. Т. 1 - 4.

Паломничество // Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. С.278–281. Т. 2.

Путевые записки итальянских путешественников XIV в. // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982.

Шейнман М. М. Паломничество // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Ст. 760–761. Т. 10.

«Африка» Льва Африканского

Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М.: Наука, 1981.

История Африки. Хрестоматия. М., 1979.

Лев Африканский. Африка – третья часть света. Л., 1983.

Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. М., 1978.

«Восток - Запад» как проблема истории культуры

Биццлли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // *Метаморфозы Европы.* М.: Наука, 1993.

Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.

Ремпель Л. И. Восток и Запад как историко-культурная и художественная проблема // *Проблемы взаимодействия художественных культур Востока и Запада в новое и новейшее время: Тез. докл. и сообщ.* М., 1972.

Сообщения по «Деяниям франков»

1. Проблема происхождения и авторства текста.
2. Представление автора хроники о сущности и роли крестового похода в истории Европы.
3. Представление автора о мусульманах.
4. Место «Гесты» среди средневековых латинских сочинений по истории крестовых походов.
5. «Геста» и «Алексиада» – сравнительный анализ.